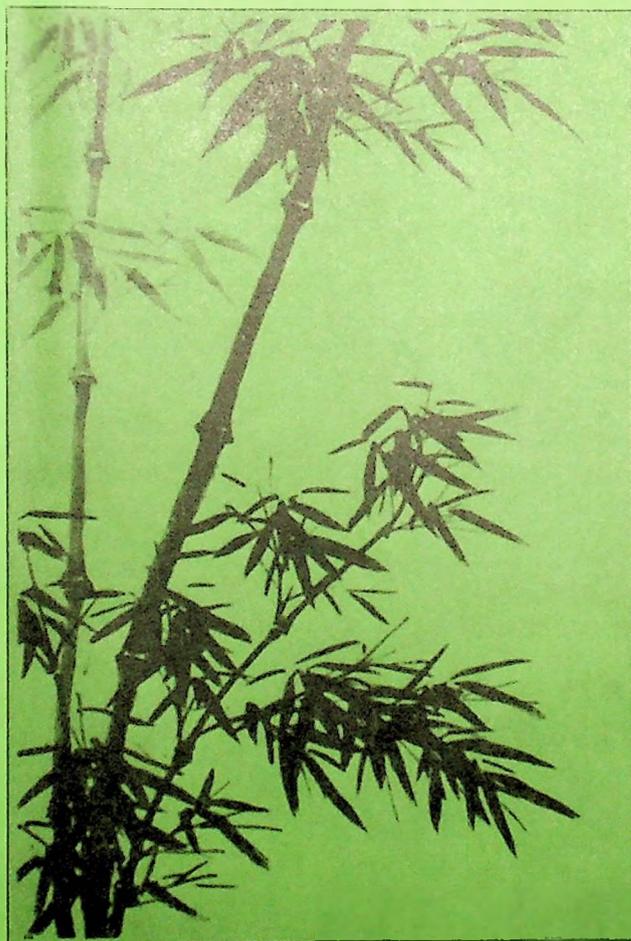

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2013

К итогам XVIII съезда КПК:
преемственность и обновление

•

Морская деятельность Китая:
экономика и геополитика

•

Экономическое развитие
стран АСЕАН

•

Диалог Юй Кэнина и Ф. Фукуямы

•

55 лет Обществу
российско-китайской дружбы

3-й экз

О проведении XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»

Уважаемые российские и зарубежные коллеги!

Приглашаем вас принять участие в XX юбилейной Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», которая состоится **16–18 октября 2013 г.** в Москве в Институте Дальнего Востока РАН.

Главная тема конференции — «КИТАЙ В ЭПИЦЕНТРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ АТР».

Конференцию проводит Институт Дальнего Востока РАН совместно с Научным Советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы, Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития.

Научной программой конференции, кроме двух пленарных заседаний, предусмотрены заседания следующих секций:

– КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (руководитель: д.э.н., проф. В.Я. Портяков)

– РФ И КНР: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (руководитель: д.и.н., проф. С.Г. Лузянин)

– ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ (уководи-

НО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В
д.полит.н. А.В. Виноградов)
АЯ, РОССИИ И СТРАН АТР (руководитель:

(ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. ЛИТЕРАТУРА И
проф. А.Е. Лукьянов)

ОЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ
н. О.И. Завьялова)

организован «Круглый стол» на тему
КИТАЯ И РОССИИ В АТР». Руководитель —

аков с пробелами, кегль 14, через полтора ин-
тронном виде до **15 мая 2013 г.** (направлять
не Юрьевне Демидо demido@ifes-ras.ru).
ции, подаче заявок и требованиях к оформ-
: www.ifes-ras.ru

стор ИДВ РАН, председатель научного Со-
ия современного Китая, академик РАН Ми-

директора ИДВ РАН, д.э.н. Андрей Влади-

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2013

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Я. Бергер.* К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса 3
- С. Уянаев.* Россия – Индия – Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых 19
- П. Мозиас.* Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты 25
- И. Гордеева.* Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяюйдао)..... 40

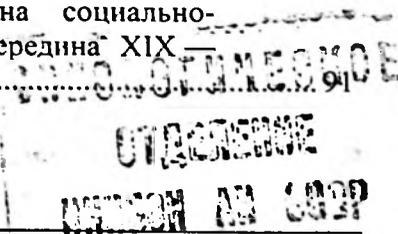
ЭКОНОМИКА

- Дяо Сюхуа.* Состояние и перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем 48
- В. Мазырин.* Актуальные проблемы экономического развития стран АСЕАН 59
- В. Балакин.* Геополитическая подоплека российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии 73
- Д. Сенина.* Крах экономики «мыльного пузыря» и антикризисные меры правительства и Банка Японии (1980-е – 1990-е гг.)..... 79

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- С. Мищук.* Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX — начало XXI вв.).....

3-й кв.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Юй Кэпин, Ф. Фукуяма.* Глобализация, современный мир, китайская модель развития..... 105

ИСТОРИЯ

- А. Воронин, Е. Глазунов.* Трудная дорога к победе и миру. (К 40-летию подписания парижского Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме)..... 114
- Ю. Ванин.* Из истории становления Трудовой партии Кореи..... 128
- М. Кротова.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг..... 139

КУЛЬТУРА

- С. Торопцев.* Новый Нобелевский лауреат — писатель Мо Янь..... 151

ОБРАЗОВАНИЕ

- Сун Лэй.* «Дебаты» как средство формирования личностно-значимых качеств студентов высшей школы КНР..... 155

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Г. Куликова.* Обществу российско-китайской дружбы — 55 лет..... 162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Ломанов.* «Новое китаеведение» для растущего Китая..... 171
- А. Давыдов.* Презентация книги Г. Киссинджера «О Китае»..... 177

РЕЦЕНЗИИ

- В. Портяков.* Тихвинский С.Л. Избранные произведения. Кн. 6. Дополнительная..... 180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Леониду Моисеевичу Гудошникову — 85 лет..... 183
- Виктору Николаевичу Усову — 70 лет..... 185

- Contents..... 187
- Summary..... 188

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Политика

К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса

© 2013

Я. Бергер

Прослеживаются начальные шаги нового руководства КПК по укреплению своего авторитета и подготовке к проведению реформ, направленных на решение сложных социально-экономических проблем страны. Рассматриваются трудности и вызовы, препятствующие развитию, и необходимость изменения его парадигмы. Остро необходимым представляется смягчение социальной несправедливости, требующее не только изменений в системе распределения доходов, но и трансформации социальной структуры общества. Значительное место уделено важности и перспективам проведения политической реформы. При характеристике внешнеполитического курса подчеркивается, что на его становлении сказываются неоднозначные оценки вызовов и угроз долгосрочным целям Китая.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, съезд, национальное возрождение, развитие, социальная дифференциация, урбанизация, партийное руководство, коррупция, конституция, внешняя политика.

Состоявшийся в ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК привлек огромное внимание не только самих китайцев, но и международной общественности. Одним из главных итогов съезда стало существенное обновление высшего эшелона правящей Коммунистической партии Китая. Генеральным секретарем ЦК КПК стал Си Цзиньпин. В состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, сокращенного по сравнению с предшествующим десятилетием с 9 до 7 чел., вошли также Ли Кэцян, Чжан Дэцзян, Юй Чжэншэн, Лю Юньшань, Ван Цишань и Чжан Гаоли. Ван Цишань возглавил Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины. Был значительно обновлен состав политбюро ЦК КПК. Уже после съезда последовало обновление руководства ряда провинций страны. Среди наиболее значимых перестановок — перемещение Ху Чуньхуа из АРВМ на пост секретаря парткома Гуандуна и Сунь Чжэнцзя — из Цзилиня на пост секретаря парткома Чунцина.

Материалы XVIII съезда КПК не позволяют еще в полной мере уверенно судить о том, насколько изменится конкретное наполнение курса правящей партии в предстоящее десятилетие, в какой мере сохранятся прежние приоритеты, и в какой — их сменят новыми. Определенно признана принципиальная необходимость дальнейших, более глубоких системных реформ во всех областях жизни общества, но что

именно подлежит реформированию в первую очередь и насколько основательно, пока судить еще слишком рано.

Новое руководство, скорее всего, имеет свои более или менее конкретные представления о будущем курсе. Но проявляются они пока не в виде некой целостной и детальной программы, а в отдельных высказываниях и акциях, которые могут служить сигналами, свидетельствующими о тех или иных намерениях.

Сигналы

Можно выделить три основных вида сигналов такого рода, поступающих от нового руководства в начальный период его деятельности к правящей партии и ко всему обществу. Первый касается долгосрочных ориентиров и задач. Он окрашен преимущественно в оптимистические тона и призван внушать уверенность в собственных силах. Второй — характеризует существующее положение с его сложностями и проблемами и призывает к настороженности и бдительности. Третий вектор рисует облик самого руководства, подчеркивая его неотделимость от простого народа, от его тягот и избегая всяческой помпезности. Он тоже должен способствовать формированию позитивного настроения.

Отправные и целевые установки новых лидеров были продемонстрированы уже первым публичным посещением всеми членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином выставки, посвященной борьбе китайского народа за национальное возрождение в период с Опиумной войны 1840 года и до начала 2011 г. В короткой речи после посещения выставки Си Цзиньпин сказал, что возрождение китайской нации — это самая великая мечта, спланивавшая многие поколения китайцев и отражающая общие чаяния всех сынов и дочерей китайского народа. Он выразил уверенность в том, что к столетнему юбилею КПК (2021 г.) будет построено общество «среднего достатка», а к столетию КНР (2049 г.) создано «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое и модернизированное государство», и свершится мечта о великом возрождении китайской нации.

Встраивание деятельности нового руководства Китая в контекст истории было свойственно и сходящему со сцены поколению лидеров во главе с Ху Цзиньтао. В начале своего правления они посетили местечко Сибэйпо, где в 40-х годах прошлого века находилась резиденция коммунистической партии. Тем самым сегодня, как и прежде, приносится своего рода присяга на верность революционным идеалам, подчеркивается непрерывность и преемственность процесса социального и национального освобождения и исторического возвышения Китая.

Важным символическим подтверждением преемственности курса стала поездка Си Цзиньпина на юг по тому маршруту, который совершил два десятилетия назад Дэн Сяопин (от Шэньчжэня через Чжухай, Шуньдэ в Гуанчжоу). В начале 90-х годов прошлого века идеи Дэна о совместимости рынка с социализмом, о почетности обогащения стали мощными стимулами для преодоления консерватизма в мышлении, для развертывания рыночных реформ и создания рыночной экономики.

При этом символическое значение поездки Си Цзиньпина, как представляется, не сводится только к демонстрации верности идеям Дэн Сяопина. Не меньшую роль играет и связка с самой личностью Дэна, с его новаторским духом, способностью бесстрашно отказываться от устаревших догм и рутины. Тем самым как бы подчеркивается готовность нового руководства предпринимать не менее смелые и, возможно, неординарные шаги для достижения целей.

Посещение Шэньчжэня стало одновременно и данью памяти Си Чжунсюню, отцу Си Цзиньпина, одному из соратников Дэн Сяопина, немало способствовавшему тому, чтобы этот захолустный городок стал гигантским мегаполисом, демонстрирующим успехи политики открытости.

Выбор южной провинции Гуандун в качестве первоочередного объекта для визита нового Генерального секретаря ЦК КПК имеет и еще один показательный смысл. Он свидетельствует о высокой оценке новыми лидерами местного опыта. Гуандун, непосредственно соседствующий и тесно связанный с Сянганом и иными китайскими диаспорами, не только сыграл выдающуюся роль в качестве форпоста и опытного полигона перемен в начале курса на реформы и открытость, но и сегодня сохраняет лидерство по многим направлениям либерализации экономики и общества. Визит Си Цзиньпина тем самым способствовал тому, чтобы эта провинция и далее шла в авангарде преобразований¹.

Новое руководство КПК в первые же недели своего существования на словах и на деле показало стремление продолжать и развивать борьбу с коррупцией, рассматривая ее как смертельную угрозу партии и государству. На первой встрече нового состава ПК ПБ ЦК КПК с журналистами Си Цзиньпин, подчеркивая необходимость усилить борьбу с коррупцией, оторванностью от народа, формализмом, бюрократизмом призвал партию «очнуться»².

Вскоре после съезда было возбуждено антикоррупционное расследование против одного из наиболее высокопоставленных партийных функционеров, заместителя секретаря парткома провинции Сычуань Ли Чуньчэна, только что избранного кандидатом в члены нового Центрального Комитета КПК. Начаты расследования деятельности чиновников менее высокого ранга в Чунцине и Шэньчжэне. В печати, особенно местной, стало появляться значительно больше сообщений о коррупции.

Начальные шаги нового китайского руководства наряду с демонстрацией преемственности являют и определенные новации, на первый взгляд, возможно, не слишком большие, но показательные. На одном из первых заседаний нового Политбюро было принято постановление, устраивающее требования к стилю партийного руководства. В постановлении содержатся требования покончить с расточительством, излишествами, пустословием и пустозвонством в деятельности партийных органов и отдельных функционеров.

Такие призывы, разумеется, не раз звучали и прежде, но, как правило, оставались втуне — в немалой степени потому, что им далеко не всегда следовали высшие руководители. На этот раз, похоже, наметился определенный сдвиг: лидеры решили показать пример. Во время передвижения автомобильного кортежа Си Цзиньпина в южных районах, несмотря на выходные, горожане практически не испытывали путевых неудобств. В Шэньчжэне впервые по такому случаю дороги заблаговременно не перекрывались, не выставлялись многочисленные посты охраны, не организовывались многолюдные встречи и проводы с подношением букетов школьниками и расстиланием ковровых дорожек.

В развитие решений о корректировке партийного стиля работы Отдел пропаганды ЦК КПК потребовал от работников идеологического фронта улучшить стилистику подачи информации. Партийные издания, информационные агентства, радиостанции были призваны «говорить правду, говорить по делу, говорить обоснованно, говорить заинтересованно».

В подчеркнуто сухом, деловом стиле прошло очередное ежегодное Сопровождение по экономической работе. На сцене необычно отсутствовали цветы и вечнозеленые растения, участников было меньше, чем прежде, выступления были короткими и конкретными.

Новацией и даже определенной сенсацией стало появление в открытом доступе большого количества бытовой и семейной информации о всех членах высшего руководства партии и их близких. Стало возможным, например, обсуждать роль первой леди в общественной и духовной жизни страны³. Детальные рассказы о лидерах, их повседневной жизни и непарадные фотографии призваны преодолеть стену отчуждения между простым народом и властью, вселить веру в то, что власть действительно

служит народу, как об этом всегда говорили лидеры КПК, создавать позитивный образ Китая внутри страны и за рубежом. Хотя для полноты картины нужна была бы еще открытая и достоверная информация об имуществе и доходах высших лиц во власти, их чад и домочадцев.

Вызовы и проблемы

По поводу способности и готовности нового китайского руководства провести необходимые реформы, позволяющие справиться с серьезными вызовами и проблемами на пути к достижению амбициозных целей в предстоящие десятилетия, суждения не однозначны. Некоторые скептики полагают, что те сферы деятельности, которые легче поддаются реформированию, уже реформированы, а оставшиеся — слишком трудны для преобразований. Другие — вообще отрицают перспективу проведения структурных реформ при нынешнем руководстве.

К числу последних относится один из самых известных на Западе специалистов по проблемам современного Китая Дэвид Шамбо. Свое категорическое отрицание шансов на проведение реформ при новых лидерах он основывает на двух основных посылах: во-первых, новое руководство не сплочено и, во-вторых, на политический курс решающее влияние оказывают группы интересов, которые противостоят реформам. Столь же скептически оценивает Шамбо и личные качества новых руководителей. Мы не знаем, пишет он, является ли Си Цзиньпин кабинетным реформатором, истинным реформатором или очередным аппаратчиком-технократом, но его прошлое предполагает последнее⁴.

Весомость упоминаемых Шамбо проблем, конечно, нельзя недооценивать. Во всяком случае, надо признать, что они во многом парализовали реформаторскую активность прежнего руководства и обострили трудности, с которыми придется иметь дело нынешним лидерам. Но, как представляется, ставить здесь точку было бы слишком недальновидно. Уроки истории часто противоречат выводам линейной логики. Разве противостояние рыночным реформам и открытости при Дэн Сяопине было менее мощным, чем сейчас? Да и авторитет его самого в то время был далеко не столь непререкаемым, как теперь иногда представляется. Достаточно вспомнить, что иные высказывания Дэн Сяопина, которые сейчас кажутся каноническими, поначалу замалчивались и даже искажались⁵. И, тем не менее, линия Дэна одержала верх, поскольку отвечала историческим тенденциям.

Поэтому сегодня вопрос следовало бы ставить иначе. Не станут ли те вызовы и проблемы, наличие которых все признают, достаточно мощным побудительным мотивом для сплочения руководства и для его решимости одолеть сопротивление реформам? Речь, конечно, не идет о существовании непосредственной, сиюминутной угрозы действующему режиму, как это полагают некоторые западные политологи и экономисты, плохо знакомые с китайской реальностью или трактующие ее в исключительно алармистском ключе⁶. В этом случае, возможно, было бы уже поздно говорить о реформах. Но системная опасность, действительно, существует и может стать неотвратимой, если ее предпосылки коренным образом не изменятся в обозримой перспективе.

В конце ноября журнал «Цайцзин» проводил ежегодное собрание под девизом «2013: прогнозы и стратегия». Среди участников, численность которых достигала 1000 чел., были китайские и зарубежные эксперты, бывшие и нынешние чиновники довольно высокого ранга и журналисты. Наибольшее впечатление на присутствующих произвело выступление профессора университета Цинхуа Сунь Липина. Он отметил, что в стране множатся массовые акции протеста, забастовки, волнения, демонстрации. И если компартия упустит шанс порвать со своим прошлым, то через пять или, самое большее, через десять лет произойдет катастрофа. Пока еще такой шанс существует. Если правящая партия принесет покаяние, то сердобольный народ может отпустить ей

грехи. Но вечно он жалеть власть не станет. Фактически, полагает Сунь Липин, «тихая революция» уже началась. Это проявляется в падении доверия к власти и снижении управляемости.

Подобные предупреждения следует воспринимать вполне серьезно. Сунь Липин пользуется высоким авторитетом в китайском и зарубежном научном сообществе. Дополнительный вес его суждениям придает и то обстоятельство, что в свое время он был научным руководителем докторской диссертации Си Цзиньпина⁷.

Серьезность момента, надо полагать, нынешние китайские руководители прекрасно понимают и именно потому спешат, стремятся не упустить отпущенное им историей время, чтобы предотвратить нависающие угрозы и обеспечить длительное и устойчивое развитие страны. В таком ключе, по-видимому, надо трактовать ту немаловажную новацию, которая произошла в институте наследования власти. Как известно, и Дэн Сяпин, и Цзян Цзэминь передавали своим преемникам властные полномочия поэтапно: сперва — в партии, затем — в государстве и только под конец — в вооруженных силах, главном гаранте существующих порядков. На этот раз Си Цзиньпину удалось существенно сократить переходный период: он получил посты Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя Центрального Военного Совета КПК практически одновременно. Это развязало ему руки для решительных действий, прежде всего, в формировании команды единомышленников и, далее, в выстраивании нового курса⁸.

Реализуя полученную таким образом свободу действий, Си Цзиньпин произвел масштабные единовременные перестановки кадров — как в вооруженных силах, так и в партийном аппарате, невзирая на то, что обновление кадрового состава партийных функционеров на провинциальном уровне уже производилось накануне съезда.

Истекшее десятилетие правления Ху Цзиньтао и его соратников иногда называют «золотым». В самом деле, если судить по вполне наглядным реалиям, успехи страны за этот период несомненны. Китай поднялся с шестого места в мире по объему ВВП на второе, а по объему экспорта — на первое. Китай лучше, чем многие другие страны, справился с негативным влиянием мирового финансового кризиса на свою экономику. Объем ВВП в расчете на душу населения увеличился с 1000 долл. в 2002 г. до 5414 долл. в 2011 г., и Китай вошел в ряды стран со средними доходами. КНР стала третьей, после Советского Союза и США, страной, осуществившей запуск в космос корабля с человеком на борту. Пекинская Олимпиада и блестящая победа на ней китайских атлетов стали выдающимися событиями в истории мирового спорта. Можно назвать и еще немало иных достижений.

Экономический рост сопровождался, однако, обострением социальных, экологических, духовных и иных проблем. Накануне съезда в печатном органе Центральной партийной школы «Сюэси шибао» появилась пространная статья заместителя главного редактора данного издания Дэн Юньмина, посвященная политическому наследию уходящих со сцены китайских лидеров (напомним, что ректором этого учебного заведения, готовящего руководящие партийные кадры, был в то время Си Цзиньпин). В статье говорится, что со времен Опиумных войн главным девизом Китая было «Сохранение племени и самоусиление» (*баочжун цзыцян*). С созданием КНР в 1949 г. первая половина девиза была реализована, а самоусиление только начиналось. За время правления Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао в этом направлении сделан большой шаг. Тем не менее, полагает Дэн Юйминь, проблем больше, чем успехов. Не устранен постоянно расширяющийся разрыв между богатыми и бедными. Все более угрожающей становится коррупция.

Власть, особенно на низовом уровне, утверждается в статье, не поспекает за переменами, происходящими в обществе. Быстрое развитие сетевых технологий в корне меняет социальную экологию, стимулирует осознание массами гражданских прав и бросает вызов контролирующей и руководящей роли правящей партии и правительства. Возникает кризис легитимности строя.

Выступая в начале декабря 2012 г. на совещании непартийной общественности, посвященном экономическому положению в стране, Си Цзиньпин сказал, что, признавая здоровый в основном характер социально-экономического развития в Китае, нельзя вместе с тем недооценивать значение тех опасностей и вызовов, с которыми уже сталкивается и будет сталкиваться страна. Важнейшими из них он назвал замедленный рост мировой экономики, возрастающее противоречие между недостаточностью спроса и относительным избытком производственных мощностей, повышение себестоимости производственно-хозяйственной деятельности предприятий наряду с недостаточной способностью к инновациям, обострение противоречий между экономическим развитием, с одной стороны, и ресурсной базой и экологией — с другой.

Благодаря первоначальным рыночным реформам Китай, опираясь на дешевизну факторов производства: труда, капитала, земельных ресурсов и доступность рынков сырья и сбыта продукции, добился высоких темпов экономического роста, существенно повысил жизненный уровень населения, накопил огромные валютные резервы. Однако уже в конце прошлого — начале нынешнего века возможности такой модели развития стали исчерпываться. Труд становится более дорогим, особенно в сравнении с соседними развивающимися странами Юго-Восточной Азии. Параллельно увеличивается стоимость китайской валюты. Растет старение населения и соответственно — иждивенческая нагрузка на работников. Все большую озабоченность вызывает прогрессирующее загрязнение окружающей среды. Растущая конкуренция со стороны других развивающихся стран и мировой кризис затрудняют возможности экспорта, тормозят приток иностранных инвестиций.

Еще на XVII съезде КПК в октябре 2007 г. была провозглашена задача перехода к новой модели экономического развития, опирающейся на инновации, научно-технический прогресс, рост производительности труда, инвестиции в человеческий капитал и внутренний рынок сбыта. Но выполнение этой задачи находится пока на самом начальном этапе.

Это во многом связано с тем, что, начиная с 90-х годов прошлого века, при Цзян Цзямине в стране стал складываться симбиоз власти и капитала, отечественного и иностранного. В Китае этот союз именуют несколько расплывчатым понятием «те, кто уже получил свою выгоду». В первое десятилетие века нынешнего он еще более укрепился и приобрел еще большее влияние, достаточное для того, чтобы парализовать коренные преобразования, задевающие его интересы. Противодействие узкокорыстных групп мешает переходу экономики и общества к опоре на внутреннее потребление и инновации, а старая модель делает ее сильно зависимой от колебаний мировой конъюнктуры.

Одной из наиболее серьезных проблем, негативно сказывающейся не только на движущих силах экономического роста, но, что не менее важно, на сплоченности и моральном духе китайского общества, на легитимности власти, является растущее имущественное неравенство и социальное отчуждение⁹. С 1988 г. децильный коэффициент неравенства доходов вырос с 7,3 до 23, межотраслевые различия увеличились в 8 раз, межрайонные — почти в 3 раза. Официальные данные о размерах коэффициента Джини за 2003-2012 гг., отражающего масштабы социального расслоения, после 10-летнего перерыва опубликованы 19 января 2013 г. В 2012 г. он составил 0,474 — заметно выше общепризнанного угрожающего уровня в 0,4.

Занижено вознаграждение за труд по сравнению с доходами государственной казны и капитала. По данным Синей Книги «Анализ положения в китайском обществе и прогноз на 2013 год», вышедшей в свет в конце 2012 г., доля оплаты труда в ВВП непрерывно снижается: в 2004 г. она составляла 50,7%, т.е. чуть выше нижней границы среднемирового уровня, а в 2011 г. — упала до 44,9%. Соотношение среднего уровня доходов населения в городе и в деревне увеличилось с 2,52:1 в 1998 г. до 3,13:1 в 2011 г. Заработная плата растет медленнее, чем доходы управленческого персонала. На государствен-

ных предприятиях менеджеры высшего звена получают в среднем в 18 раз больше, чем рабочие и служащие первой категории и в десятки раз больше средней зарплаты по стране в целом. Доходы двух третей населения ниже среднего уровня. По данным Форбса, в Китае свыше 470 тыс. чел. с индивидуальным располагаемым доходом более 1 млн долл. По числу миллионеров Китай уступает в мире только США. Среди китайских богачей немало потомков и родственников политических лидеров, бывших и нынешних, так называемой «партии принцев»¹⁰.

Неравенство усугубляется широко распространенной коррупцией, которая в Китае, в отличие от многих других стран, носит не индивидуальный, а клановый характер, что делает ее особенно трудно преодолимой. Дополнительно усложняет ситуацию недостаточность вложений в социальное обеспечение, здравоохранение, образование. Все это вместе ведет к огромным разрывам в уровне благосостояния богатых и бедных, чиновников и простого народа, горожан и крестьян, работников государственных и частных предприятий, разных отраслей экономики, начальства и подчиненных, жителей разных регионов. В результате увеличивается общая поляризация общества, растет социальная несправедливость, множатся противоречия и конфликты.

Опасность возрастающей социальной несправедливости ощущают не только в нижних, но и в верхних слоях общества. Все больше разбогатевших людей в Китае связывают свою судьбу и судьбы своих детей не с отчизной, а со странами, где они могли бы укрыться в случае неблагоприятного для себя изменения государственного курса или, тем более, социальных потрясений. По данным «Доклада о международной миграции в Китае за 2012 год» среди наиболее крупных предпринимателей, обладающих личным капиталом свыше 100 млн юаней, 27% уже эмигрировали, и 47% подумывают об эмиграции. Некоторые эксперты считают эти оценки весьма консервативными, скорее заниженными, чем завышенными, о чем, в частности, свидетельствуют фактические данные о числе разрешений, выдаваемых гражданам КНР властями США, Канады, Австралии, а также Сянгану на перемещение капиталов.

Новое китайское руководство впервые открыто и в полный голос признало наличие и усугубление острых социальных проблем, равно как и готовность посвятить себя их разрешению. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и вероятный будущий премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, выступая под Новый Год на созванном им совещании ответственных работников бассейна Янцзы, с горечью отметил, что по многим негативным параметрам Китай лидирует в мире. Так, горстка людей, разбогатевших прежде других, давно уже далеко обогнала и по годовому, и по накопленному доходу богачей любой развитой страны. Появились неимоверно богатые торговцы недвижимостью, финансовые акулы, коррумпированные монополисты.

В условиях, когда намного увеличиваются доходы правительства и безбрежна коррупция, говорит Ли Кэцян, доходы населения быстро расти не могут. Он напоминает, что за схожее с Китаем «золотое десятилетие» в Японии национальный доход вырос на 340%, а реальный уровень потребления — в 3,1 раза. Все слои населения пользовались благами экономического роста, особенно с 1964 г. по середину 80-х годов. Индекс Джини в Японии сохранялся на уровне 0,26, безработица — на уровне 1,1–1,3%. То же самое было и в Республике Корея: средний годовой доход на душу населения в 60-х годах не превышал 90 американских долларов, в 1995 г. вырос до 1 тыс., а в 2007 г. — до 20 тыс. Существенно растут заработки в Сянгане.

Сегодня ожидания китайцев относительно «сильного государства» уже сбылись, но, что касается «богатого народа», для подавляющего большинства это еще остается прекрасной надеждой. Какой смысл в так называемом «сильном государстве», если народ повсеместно небогат? В мире нет государства, способного стать сильным с бедным и слабым народом. Выгоды от экономического роста в Китае не может долгое время принаивать себе исключительно горстка людей или государство.

Раньше считалось, что как только пополнится казна, правительство сможет лучше заботиться о народе, предоставлять ему более полные общественные услуги, создавать более совершенную систему социального обеспечения. Но именно в прошедшее десятилетие доля средств, идущих непосредственно на улучшение жизни народа, в бюджетных расходах не увеличивалась. Напротив, задолженность правительства по социальному страхованию и общественному здравоохранению все время возрастала. «Как урегулировать экономическую структуру и политику распределения доходов, облегчить давление, оказываемое ростом цен и обесценением денег на жизнь и существование народа, станет важной проблемой и вызовом для нового премьера, вступающего в будущем году на этот пост», заключает будущий премьер.

Реформы

В августе 2012 г. газета «Цзинцзи цанькао бао» сообщила, что проект закона о реформировании системы распределения доходов, по поводу которого кипели страсти в течение целых восьми лет, наконец готов и в октябре будет представлен в законодательные органы. В отчетном докладе ЦК КПК XVIII съезду партии говорится о необходимости глубже реформировать систему распределения доходов, синхронизировать рост доходов населения с экономическим развитием, а рост оплаты труда — с ростом его производительности, повысить удельный вес вознаграждения за труд в первичном распределении и уделять больше внимания справедливости при перераспределении доходов.

Вэнь Цзябао, занимавший пост премьера Госсовета КНР в течение десятилетия, заявил, что реформирование системы распределения доходов — одна из его первоочередных задач в этой должности и обещал представить проект реформы до конца 2012 г. А его предполагаемый преемник Ли Кэцян, выступая на заседании шаньдунской делегации съезда, похвалил китайский народ за то, что тот безропотно заплатил огромную цену за реформы и открытость. Теперь, сказал он, реформирование системы распределения системы доходов затронет тех, кто уже получил свою выгоду. И они должны подчиниться общей ситуации.

Закончился 2012 г., а проект реформы еще не появился. Это еще раз показывает, сколь велико противодействие. Тем не менее, можно надеяться, что реформа системы распределения доходов, в конце концов, пробьет себе дорогу. Без этого все прочие преобразования вряд ли будут эффективны. Вопрос только в том, изменится ли распределение доходов настолько, чтобы скорректировать общую социально-политическую и экономическую ситуацию в стране.

Но одно лишь сокращение различий в размерах получаемых доходов путем, например, увеличения налогов на богатых, в частности, налога на недвижимость и облегчения бремени нижних слоев общества без глубинных изменений в структуре экономики и общества вряд ли способно коренным образом решить проблемы социального расслоения и, тем более, формирования внутреннего рынка. Нужны более основательные перемены.

По мнению профессора Пекинского научно-технического университета Чжао Сяо, самые большие сложности создает нехватка движущих сил и авторитета для проведения реформ. Прежде реформы вдохновлялись авторитетом Дэн Сяпина и касались только экономики. Теперь его не стало, а сопротивление реформам со стороны групп, получивших свою выгоду, и коррумпированных групп небывало возросло. К тому же нынешние реформы, включая реформирование политической системы, осуществить намного сложнее, чем начальные.

Заместитель директора Института исследований международной стратегии Центральной партшколы Чжоу Тяньюн считает, что следует учредить единый партийно-правительственный орган для изучения, согласования и продвижения реформ. За три-

дцать с лишним лет реформистского курса создано слишком много различных структур и ведомств, обладающих своей компетенцией. Чжоу Тяньюн полагает, что необходимо провести административную реформу, чтобы уменьшить или аннулировать эти компетенции, устранить ведомственное сопротивление прочим реформам и последовательными мерами сократить сопротивление групп интересов.

Большие надежды возлагаются на урбанизацию, которая привлечет большие инвестиции, ускорит экономический рост, выровняет структуру доходов и намного увеличит потребление. Считается, что Китай уже перешагнул черту, отделяющую преимущественно сельское общество от преимущественно городского, поскольку в городах проживает 51,3% всего населения. Однако к городскому населению причислены более 270 млн сельских жителей, работающих в городах, но горожанами ни формально, ни по сути не являющихся¹¹. Им не положены те социальные льготы, которыми пользуются настоящие горожане, их зарплаты ниже, они не интегрированы в городскую среду, не приспособлены к ней.

На долю половины китайского населения, реально проживающей в деревне, приходится лишь 10% производимого ВВП. Поэтому чистый доход на душу сельского населения не достигает 7 тыс. юаней, тогда как в городе он приближается к 24 тыс.

Для того, чтобы осуществить подлинную урбанизацию, нужно провести существенные реформы: отменить прописку, предоставить работникам из крестьян равные с горожанами права на получение образования, медицинского обслуживания, пенсии по старости и другие льготы. Кроме того, придется менять имущественные отношения в деревне. По мнению многих китайских экспертов, нужно дать крестьянам право собственности на подрядные и приусадебные земельные участки и уравнивать цены на коллективные и государственные земли, поступающие на рынок недвижимости, отменить плату за пользование землей и обложить налогом собственников недвижимости, чтобы убытки несли не крестьяне, а неимоверно разбогатевшие земельные спекулянты¹².

Некоторые эксперты полагают, что рост доходов подавляющего большинства населения Китая и массовое расширение социальных страт со средними доходами позволит в результате превратить страну в самый большой мировой потребительский рынок и тем самым принципиально изменить роль и место страны в глобальном разделении труда.

В упомянутой выше статье о политическом наследии Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, открывшей по существу критику их десятилетнего правления, самым серьезным пробелом их курса названо слабое продвижение политической реформы и демократизации, которые, как утверждается, далеко отстают от надежд граждан на возврат прав народу. В течение 10 лет Ху и Вэнь, говорится в статье, подчеркивали значение демократии, свободы, законности, реформы политической системы, однако фактическое их воплощение было ограниченным.

Усиление социальной напряженности и разгул коррупции в стране служат основанием для выдвижения требований радикальной перестройки политической системы. Сторонники этой позиции исходят из того, что такая перестройка давно назрела, что ее запаздывание осложняет решение социальных и экономических проблем. При этом они нередко ссылаются на Дэн Сяопина, который на начальном этапе реформ, до событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., полагал, что политические реформы должны сопутствовать экономическим.

Однако последующие поколения китайских руководителей с большой осторожностью подходят к реорганизации сложившейся политической системы. Они предпочитают «переходить реку, нащупывая под ногами камни», исходя из того, что неудачное реформирование может обернуться очень тяжкими последствиями для единства и целостности страны. Поступательность реформирования позволяет снизить риски, а в случае ошибок — избежать особенно серьезных потерь.

Директор Института политологии Академии общественных наук Китая Фан Нин полагает, что при проведении политических реформ крайне сложно исходить из некой общей парадигмы. Большинство успешных политических реформ, по его мнению, не имели никакого «теоретического обоснования», не говоря уже о «генеральном планировании». И, напротив, многие неудавшиеся реформы были теоретически обоснованы.

Эта точка зрения трактуется оппонентами как отказ от использования опыта демократического строительства в странах Запада, от разделения и баланса властей, от независимости судов, от всеобщих выборов и парламентской демократии. Отсюда делается вывод, что руководство правящей партии пока не готово к проведению подлинной политической реформы, предпочитая сохранение стабильности. Некоторые критики идут еще дальше и видят в такой позиции антизападные, националистические проявления¹³.

В документах XVIII съезда КПК, как и ряда предыдущих съездов, совершенствованию политической системы уделено определенное место. Предполагается, в частности, развивать властные функции собраний народных представителей, увеличив в них на низовом уровне представительство рабочих, крестьян, интеллигенции и понизив присутствие функционеров от партии и правительства. Традиционно большое значение придается механизму консультаций правящей партии с иными партийными и непартийными политическими организациями.

Большая группа китайских ученых выступила в конце декабря 2012 г. с «Инициативным предложением по консенсусу относительно реформ». Авторы стремились вписать свои идеи в контекст доминирующей в КНР политической культуры. В отличие от аналогичных документов оппозиции, они не призывают копировать западные институты, но аргументируют свои предложения в рамках действующей Конституции.

Авторы видят в неукоснительном соблюдении Конституции основной смысл политической реформы и, с этой точки зрения, ссылаются на слова Си Цзиньпина, сказанные им на праздновании 30-й годовщины принятия Конституции 4 декабря 2012 г.: «Жизнь Конституции — в ее исполнении, авторитет Конституции — в ее исполнении». Си Цзиньпин повторил еще раз сказанное на этот счет в докладе на съезде: «Никакая организация или отдельный человек не должны обладать привилегиями, выходящими за пределы Конституции и законов. Все действия, нарушающие Конституцию и законы, должны расследоваться».

Для реализации положений Конституции, как полагают авторы инициативы, необходимо четко отделить партийное руководство от администрирования, расширить внутрипартийную демократию, добиваться большей открытости партийных дел. Большое значение придается соблюдению гражданских свобод. За три десятилетия реформ, говорят авторы инициативы, в этом отношении достигнут большой прогресс, особенно после вхождения в эру Интернета. Однако права на свободу слова, свободу собраний и создание объединений излишне ограничиваются. Судебная реформа за последние десять с лишним лет добилась определенных успехов, однако цель справедливого судопроизводства далеко не достигнута. В судебных делах широко распространены коррупция и административное вмешательство. Начиная с 2008 г., судебная реформа практически остановилась, а кое-где пошла вспять. Все эти негативные явления и процессы авторы связывают с несовершенством механизма исполнения Конституции.

В новогоднем номере пекинского журнала «Яньхуан чуньцю», который издается вышедшими на пенсию ветеранами компартии, было помещено редакционное приветствие под заголовком «Конституция — консенсус политической реформы». В приветствии говорилось, что, хотя действующая Конституция и не совершенна, тем не менее, ее исполнение было бы большим шагом в реформе политической системы Китая. Конкретно назывались статьи Конституции, которые до конца не реализованы.

Китай и остальной мир

Наименьшие признаки изменения курса на первоначальной стадии деятельности нового руководства КПК заметны пока во внешней политике. В отличие от других направлений деятельности, где новые лидеры, получив высшую партийную легитимацию, почти сразу же могли обозначить свои приоритеты, в сфере международных отношений требуется все же официальный государственный статус, который будет обретен весной 2013 г. на сессии ВСНП.

Но дело, разумеется, не только и не столько в этом. Долгосрочные внешнеполитические тренды определяются преимущественно интересами, национальными и групповыми, в их сложном сочетании и противоборстве и поэтому сравнительно мало зависят от персональных перемен во власти. Краткосрочные же флуктуации на фоне основных тенденций, больше зависящие от властных личностей, могут появляться и исчезать спорадически, но, в общем, не совсем внезапно. Резкие повороты, конечно, тоже случаются, но, к счастью, нечасто.

В Отчетном докладе ЦК КПК XVIII съезду страны мира поделены на три категории: большие, соседние и прочие развивающиеся. К большим странам, помимо самого Китая, обычно причисляют, прежде всего, США, а также Россию, Индию и Европейский Союз.

Китайско-американские отношения, имеющие огромное значение не только для обеих стран, но и для всего мира, как в ближайшей, так и в дальней перспективе, определяются сложным переплетением факторов притяжения и отталкивания. Их соотношение оценивается по-разному, исходя из баланса интересов, ценностей, идеологических пристрастий.

В китайском общественном мнении и в элитах сосуществуют и проамериканская, и антиамериканская тенденция. Если обращаться к первой, то в ней доминирует безусловный оптимизм. Такой, например, какой выражен в новогодней статье на сайте «Хуаньцю ван»: «Китайско-американские отношения снова прогрессируют. Хотя США, реализуя «новый стратегический баланс в АТР», усиливают сдерживание Китая, тем не менее, встречное сотрудничество представляет главный мотив политики в отношении Китая. Политические и военные отношения между двумя государствами сравнительно сильно продвинулись. Экономические отношения развиваются, несмотря на неблагоприятное положение в мировой экономике и торговле. Объем двусторонней торговли за первые три квартала 2012 г. достиг 355,4 млрд долл., увеличившись на 9%, что втрое превышает средние темпы роста мировой торговли». К этому можно было бы еще добавить тесные связи между финансовыми учреждениями обеих стран, персональные контакты элит и еще многое другое¹⁴.

Одновременно встречается и совершенно иная тональность. В той же газете «Хуаньцю шибао» от 19 декабря 2012 г. мы читаем статью, где гневно бичуют неких ученых людей, которые не испытывают тревоги, пока ракеты не станут падать на китайские головы. Им нет дела до того, что США последовательно подавляют средние и малые страны, сколачивают военные союзы вокруг Китая, подогревают внутренние беспорядки, направляют правые силы Японии против Китая. Автор статьи считает необходимым исправить ошибочную политику Китая в отношении США. Ученые люди, говорит он, придают этой политике слишком большое значение. Фактически же США помогают Китаю значительно меньше, чем раньше помогал Советский Союз. Автор призывает создать большой евразийский оплот, включающий в качестве ядра Китай, Россию, Иран и Пакистан, а в качестве периферии — Индию, центрально-азиатские государства и Корейский полуостров. Он мог бы уравновесить Европейский Союз и союз морских государств во главе с США и обеспечил бы Китаю новое пространство для развития.

Непросто складываются в последнее время отношения с рядом соседних государств, прежде всего, из-за обострившегося восприятия давних территориально-акваториальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Усиливающееся присутствие США в этом регионе отнюдь не способствует их разрешению, но, напротив, еще более подогревает. Особо опасные очертания начинает принимать японо-китайский конфликт, который, похоже, выходит за рамки рациональных интересов, переходя на зыбкую почву взаимного силового запугивания или даже укорененных в истории этнических фобий. Профессор Пекинского университета Лян Юньсян полагает, что быстро решить проблему островов Дяоюйдао нельзя, а в дальнейшем все зависит от соотношения сил. Сегодня, говорит он, похоже, что Япония немного сильнее, но в дальнейшем положение изменится, и когда Китай сравняется с сегодняшними Соединенными Штатами, вопрос можно будет решить без войны. Известный китайский военный эксперт генерал-майор Ло Юань не исключает возможности вооруженных столкновений в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях в 2013 г., а газета «Хуаньцю шибао» полагает, что как только прозвучат первые выстрелы, ситуация может выйти из-под контроля.

И все же некоторые китайские специалисты не признают наличия серьезных внешних угроз или считают их преувеличенными. Директор Института марксизма Университета национальной обороны Чжао Чжоусянь, выступая в сети Интернет с разъяснением своего толкования идей XVIII съезда, весьма скептически отозвался о «некоторых наших специалистах», которые говорят о «полуокружении» или даже «окружении» Китая¹⁵. По их словам, «черные тучи сгущаются над городом, грозя смести его с лица земли» (цитата из стихотворения танского поэта). Действительно ли положение столь серьезно, спрашивает Чжао Чжоусянь. И отвечает: я так не думаю. В эпоху экономической глобализации интересы всех государств тесно переплетены: ты во мне, я в тебе. Плюс к этому, международные позиции Китая и его влияние быстро растут. У него есть очень большое стратегическое пространство, чтобы ответить на стратегию так называемого «возвращения в Азию» и на проблемы Южно-Китайского моря. Для беспокойства нет оснований. Надо сосредоточиться на экономическом строительстве.

Другие эксперты, однако, не только считают опасность растущей конфронтации с США и другими государствами региона вполне реальной, но и полагают, что на силовые угрозы надо отвечать «внешней политикой сильного государства». Контуры такой политики обозначились в 2012 г. Профессор Центра изучения США Фуданьского университета У Синьбо усматривает последующее продолжение ее в провозглашенных на XVIII съезде КПК тезисах о «решительном отстаивании морских прав государства» и «строительстве морской державы». Приняв «острием против острия» провокационный вызов со стороны Филиппин, Японии и других государств, Китай, с точки зрения У Синьбо, продемонстрировал государственную волю, подобающую сильному государству, и способность использовать мощные ресурсы и отмобилизованные силы, имеющиеся в его распоряжении. Некоторые соседние государства хотели воспользоваться усилением позиций США в АТР и сменой руководства в Китае, чтобы добиться своих целей. Но они просчитались.

Тезисы об «отстаивании морских прав» и «строительстве морской державы» не ограничиваются пределами Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Тем более, речь не идет о защите морских рубежей государства в прежнем их понимании. Имеется в виду отстаивание китайских интересов, где бы они ни имели место.

Армейская газета «Цзефанцзюнь бао» открыла рубрику, посвященную восприятию духа XVIII съезда, статьей под заголовком «От границ территориальных к границам интересов». Поясняя смысл этого тезиса, автор утверждает, что в эпоху глобализации «границы интересов» более не являются понятием, связанным с определенной территорией, но указывают на пределы и рамки государственных интересов во временном

измерении. В настоящее время, говорится в статье, все более ясно вырисовывается внешняя направленность и внешняя зависимость китайской экономики. Все больший объем внешней торговли осуществляется морским путем. Непрерывно растут поездки китайских граждан за границу и масштабы зарубежных инвестиций. Все более важным становится обеспечение интересов граждан и их имущества за рубежом. По мере возвышения Китая некоторые страны пытаются сдерживать его в духе холодной войны, неблагоприятно влияют на его внешнюю безопасность. Обостряются споры по поводу морского права, борьба за острова, трения относительно демаркации границ, рыболовные конфликты, пиратство, контрабанда. Все это требует эффективного противодействия, требует, чтобы вооруженные силы защищали не только интересы существования государства, не только его внутреннюю безопасность, но также мир и развитие во всем мире.

Политика «сильного государства» отходит от завещанной Дэн Сяопином установки на «сокрытие своих возможностей», которой долгие годы придерживался Китай. Далеко не все признают своевременность и целесообразность такой перемены. Немало тех, кто считает, что Китаю слишком рано отказываться от испытанного курса. Они предупреждают против самодовольства, зазнайства и головокружения от успехов, призывают к осмотрительности, к тому, чтобы исходить не только из собственных интересов, но учитывать и интересы других народов, говорят об опасности роста шовинистических настроений и пренебрежительного отношения к малым и слабым странам¹⁶.

В недавнем прошлом схожие идеи выдвигались сравнительно небольшой группой радикально настроенной интеллигенции в антизападных, антиамериканских публикациях типа «Китай может сказать нет» и «Китай недоволен». Теперь они получают более широкое распространение и более широкую поддержку, прежде всего, в связи с изменением соотношения сил на мировой арене, укреплением позиций Китая и соответствующим увеличением давления на него, но также и, не в последнюю очередь, в связи с определенным усилением напряженности внутри страны.

Каким в конечном счете выкристаллизуется внешнеполитический курс нынешнего руководства, зависит от многих обстоятельств — как внешних, так и внутренних. Скорее всего, он все же останется взвешенным и ответственным, способным извлекать наибольшую пользу из международного сотрудничества и кооперации и одновременно готовым адекватно отвечать на любые вызовы. Именно такой курс, в наибольшей мере отвечающий долгосрочным интересам Китая, будет, несомненно, максимально благоприятствовать также развитию взаимовыгодного и взаимно полезного стратегического партнерства с Россией — как в двустороннем, так и в многостороннем формате.

Заключение

Суммируя сказанное выше, можно придти к следующим основным выводам.

— К власти в Китае пришло новое руководство, которое, продолжая курс на национальное возрождение, на реформы и открытость, на строительство социализма специфически китайского типа, готово проявить политическую волю, чтобы развязать гордиев узел проблем, затрудняющих движение по этому пути.

— Поступающие от нового руководства сигналы свидетельствуют о том, что оно намеренно следовать курсом реформ и открытости, указанным Дэн Сяопином.

— Важнейшей задачей нового руководства остается институциональная борьба с коррупцией, рассматриваемой как смертельная угроза существованию правящей партии и государства. Составной частью этой борьбы является провозглашенное и реализуемое изменение стиля руководства, включающее отказ от расточительности, помпезности, пустословия, закрытости личной жизни.

— Предыдущее десятилетие отмечено не только значительными экономическими достижениями, но осложнением ряда социальных проблем, которые при дальнейшем

обострении могут составить серьезную угрозу для легитимности режима и самого его существования. Поэтому ситуация требует от нового руководства незамедлительных мер для снижения социальной напряженности и обеспечения стабильного развития.

– Проведению неотложных социально-экономических и политических преобразований препятствует сложившийся и укрепившийся в предыдущие десятилетия симбиоз элит, обладающих властью и капиталом.

– Одной из наиболее срочных является реформа существующей системы распределения доходов, которая привела к беспрецедентной дифференциации и поляризации китайского общества и наносит огромный политический и моральный ущерб действующей власти.

– Для коренного исправления тенденций расслоения и раскола общества необходимы не только справедливая фискальная политика, регулирующая распределение доходов, но и основательное преобразование социальной структуры. Его могут обеспечить подлинная урбанизация, уравнивание социальных прав населения города и деревни и их параллельное развитие.

– Для нормализации и улучшения социальной и политической атмосферы в стране требуется реальное обеспечение действенности конституционных гарантий прав и свобод граждан. В этом многие видят суть реформы политической системы, предусмотренной документами съезда и необходимой для устойчивого развития китайского общества.

– Внешняя политика Пекина переживает трудности переходного этапа. Будущий курс, скорее всего, избегнет крайностей и будет определен таким образом, чтобы Китай мог извлекать оптимальные выгоды из международного сотрудничества и был способен ответить на неблагоприятные вызовы и угрозы.

1. Последние годы возглавлял партийную организацию провинции Ван Ян. Перед XVIII съездом КПК он считался одним из кандидатов в члены ПК ПБ ЦК КПК, но его кандидатура была заблокирована влиятельными оппонентами. Возможно, что это — лишь временная отсрочка — до следующего съезда. В начале 90-х годов прошлого века Ван Ян был в числе тех низовых руководителей, кто принял и поддержал курс Дэн Сяопина и привлек к себе его внимание. Затем ему довелось работать и в центральном правительстве, и на руководящих постах провинциального уровня. Пять лет назад, когда его избрали членом Политбюро ЦК КПК и направили руководить провинцией Гуандун, Ван Ян одновременно с реформами начал масштабную чистку местного руководства от лиц, замешанных в коррупции, включая и тех, кто имел связи, в т.ч. — родственные, с высоким начальством в Пекине и особенно в Шанхае. Несколько функционеров высокого ранга были приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения или к бессрочному заключению. Важной антикоррупционной мерой в провинции стало декларирование чиновниками своего семейного достояния. Почти сразу же после визита Си Цзиньпина на юг Ван Яна отозвали с поста руководителя провинции в центр, укрепляя тем самым ряды тех, кому предстоит возглавить реформы в масштабах всей страны, призванные затронуть и основные властные институты, включая центральное правительство.
2. Позднее, на встрече с новыми руководителями союзных с КПК демократических партий Си Цзиньпин напомнил о так называемом «законе цикличности», о котором говорил Мао Цзэдуну Хуан Яньпэй — один из видных лидеров демократического движения в Китае во время посещения им в 1947 г. пещер Яньяня. Согласно этому закону, у каждого человека, каждой семьи, каждой организации и даже у каждого государства вслед за периодом расцвета следует период упадка. Мао ответил, что компартия нашла новый путь, который позволит ей избежать циклической судьбы императорских династий. Это — путь демократии, путь контроля за деятельностью правительства со стороны народа.
3. В одной из таких публикаций говорится, что за последние тридцать лет после ухода из жизни Цзян Цин первые леди в континентальном Китае неизменно держались в тени своих супругов, в отличие не только от стран Запада, но и от Тайваня, где они часто пользуются уважением,

восхищением и любовью общества. «Великолепная первая леди — это символ морали и семейных ценностей. Для сегодняшнего Китая, где постоянно обостряется кризис брака и семьи, где усиливается погоня за материальными благами и теряется вера в общее дело, она могла бы стать животворящим лекарством. И если жена Си Цзиньпина, знаменитая певица Пэн Лиюань завоеует еще большее почитание соотечественников не только благодаря своему семейному положению, но и вследствие своих собственных достоинств, добродетелей и стараний, то она станет живым олицетворением «китайской мечты».

4. *Shambaugh. D.L. Don't Expect Reform from China's New Leaders* Washington Post // Opinion. 2012. 15 Nov.
5. См. *Бергер Я.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 116–127.
6. Примером такого подхода может служить прогноз Рубини, предрекавший крах китайской экономики не позднее 2013 г. См.: *Бергер Я.* Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // Свободная мысль. 2011. № 9. С. 27–42.
7. С предостережениями Сунь Липина определенным образом перекликается своеобразный сигнал, поданный китайскому обществу одним из членов высшего руководства партии — Ван Цишанем, главой Центральной комиссии по проверке дисциплины. В конце совещания с экспертами по проблемам честного правительства и борьбы с коррупцией он неожиданно порекомендовал присутствующим ознакомиться с книгой Алексиса де Токвиля «Старый порядок и Великая революция». Эта рекомендация сразу же породила широкий читательский ажиотаж в разных кругах китайского общества — интеллектуальных, политических, предпринимательских. Книга моментально стала бестселлером, и ее буквально смели с прилавков магазинов. Чем же привлек этот труд французского историка XIX в. (кстати, гораздо менее известный, чем другая его работа о демократии в Америке) новое китайское руководство и читающую публику? Анализируя причины и последствия Великой французской революции, автор приходит к выводу, что крах прогнивших феодальных порядков не принес народу те плоды, на которые рассчитывала революционная партия. Накануне революции Франция богатела, население росло. Но, как показал Токвиль, революции часто происходят не там и не тогда, где и когда народ испытывает наибольшее угнетение. Самый опасный для отжившей власти момент наступает тогда, когда она начинает реформы. Комментируя сигнал от Ван Цишаня, Хэ Цинлянь, известная сторонница «малых революций» по англосаксонскому образцу, полагает, что он обращен, прежде всего, к китайской интеллигенции, требующей демократизации, предупреждая ее, что исторический процесс может пойти не так, как они того хотят. Уход со сцены коммунистической партии не обязательно принесет демократию и порядок. Значительно более вероятно, что Китай, как в свое время Франция, погрузится в болото национализма. Нормой станут ограбление богатых и истребление элиты. Одновременно, полагает Хэ Цинлянь, это — предупреждение правящим группам — не играть с реформами.
8. Си Цзиньпину, по-видимому, удалось ограничить активное вмешательство в руководство страной формально ушедших на покой лидеров. Такая ситуация столь же мало отвечает интересам модернизации, как большая традиционная семья, где четыре поколения родственников сожительствуют под одной крышей и где младшие неукоснительно чтят старших и согласовывают с ними все свои поступки. Согласно сообщениям сянганских изданий, по решению нового Политбюро ЦК КПК закрыты канцелярии, гражданская и военная, функцией которых долгие годы было снабжать информацией о всех «важных делах» Цзян Цзэминя.
9. Выступая в начале декабря 2012 г. на форуме «Трудности реформ и выход из них» перед пользователями Интернета, профессор Пекинского научно-технического университета Чжао Сяо сказал, что он не совсем согласен с теми, кто утверждает, что экономика Китая находится в руках 500 семей. За истекшие три десятилетия абсолютное большинство китайцев выиграли от реформ, улучшили свое материальное благосостояние. Они никогда раньше не жили так зажиточно. Намного возросла и свобода нематериальной жизни. Тем не менее, признает Чжао Сяо, в таком суждении есть определенная истина. Китай сегодня еще не стал справедливым обществом. Равенство возможностей все еще остается мечтой, а равенство результатов — тем более. В начале реформ ребенок из крестьянской семьи мог поступить в университет Цинхуа, в Пекинский университет, а потом войти в элиту. Сегодня такая возможность все более сокращается. Социальные страты заостренели. Дети чиновников становятся чиновниками, дети богатых — богатыми, а дети бедняков — в самом низу. Это чрезвычайно несправедливо. При такой ситуации верхушка общества, попирая законы и правила, беззащитно грабит общественное

- богатство и переправляет имущество и детей за рубеж. Это вызывает сильнейшее недовольство. Неравенство возможностей порождает общественное сопротивление. Поэтому путем реформ мы должны восстановить равенство и справедливость. Раньше Дэн Сяопин указывал, что в центре должно быть экономическое строительство. После XVIII съезда КПК в центр нужно поставить строительство справедливого общества.
10. По данным агентства Bloomberg News, капитализация государственных компаний, во главе которых стоят потомки трех лидеров первого поколения: Ван Чжэня, Дэн Сяопина и Чэнь Юня, в 2011 г. составила 1,6 трлн долл., что соответствует одной пятой ВВП страны.
 11. К постоянному городскому населению причисляются те, кто проживает в городе более полугода. В РФ — более 9 месяцев.
 12. По некоторым данным, сейчас крестьянам достается менее 3% рыночной цены отчуждаемой земли.
 13. Непосредственно после завершения съезда КПК Центр конституционного и административного права Пекинского университета провел форум «Консенсус по реформам», который привлек более 100 участников. Некоторые выступавшие подвергли сомнению правомерность сохранения в преамбуле Конституции КНР упоминания о руководящей роли КПК. Говорилось также о том, что высказанное на XVI съезде КПК требование нормализовать отношения между правящей партией и ВСНП до сих пор не нашло реализации в каких-либо законах или распорядах. Секретари местных парторганизаций возглавляют собрания народных представителей и, таким образом, из лиц подконтрольных становятся лицами, контролирующими сами себя. Известный правовед, бывший ректор Политико-юридического университета Китая Цзян Пин отметил противоречие между положением Конституции о том, что суды подчинены только закону, и провозглашением верховенства интересов партии, интересов народа. Реально это ведет к тому, что интересы партии и народа определяются решениями комиссий по политическим и правовым вопросам различных уровней. Управление путем закона заменяется ручным управлением. Интересы народа очень трудно определить. Народ выступает и как истец, и как ответчик. Какие его интересы должен предпочесть суд? К тому же интересы народа легко могут вести к национализму. Проректор Политико-юридического университета Китая Хэ Бин поддержал Цзян Пина, отметив, что у партии есть интересы центра и интересы мест, долгосрочные интересы и сиюминутные, и в некоторых местах приоритет получают последние, а иногда личные интересы руководителей ставятся выше закона.
 14. По данным агентства Bloomberg News, по меньшей мере 23 потомка восьми руководителей КНР первого поколения учились в США, в т.ч. трое — в Гарварде, четверо — в Стэнфорде. Как минимум 18 чел. работают в США, 12 чел. имеют там недвижимость.
 15. Имеется в виду, в частности, генерал-майор Дай Сюй, опубликовавший книгу под названием «С-образное окружение: прорыв Китая из внутренних и внешних бед и потрясений».
 16. Жэньминь жибао. Хайвань бань 11 декабря 2012 г.

Россия—Индия—Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых

© 2013

С. Уянаев

В статье приводится краткая предыстория трехсторонних конференций ученых-политологов РФ, Индии и КНР, отмечается значение данных форумов. Подробно рассмотрены основные вопросы, ставшие предметом очередной. 12-й встречи ученых, которая прошла в конце 2012 г. в Дели. Сделан вывод относительно перспектив российско-индийско-китайского взаимодействия в формате РИК.

Ключевые слова: трехстороннее взаимодействие, конференция, внешнеполитическая координация, РИК, БРИКС, секторальное сотрудничество, образование, охрана среды.

Оценивая еще несколько лет назад состояние и перспективы трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая, В.В. Путин особо остановился на том, что это сотрудничество «имеет и серьезное интеллектуальное сопровождение». Как подчеркнул российский руководитель, «политологи трех стран ... обмениваются идеями и закрепляют их в совместных перспективных разработках с рекомендациями для политического уровня, с рекомендациями того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе»¹.

Научное сопровождение

Такая оценка стала не случайной. Можно вспомнить, что впервые проведенная более десятка лет назад (Москва, сентябрь 2001 г.) встреча ведущих политологов и отставных дипломатов России, Индии и Китая фактически явилась стартовой точкой трехстороннего взаимодействия. Начавшееся тогда в осенней Москве по «второй дорожке», это взаимодействие, известное как формат РИК, достаточно быстро вышло (причем во многом опираясь на наработки ученых) на «первую дорожку» — на уровень официальных государственных структур. В сентябре 2002 г. на полях ГА ООН бывший в то время министром иностранных дел РФ И.С. Иванов, его индийский и китайский коллеги Яшвант Синха и Тан Цзясюань провели первую встречу на уровне глав внешнеполитических ведомств трех стран². С тех пор такие встречи стали регулярными, в апреле 2012 г. министры иностранных дел РФ, Индии и КНР встретились уже в одиннадцатый раз. Еще в 2006 г. в Санкт-Петербурге был проведен неофициальный саммит, где «сверяли часы» высшие руководители трех государств.

Новым шагом для трехстороннего формата стал старт в 2008—2009 гг. взаимодействия в ряде практических (секторальных) областей — сельском хозяйстве, здравоохранении, сфере чрезвычайных ситуаций. Ныне существуют планы кооперации в энергетике, инновационной и других областях. Традиционно неизменным же все эти годы оставался формат трехсторонних научных конференций, у истоков которых стояли три и

ныне действующих со-координатора — Институт Дальнего Востока РАН, Индийский институт китайских исследований (ИИКИ) и Китайский институт международных проблем МИД КНР (КИМП). Эти конференции стали регулярными и ежегодно проводятся последовательно в каждой из трех стран. За время, прошедшее после первой встречи в Москве, форум лишь расширял спектр обсуждаемых вопросов, «нащупывал» возможности сотрудничества по очередным направлениям, оправдывая, таким образом, роль инструмента научного сопровождения трехстороннего процесса.

Дели—2012: темы внешней политики, образования и охраны среды

Продолжая эту традицию, 20—21 ноября 2012 г. в столице Индии Нью-Дели эксперты-политологи трех стран, среди которых по традиции было немало видных в прошлом дипломатов, провели свою 12-ю конференцию.

Делегацию хозяев возглавила профессор Алка Ачария — видный специалист по проблемам внешней политики Индии, в том числе в отношениях с КНР, участница всех предыдущих конференций, которая недавно заняла пост руководителя ИИКИ. Среди индийских участников находились также видные эксперты — руководитель Индийского Совета по международным делам (неофициального «мозгового центра» МИД Индии) посол Раждив Бхатия, ветеран конференций, бывший глава нескольких дипломатических миссий Индии Винод Кхана, другие специалисты. Весьма представительной была китайская делегация. Ее возглавил директор КИМП Цюй Син, в составе находились бывший посол КНР в Индии и Пакистане Чжоу Ган, руководители подразделений КИМП, а также представители Китайской академии международных отношений (КАСМО), Китайской ассоциации по международным дружеским связям (CAIFC, возглавляется бывшим министром иностранных дел КНР Ли Чжаосинем). Российскую сторону представляли ведущие эксперты ИДВ РАН во главе с директором Института академиком М.Л. Титаренко.

В первый день участники обсудили *международную повестку трехстороннего сотрудничества* — нынешнюю ситуацию и перспективы сотрудничества в РИК в контексте основных тенденций развития глобальной и региональной обстановки.

В открывавшем рабочую часть конференции докладе руководителя российской делегации М.Л. Титаренко было подчеркнуто важное место формата РИК как фактора формирования нового многополярного миропорядка и демократизации международных отношений, действенного инструмента дальнейшего развития многосторонних и двусторонних отношений между участниками «тройки». При этом было акцентировано внимание на том, что Россия, которая в 2012 г. председательствовала и была хозяйкой форума АТЭС, вновь заявила о намерении масштабно подключиться к региональным интеграционным процессам, в том числе укреплять связи с приоритетными партнерами, прежде всего с КНР и Индией.

Подробно остановившись на особенностях трехстороннего сотрудничества по международным вопросам, докладчик отметил, что его тематика весьма широка — от выступлений в пользу неукоснительного соблюдения универсальных норм международного права (при центральной роли ООН) до решительной борьбы с терроризмом и трансграничной преступностью.

Как подчеркнул М.Л. Титаренко, трехсторонняя координация на международной арене особенно злободневна в нынешней ситуации, которая, характеризуется рядом турбулентных процессов. В их числе неравномерность посткризисного «глобального восстановления», угрозы и вызовы, связанные с терроризмом, распространением ОМУ, энерго- и продовольственной безопасностью, глобальными климатическими переменами. Особое внимание было привлечено к действиям известных сил, направленным на ревизию и произвольное толкование базовых норм международного права, на подрыв принципа суверенитета и территориальной целостности государств, права народов на самостоятельный выбор общественной системы и пути развития. В этом контексте докладчик указал на ситуацию в АТР, где наблюдается противодействие переменам, связанным с ростом здесь новых центров влияния, причем объявленный руководством США

курс на «возвращение в Азию» во многом отражает реакцию на усиление Китайской Народной Республики. Как подчеркивалось в докладе, попытки наращивания в АТР военной силы, реанимации здесь блоковой политики способны лишь спровоцировать рост региональной и глобальной напряженности.

Остановившись также на положении в Афганистане, на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, академик М.Л. Титаренко указал на немалый потенциал, которым обладают страны РИК в деле продвижения к урегулированию здесь конфликтных ситуаций. Универсальными подходами при этом при этом были названы методы широкого национального диалога, приверженность мирным средствам, максимальный учет коренных интересов народов государств региона, действия исключительно на основе согласованных резолюций Совета Безопасности ООН. Логическим выводом доклада стал тезис о том, что взаимодействие России, Индии и Китая по вопросам международной политики, оставаясь важной задачей формата РИК, сохраняет востребованность и эффективность.

Выступивший в рамках данной сессии Р. Бхатия (в прошлом дипломат с почти 40-летним стажем, стоявший во главе индийских дипмиссий в Мексике, Мьянме, ряде африканских стран) подчеркнул, что мир, в котором происходит изменение баланса сил в направлении с Запада на Восток, сегодня во многом приобрел черты многополярности, однако он все еще «неравноправен», и стабильность в нем зависит от «способности к сотрудничеству главных мировых субъектов». Давая оценку региональным проблемам, индийский делегат подчеркнул «двойственность процессов в Восточной Азии», где, по его мнению, с одной стороны, наблюдается ускоренное экономическое развитие, с другой — растет напряженность (например, в связи со спорами в ЮКМ), причем «свою лепту в это вносит подъем Китая», усиливающего, в том числе, и свою «военную мощь». Как считает Р. Бхатия, происходящий параллельно рост Индии «не создает такого рода напряженности».

Далее индийский представитель остановился на проблемах Афганистана, выразив сомнения в готовности правительства этой страны взять на себя ответственность за будущее положение дел. Талибан, по словам докладчика, все еще весьма силен, причем объявленный на этом фоне вывод войск коалиции вряд ли «может быть полным».

Иранскую ситуацию Р. Бхатия определил как проблему «сочетания прав и обязанностей», в рамках которой Иран, имея возможность развивать мирный атом, должен неукоснительно соблюдать соответствующие резолюции ООН, выдержанные в духе строгого соблюдения норм ядерного нераспространения. При этом путь «насилия» как способ решения данной проблемы был назван «ступиковым».

Относительно событий на Севере Африки и на Ближнем Востоке Р. Бхатия отметил остающееся сложным положение в Ливии, особо выделил «катастрофическую ситуацию в Сирии». Докладчик подчеркнул необходимость поиска сирийского урегулирования «на основе легитимных решений ООН», отметив, что Индия «против насилия» и, одновременно, «против иностранного вмешательства». Все три направления (Афганистан, Иран, Ближний Восток и Северная Африка) Р. Бхатия определил как поле для трехстороннего приложения усилий, для сближения позиций (очевидно, имелись в виду особенности подхода Дели к «сирийскому» вопросу) в поиске мирного и справедливого урегулирования на благо народов этих стран и стабильности в соответствующих регионах.

Особый акцент индийские представители (Р. Бхатия, М. Рапан) сделали на «необходимости» для Китая и РФ «решительно поддержать» желание Индии войти в состав Совбеза ООН на правах постоянного члена, заявив, что «иная ситуация ослабляет трехстороннее взаимодействие», а сама ООН нуждается в «общей демократизации».

Глава китайской делегации профессор Цюй Син также отметил турбулентный характер процессов современного мира, выделив негативное влияние последствий мирового экономического кризиса. В его основе, по мнению докладчика, лежат проблемы структурного порядка (непомерные размеры госдолга, ослабление валют, прежде всего евро), с которыми сталкиваются крупные страны. Была отмечена стабилизирующая роль стран БРИКС, которые, однако, тоже «испытывают затруднения», отражающиеся в снижении темпов роста. Подчеркнув, что это касается и Китая, директор КИМП сделал

примечательно замечание, что внутри страны народ выступает «за более активную защиту интересов КНР на внешней арене». При этом была подчеркнута приверженность КНР «мирному развитию».

Касаясь ситуации на Севере Африки и на Ближнем Востоке Цюй Син в целом разделил приведенные выше тезисы российских и индийских коллег, выделив значение российско-китайской координации по сирийскому вопросу. Подчеркнув, что у КНР нет экономических интересов в Сирии, докладчик привлек внимание к тому, что для Пекина важен принципиальный вопрос: не допустить использование Совбеза ООН как инструмента смены режима в суверенной стране.

При обсуждении обострившегося спора между КНР и Японией о принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку) китайский делегат возложил вину на Токио. Японские власти, по его словам, «отошли» от давних договоренностей «отложить проблему в сторону» и произвольно объявили, что для Японии такой проблемы «не существует вовсе».

Была подтверждена и «твердая» китайская позиция в «островном» споре с Филиппинами. Причем, как подчеркнул выступавший, тот факт, что спорные острова расположены ближе к Филиппинам, не является универсальным критерием, поскольку, например, «ряд индийских островов расположен ближе к Мьянме, но, тем не менее, их принадлежность Индии никем не оспаривается».

Выступивший в рамках этой же тематики посол Чжоу Ган акцентировал внимание на современной политике США в АТР, в рамках которой Вашингтон, по мнению китайского представителя, стремится к такому региональному балансу сил, при котором было бы обеспечено его доминирующее положение в АТР и в мире в целом. США и страны Запада в целом «всячески пытаются сохранить былые преимущества» перед лицом роста новых восходящих стран. В этом контексте, полагает Чжоу Ган, государства РИК как крупные страны с формирующимися рынками нуждаются в дальнейшем укреплении координации и сотрудничества для адекватного ответа «на новые проблемы и вызовы».

Докладчик привлек также внимание к особому значению координации стран РИК по проблемам Афганистана, поскольку в условиях вывода войск международной коалиции (при практически непременном, по мнению Чжоу Гана, сохранении здесь американских военных баз) новая ситуация в этой стране будет оказывать на них прямое влияние как на непосредственных и ближайших соседей Афганистана.

В целом для дискуссий по международной повестке дня трехстороннего сотрудничества была характерна традиционная на данных конференциях общность или близость подходов по основным обсуждавшимся вопросам при сохранении «страновых» особенностей в отдельных деталях.

Специальная сессия конференции была посвящена *месту трех стран в мировой экономике и их экономическому сотрудничеству*, в том числе в контексте работы объединения БРИКС; здесь же было уделено внимание также теме «соотношения» форматов РИК и БРИКС.

В выступлениях всех трех сторон, в частности, подчеркивалось, что двусторонние и многосторонние экономические связи в РИК/БРИКС способны содействовать снижению негативного влияния последствий мирового экономического кризиса на РФ, КНР и Индию, укреплению их позиций в мировой экономике. В индийских докладах (М. Агарвал) при этом особо отмечалась мысль о необходимости использования площадки G-20 для системных реформ мировой финансово-экономической архитектуры. Китайские делегаты (Чэнь Юйжун) в дополнение к теме реформирования мирового финансового порядка обратили внимание на важность шагов по постепенному «уходу» от абсолютной долларовой зависимости, в частности путем перехода в двусторонней торговле между странами РИК/БРИКС к расчетам в национальных валютах, в том числе в юанях. Вместе с тем, по мнению участников конференции, о быстрой, тем более одномоментной масштабной «интернационализации» юаня речь не идет, как отмечали, прежде всего, са-

ми представители КНР, «это процесс длительный, многоэтапный, требующий тщательных и взвешенных решений».

Затронутый в рамках данной сессии вопрос о *соотношении форматов РИК и БРИКС* (не секрет, что среди экспертов сегодня порой говорят о «ненужности» двух похожих форматов), не приобрел форму заметной дискуссии, что косвенно свидетельствует о том, что участники конференций не ставят под сомнение важность сотрудничества в РИК параллельно с развитием объединения БРИКС. При этом в выступлениях российских и индийских делегатов подчеркивалась необходимость выработки в РИК более четкой собственной повестки дня. Важное место в ней могли бы занять вопросы регионального сотрудничества (Центральная, Западная, Южная Азия), темы укрепления взаимодействия трех стран в более широких форматах, в том числе в ШОС и в том же БРИКС, где РИК может служить своего рода «опорным, связующим звеном».

Новой для академических конференций явилась тема о возможностях сотрудничества *в сфере образования*. С точки зрения общих подходов эта тема была признана весьма важной, поскольку речь идет о формировании мировоззрения молодого поколения в каждой из трех стран, о факторах, прямо влияющих на «качество» их населения. Выступившие с соответствующими докладами эксперты трех делегаций подробно охарактеризовали особенности, направления реформы и существующие проблемы образовательных систем своих стран.

Лейтмотивом последовавшей дискуссии стал принципиальный вопрос о том, какими в каждой из стран видятся главная целевая задача образования и основной путь ее реализации. Обсуждалась своего рода дилемма: идет ли речь об образовании как о сочетании знаний, профессиональной подготовки с воспитанием «не стремящейся за рубеж» патриотической интеллигенции и о соответствующем выстраивании образовательного процесса, или достаточно, чтобы этот процесс был нацелен на образовательную услугу как на «товар» и осуществлялся, как любой вид «рыночной» деятельности, на основе коммерциализации.

Позиция российской делегации, которая была поддержана китайскими партнерами (назвавшими сугубо коммерческий принцип «опасным») основывалась на первом подходе. Индийские представители, имея в виду «либеральную традицию» своей страны, оговорились, в частности, что в Индии сложно влиять на «процесс мобильности и трансграничного перемещения умов». Тем не менее, в целом эксперты Индии также с одобрением отозвались о «воспитательно-патриотическом» принципе. Отметим, что именно вокруг него возможен поиск путей трехстороннего сотрудничества в образовательной сфере. Логическим итогом обсуждений стал тезис о том, что, хотя в формате РИК пока сложно говорить об «общем образовательном пространстве», точки совмещения интересов имеются, а это создает хорошую почву для сотрудничества.

Другим важным пунктом Конференции стало обсуждение злободневной в мире темы *устойчивого развития* и связанных с ней вопросов *охраны окружающей среды*.

Индийские и китайские делегаты подробно остановились на острых природоохранных «болевых точках» своих стран, заявив, что по целому ряду параметров (деградация лесов и пахотных угодий, загрязнение водных ресурсов и атмосферного воздуха) проблемы имеют общий для них характер.

Показательной явилась реакция партнеров на итоги состоявшейся летом 2012 г. Конференции по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро. Так, представитель Индии, отметив, что ряд индийских предложений данному форуму «в той или иной степени был учтен», тем не менее посчитал «неоднозначным» тот «особый акцент», который был сделан в Рио на «зеленой экономике», поскольку это может привести «к выхолащиванию», выводу «за скобки» социальной составляющей стратегии устойчивого развития. Что касается китайского делегата, то он не коснулся темы саммита в Бразилии вовсе.

Вопросы развития трехстороннего сотрудничества в данной сфере были затронуты в докладе российской делегации. Был предложен поиск общей платформы для со-

хранения духа и буквы стратегии устойчивого развития, при реализации которой центральное место отводилось бы ценностной, морально-этической составляющей.

По окончании конференции ее участники были приняты недавно вступившим в должность новым министром иностранных дел Индии Салманом Хуршидом. Глава внешнеполитического ведомства назвал трехсторонний механизм РИК важной площадкой сотрудничества «в интересах перестройки мира на справедливых началах и ради будущих поколений». Были выделены такие направления совместной работы как перестройка международной финансовой архитектуры, реформа ООН, проблемы ШОС и Афганистана, кооперация в сферах чрезвычайных ситуаций, сельского хозяйства, а также в здравоохранении, где Индия является страной, ответственной за данную область. Перспективной сферой, по мнению министра, выглядит и сотрудничество по вопросам освоения космоса. С. Хуршид отметил благоприятные итоги 11-й встречи министров иностранных дел РИК в апреле 2012 г. в Москве, напомнил, что следующую министерскую встречу проведет Индия. Среди важных сторон взаимодействия в формате РИК министр отметил его позитивное влияние на двусторонние отношения между РФ, КНР и Индией, подчеркнув при этом значение широкого развития между ними «людских контактов». По вопросу корреляции деятельности в РИК и в БРИКС С. Хуршид отметил, что «важны оба формата»; факт обсуждения ряда схожих тем в РИК и БРИКС (мировые тренды, финансовая архитектура и т.п.) не выходит за рамки «обычной рабочей практики», хотя постановка вопроса о большем упоре РИК на региональные проблемы и на трехстороннюю координацию в более широких форматах выглядит, на взгляд министра, «правильной». Глава МИД Индии высоко отозвался о совместной работе представителей академического сообщества, которые вносят весомый вклад в дело «идейного обеспечения» трехстороннего процесса.

Перспективы

Следующая, 13-я по счету академическая трехсторонняя конференция РИК пройдет в России. Соответствующее приглашение руководство ИДВ РАН передало китайским и индийским партнерам; оно было с благодарностью принято.

Позитивные итоги ноябрьской встречи ученых в индийской столице отразили сохранение сторонами стимулов к дальнейшему развитию трехстороннего сотрудничества. Свидетельством тому, что эти стимулы продолжают действовать не только в академической, но во всех других сферах, а само российско-индийско-китайское взаимодействие сохраняет благоприятные перспективы, стали, в частности, результаты состоявшегося месяц спустя здесь же в Дели очередного индийско-российского саммита. В принятом Совместном заявлении стороны констатировали, что среди многопрофильных форматов регионального сотрудничества, «успешно действующих» в АТР, находится «механизм внешнеполитического взаимодействия между Россией, Индией и Китаем, который содействует укреплению позиций наших стран в глобальных и региональных делах, позволяет выстраивать общие подходы к актуальным мировым проблемам»³.

1. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-индийских переговоров. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml.
2. Встречи министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова в ходе 57-й сессии ГА ООН. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/031f0596ad35dce5c3256c86002af689!OpenDocument.
3. Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию Президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнерство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства». 24 декабря 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369.

Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты

© 2013

П. Мозиас

Характеризуется взаимовлияние экономических и политических факторов, обусловивших активизацию морской деятельности Китая. Исследуются тенденции развития основных секторов морской экономики КНР (портового хозяйства, морского транспорта, судостроения, рыболовства и аквакультуры, морской добычи нефти и газа). Проанализирована динамика морских территориальных споров, в которые вовлечен Китай. Показано, что морская сфера становится одной из важных зон столкновения интересов в рамках китайско-американского соперничества.

Ключевые слова: морская деятельность, спорные архипелаги, геополитическое соперничество.

Глобальная архитектура международных отношений переживает процесс трансформации, и одна из главных его составляющих — изменение роли Китая в мире, модификация его геополитического статуса. Китай становится подлинно мировым «игроком» с перспективой превращения в сверхдержаву — одну из опор новой двухполюсной мировой системы.

Конкретные проявления этого процесса трансформации во многом определяются тем, что Китай — это континентально-морская держава. С востока его берега омываются водами залива Бохай, Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей и залива Бэйбу. Общая протяженность морской береговой линии Китая — 18 тыс. км, протяженность береговой линии контролируемых им островов — 14 тыс. км. С севера на юг китайское побережье простирается на 38 широтных градусов, будучи расположено в трех климатических поясах¹.

Хозяйственный подъем Китая включает в себе значительную морскую составляющую. Морское хозяйство КНР превратилось в диверсифицированный комплекс, в котором осуществляется интенсивное межотраслевое взаимодействие, создается значительное число рабочих мест; за счет его развития формируются «полюсы роста» в прибрежных регионах.

Сама модель экономического роста, сложившаяся в КНР, обуславливает зависимость национальной экономики от состояния дел в морской сфере. Ввиду относительной узости платежеспособного спроса на внутреннем рынке китайская экономика не могла бы поддерживать высокую динамику без сбыта товаров вовне, а поставки их осуществляются преимущественно морем. Поскольку обеспеченность собственными ископаемыми ресурсами недостаточна для взятых Китаем темпов развития, он остро нуждается в эффективных и безопасных морских коммуникациях для удовлетворения за счет импорта своих потребностей в энергоносителях и прочих сырьевых товарах. В то же время китайцы уделяют все больше внимания освоению ископаемых ресурсов близлежащих морей.

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. Тел.: 8(495) 772-95-90 доб. 22-06. E-mail: pmozias@hse.ru.

Морское хозяйство, как и морская деятельность Китая в целом, вносят значительный вклад в общее усиление страны, но, в свою очередь, для их дальнейшего развития нужны благоприятные внешнеполитические условия. Официальная идеология китайской внешней политики в 2000-е гг. строилась сначала на идее «мирного возвышения» (с 2003 г.), а затем — «мирного развития» (с 2007 г.): в обоих случаях подчеркивалось, что усиление Китая не представляет собой угрозы для других стран. Однако многих, особенно непосредственных соседей, эти заверения не убеждают. Из мировой истории известно, что становление новой сверхдержавы обычно сопровождается переделом сфер влияния и общим усилением конфликтности в международных отношениях. А Китай, как известно, собственные интересы всегда отстаивал жестко и напористо.

Процесс геополитической трансформации Китая не может не сопровождаться нарастанием его активности по периметру своих границ, причем на морских акваториях этот процесс особенно нагляден. Границы континентального шельфа и исключительных экономических зон Китая и сопредельных государств до сих пор не являются четко фиксированными, остаются предметами дискуссий и споров. Именно здесь нарастающий китайский потенциал находит себе пространства и ниши для экспансии, вряд ли возможные на суше, где государственные границы в основном уже давно устоялись.

Тем более, что вдоль морских границ Китая еще с середины прошлого века существуют конфликты с соседними странами по поводу принадлежности островных территорий. В известной мере эти застарелые споры теперь наполняются новым содержанием. Дело не только в усилившейся способности Китая отстаивать свои позиции, но и в желании других «игроков», в том числе внерегиональных, сделать эти конфликтные зоны «оборонительными редутами» для ограничения китайской экспансии.

Морское хозяйство КНР: динамика развития и структура

Объем производства в морском хозяйстве КНР в 2009 г. достиг 3196,4 млрд ю., а год спустя — 3843,9 млрд ю. Доля морского хозяйства в общенациональном ВВП увеличилась с 8,7% в 2001 г. до 10,0% в 2006 г., но в последующие годы этот результат превзойден не был (в 2007 г. — 9,6%, в 2008 г. — 9,5%, в 2009 г. — 9,5%, в 2010 г. — 9,7%).

Структура морского хозяйства складывалась в 2010 г. следующим образом. На первичный сектор (сельское хозяйство и добывающую промышленность) приходилось около 5% добавленной стоимости всего морского хозяйства; на вторичный сектор (обрабатывающую промышленность и строительство) — 47%; на третичный сектор (сферу услуг) — 48%. Объем производства в собственно морских отраслях достигал 2237,0 млрд ю., а в связанных с ними и обслуживающих их отраслях — 1606,9 млрд ю. (в структуре морского комплекса соотношение этих двух секторов составляло 58: 42).

Занятость в китайском морском хозяйстве в 2009 г. охватила 32,7 млн чел., причем в течение года было создано 520 тыс. новых рабочих мест (почти вдвое меньше, чем предусматривали плановые ориентиры). В одиннадцати приморских провинциях число занятых в морских отраслях увеличилось с 21,08 млн чел. в 2001 г. до 32,18 млн чел. в 2008 г., причем их доля в совокупной занятости в этих провинциях выросла с 8,1 до 10,3%. В провинциях Фуцзянь и Хайнань, двух городах центрального подчинения (Шанхай и Тяньцзинь) на морские отрасли приходится более 20% всех занятых в местной экономике. Меньше всего (ниже 5%) — соответствующий показатель в провинциях Цзянсу, Хэбэй и Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР)².

Портовое хозяйство, перевозки морем

После присоединения Китая к ВТО в 2001 г., развитие портового хозяйства страны вышло на новый уровень. Бурный рост внешней торговли повлек подъем с 2003 г. новой волны крупномасштабных инвестиций в портовую инфраструктуру. К кон-

цу 2010 г. общее число морских причалов достигло 5529, более чем вчетверо превзойдя соответствующий показатель 1991 г., причем 1293 из них были способны принимать суда водоизмещением свыше 10 тыс. т³. За 2000-е гг. ведущие китайские порты стали мировыми лидерами по показателям грузооборота, в том числе контейнерного. В них быстрыми темпами происходило внедрение информационных технологий, они активно встраивались в общемировые логистические цепочки.

Суммарный грузооборот китайских морских портов увеличился с 1,26 млрд т. в 2000 г. до 6,16 млрд т в 2011 г. Крупнейшим в стране морским портом традиционно являлся Шанхай, но в 2008 г. он уступил первую строчку комплексу портов Нинбо-Чжоушань, через который в 2008 г. было транспортировано 520,5 млн т, а в 2011 г. — 693,9 млн т грузов. С 2005 г. Шанхай по грузообороту занимал первое место среди портов мира, теперь это мировое лидерство перешло к комплексу Нинбо-Чжоушань.

Вместе с построенным в середине 2000-х гг. к югу от него на островах в заливе Ханчжоу контейнерным портом Яншань Шанхайский порт в 2011 г. обработал 624,3 млн т грузов. В «десятку» крупнейших морских портов КНР в 2011 г. входили также: Тяньцзинь (грузооборот — 453,4 млн т), Гуанчжоу (431,5 млн т), Циндао (372,3 млн т), Дальянь (336,9 млн т), Циньхуандао (287,7 млн т), Инкоу (260,9 млн т), Жичжао (252,6 млн т), Шэньчжэнь (223,3 млн т)⁴. С 2003 г. по показателю грузооборота морских портов Китая удерживает первое место среди государств мира. С середины 2000-х гг. в «десятке» крупнейших грузовых портов мира китайские составляют ровно половину.

В 2000-е гг. в Китае беспрецедентными темпами прогрессировала контейнеризация перевозок, и сюда переместился центр мирового производства контейнеров — доля страны на соответствующем мировом рынке близка к 90%. Еще в 2003 г. Китай, обогнав США, вышел на первое место в мире по объему контейнерных перевозок: его доля в мировом контейнерном грузообороте увеличилась с 10% в 2000 г. до 24% в 2009 г.⁵ В 2008 г. оборот контейнерных перевозок в КНР достиг 128,4 млн стандартных контейнеров (TEU). В 2009 г. под влиянием мирового кризиса он несколько уменьшился (до 120,8 млн т), но уже в 2010 г. он достиг 145,0 млн, а в 2011 г. — 162,3 млн TEU⁶. Оборот контейнерных портов Шанхая в 2009 г. составлял 25,0 млн TEU — по этому показателю Шанхай с 2007 г. занимал второе место в мире после Сингапура (там в 2009 г. было обработано 25,8 млн TEU). А год спустя этот мегаполис стал абсолютным мировым лидером, его контейнерный грузооборот достиг 29,1 млн TEU (опередив Сингапур с его 28,4 млн TEU). В десятку крупнейших в мире в 2010 г. входили еще 4 морских контейнерных порта КНР: Шэньчжэньский, Гуанчжоуский, Нинбо-Чжоушаньский и Циндаоский⁷.

При высокой общей динамике в развитии китайского портового хозяйства проявляются и диспропорции. Специфическая мотивация хозяйственных агентов, действующих в условиях непроясненных прав собственности, заинтересованных в наращивании инвестиций и получении административных выгод, сама по себе стимулирует нерациональную конкуренцию не только между самими портами, но и между целыми приморскими регионами. Провинциальные администрации изо всех сил пытаются доказать Центру, что именно их порты должны считаться «узловыми» и иметь соответственно приоритетный доступ к финансированию. Компании — портовые операторы, тоже тесно связанные с госструктурами, стараются по максимуму использовать средства своих учредителей и их лоббистские возможности, что на практике выливается в создание избыточных, дублирующих друг друга портовых мощностей. Так, по оценке международной консалтинговой компании DBS Vickers, по состоянию на начало 2010-х гг. в целом по Китаю наблюдался избыток контейнерных терминалов, особенно выраженный в Тяньцзинь, Сямэнь и Шэньчжэнь, тогда как терминалы Шанхая, наоборот, работали с существенной перегрузкой. Контейнерные порты в этих наиболее развитых юго-восточных провинциях КНР в предыдущие годы привлекали чрезмерные инвестиции, чему способствовала ориентация обрабатывающей промышленности на экспорт. Напротив, строительство терминалов для насыпных и навалочных

грузов недофинансировалось, и их нехватка сильно ощущалась в северных провинциях, призванных снабжать Юг сырьем и продовольствием⁸.

Высокая динамика морских перевозок в 2000-е гг. была в решающей степени связана с беспрецедентным ростом внешней торговли. Китайский товарный экспорт увеличился с 266,1 млрд долл. в 2001 г. до 1430,7 млрд долл. в 2008 г., а импорт — с 243,6 млрд долл. до 1132,6 млрд долл. Параллельно росли международные морские перевозки: с 275,7 млн т в 2001 г. до 517,3 млн т в 2008 г.⁹ Морским путем совершается до 85% перевозок внешнеторговых грузов, поступает в КНР до 99% ввозимых руд черных металлов и 95% импорта нефти¹⁰.

Примечательно, что в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в морских перевозках позитивная динамика восстановилась быстрее, чем у показателей внешней торговли. Китайский экспорт сократился с 1430,7 млрд долл. в 2008 г. до 1201,6 млрд долл. в 2009 г., а импорт — с 1132,6 млрд долл. в 2008 г. до 1005,9 млрд долл. в 2009 г. (хотя в последующие годы динамика быстрого роста восстановилась: экспорт увеличился до 1577,6 млрд долл. в 2010 г. и 1898,6 млрд долл. в 2011 г., а импорт — до 1396,2 млрд долл. в 2010 г. и 1743,5 млрд долл. в 2011 г.). Оборот морских перевозок сократился с 589,0 млн т в 2007 г. до 423,5 млн т в 2008 г., но уже в 2009 г. был отмечен рост до 517,3 млн т, в 2010 г. этот показатель достиг 580,5 млн т, а в 2011 г. — 635,4 млн т¹¹.

Морской торговый флот Китая в 2009 г. насчитывал 1826 судов. Под флагами других стран ходило 1441 китайское морское торговое судно, а иностранным владельцам принадлежали 20 судов, плававших под китайским флагом. В Китае действовали более 200 международных судоходных компаний и около 1200 компаний внутренних морских (каботажных) и речных перевозок¹². Крупнейшая из них — COSCO Group, которая уже много лет удерживает за собой вторую по величине долю на мировом рынке водных перевозок. Впрочем, большинство китайских судоходных компаний относится к малым и средним, многие из них связаны с местными властями и беспорядочно конкурируют между собой, не координируя свою деятельность на международных рынках.

Судостроение

Эволюция этой отрасли — не просто опыт успешной реструктуризации одной из отраслей тяжелой промышленности, сложившейся еще во времена командно-административной системы, а история становления ее как лидирующей в мире. Высокая динамичность ее развития была достигнута еще в 1980–1990-е гг. В 1994 г. КНР вышла на третье место в мире по объемам продукции судостроения (вслед за признанными лидерами — Японией и Южной Кореей). Впрочем, о равном соперничестве с соседями говорить тогда не приходилось: даже в 2001 г. доля Китая на мировом рынке судов оценивалась лишь в 6% (РК — 34%, Японии — 32%, объединенной Европы — 22%)¹³.

Однако, за первое 10-летие XXI века количественный отрыв был преодолен. В 2006 г. по портфелю заказов КНР впервые обогнала Японию. В 2009 г. в брутто-регистрационном тоннаже построенных судов доля Китая (28,6%) уступала только корейской (37,3%), но превышала японскую (24,6%), на эти три страны в совокупности приходилось более 90% общемирового показателя¹⁴. Причем в 2009 г. на показателях отрасли повсеместно сказывался мировой кризис. В Китае в период кризиса был разработан специальный план «оживления и реструктуризации» судостроения (как и еще по девяти отраслям). Он предусматривал, в частности, дополнительные меры по кредитной поддержке экспорта судов; ограничения на ввод новых производственных мощностей в отрасли; ускоренное списание старых судов и др.¹⁵ В 2010 г. КНР впервые обошла Южную Корею по тоннажу заказанных судов, ее портфель заказов за год оценивался в 16,9 млн брт, а у Южной Кореи — 11,8 млн брт¹⁶.

Номенклатура выпуска судов у Китая и его главных конкурентов существенно различается. КНР принадлежит первенство в сравнительно простой продукции. В тех же сферах, где применяются более изощренные технологии (в строительстве контейнеровозов, танкеров для перевозки химикатов, транспортных средств, газозовов) отставание Китая от других стран-лидеров судостроения сохранилось.

В период мировой нестабильности в 2011–2012 гг. перераспределение долей в пользу судостроителей КНР продолжалось. Ее доля в мировом портфеле заказов на суда поднялась с 42% в 2010 г. до 44% в 2011 г., тогда как доля Южной Кореи упала с 33 до 30%, доля Японии составила 17%, ЕС — около 1%¹⁷. Но депрессивное состояние рынков все же сказалось и на состоянии этой отрасли в КНР.

В 2011 г. китайские верфи получили новые заказы на суда общим дедевейтом 36 млн т, тогда как в 2010 г. объем новых заказов достигал 57 млн т двт. Совокупный объем заказов, размещенных на китайских верфях, сокращался два года подряд: с 208 млн т двт в 2009 г. до 185 млн т двт в 2010 г. и до 155 млн т двт в 2011 г. Происходило это на фоне сокращения общемирового портфеля заказов на суда (с 443 млн т двт в 2010 г. до 358 млн т двт в 2011 г.) Иначе говоря, увеличение относительной доли Китая в портфеле заказов происходило в условиях абсолютного уменьшения этого показателя как в Китае, так и в мире¹⁸.

Рыболовство и марикультура

По общему объему продукции водных промыслов КНР входит в число мировых лидеров вместе с Японией и Россией (из года в год они меняются местами в первой «тройке»). В 2011 г. в Китае было получено 56,03 млн т такой продукции, причем около 72% производства отрасли приходилось на продукцию аквакультуры (морской — 15,51 млн т, пресноводной — 24,72 млн т), это соответствовало более чем 60% общемирового аквакультурного производства — т.е. в данной сфере Китай является безусловным мировым лидером. Совокупный морской улов составлял в 2011 г. 13,57 млн т, улов в китайских реках и озерах — 2,23 млн т¹⁹. Аквакультура за последние десятилетия стала главным локомотивом развития рыбного хозяйства во всем мире: соотношение между нею и выловом рыбы в естественных условиях в общемировом производстве изменилось с 7: 93 в 1980 г. до 36: 64 в 2007 г., а в производстве пищевой рыбы их доли в 2006 г. соотносились как 47: 53 (т.е. они практически сравнялись)²⁰. Но КНР до сих пор является единственной в «десятке» крупнейших рыболовных держав, у которой доля аквакультуры в объеме производства водных биоресурсов превышает показатели промышленного лова в естественных водоемах.

Перенос центра тяжести развития отрасли на аквакультуру во многом был связан с обострившейся проблемой переэксплуатации морских прибрежных ресурсов. Их интенсивная добыча поставила под угрозу нормальное воспроизводство фауны моря. В такой ситуации со второй половины 1990-х гг. власти пошли по пути ограничения промышленного лова. С 1995 г. была введена система ежегодных двухмесячных мораториев (в июле-августе) на ловлю всех видов рыбы в Желтом и Восточно-Китайском морях, а в 1998 г. этот срок был продлен до трех летних месяцев. Начиная с 2004 г. добыча была запрещена и в заливе Бохай на период с 16 июня по 1 сентября ежегодно. В 2009 г. летний мораторий сроком на 2,5 месяца был установлен вдоль всего морского побережья Китая.

Исследование, проведенное в рамках специального государственного проекта в 1997–2000 гг., показало, что число видов рыбы в заливе Бохай и Желтом море сократилось за последние десятилетия на 40% — до 180 видов, а в Восточно-Китайском море — на 30% (до 602 видов). Хотя за последние годы благодаря установлению сезонных мораториев на лов рыбы в прибрежных морях удалось приостановить тенденцию к сокращению поголовья и оскудению многообразия морской фауны, но проблемы ресурсной базы

китайской рыболовной отрасли в принципиальном плане остаются нерешенными. Проведение осмысленной политики в отношении морских промыслов затруднено из-за влияния групповых интересов бизнес-структур и местных властей.

Использование рыбных ресурсов все еще избыточно. В 2009 г. в Восточно-Китайском море было выловлено 4,42 млн т рыбы, тогда как для нормального воспроизводства морских ресурсов улов там, по оценкам, не должен превышать 3,0 млн т в год. Ситуацию усугубляет то, что лов в большинстве случаев ведется сетями, не допускающими избирательного использования рыбных ресурсов. В свою очередь, избыточная плотность аквакультурных производств в прибрежной полосе вызывает экологические проблемы (такие как «красные приливы», вызванные концентрацией на поверхности воды примитивных бескислородных водорослей), а также ведет к заболеваниям среди морской фауны²¹.

Угрозы для нормального функционирования отрасли проистекают и из-за интенсивного осушения морских акваторий в прибрежной полосе ради нужд промышленного и инфраструктурного строительства. При этом сплошь и рядом нарушаются положения Закона КНР об управлении использованием морских акваторий, согласно которым проекты рекультивации акваторий площадью в 50 га и больше подлежат утверждению Госсоветом КНР. Местные власти обходят эти ограничения, самостоятельно санкционируя осушение небольших участков акватории, а потом они объединяются друг с другом. По данным Государственной океанической администрации (ГОА), за 2002–2008 гг. совокупная площадь рекультивированных акваторий увеличилась с 2033 до 11001 га, а за 2009–2011 гг. незаконно санкционированная местными администрациями рекультивация охватила 14000 га морских акваторий. В частности, в 2011 г. центральные власти санкционировали в провинции Ляонин осушение 30 га акваторий, а на уровне шести приморских городов были заявлены планы рекультивации более 1000 га²². Даже безотносительно коррупционных мотивов местные власти заинтересованы в такой деятельности, так как продажа «прав пользования земельными участками» девелоперам является важнейшим источником поступлений в местные бюджеты, а доходы от нее в десятки раз превосходят затраты на рекультивацию.

Бурная экспансия такой деятельности в прибрежной полосе влечет за собой не только загрязнение вод и ущерб фауне моря, но и лишает работы жителей близлежащих деревень, занятых рыболовством и марикультурным производством. Компенсации, выплачиваемые им, заведомо недостаточны для того, чтобы покрыть расходы на переqualification или переезд на другое место.

Разработка морских углеводородных месторождений

Месторождения углеводородов на шельфе китайских морей были обнаружены еще в конце 1960-х гг., но для их освоения у Китая не было ни достаточных финансовых ресурсов, ни необходимых технологий.

С началом осуществления «политики открытости» для координации сотрудничества с иностранными энергетическими компаниями и представительства китайского государства в совместных проектах (в 1982 г.) была создана Китайская национальная компания морских нефтегазодобыток (China National Offshore Oil Co., CNOOC). Министерством нефтяной промышленности КНР при участии специалистов из норвежской государственной нефтяной компании «Статойл», Центра ООН по транснациональным корпорациям и ряда американских частных нефтяных компаний был разработан типовой контракт соглашения о разделе продукции (в китайских источниках обычно используется термин «соглашения о совместной разработке природных ресурсов»)²³.

На таких условиях в 1982, 1985, 1989 и 1993–1994 гг. CNOOC провела четыре раунда торгов на перспективные участки шельфа. В ходе первого и второго раундов разыгрывались участки в Желтом и Южно-Китайском морях, в ходе третьего раунда — в

заливе Бохай, а в ходе четвертого — в Восточно-Китайском море. Всего к началу 2003 г. CNOOC заключила 150 контрактов о совместной разработке шельфовых ресурсов с иностранными фирмами, среди которых преобладали американские и японские, в меньшей степени были представлены компании из западноевропейских стран и Южной Кореи²⁴. В последующие годы некоторые месторождения стали разрабатываться CNOOC в одиночку, без привлечения иностранных партнеров. Совместные с иностранными фирмами проекты морской добычи стали осуществлять и две другие государственные нефтяные компании: Китайская национальная нефтяная компания (China National Petroleum Co., CNPC) и Китайская нефтехимическая компания (Sinopec), причем последняя в нескольких проектах участвует как миноритарный инвестор.

Добыча нефти на шельфе увеличилась с 4,5 млн т в 1993 г. до 16,2 млн т в 1997 г. (когда на нее пришлось уже около 10% совокупного нефтяного производства КНР). В последующие годы эти показатели постепенно увеличивались, и по итогам 2010 г. CNOOC объявила о достижении важного психологически рубежа: морская добыча превысила 50 млн. т (в зачет шел «нефтяной эквивалент», т.е. в указанной сумме была учтена добыча не только нефти, но и природного газа). Как бы то ни было, компания объявила о создании «морского Дацина» (по аналогии с крупнейшим из разрабатываемых месторождений в сухопутной части страны). На континентальном шельфе Китая по состоянию на 2011 г. разрабатывались 82 нефтяных и газовых месторождения. Их доля достигала 25% совокупного общенационального производства, и CNOOC поставила себе новую перспективную задачу — создать к 2020 г. «глубоководный Дацин» — главным образом, за счет добычи на шельфе Южно-Китайского моря²⁵.

Тем не менее, в течение 1990–2000-х гг. проблема дефицита энергоресурсов становилась все более серьезной. С 1993 г. КНР стала нетто-импортером нефти, а к концу 1990-х годов доля импорта в удовлетворении внутренних потребностей в ней приблизилась к 20%. Власти стали поощрять зарубежные инвестиции китайских нефтяных компаний: было решено, что поскольку Китай стал зависим от импорта нефти, то получать ее следует прежде всего с контролируемых самими китайцами зарубежных месторождений. Государственные нефтяные компании КНР развернули крупномасштабную инвестиционную экспансию за рубежом, главным образом в Африке, Латинской Америке, Центральной Азии. Осуществляются вложения в уже разрабатываемые и перспективные месторождения, происходят поглощения местных нефтяных компаний.

Значительная часть китайских инвестиций приходится на шельфовые проекты в других странах, причем их осуществляют как CNOOC, так и CNPC, Sinopec. К настоящему времени китайские нефтедобывающие гиганты имеют шельфовые проекты в Анголе, Нигерии, Экваториальной Гвинее, Кении, Индонезии, Иране, Катаре, Аргентине, Чили и др. В 2010 г. добыча там составила 25 млн т, в CNOOC уже заговорили о «заморском Дацине» и «Дацине — источнике СПГ». Однако успехи китайских компаний и на собственном, и на зарубежном шельфах выглядят скромно на фоне растущей зависимости Китая от импортной нефти. Если в 2008 г. внутреннее производство нефти (190,4 млн т) еще превышало объем импорта (177,9 млн т), то в 2009 г. ее ввоз (203,8 млн т) впервые превысил внутреннее производство (189,5 млн. т). В 2010 г. импорт составил 239,0 млн т при внутренней добыче 203,0 млн т, а в 2011 г. достиг 253,8 млн т при внутренней добыче 204,0 млн т²⁶.

Можно, таким образом, констатировать, что в китайском морском хозяйстве по мере его развития все заметнее становится дисбаланс между растущим потенциалом, с одной стороны, и не полностью удовлетворенными потребностями и выявляющимися рисками, с другой, что подталкивает китайское морское хозяйство к внешней экспансии.

За последние десятилетия в КНР создана обширная портовая инфраструктура, но в ее рамках перегрузка одних портов сосуществует с недостаточным использованием других. Китай стал одним из мировых лидеров в судостроении, но накопленные в этой

отрасли производственные мощности избыточны, продукция не находит достаточного спроса. Надежды, возлагавшиеся на добычу углеводородов на континентальном шельфе Китая, в целом не оправдались. Очевидно, что запасы нефти и природного газа в ныне контролируемых Китаем акваториях не достаточны для того, чтобы с помощью морской добычи переломить тенденцию к нарастанию зависимости национальной экономики от поставок энергоресурсов из-за рубежа. Значительная часть импортного топлива поступает в страну морским путем. Китай вынужден полагаться на ограниченное число транспортных маршрутов, некоторые из них проходят через нестабильные регионы (Ближний и Средний Восток, восточное побережье Африки, острова и полуострова Юго-Восточной Азии), где имеют место военные конфликты, существует угроза пиратства и терроризма. Необходимость решения проблемы продовольственной безопасности для почти полутора миллиардов человек предопределяет важность для Китая биологических ресурсов моря, при этом китайские власти вынуждены ограничивать деятельность национального рыболовного флота в собственных морских акваториях, чтобы предотвратить оскудение их фауны.

От экономической экспансии к геополитическому соперничеству

Еще на исходе 1990-х гг. политическим руководством КНР было декларировано, что одним из методов разрешения внутренних проблем национальной экономики будет политика «выхода вовне», предусматривающая инвестиции в зарубежные активы, создание производственных площадок в других странах. В последние десятилетия среди субъектов китайского морского хозяйства активными вкладчиками капитала за рубежом были не только нефтедобывающие гиганты, но и инфраструктурные компании. В частности, вдоль морского пути, связывающего Китай с ближневосточными и африканскими нефтяными месторождениями, китайские компании инвестировали средства в строительство и модернизацию портов в Пакистане, Шри Ланке и Мьянме. Причем транзит углеводородов через Мьянму в южные провинции КНР будет ускорен строительством китайскими подрядчиками сети нефте- и газопроводов в этой стране, а также модернизацией водных путей в бассейне р. Меконг. В результате китайские импортеры смогут оставить в стороне перегруженную транспортным сообщением и небезопасную из-за пиратства зону Малаккского пролива. Китайский капитал инвестируется также в промышленные и инфраструктурные проекты на Маврикии — островном государстве, занимающем стратегически важное положение в бассейне Индийского океана. Символом того, что экономическое проникновение Китая в эту часть мира подкрепляется военной мощью, стало регулярное направление его патрульных судов для борьбы с сомалийскими пиратами (начиная с декабря 2008 г.).

Что же касается бассейна Тихого океана, к которому непосредственно обращено китайское побережье, то весьма показательно уже само восприятие национальным сознанием соответствующих географических реалий. Вполне в духе традиционного китаецентристского видения мира районы Тихоокеанского бассейна классифицируются специалистами в КНР по степени удаленности от китайских берегов: на находящиеся в пределах так называемой первой цепи островов (от Курильских и Японии к островам Рюкю и далее к Тайваню, Филиппинам и Индонезии) — сюда относится вся акватория Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, включая Тайваньский пролив; находящиеся между первой и второй цепями островов (от Курильских через Японию на Бонин, Марианские, Каролинские острова и далее до Новой Гвинеи) и, наконец, находящиеся за пределами второй цепи²⁷.

Согласно официальной китайской позиции, странами — непосредственными соседями КНР на море (в пределах «первой цепи островов») являются КНДР, Южная Корея, Япония, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Индонезия и Бруней. Надо сказать, что

соседство с последними четырьмя из перечисленных стран может быть констатировано только при том условии, что острова Спратли в Южно-Китайском море однозначно признаются территорией КНР. Понятно, что эта классификация не учитывает и фактически отдельное от КНР существование Тайваня. Но как бы то ни было, делимитация морских пространств между этими государствами до сих пор пребывает в хаотическом состоянии. Достаточно упомянуть, что все морские соседи Китая, кроме КНДР, уже выступили с претензиями на расширение своего континентального шельфа за пределы 200-мильной исключительной экономической зоны. Даже в относительно бесконфликтном районе Желтого моря у Китая не разграничены территориальные воды, исключительная экономическая зона и континентальный шельф с КНДР, а также исключительная экономическая зона и континентальный шельф — с Южной Кореей. Официальное соглашение о делимитации морских акваторий у КНР есть только с Вьетнамом (подписанное в 2000 г.), но оно касается только акватории залива Бэйбу²⁸.

Островные конфликтные зоны

Желание Китая расширить сферу своего контроля на море еще во второй половине XX в. привело к возникновению ряда территориальных конфликтов с соседними странами. Если в дореформенный период мотивация действий китайской стороны была по преимуществу чисто политической, то в последующие десятилетия она стала все больше наполняться экономическим содержанием — стремлением расширить ресурсный потенциал морской экономики Китая. К числу конфликтных зон относятся следующие:

Во-первых, это зона Тайваньского пролива. Напряженность между Пекином и Тайбэем существенно ослабла после того, как в 2008 г. представители партии Гоминьдан (признающей в принципиальном плане возможность воссоединения с материком) вернулись к власти на Тайване и стали проводить курс на либерализацию экономических связей с КНР. За последние годы между двумя берегами Пролива был заключен ряд соглашений хозяйственного и гуманитарного характера, в том числе о прямом морском сообщении и о сотрудничестве в сфере рыболовства. Однако переговоры о статусе Тайваня по-прежнему не ведутся, остаются в принципиальном плане неразрешенными вопросы юрисдикций КНР и «Китайской республики на Тайване» (так ныне именуют тайбэйские власти свое государственное образование) над морскими акваториями. Остается в силе и обещание властей КНР применить силу в случае формального провозглашения независимости Тайваня.

Если присоединение Тайваня к КНР все же произойдет, то у Китая появятся правовые основания для значительного расширения своей исключительной экономической зоны. Но в кратко- и среднесрочной перспективе такое развитие событий представляется маловероятным. Скорее, можно предположить, что представители и КНР, и тайваньской гоминьдановской администрации, сознающие себя принадлежащими к единой китайской нации, уже в недалеком будущем не только продвинулись по пути экономического сотрудничества в морской сфере, но и будут пытаться согласовывать свои позиции в отношениях с третьими сторонами, в том числе и по поводу территориальных конфликтов на морях.

Во-вторых, это район островов Сэнкаку (китайское название — Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море. В прошлом эти острова принадлежали королевству Рюкю, находившемуся в двойной вассальной зависимости — и от Китая, и от Японии. В 1879 г. территория всего королевства вместе с островами Сэнкаку была аннексирована Японией, а впоследствии была включена в состав префектуры Окинава. После поражения Японии во Второй мировой войне по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. острова Сэнкаку были переданы под административный контроль США вместе со всей префектурой Окинава. Под управление Японии эти территории были возвращены американцами в 1971 г. Именно в тот период, на рубеже 1960–1970-х гг. вблизи островов Сэнкаку были обнаружены месторождения нефти и газа, после чего притязания на суве-

ренитет над островами заявили сначала Тайвань, выступавший от имени всего Китая, а затем и КНР. При заключении японо-китайского Договора о мире и дружбе в 1978 г. было решено вычленить вопрос об островах из общего комплекса двусторонних отношений и отложить его разрешение на будущее²⁹.

В последующие десятилетия все три участника территориального спора как на правительственном уровне, так и на уровне общественных организаций и рыболовецких флотилий неоднократно предпринимали демонстративные, а иногда и провокационные действия для подтверждения своих прав на острова. При этом острова оставались под фактическим контролем Японии. Они необитаемы; три из пяти относительно крупных островов архипелага до недавнего времени формально принадлежали частным лицам — семье Курихара, но содержать их у владельцев возможности не было, и считалось, что их арендует японское правительство.

Подходы Японии и КНР при определении границ их исключительных экономических зон в районе островов Сэнкаку принципиально различаются. Япония утверждает, что острова фактически равноудалены от территорий обеих стран, и исключительные экономические зоны пересекаются друг с другом, а потому размежевать их нужно по «срединной линии». При этом японская сторона ссылается на положения Конвенции ООН по морскому праву: согласно им, если расстояние между двумя странами составляет менее 400 морских миль (а в случае с Японией и КНР это так), то границы их исключительных экономических зон должны устанавливаться путем переговоров. Фактически же Япония установила «срединную линию» в одностороннем порядке. КНР же настаивает на том, что эти острова являются продолжением подводной гряды, тянущейся с ее сухопутной территории, а потому вся эта зона является частью китайского континентального шельфа.

Некое подобие прорыва в китайско-японском споре случилось в июне 2008 г.: стороны, в очередной раз констатировав несовпадение позиций по вопросу о делимитации, договорились в качестве промежуточного варианта создать в районе островов «зону совместного освоения». При этом японская сторона признала юрисдикцию КНР над нефтегазовым месторождением Чуньсяо (японское название — Ширикаба) и выразила готовность принять участие в его освоении на стандартных условиях, которые предоставляются иностранным компаниям при осуществлении работ на континентальном шельфе Китая. Такая уступчивость, по-видимому, объяснялась тем, что при реализации японских предложений о проведении «срединной линии» для разграничения исключительных экономических зон месторождение Чуньсяо оказалось бы на китайской стороне. Однако уже в 2009 г. Япония обвинила Китай в том, что при разработке месторождения он осуществляет наклонное бурение, способствующее откачке газа из той части геологической структуры, которую Япония считает относящейся к своей исключительной экономической зоне³⁰.

Градус противостояния в последние годы постоянно повышался, точкой отсчета послужил инцидент в сентябре 2010 г., когда японские патрульные корабли задержали в районе островов Сэнкаку китайский рыболовный траулер и отконвоировали его в японский порт Исигаки. Капитан судна был арестован и оставался под стражей свыше двух недель. За этим последовали ожесточенная дипломатическая пикировка, угрозы КНР прекратить экспорт редкоземельных металлов в Японию, ответные аресты японских граждан в Китае и т.д. Стороны пошли на взаимные уступки, и ситуация несколько разрядилась только после личных контактов на уровне премьер-министров двух стран.

В начале 2012 г. протесты в КНР, и Тайваня вызвало намерение противной стороны присвоить японские названия островам архипелага (ранее безымянным). А в сентябре 2012 г. японское правительство решило подтвердить свой суверенитет над архипелагом еще более радикальным образом, национализировав острова, номинально принадлежавшие семейству Курихара. После этого Пекин демонстративно направил к спорным островам корабли, находящиеся в ведении Государственной океанографической администрации, а она, как известно, выполняет и силовые функции — патрулирования и под-

держания правопорядка в принадлежащих Китаю акваториях. Туда же выдвинулись целые флотилии рыболовецких судов — как китайских, так и тайваньских³¹.

В-третьих, это Парасельские острова (китайское название — острова Сиша) в северной части Южно-Китайского моря, являющиеся предметом территориального спора между Китаем и Вьетнамом. Китай вооруженным путем захватил их в 1974 г., когда южновьетнамский режим был уже в агонии, а контроль коммунистов над всей территорией страны еще не утвердился. С тех пор Пекин считает вопрос о принадлежности островов решенным. Он отказывается вести какие-либо переговоры по этому поводу даже несмотря на то, что межгосударственные отношения КНР и Вьетнама за последние два десятилетия существенно улучшились.

В районе островов периодически происходят столкновения между китайскими и вьетнамскими судами вплоть до применения оружия. Китайские власти еще с 1999 г. распространили на этот район действие сезонного моратория на лов рыбы, и на этом основании производят массовые задержания вьетнамских рыбаков. Если до недавнего времени на Параселах размещались только китайские военные объекты, то с 2010 г. китайцы пытаются сделать их центром международного туризма. Негативная реакция Вьетнама на эти действия не ограничивается официальными протестами: происходят массовые демонстрации, хакерские атаки на китайские сайты и т.д.³²

В-четвертых, это острова Спратли (китайское название — острова Наньша) в юго-восточной части Южно-Китайского моря. Речь идет о двух сотнях мелких островков, рифов, атоллов и скал, разбросанных в огромном эллипсовидном районе, имеющем протяженность с юго-запада на северо-восток свыше 1000 км. На суверенитет над всеми этими островами претендуют Китай и Вьетнам, на северную их группу — Филиппины. Наконец, Малайзия, Бруней и Тайвань ограничивают свои притязания атоллами и рифами в пределах их континентальных шельфов и исключительных экономических зон (в юго-западной части архипелага).

Исторически большинство островов были необитаемыми и бесхозными. Более или менее четко их правовое положение было определено только в 1930-е гг., когда о суверенитете над ними объявила французская колониальная администрация Индокитая. Во время Второй мировой войны острова были оккупированы японцами. По-настоящему территориальный диспут развернулся в послевоенные десятилетия, когда о своих притязаниях один за другим объявили нынешние участники спора. Как и в случаях с островами Сэнкаку и Параселами, соперничество за острова Спратли во многом обусловлено хозяйственными соображениями: в этом районе доказано наличие значительных запасов нефти и природного газа, он весьма богат рыбой и морепродуктами. Наконец, значимость архипелага Спратли состоит в его уникальном географическом положении: по оценкам, через эту зону проходит до 50% грузопотока мировых морских перевозок. Для Китая этот фактор имеет особое и все возрастающее значение: через Малаккский пролив и далее через район островов Спратли транспортируется 80% китайского нефтяного импорта из ближневосточных и африканских стран.

Надо сказать, что в 1970–1980-е гг. страны-участницы спора отстаивали свои позиции конфликтными средствами, высаживая на островах свой военный и гражданский персонал, возводя различные объекты, осуществляя хозяйственную деятельность, в том числе добычу полезных ископаемых. Все это создавало препятствия для судоходства в районе, а зачастую приводило и к вооруженным столкновениям, причем особую жесткость проявлял именно Китай. К настоящему времени он контролирует 5 атоллов архипелага, Вьетнам — 21 остров, Филиппины — 8, Малайзия — 3, Тайвань — 1 остров.

Разрядка напряженности наметилась только с начала 1990-х гг. Страны-участницы АСЕАН смогли создать механизм согласования конфликтующих интересов между собой, в том числе через действующие в рамках этой организации совместные комитеты по рыболовству, добыче ресурсов и морским исследованиям. В 1992 г. страны АСЕАН приняли

Манильскую декларацию по Южно-Китайскому морю, в которой все страны региона призывались к мирному разрешению территориальных споров. В последующие годы к многосторонним консультациям удалось привлечь и Китай. В 2002 г. в Пномпене с участием КНР была подписана Декларация о принципах деятельности в Южно-Китайском море. Правда, конкретных механизмов разрешения конфликтов в ней прописано тогда не было, а выдвинутая асеановцами идея разработки юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море не нашла поддержки у Китая³³.

В 2000-е гг. китайская дипломатия предлагала странам-соседям действовать по принципу «Отложить разногласия, вести совместную разработку». Реализация такого подхода была облегчена тем, что в 2002 г. Китай и страны АСЕАН договорились создать к 2010 г. зону свободной торговли, т.е. перевести свои отношения в формат экономической интеграции. В последующие годы Китай подписал соглашения о совместных морских нефтегазовых разработках с Филиппинами и Вьетнамом (в 2005 г.), с Малайзией (в 2006 г.); о стратегическом партнерстве нефтедобывающих компаний — с Вьетнамом (в 2008 г.), о морском научно-техническом сотрудничестве — с Малайзией (в 2009 г.). В июле 2011 г. в ходе саммита АСЕАН на Бали члены этой организации достигли с Китаем договоренности о разработке юридически обязывающей «дорожной карты» по реализации Декларации 2002 г. В октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга две страны подписали «Соглашение о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем», в котором в очередной раз засвидетельствовали свое миролюбие³⁴.

Впрочем, вопреки этому в последние годы в районе островов Спратли периодически происходили стычки между китайскими, вьетнамскими и филиппинскими военными и гражданскими судами. Китай предъявлял протесты против самостоятельного ведения другими странами морских нефтегазовых разработок и привлечения в эти проекты компаний из западных стран. За последнее время участники спора формализовали свои территориальные притязания. В 2009 г. Китай предъявил в международный Комитет по разграничению прав на континентальный шельф карту, на которой южная морская граница КНР представляет собой U-образную линию, охватывающую 80% всей акватории Южно-Китайского моря за исключением 12-мильных зон территориальных вод соседних государств. В свою очередь, Малайзия и Вьетнам также в 2009 г. подали в тот же Комитет совместную петицию о признании их прав на острова Спратли и прилегающие к ним участки шельфа. На Филиппинах в 2009 г. был принят закон «Об определении основной линии Филиппинского архипелага», оформляющий права этой страны на отдельные острова Спратли. В официальной терминологии Филиппин Южно-Китайское море в последние годы было переименовано в «Западно-Филиппинское»³⁵.

Итак, в морских территориальных конфликтах с участием Китая в последние годы сосуществовали две тенденции: попытки многостороннего сотрудничества в освоении морских ресурсов вокруг спорных территорий — с одной стороны, и отстаивание сторонами своих территориальных притязаний — с другой. Однако сочетание этих тенденций в разных конфликтах складывалось неодинаково. Если в зоне Тайваньского пролива и в Южно-Китайском море более выраженным было стремление к поиску компромиссов, то противостояние Китая и Японии по поводу островов Сэнкаку становилось все более ожесточенным.

Германский исследователь Э. Йе справедливо связывает различия в динамике этих конфликтов с изменениями в соотношении экономических и военно-политических потенциалов участников. В Тайваньском проливе и Южно-Китайском море изначальное примерное равенство сил уступило место доминированию КНР. Явный перевес возможностей китайской стороны создает большую определенность, что способствует стабилизации ситуации. Более слабые участники конфликтов склонны к уступкам, стремятся извлечь выгоду из отношений со страной-гегемоном. А более сильная сторона ради поддержания своей гегемонии обменивает уступки слабым партнерам на поддержку с их

стороны в отношениях с внешним миром. Конкретно все это проявляется в ослаблении конфликтности, переходе от вооруженных захватов территорий к решению вопросов путем переговоров, создании институциональных механизмов сотрудничества.

Напротив, в Восточно-Китайском море прежнее доминирование Японии сменилось примерным равенством сил, а это делает непредсказуемым исход возможного конфликта. Не будучи способными просчитать последствия своих действий, стороны не склонны к конструктивному поведению. Внешне это выглядит как постепенное ужесточение китайской позиции, нарастание напряженности, перевод двусторонних отношений в режим «холодная политика, горячая экономика» (т.е. несмотря на активное развитие экономических связей двусторонним политическим отношениям свойственна нисходящая траектория развития). Ни Япония, ни Китай не хотят участвовать в создании субрегиональных механизмов согласования интересов, так как это не сулит им доминирования в предполагаемой международной организации. Понятно, что все это контрастирует с взаимоотношениями внутри АСЕАН и по линии «КНР — АСЕАН»³⁶.

В «игру» вступают США

За последние годы логика развития этих конфликтов стала еще сложнее из-за того, что они оказались поставлены в гораздо более объемный, многомерный контекст. Произошло это вследствие того, что США, длительное время воздерживавшиеся от активного вовлечения в дела региона, объявили с приходом к власти администрации Обамы о своем «возвращении в Азию». По форме речь идет о том, что после десятилетия приоритетного внимания к борьбе с терроризмом и переустройству Ближнего и Среднего Востока США стремятся диверсифицировать свою внешнюю политику и более тесно взаимодействовать с Восточной Азией — наиболее динамично развивающимся регионом мира. Но по сути, своим «возвращением в Азию» США прежде всего реагируют на усиление КНР: видя в этой стране своего нового главного геополитического соперника, они пытаются сдержать передел сфер влияния в пользу Китая, прочертить границы возможной китайской экспансии.

В июле 2009 г. США присоединились к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, который лежит в основе деятельности АСЕАН. Но по-настоящему усиление американского присутствия в регионе стало ощущаться в середине 2010 г., когда сначала тогдашний министр обороны США Р. Гейтс, а затем — и госсекретарь Х. Клинтон заявили об озабоченности Вашингтона ситуацией в бассейне Южно-Китайского моря. В частности, в июле 2010 г. Клинтон в ходе регионального форума АСЕАН по безопасности в Ханое заявила о наличии у США собственных интересов в этом районе; о том, что американская сторона обеспокоена спорами между КНР и государствами АСЕАН по поводу принадлежности Параселов и островов Спратли, так как имеющийся конфликтный потенциал препятствует свободе навигации и развитию торговли. Тогда же Клинтон впервые предложила задействовать многосторонний подход к разрешению этих территориальных конфликтов, используя имеющийся формат АСЕАН, и выразила готовность США способствовать такому диалогу.

Китайская реакция была резко негативной. Министр иностранных дел Ян Цзечи и другие официальные представители КНР указали, что в районе Южно-Китайского моря имеют место территориальные споры Китая с отдельными странами АСЕАН, а не с организацией в целом, урегулировать их можно только в двустороннем порядке; это не региональные и, тем более, не международные проблемы. Практически тогда же, со второй половины 2010 г. в лексиконе Пекина появилась формулировка о Южно-Китайском море как сфере «жизненно важных интересов Китая». За застарелым территориальным конфликтом стали, таким образом, проступать контуры вновь возникающего противоборства двух крупнейших держав мира.

В 2010–2012 гг. между КНР и США развернулась полемика по вопросу о свободе навигации в Южно-Китайском море. Взаимное раздражение накапливалось уже давно — из-за инцидентов, когда китайская сторона создавала помехи передвижению американских военных морских и воздушных судов в пределах своей исключительной экономической зоны. В нынешней дискуссии обе стороны апеллируют к международным нормам. Надо сказать, что целый ряд стран уже длительное время придерживается принципа запрета на навигацию зарубежных военных кораблей в своих исключительных экономических зонах, и КНР может ссылаться на это как на прецедент. Тем не менее, Конвенция ООН по морскому праву формально такого запрета не содержит, что служит обоснованием для американской позиции. Однако, по справедливому замечанию китайского специалиста по морскому праву Цзинь Юнмина, в логике доказательств американской стороны фактически присутствует подмена понятий: формально США отстаивают право на свободу судоходства коммерческих судов, а на деле речь идет о патрулировании акватории военными судами и о разведывательной деятельности под видом ведения морских исследований³⁷. Все это лишний раз показывает степень озабоченности американцев укреплением потенциала морской деятельности КНР. Показательно и то, что за последние годы США резко активизировали сотрудничество в военно-морской области со своим традиционным союзником Филиппинами, установили и быстро наращивают взаимодействие в этой области с бывшим врагом, Вьетнамом.

Присутствие США в последние годы стало осязаемым и в других проблемных зонах. После упоминавшегося инцидента с китайским рыболовным судном в Восточно-Китайском море осенью 2010 г. Х. Клинтон дала японской стороне заверения в том, что сфера действия американо-японского Договора безопасности распространяется и на острова Сэнкаку. Они были подтверждены в ходе визита в Японию американского министра обороны Л. Панетты в сентябре 2012 г., совпавшего по времени с очередным обострением японо-китайского конфликта.

Предпринятые в связи с обострением межкорейского противостояния из-за потопления южнокорейского судна «Чхопан» совместные учения военно-морских сил США и Республики Корея проходили в 2010 г. в пределах исключительной китайской экономической зоны в Желтом море, что вызвало протесты со стороны КНР. В 2010–2011 гг. администрация Обамы дважды санкционировала крупные поставки американских вооружений на Тайвань.

В официальной китайской трактовке развитие событий в морских конфликтных зонах в последние годы представляется как результат неправомерного вмешательства внерегиональных сил. Но с более беспристрастных позиций ситуацию можно расценить по-другому. В связи с подъемом Китая аналитики во всем мире уже довольно долго ожидали соперничества за передел сфер влияния между прежней единственной и вновь возникающей сверхдержавами. Судя по всему, этот процесс уже начался, и пока он идет в основном по периметру границ Китая, как морских, так и сухопутных. Он проявляется не только в действиях США и КНР в зонах конфликтов по поводу островов и морских акваторий, но и в их борьбе между собой за влияние на азиатские правительства — на Корейском полуострове, на Тайване, во Вьетнаме и Пакистане, во всех этих странах присутствие обеих держав уже можно считать равновеликим. Сферой китайско-американского соперничества, очевидно, будут становиться и пути транспортировки углеводородов, проходящие через Индийский океан. Можно констатировать, что именно область морской деятельности стала одной из первых в отработке тех новых механизмов взаимодействия, которые надолго будут определять ситуацию в мире.

1. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2011. Пекин, 2011. С. 350 (на кит. яз.).

2. Там же. С. 179–181, 183–184, 234, 582–584; Доклад о развитии морской деятельности в Китае, 2012. Пекин, 2012. С. 438–440 (на кит. яз.).
3. *Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики. М., 2012. С. 263.
4. Чжунго тунцзи чжайяо 2012 [Краткий статистический ежегодник Китая, 2012]. Пекин, 2012. С. 154 (на кит. яз.).
5. DBS Vickers Securites. China Port Sector. URL: www.dbvickers.com. 2010, July 15.
6. Жэньминь жибао. 2009. 27 февр.; 2010. 26 февр.; 2011. 1 марта; 2012. 23 февр.
7. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2012. С. 95.
8. DBS Vickers Securities. China Port Sector. URL: www.dbvickers.com, 2010, July 15.
9. Чжунго тунцзи чжайяо 2012. С. 63.
10. Жэньминь жибао хайвай бань 2008. 31 июля.
11. Чжунго тунцзи чжайяо 2012. С. 63, 152.
12. *Сазонов С.Л.* Указ. соч. С. 262–263.
13. БИКИ. 2011. 12 марта.
14. Там же. 2 апр.
15. Жэньминь жибао хайвай бань. 2009. 12 февр.; China Business Review. 2009. № 2. Р. 13.
16. БИКИ. 2011. 2 июня.
17. Там же. 2012. 7 июня.
18. Там же. 2012. 19 июня.
19. Чжунго тунцзи чжайяо 2012. С. 123.
20. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2011. С. 153–154.
21. Там же. С. 350, 373.
22. Цзинцзи гуаньча бао. 2011. 18 июля; Beijing Review. 2012. № 7. Р. 26.
23. China Business Review. 1990. № 2. Р. 24–25.
24. China Daily. 2003. 31 January.
25. Чжунго тунцзи чжайяо 2012. С. 135; Жэньминь жибао хайвай бань. 2011. 5 янв.; Цзинцзи гуаньча бао. 2011. 11 июля.
26. Жэньминь жибао. 2009. 27 февр.; 2010. 26 февр.; 2011. 1 марта; 2012. 23 февр.
27. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2011. С. 5. См. также: *Алдомясов В.И.* Эволюция морской геостратегии Китая // Мир и политика. 2011. № 9. С. 40–58; Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. М., 2005. С. 56–64.
28. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2011. С. 115, 119, 124.
29. См. подробнее: *Стенанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007. С. 208–216; *Семин А.В.* Токио — Пекин: конфликтный потенциал сохраняется? // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 104–109.
30. Жэньминь жибао хайвай бань. 2008. 19 июня, 20 июня; Economist. 2010. 23 January. Р. 50–51.
31. Хуаньцю шибао. 2010. 20 сент., 30 сент.; Время новостей. 2010. 9 сент., 28 сент.; Известия. 2012. 1 февр., 6 марта, 14 сент.
32. См. подробнее: *Лексютина Я.В.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 32–36; Economist. 2010. 23 January. Р. 51.
33. См. подробнее: *Агафонов Г.Д.* Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М., 2004. С. 48–60.
34. Доклад о развитии морской деятельности в Китае 2011. С. 43, 122; Моск. новости. 2011. 21 июля; Beijing Review. 2011. № 43. Р. 10–11; Economist. 2011. 30 July. Р. 48.
35. См. подробнее: *Портяков В.Я.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009—2011 гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2012. N 2. С. 34–35.
36. См.: *Yee A.* Maritime Territorial Disputes in East Asia: A Comparative Analysis of the South China Sea and the East China Sea // Journal of Current Chinese Affairs. 2011. № 2. Р. 165–193.
37. *Jin Yongming.* How to Resolve the South China Sea Issue // China Daily. 2011. July 7.

Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяюйдао)

© 2013

И. Гордеева

В статье рассматривается территориальный спор между Японией и Китаем вокруг островов Сэнкаку (Дяюйдао), который привел к серьезному ухудшению отношений двух стран. Разбираются базисные позиции сторон по этому вопросу на основе официальных документов, а также позиция США.

Ключевые слова: острова Сэнкаку (Дяюйдао), Япония, Китай, Тайвань, США.

I

В последнее время вновь *резко обострился территориальный спор* между Японией и Китаем вокруг островов Сэнкаку (Дяюйдао), приобретающий все более опасный и непримиримый характер. Эти острова, расположенные в Восточно-Китайском море, включают в себя пять небольших островов и три скалы, размерами от 800 кв. м до 4,32 кв. км, всего — около 7 кв. км. Находятся они примерно в 170 км от побережья Тайваня, в 170 км от самого южного острова (Исигаки) японского архипелага Нансей (Рюкю) и в 330 км от побережья материкового Китая. В спор непосредственно вовлечены Тайвань, также претендующий на суверенитет над указанными островами, и Соединенные Штаты, занимающие внешне нейтральную, но в действительности откровенно прояпонскую позицию.

Нынешние базисные позиции сторон излагаются в опубликованной Китаем 25 сентября 2012 г. *Белой книге «Дяюйдао — неотъемлемая территория Китая»*¹, переиздающейся из года в год, в широко растиражированной *памятке МИД Японии «Основной подход к вопросу о суверенитете над островами Сэнкаку»* (последняя публикация — октябрь 2012 г.)², в многочисленных официальных заявлениях, статьях, подборках материалов. Вопрос о Сэнкаку (Дяюйдао) неоднократно поднимался в ходе слушаний в Конгрессе США, детальная американская позиция содержится в докладе исследовательской службы Конгресса от 25 сентября 2012 г.³

Согласно данным китайской стороны (КНР и Тайваня) — с приведением многочисленных исторических источников, карт, включая японские, острова были открыты Китаем еще в Минскую эпоху (1368–1644 гг.). Тогда же они были включены в зону береговой охраны Китая. В Цинскую эпоху (1644–1911 гг.) острова Дяюйдао стали в административном плане частью китайской провинции Тайвань. До начала японо-китайской войны (1894–1895 гг.) права Китая на острова Дяюйдао, каждому из которых были присвоены китайские наименования, никто, как указывается, не оспаривал.

Интерес Японии к островам стал проявляться с 1884 г. — после аннексии Японией в 1879 г. королевства Рюкю, ранее являвшегося вассалом Китая и переименованно-

го после аннексии в «префектуру Окинава». По материалам Белой книги КНР, события разворачивались следующим образом. Начиная с 1884 г. Япония послала на острова несколько секретных отрядов для их обследования. Губернатор Окинавы несколько раз обращался в МИД Японии с предложением включить острова в состав префектуры Окинава. Однако японский МИД занял тогда осторожную позицию, указывая, что установка на островах знаков об их принадлежности Японии могла бы привлечь внимание и вызвать протесты со стороны цинского императорского двора. После того как в июле 1894 г. разразилась японо-китайская война и японские войска захватили в конце ноября порт Люйшунь (Порт-Артур), предрешив тем самым исход войны в свою пользу, японская сторона (этим тогда занимался министр иностранных дел М. Мунэмицу) решила, что пора действовать. 14 января 1895 г. кабинет министров Японии принял секретную резолюцию о включении упомянутых островов в состав префектуры Окинава. Островам были присвоены японские имена, однако название Сэнкаку было дано лишь в 1900 г. По условиям подписанного 17 апреля 1895 г. Симоносекского договора Китай уступил Японии Тайвань «вместе с прилегающими или принадлежащими ему островами». Конкретно назывались лишь Пескадорские острова (о-ва Пэнхуледао). Однако китайская сторона исходит из того, и постоянно подчеркивает это, что Тайвань был передан вместе с островами Дяюйдао, входившими на тот момент в состав провинции Тайвань. Это обстоятельство имеет принципиально важное значение для Китая, определяющее его дальнейшую позицию таким образом, что острова Дяюйдао должны были быть переданы Китаю вместе с Тайванем после поражения Японии во Второй мировой войне в соответствии с ялтинскими, потсдамскими и другими решениями держав-победителей.

Что касается японской трактовки этого вопроса, то в упомянутой памятке МИД Японии она выглядит следующим образом: «Начиная с 1885 г. правительство Японии осуществляло глубокие исследования островов Сэнкаку с помощью властей префектуры Окинава и другими способами. На основании полученных данных было подтверждено, что острова Сэнкаку являются необитаемыми, нет никаких свидетельств, что они находятся под контролем Китая. Исходя из этого, правительство Японии приняло 14 января 1895 г. решение установить на островах знаки, тем самым официально включив их в состав японской территории. С тех пор острова Сэнкаку постоянно были неотъемлемой частью островов Нансей, являющихся территорией Японии. Эти острова не были ни частью Тайваня, ни частью Пескадорских островов, которые были переданы Японии Цинской династией Китая в соответствии со Статьей II Симоносекского договора, вступившего в силу в мае 1895 г. Соответственно, острова Сэнкаку не были включены в перечень территорий, от которых Япония отказалась по Статье II Сан-Францисского мирного договора. Острова Сэнкаку были переданы под управление администрации США как часть архипелага Нансей в соответствии со Статьей III упомянутого договора и включены в состав территории, административные права на которую были возвращены Японии в соответствии с Соглашением между Японией и Соединенными Штатами Америки относительно архипелага Рюкю и островов Дайто, подписанным 17 июня 1971 г. Изложенные факты ясно свидетельствуют о статусе островов Сэнкаку как части территории Японии. Тот факт, что Китай не представил возражений против статуса островов, как находящихся под управлением США согласно Статье III Сан-Францисского мирного договора, ясно указывает на то, что Китай не рассматривал острова Сэнкаку как часть Тайваня. Только во второй половине 1970-х гг., после того как возник вопрос об освоении нефтяных месторождений на континентальном шельфе в Восточно-Китайском море, правительство Китая и власти Тайваня начали поднимать вопросы относительно островов Сэнкаку. Более того, ни один из доводов, выдвинутых правительством Китая в качестве «исторических, географических или геологических» свидетельств, не дает законных оснований, с точки зрения международного права, для подтверждения аргументов Китая относительно островов Сэнкаку»⁴.

Позиция Японии вызывает резко негативную реакцию Пекина. Указывается, что японское правительство хорошо осознавало, что острова Дяоюйдао отнюдь не являлись "terra nullius" (ничейной землей), и решилось на присоединение островов, лишь нанеся военное поражение Китаю (согласно китайской Белой книге, продвижение Японии в 1885–1895 гг. к захвату островов Сэнкаку — с постоянной оглядкой на реакцию цинского императорского двора — четко зафиксировано и в дипломатических документах Японии, составленных самим японским МИД). Подчеркивается, что в своей принципиальной основе Китай никогда не отказывался от суверенитета над указанными островами, исходил и продолжает исходить из того, что они должны были быть возвращены Китаю — вместе с Тайванем — по итогам Второй мировой войны. Говорится также, что КНР, как и власти Тайваня, не была приглашена на Сан-Францисскую конференцию. В этой связи тогдашний премьер и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай заявил 18 сентября 1951 г. от имени правительства КНР, что Сан-Францисский мирный договор является «незаконным и недействительным», китайское правительство его не признает, поскольку Китай был отстранен от участия в подготовке, формулировании и подписании Договора⁵. Отмечается и то обстоятельство, что первоначально при передаче островов Рюкю под управление США острова Дяоюйдао не были включены в сферу администрации. Юрисдикция американской администрации была распространена на них лишь в декабре 1953 г., что, как говорится в китайской Белой книге, встретило «твердые возражения» со стороны Китая.

17 июня 1971 г. США и Япония подписали Соглашение о возвращении Японии островов Рюкю (вместе с островами Сэнкаку). В связи с этим МИД КНР выступил 30 декабря 1971 г. с заявлением, в котором подчеркивалось: «Включение правительствами США и Японии китайских островов Дяоюйдао в состав возвращаемых Японии территорий по Соглашению о возвращении Окинавы является полностью незаконным. Это никоим образом не может изменить территориальный суверенитет КНР над островами Дяоюйдао»⁶. С подобным же заявлением выступили и тайваньские власти.

В сентябре 1972 г. Япония и КНР установили между собой дипломатические отношения, а 12 августа 1978 г. заключили Договор о мире и дружбе. Находясь в тот период в сложных международных обстоятельствах, китайская сторона предпочла не обострять вопрос о Дяоюйдао, хотя он и затрагивался сторонами во время переговоров. По словам заместителя премьера Госсовета Дэн Сяопина в ходе встречи в верхах с премьер-министром Т. Фукудой в октябре 1978 г., на переговорах в 1972 г. и в 1978 г. стороны договорились «отложить в сторону» решение данного вопроса. «Люди нашего поколения, — сказал Дэн Сяопин в беседе с Т. Фукудой и на пресс-конференции 25 октября 1978 г. — не обладают достаточной мудростью для урегулирования данной дискуссии, возможно следующее поколение будет мудрее нас. Тогда и будет найдено решение, с которым все бы согласились»⁷. В то же время, как указывается японской стороной, каких либо фактов, подтверждающих согласие Японии с предложением китайской стороны «отложить» решение вопроса или «сохранить статус-кво» в ситуации с островами Сэнкаку, «не имеется»⁸. Отмечается, что Т. Фукуда на указанные слова Дэн Сяопина никак не прореагировал.

О своих «суверенных правах» на острова Дяоюйдао (Дяоюйтай в тайваньском наименовании) постоянно заявляет Тайбэй, используя сходную с Пекином аргументацию. В то же время Тайбэй уклоняется от предложений Пекина совместно выступать в указанном вопросе. По заявлению тайваньского министра по делам материкового Китая Лай Синьюаня в апреле 2012 г., предложения материка решать указанные вопросы совместно для Тайваня неприемлемы, поскольку «у нас есть собственный спор с Пекином по вопросам суверенитета»⁹. В марте 2012 г. министр иностранных дел Тайваня Т. Ян заявил, что Тайвань будет вести дела в вопросах островов Дяоюйтай «в соответствии с собственными национальными интересами»¹⁰. Тайбэй уклонился от принятия японского

предложения о предоставлении Тайваню привилегированных прав на рыболовство в окружающих острова Дяюйдао водах, исходя из своей принципиальной позиции о статусе указанных островов¹¹.

Весьма двусмысленную позицию в данном вопросе занимают США. Как уже отмечалось, по Соглашению от 17 июня 1971 г. о возвращении Окинавы Японии — вместе с островами Рюкю — были переданы и острова Сэнкаку. В ходе сенатских слушаний в Конгрессе США на предмет ратификации Соглашения представители госдепартамента заявили, что несмотря на передачу островов Сэнкаку Японии, США придерживаются нейтральной позиции в отношении притязаний Японии, Китая и Тайваня на острова. Американский шаг, как было подчеркнуто, не направлен против кого-либо и не подрывает чьих-либо притязаний. По словам госсекретаря США В. Роджерса, Соглашение «не оказывает никакого влияния на правовой статус островов». Из дальнейших разъяснений американской стороны следовало, что острова Сэнкаку перешли под японскую администрацию (но не под ее суверенитет) по той причине, что они находились под контролем Японии (*residual sovereignty*) на момент передачи островов под управление США согласно Статье III Сан-Францисского мирного договора. США, как отмечалось, «не претендуют на указанные острова, и вопрос об их принадлежности должен быть урегулирован самими заинтересованными сторонами»¹². Эту свою позицию США неоднократно озвучивали и в последующем.

В то же время Вашингтоном было указано, что на острова Рюкю, включая острова Сэнкаку, распространяется действие американо-японского Договора о взаимной безопасности от 1960 г., по которому США взяли на себя обязательство «защищать Японию». В своем заявлении от 30 октября 2010 г. в ходе саммита АСЕАН в Ханое госсекретарь США Х. Клинтон, в частности, подчеркнула: «Что касается островов Сэнкаку, США никогда не занимали позицию относительно их суверенитета, однако мы дали ясно понять, что эти острова являются частью наших взаимных обязательств по Договору и обязательств по защите Японии». Х. Клинтон далее подчеркнула, что Соединенные Штаты побуждают Японию и Китай добиваться мирного разрешения разногласий в этой и в других областях. США, сказала она, были бы весьма заинтересованы организовать у себя трехстороннюю встречу, где встретились бы министры иностранных дел Японии и Китая для обсуждения целого круга вопросов¹³.

II

На протяжении последних десятилетий мир был свидетелем *острой борьбы вокруг указанных островов*, настоящих баталий (с применением багров, водометов и т.д.) между японскими сторожевыми катерами и флотилиями китайских, тайваньских и гонконгских рыболовецких судов и судов с активистами обеих сторон, предпринимавшими попытки высадиться на каком-либо из островов архипелага Сэнкаку (Дяюйдао), разбить там палаточный лагерь, поднять соответствующий государственный флаг и т.д. Данные попытки решительно пресекались японской береговой охраной, налагались штрафы, был произведен ряд арестов, включая арест и этапирование на территорию Японии капитана китайской рыболовецкой шхуны (история наделала много шума и закончилась в конечном итоге освобождением капитана). Чтобы не обострять обстановку Япония старается не допускать высадку на Сэнкаку и представителей различных японских националистических групп. Наиболее острая напряженность из-за Сэнкаку (Дяюйдао) отмечалась в 1996, 2010 гг. и в нынешнем, 2012 г.

Интерес сторон к островам значительно возрос после проведенных в 1968–1969 гг. по линии Экономической комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) изыскательских работ в окружающих острова водах и на морском дне, по результатам которых был сделан вывод о *возможном нахождении в этом регионе крупных месторо-*

ждений нефти и газа (не говоря уже о богатейших рыбных ресурсах). В феврале 1992 г. Китай принял Закон КНР о территориальном море и прилегающих зонах, подтверждающий в юридическом плане его суверенитет над островами Дяоюйдао. Утверждены положения, в соответствии с которыми осуществляется патрулирование китайскими кораблями окружающих Дяоюйдао вод¹⁴. В свою очередь Япония объявила в июле 1996 г. об установлении 200-мильной особой экономической зоны вокруг островов Рюкю, включая Сэнкаку. Между Японией и Китаем возникли острые споры по вопросам демаркации морской границы в Восточно-Китайском море, разграничения экономических зон. Сначала Япония, а затем и Китай представили в ООН свои схемы территориальных вод вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао).

Начиная с 1970 г. КНР проводит изыскательные работы и пробные бурения по свою сторону от предлагаемой Японией срединной разграничительной линии в Восточно-Китайском море. В первой декаде 2000-х гг. Япония и Китай предприняли попытку выработать двустороннее соглашение об эксплуатации подводных углеводородных ресурсов, оставив в стороне разногласия по территориальному вопросу. В июне 2008 г. стороны договорились о совместных поисках нефти и газа на двух полях вблизи и в районе разграничительной линии. Конкретно речь шла о Чунсяо (Сиракаба) нефте- и газоносных полях. Однако на сегодняшний день дело так и не продвинулось.

Все это время напряженность вокруг Сэнкаку (Дяоюйдао) не спадала. «Масла в огонь» подлило принятое японским правительством на заседании 10 сентября 2012 г. *решение о выкупе у японских частных владельцев трех островов архипелага Сэнкаку*, которые затем были национализированы (острова были переданы в аренду японским правительством, а затем проданы в период нахождения Тайваня под властью Японии). Указанный шаг вызвал в КНР, на Тайване и в Гонконге бурю возмущений. Помимо официальных протестов правительства КНР, в Китае начались массовые выступления, переросшие в ряде случаев в погромы офисов японских компаний в КНР, японских ресторанов, сжигание автомашин и государственных флагов Японии. Сообщалось также, что в Китае был введен запрет на продажу японских книг и печатной продукции. Антияпонские выступления охватили свыше 100 китайских городов. Усилились националистические выступления против КНР и в Японии. Ряд японских деятелей, в частности бывший до недавнего времени губернатором Токио С. Исихара, известный своими крайне правыми взглядами, предлагает начать практическое освоение островов Сэнкаку — возводить там сооружения, фабрики по переработке сырья, создавать опорные пункты, начать фактическое заселение и т.д.¹⁵

Наблюдается явная эскалация с обеих сторон воинственной риторики и шагов. В конце октября в окружающие Дяоюйдао территориальные воды вошла группа китайских патрульных кораблей. Японская сторона заявила в связи с этим решительный протест Китаю и потребовала, чтобы китайские корабли «немедленно покинули» этот район. В свою очередь командиры китайских кораблей заявили, что это японские патрульные суда должны покинуть «китайские территориальные воды»¹⁶. Участились военные маневры сторон в Восточно-Китайском море (в случае с Японией в них принимали участие военные корабли и самолеты США).

В сентябре в район Дяоюйдао подошел отряд в составе 11 китайских военных кораблей (они, однако, как сообщалось, не стали заходить в установленную Японией 12-мильную территориальную зону вокруг островов). Представитель Министерства обороны КНР Ян Юйцзюнь заявил в этой связи, что китайские корабли «имеют законное право осуществлять патрулирование и учения в целях повышения боеготовности в водах, находящихся под юрисдикцией Китая»¹⁷. СМИ приводили заявление премьер-министра Ё. Ноды, что если противостояние с Китаем обострится, то могут быть применены силы самообороны Японии. Об этом же говорится в японской «Белой книге по обороне 2012» Представитель Министерства обороны КНР, назвав подобные заявления «безответствен-

ными», подчеркнул, что действия Японии натолкнутся на «твердое сопротивление со стороны китайского народа»¹⁸. С китайской стороны также заявлено, что в случае необходимости она не остановится перед применением военной силы (между тем, иностранные обозреватели считают крупный вооруженный конфликт между Японией и Китаем из-за островов Сэнкаку (Дяюйдао) в настоящее время маловероятным, с учетом серьезных последствий такого конфликта для отношений обеих стран, тем более принимая во внимание американский фактор).

Стороны вынесли вопрос о Сэнкаку (Дяюйдао) в ООН, «скрестив шпаги» на 67-й сессии Генассамблеи. Выступая 26 сентября 2012 г. в Нью-Йорке, премьер-министр Японии Ё. Нода, не говоря прямо, к кому это обращено, подчеркнул, что отношения в мире должны строиться на «верховенстве закона» (rule of law). «Любые попытки реализовать идеологию или притязания страны путем одностороннего применения силы или угроз, — сказал он, — несовместимы с фундаментальным духом Устава ООН»¹⁹.

Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в выступлении 27 сентября заявил уже прямо, что острова Дяюйдао принадлежат Китаю с древних времен и были захвачены Японией в 1895 г. в результате китайско-японской войны. «Покупка островов» японским правительством, подчеркнул он, грубо нарушает суверенитет Китая. «Это прямое отрицание результатов победы в мировой антифашистской войне и представляет собой вызов послевоенному международному порядку, целям и принципам Устава ООН. Предпринятые Японией меры полностью незаконны и недействительны»²⁰.

Японский и китайский представители при ООН обменялись затем репликами, используя «право на ответ». Японский представитель, изложив базовую японскую позицию по вопросу Сэнкаку, подчеркнул, что указанные острова «находятся под законным контролем Японии». «Не существует касающегося островов Сэнкаку вопроса о территориальном суверенитете, который нужно было бы решить»²¹. Японскую позицию в резкой форме осудил китайский представитель, подчеркнув, что «Китай будет продолжать предпринимать решительные и действенные меры в защиту своей территориальной целостности и суверенитета»²². В ходе пресс-конференции 27 сентября в Нью-Йорке премьер-министр Ё. Нода заявил, что Япония «не пойдет на компромисс» с Китаем в вопросе о принадлежности островов Сэнкаку. Он в то же время сказал, что Япония не хочет ухудшения отношений с Китаем и будет «пытаться решить спор спокойным путем».

К настоящему времени *противостояние в связи с Сэнкаку (Дяюйдао) превратилось в весьма серьезную проблему для обеих сторон*. Помимо огромного ущерба политическим отношениям двух стран, конфликт начинает приносить все более ощутимый урон их экономическим интересам, что лишь усугубляет трудности, связанные с последствиями мирового экономического кризиса. Существует угроза, что возникшие проблемы могут затронуть весь Азиатско-Тихоокеанский регион. Резко упали продажи в Китае японских автомобилей (от 35 до 63%), запчастей к ним, электроники, других товаров. Ряд японских предприятий были вынуждены на время приостановить свое производство в КНР. Значительно, на 70%, упал поток китайских туристов в Японию (в 2010 г. они дали поступления на сумму 3,7 млрд долл. и 3,4 млрд долл. в 2011 г.), а японских в Китай. В итоге, как ожидается, для Японии это может обернуться потерей одного процента ее ВВП²³. Пострадает и КНР, для которой Япония является одним из главных торговых партнеров — 345 млрд долл. в 2011 г. Ожидается сокращение японских инвестиций в китайскую экономику, ряд японских компаний задумываются о переносе своих предприятий из Китая в Индию, Индонезию, Вьетнам и другие «более безопасные страны».

Оценивая ситуацию как «небывало серьезную» (заявление официального представителя МИД КНР Хун Лэя) и осознавая, что «дело зашло слишком далеко», стороны, похоже, начинают задумываться над тем, *как найти выход из создавшегося положения*. В последнее время японская сторона (в частности, министр иностранных дел К. Гэмба) выступила с рядом заявлений о том, что она стремится к улаживанию ситуации мирным

путем и старается «проявлять максимальную сдержанность»²⁴ (при этом постоянно подчеркивается, что «вопроса о территориальной принадлежности Сэнкаку не существует»). На пресс-конференции 11 октября 2012 г. представитель МИД КНР Хун Лэй подчеркнул, что «китайская сторона приняла во внимание заявление японской стороны о том, что она желает как можно скорее уладить споры, чтобы не мешать стабильному развитию двусторонних отношений». Если японская сторона, сказал Хун Лэй, готова подтвердить свои слова действиями, то «она должна признать ошибочность провокационных актов и высказываний, практическими действиями отстаивать общие интересы китайско-японских отношений»²⁵.

25 сентября 2012 г. в Пекине состоялись специальные консультации по проблеме Сэнкаку (Дяоюйдао) между заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Чжицзюнем и заместителем министра иностранных дел Японии Т. Каваи²⁶. Вопрос также обсуждался на встрече в сентябре в Нью-Йорке — в рамках 67-й сессии Генассамблеи ООН — министров иностранных дел двух стран. Стороны договорились расширить и укрепить контакты на уровне глав дипломатических ведомств и сотрудников различных министерств. По сообщениям обозревателей, встречи проходили в напряженной обстановке, и прорыва на них достигнуто не было. Обратило на себя внимание высказывание 2 октября премьер-министра Японии Ё. Ноды о том, что обращаться по этому вопросу в Международный суд в Гааге необходимости нет (китайские СМИ, однако, отметили непоследовательность позиции японского премьера в связи с тем, что Токио был бы не против передать на рассмотрение Международного суда подобный же спор из-за находящихся под контролем Южной Кореи островов Токто (Такэсима)²⁷.

Свою лепту в урегулирование японо-китайского конфликта пытаются внести США, очевидно, хорошо понимая всю опасность создавшейся ситуации. В самый разгар очередного всплеска японо-китайского конфликта из-за указанных островов Токио и Пекин посетил в середине сентября министр обороны США Л. Панетта, который призывал стороны к сдержанности и убеждал их в необходимости найти взаимоприемлемый компромисс. На совместной пресс-конференции в Токио 17 сентября министр сказал, что ситуация вызывает серьезную озабоченность у Соединенных Штатов, учитывая возможность «неверного расчета» с той или иной стороны. Необходимо использовать дипломатические меры, подчеркнул он, с тем, чтобы избежать дальнейшей эскалации. Л. Панетта в то же время подтвердил, что США будут придерживаться взятых на себя обязательств по Договору о взаимной безопасности²⁸. В ходе встречи 28 сентября в Нью-Йорке с министром иностранных дел Японии К. Гэмбой госсекретарь США Х. Клинтон подчеркнула необходимость «аккуратного, взвешенного и эффективного подхода к решению имеющегося спора с КНР»²⁹.

15–20 октября К. Гэмба посетил с визитами Францию, Великобританию и Германию, в ходе которых, помимо прочего, он, как сообщалось, пытался заручиться поддержкой указанных стран в споре Японии с Китаем из-за Сэнкаку. Однако, судя по сообщениям западных СМИ, в этих странах к этому отнеслись довольно сдержанно, явно не испытывая желания занять в споре чью-либо сторону.

Определенные надежды на снижение остроты противоречий между Японией и КНР из-за островов Сэнкаку и восстановление положительной динамики в развитии отношений двух стран возлагаются на приход к государственному и партийному руководству в Китае по итогам XVIII съезда КПК политиков новой генерации во главе с Си Цзиньпином и победу на последних парламентских выборах в Японии Либерально-демократической партии, в результате которой новым премьер-министром стал С. Абэ.

1. <http://english.caijing.com.cn/2012-09-25/112152091.html>.

2. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku.html>.
3. Congressional Research Service 7–5700 www.crs.gov R42761.
4. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku.html>.
5. China Daily. 2012. 14 сент.
6. Белая книга КНР 2012 г. URL: <http://english.caijing.com.cn/2012-09-25/112152091.html>.
7. Справка на сайте МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku.html>.
8. http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku/fact_sheet.html.
9. Radio Taiwan International. 2012. 26 апр.
10. Сообщение новостного агентства "Focus Taiwan News Channel «Тайвань не объединяется с Китаем в вопросе об островах Дяюйдао: Министерство иностранных дел», 07.03.2012.
11. <http://nsrc.wordpress.com/2012/10/08/>
12. Congressional Research Service 7–5700 www.crs.gov R42761.
13. Там же.
14. China Daily. 2012. 14 сент.
15. http://russian.news.cn/importnews/2012-10/26/c_131933185.htm.
16. http://russian.news.cn/china/2012-10/28/c_131935695.htm.
17. <http://english.cntv.cn/20120927/106933.shtml>.
18. Независимая газ. 2012. 1 авг.
19. www.voltairenet.org/article176018.html.
20. <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t975077.htm>.
21. http://www.mofa.go.jp/announce/speech/un2012/un_0928.html.
22. <http://www.un.org/News/Press/docs/2012/ga11295.doc.htm>.
23. Коммерсант. 2012. 29 окт.
24. Независимая газета. 2012. 28 сент.
25. http://russian.news.cn/china/2012-10/11/c_131900878.htm.
26. <http://in.chineseembassy.org/eng/zt/diaoyudao/t973428.htm>.
27. <http://opiniojuris.org/2012/10/03/japanese-pm-confirms-no-icj-for-senkakusdiaoyu-dispute-with-china/>
28. http://www.defense.gov/home/features/2011/0711_message1/ См. также: <http://www.youtube.com/watch?v=oQKQngrJYe8>.
29. <http://news.mail.ru/politics/10412207/>

Экономика

Состояние и перспективы экономического сотрудничества между Россией и Китаем*

© 2013

Дяо Сюэуа

Автор анализирует состояние российско-китайского экономического сотрудничества и существующих в нем проблем. Особое внимание уделяется факторам, благоприятствующим его развитию.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономическое сотрудничество, приграничная торговля, благоприятные факторы взаимодействия, структура товарообмена.

Состояние российско-китайского экономического сотрудничества

РФ и КНР — дружественные соседи, имеющие давнюю историю взаимовыгодного сотрудничества. Эти отношения имеют прочную базу и широкие перспективы. Объем их торгового оборота с 2006 по 2010 г. увеличился с 28,7 млрд до 59,3 млрд долл. США. По сравнению с 2009 г. он, по данным российской таможенной статистики, увеличился в 2010 г. на 50,3%, а в 2011 г. достиг 83,5 млрд долл., что составило 10,4% общего объема внешней торговли России. Прирост — 40,8% по сравнению с 2010 г. (см. табл. 1). В 2012 г. рост суммарного товарооборота двух стран продолжился, превысив, по данным китайской таможенной статистики, 88,16 млрд долл. (экспорт КНР в РФ составил 44,06 млрд, импорт — 44,10 млрд.)

Если учесть, что в 2011 г. товарооборот Китая с Евросоюзом составлял 567,21 млрд долл., а с США — 446,65 млрд долл.¹, показатели китайско-российской торговли, казалось бы, пока что не слишком впечатляют, тем более, что её удельный вес в общем внешнеторговом обороте КНР снижается. В 2009 г., Китай занял 3-е место среди внешнеторговых партнеров России, затем два года подряд был ее крупнейшим торговым партнером (в 2011 г. — первенствовал в товарообороте РФ со странами дальнего зарубежья, см. табл. 2).

Лидирующим направлением двусторонних экономических связей ныне является приграничное сотрудничество, чему благоприятствует протяженность пограничной линии. Динамично развиваются связи приграничных районов России с провинциями и автономными районами Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, АРВМ, СУАР), на долю которых приходилось в 2010 г. 28,08% российско-китайской торговли. В 2005 г. двусторонний объем такой торговли составил 10,28 млрд, а в 2010 г. — 16,65 млрд долл. (рост на 40,56%). Из этого на российский экспорт пришлось 11,79 млрд долл. (рост на 37,14%), импорт — 4,86 млрд долл. (рост на 49,6%) (см. табл. 3).

Дяо Сюэуа, доктор экономических наук, доцент Института развития экономики и общества Дунбэйского финансово-экономического университета. Далянь, КНР. E-mail: xiuhuadiao@yahoo.com.cn.

* Статья подготовлена в рамках проекта "Перестройка и оптимизация экономической структуры стран с переходной экономикой", утвержденного фондом гуманитарных и общественных наук Министерства образования КНР (№12YJA790022).

Таблица 1.

Китайско-российский товарооборот в 2006–2011 гг. (млрд долл. США)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ОБОРОТ	28,7	40,3	55,9	39,5	59,3	83,5
темпы роста в %	141,2	140,6	138,7	70,6	150,3	140,8
ЭКСПОРТ	15,8	15,9	21,1	16,7	20,3	35,24
темпы роста в %	120,8	100,9	133,0	78,8	121,8	173,6
ИМПОРТ	12,9	24,4	34,8	22,8	39,0	48,26
темпы роста в %	177,8	189,1	142,4	65,7	171,2	123,7
САЛЬДО	2,8	-8,5	-13,6	-6,2	-18,7	-13,0

Источник: Федеральная таможенная служба России.

В последние годы в межрегиональной и приграничной торговле РФ сохранялось положительное торговое сальдо (в 2009 г. — 5,34 млрд, а год спустя — 6,92 млрд долл.). Лидирует провинция Хэйлуцзян. Прямые поставки оттуда осуществляются через 25 пунктов пограничной торговли на ее территории. В 2010 г. объем торговли этой провинции с РФ составил 10,85 млрд долл. (торговля второй в этом «рейтинге», АРВМ с Россией — 2,66 млрд долл.) В 2011 г. объем торговли провинции Хэйлуцзян с РФ достиг 18,99 млрд долл., в том числе российский экспорт составил 14,64 млрд долл., импорт — 4,35 млрд долл.²

Таблица 2.

Основные торговые партнеры России в 2011 г. (млрд долл.)

Страны	Товарооборот	Темпы роста (к 2010 году, %)
Китай	83,5	40,8%
Германия	71,8	37,2%
Нидерланды	68,5	17,2%
Италия	46	22,6%
Турция	31,8	26,3%
США	31,2	33,3%
Япония	29,7	28,7%
Франция	28,1	25,2%
Польша	28	35,0%
Республика Корея	25	40,9%

Источник: составлено автором по: <http://www.bigness.ru/news/2012-02-06/oborot/132659>

Что касается китайско-российского инвестиционного сотрудничества, то после подписания межправительственного Соглашения "О поощрении и защите капиталовложений" масштаб двустороннего взаимодействия в этой сфере стабильно увеличивается. Это Соглашение укрепляет правовую базу для дальнейшего развития.

По данным Росстата, в 2009 г. объем накопленных китайских инвестиций в Россию достиг 10,3 млрд долл. США (см. рис. 1). Год спустя они достигли лишь 7 млрд. 631 млн долл., или в 1,28 раза меньше. Из этой суммы прямые инвестиции составили 121 млн долл. (или 1,6%), прочие инвестиции — 7 млрд 511 млн долл. (или 98,4%). Общий объем внешних инвестиций в Россию в 2011 г. составил 190,6 млрд долл., из них китайские — лишь 1,887 млрд долл., что вчетверо меньше, чем годом ранее. Основные направления китайских инвестиций в России — транспорт и связь (их общий объем — 890 млн долл.). В 2011 г. Китай занимал 5-е место по объему накопленных инвестиций в Россию, уступая Кипру, Нидерландам, Люксембургу и Германии. Общий их объем составил 27,616 млрд долл., что на 8% выше уровня 2010 г. (из них 15,8% — прямые инвестиции, причем в целом Россия привлекла из-за рубежа уже порядка 347,2 млрд долл.)³.

Таблица 3.

Торговля России с сопредельными субъектами КНР (млн долл.)

	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Торговля с Россией при- граничн. территорий КНР	3483,4 +15,5%	5637,3 +15,4%	10272,6 +44,5%	19078,68 +7,6%	11847,15 - 37,9%	16651,78 +40,56%
- российский экспорт	2743,9 +13,2%	3825,7 - 0,1%	6210,98 +31,5%	13429,86 +34,9%	8595,0 - 36,0%	11786,8 +37,14%
- российский импорт	639,21 +7,9%	1811,6 +90,4%	4061,68 +70,3%	5843,34 - 24,8%	3252,15 - 44,3%	4864,98 +49,59%
в том числе с:						
Хэйлунцзян (всего)	1390	2660	6339,1	12191,29	6898,73	10852,99
- российский экспорт	910	1193	2821,6	8530,71	4819,22	7644,21
- российский импорт	480	1467	3517,5	3660,58	2079,51	3208,78
В/Монголия (всего)	896,9	1115,0	1656,2	3107,21	2418,63	2655,06
- российский экспорт	889,9	1088,5	1625,7	2912,69	2329,07	2561,02
- российский импорт	7,01	26,5	30,5	194,52	89,56	94,04
Ляонин (всего)	804,8	1270,4	1381,0	1863,81	1413,80	2193,25
- российский экспорт	695,2	1061,3	1033,1	944,97	897,43	1448,18
- российский импорт	109,6	209,1	347,9	918,84	516,37	745,07
Цзилинь (всего)	142,7	314,7	577,3	794,54	460,30	594,24
- российский экспорт	129,3	263,5	469,5	132,08	74,31	77,94
- российский импорт	13,4	51,2	107,8	662,46	385,99	516,3
СУАР (всего)	148,7	277,2	319,0	1121,83	655,69	356,24
- российский экспорт	119,5	219,4	261,0	714,89	474,97	55,45
- российский импорт	29,2	57,8	58,0	406,94	180,72	300,79

Источник: Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Китаем в 2010 — январе 2011 гг. <http://www.ved.gov.ru/articles/1285>

Главными приоритетами инвестиционной деятельности КНР в России по-прежнему были разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, легкая и текстильная промышленность, бытовая электротехника, транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство и сфера услуг. К началу 2012 г. суммарный объем завершенных китайских работ достиг 9,76 млрд долл. против 8,36 млрд долл. в конце 2010 г. Общий объем заключенных контрактов — 14,56 млрд. долл. (к 2010 г. — 13,18 млрд долл.).

К началу 2012 г. на работах в Российской Федерации находилось 20760 граждан КНР (в 2010 г. — 20809 чел.), которые были задействованы в основном в сельскохозяйственных, строительных и лесозаготовительных работах на Дальнем Востоке и в Сибири⁴. Сейчас в Приморском крае насчитывается около 300 предприятий с китайским капиталом⁵.

Строительство района "Балтийская Жемчужина" в Санкт—Петербурге, высотного здания "Башня Федерации" в Москве и двух целлюлозно-бумажных комбинатов в Хабаровском крае и Читинской области — крупнейшие инвестиционные проекты с участием китайского капитала в РФ. Сегодня Китай в растущей мере экспортирует капитал: китайские инвестиции могли бы существенно улучшить положение в ряде отраслей российской экономики. В этой области китайская сторона в настоящее время выступает с крупными инициативами⁶.

За 2010 г. в экономику Китая поступило 150 млн долл. российских инвестиций, что на 37% меньше, чем годом ранее. Российские прямые инвестиции в 2011 г. составили

31,02 млн долл. против 34,97 млн долл. в 2010 г. (-11,3%). Количество новых зарегистрированных проектов с российскими прямыми инвестициями — 51 (в 2010 г. — 59 проектов). Основные направления российских инвестиций: обрабатывающая промышленность, строительство, транспортные перевозки. К началу 2012 г. суммарный объем российских прямых инвестиций в КНР достиг 817,79 млн долл. (+3,9%). Общее количество российских проектов с прямыми инвестициями в КНР — 2379 (+2,1%)⁷.

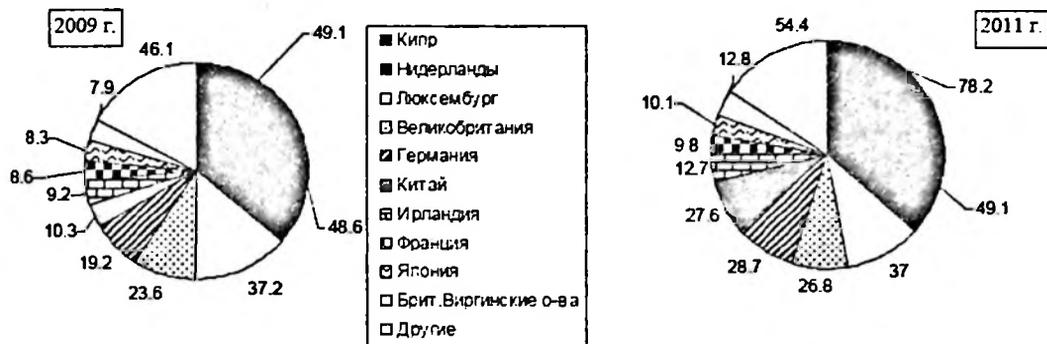

Рис. 1. Объем накопленных иностранных инвестиций из различных стран в РФ, на конец года, млрд. долл.

Источники: Калабеков И.Г., *Российские реформы в цифрах и фактах*. М., 2010. С 311.

В области инвестиций в 2004–2009 гг. в рамках работы Постоянной рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству (образована в 2004 г. Минэкономразвития России и Госкомитетом КНР по развитию и реформе) проведено 5 двусторонних инвестиционных форумов. В апреле 2012 г. по ходу визита вице-премьера КНР Ли Кэцзяна в Москве состоялся Торгово-инвестиционный форум, на котором было заключено 27 коммерческих соглашений общей стоимостью 14,4 млрд долл.

В частности, президент Norinco Чжао Ган договорился с гендиректором «РусАла» О. Дерипаской о поставках 1,68 млн тонн алюминия до 2016 г. Norinco также станет партнером другого предприятия, подконтрольного Дерипаске: поставит холдингу «Русские машины» 15 тыс. комплектов деталей для железнодорожных вагонов⁸.

Проблемы экономического сотрудничества России и Китая

Хотя в последние годы российско-китайские экономические отношения становятся все более осязаемыми и налицо поступательный рост взаимных капиталовложений, в настоящее время, однако, все еще сохраняется ряд серьезных проблем, как, например, ограниченность номенклатуры российского экспорта, неразвитость инфраструктуры взаимных расчетов (включая общий транспорт, информационное обеспечение, сетевые услуги, эффективность прохождения таможи), низкое качество товаров, ненадежность партнерских взаимоотношений, несовершенство страхового и арбитражного обслуживания и др. Все эти проблемы предстоит решать в будущем.

Российско-китайские торгово-экономические связи представляют собой многоярусное сооружение. «Наверху» можно увидеть крупные контракты, предусматривающие строительство технически сложных объектов и обеспечение долгосрочных поставок стратегически важных товаров. Однако на «среднем этаже» хорошо видна диспропорция между потенциалом участников, определяющая весьма пассивную роль

российской стороны. Примерно та же картина и на «нижнем» ярусе, представленном приграничной торговлей⁹.

Например, до сих пор имеет место ненормальная процедура в двусторонней приграничной торговле, именуемая "серой растоможкой". Такова историческая болезнь международной торговли. Для исправления этого состояния, освобождения от коррупции, ускорения экономического сотрудничества следует постоянно регулировать правовые нормы и законы, настойчиво совершенствовать законодательство. Нужно создать надежные правовые регуляторы, соответствующие нормам и правилам ВТО.

В последние годы товарооборот РФ и КНР растет, но в нем по-прежнему налицо структурные диспропорции. В товарной структуре российских поставок преобладают минеральные ресурсы. В структуре российского экспорта в Китай доминируют ныне следующие товарные группы: минеральное сырье (в основном продукция ТЭК — 56,76% объема экспорта), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (8,65%), руды, шлаки, зола (8,31%), цветные металлы (7,60%), химические товары (6,40%) — см. табл. 4. В целом, в объеме вывозимой Россией продукции увеличивается доля сырьевых товаров при существенном сокращении металлов, машин и оборудования.

Для изменения структуры взаимной торговли необходимо стремиться к тому, чтобы Россия переходила от поставок в КНР сырья к экспорту высоких технологий, к созданию совместных предприятий в промышленности и торговле.

Таблица 4.

Удельный вес основных товаров российского экспорта в КНР (в %)

	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2010	2011
Экспорт — всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	7,8	10,2	21,5	41,3	47,5	44,11	49,45	56,76
Древесина и изделия из нее	6,7	7,5	10,8	11,3	15,17	11,10	10,67	8,65
Цветные металлы	10,3	5,5	6,5	3,8	4,9	10,10	8,38	7,60
Черные металлы	18,5	15,1	18,5	10,9	1,8	7,63	1,24	0,53
Химические товары	10,0	8,9	8,2	6,8	6,82	6,50	8,37	6,40
Рыба, моллюски	6,1	6,1	6,8	6,9	6,80	5,57	4,88	3,94
Руды, шлаки, зола	0,1	0,3	0,4	3,4	4,0	4,98	4,69	8,31
Удобрения	15,2	7,4	6,9	8,2	5,8	3,33	3,90	2,82
Бумажная масса, целлюлоза	5,0	4,4	3,8	2,9	3,5	2,27	2,54	2,26
Машины и оборудование	14,9	28,7	12,9	2,1	1,3	2,04	1,44	0,70
Драгоценные камни	—	—	0,45	0,36	0,23	0,68	2,00	0,80
Бумага, картон	1,8	1,4	1,1	0,7	0,4	0,45	0,34	0,31
Минеральные продукты	0,3	0,3	0,2	0,2	0,7	0,25	0,36	0,48
Прочие товары	3,3	3,9	2,35	1,14	1,07	0,99	1,74	0,31

Источник: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2011.pdf

В структуре российского импорта из Китая существенных изменений также не произошло. В нем, как и ранее, основное место занимают машино-техническая продукция и промышленные товары, причем поставки в Россию машин и оборудования, продукции химической промышленности возросли. В 2009 г. удельный вес машин и оборудования сократился до 33,4% (с 36,7% в 2008 г.) — таков результат влияния мирового финансово-экономического кризиса. В 2010 г. этот показатель составил 38,43%, в 2011 г. — 40,91% (см. табл. 5).

Таблица 5.

Удельный вес основных товарных групп в импорте России из КНР (в %)

	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2010	2011
Импорт — всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Машины и оборудование	7,2	11,0	17,6	20,1	30,6	33,44	38,43	40,91
Химические товары	5,0	4,9	4,9	5,8	6,2	8,20	8,01	9,28
Обувь	11,9	14,1	9,0	8,6	6,39	7,70	7,91	6,34
Одежда текстильная	13,0	16,6	13,1	12,0	6,45	7,08	6,12	5,41
Одежда из трикотажа	15,0	6,6	8,3	7,9	23,1	6,63	6,00	5,20
Изделия из кожи	20,5	18,8	15,8	8,9	2,4	2,98	2,48	2,69
Мебель, матрасы	0,3	0,5	1,2	1,4	1,7	2,62	2,94	2,12
Готовые текст изделия	1,6	2,9	3,2	4,2	2,0	2,37	1,85	1,80
Пушнина	1,3	2,4	5,8	12,6	0,5	2,20	2,93	3,00
Игрушки, спортивный инвентарь	0,9	1,8	1,8	1,7	1,5	1,83	1,49	1,85
Продукты из овощей и фруктов	0,2	1,5	1,4	1,1	1,3	1,35	1,02	1,01
Фрукты	1,3	0,9	0,9	0,7	0,6	1,19	0,79	0,65
Изделия из черных металлов	-	-	-	-	2,7	1,16	3,43	3,30
Овощи, горох, фасоль	1,3	0,7	1,0	0,7	0,5	0,97	0,85	0,80
Керамические изделия	1,0	1,1	1,0	1,2	0,9	0,91	0,70	0,75
Мясные продукты	0,6	1,1	0,8	0,7	0,9	0,80	1,02	0,72
Минеральное топливо	4,1	1,9	1,0	0,9	0,7	0,51	0,75	0,90
Трикотажное полотно	0,3	1,1	0,9	0,4	0,2	0,39	0,72	0,35
Зерновые	3,8	0,7	1,2	0,3	0,03	0,08	0,0	0,04
Мясо	1,4	1,6	1,9	0,6	0,03	0,08	0,0	0,0
Прочие товары	8,9	9,3	8,5	8,7	8,5	13,66	12,56	11,49

Источник: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2011.pdf

Инвестиции Китая в Россию (25 млрд долл.) — это кредиты китайских банков российским компаниям (ОАО «Роснефть» — получила 15 млрд долл., ОАО «Транснефть» — 10 млрд долл.) в обмен на долгосрочные поставки нефти в Китай через нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). Заместитель директора центра Российско-китайского экономического и инвестиционного сотрудничества Юрий Демочкин полагает, что на данном этапе основные сложности на пути увеличения объема инвестиций Китая в Россию связаны с недопониманием действующих законов и нормативных актов, логистики и послепродажного обслуживания, также чувствуется нехватка практического опыта коммерческой деятельности на территории другого государства. Однако подобного рода проблемы являются типичными для ранних стадий развития новых рынков — их решение закономерно требует времени¹⁰.

Ныне все страны со средними доходами, в том числе из группы БРИКС, сталкиваются с общей проблемой осуществления современного, гармоничного и инновационного развития. Развитие инновационной деятельности является одним из основных направлений модернизации экономики России и Китая. Для того, чтобы развивать двустороннее сотрудничество, им следует продолжать создавать и отрабатывать технологии, механизмы внедрения инноваций. Для этого нужно старательно осуществить технологические прорывы, создавая уникальные инновационные продукты, конкурентоспособные на мировом рынке в условиях глобализации, т.е. повышать конкурентоспособность своих

экономик. А для этого необходимо вести выверенную, целенаправленную промышленную, и внешнеэкономическую политику.

Китай и Россия находятся на решающем этапе своего развития и подъема, обе державы сулят друг другу важные возможности развития. В будущем им надо обратить серьезное внимание на реализацию Программы китайско-российского инвестиционного сотрудничества, на улучшение инвестиционного климата, на поощрение и расширение сотрудничества крупных предприятий и финансовых структур. Тем самым не только повысится качество торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем, но и укрепится их взаимодействие в сферах инвестиций, энергобезопасности, высоких технологий, авиации и космонавтики, строительства трансграничной инфраструктуры и пр.¹¹

Кроме того, для развития экономического сотрудничества обе страны еще нуждаются в усовершенствовании информационных каналов, в регулярном обновлении правовой, социальной, экономической информации и т.д. Все это может способствовать экономической модернизации и сотрудничеству обеих сторон в условиях глобализации.

Благоприятные факторы экономического сотрудничества РФ и КНР

В настоящее время сложился исторически беспрецедентный комплекс благоприятных факторов для полноценного развития российско-китайского экономического сотрудничества.

Во-первых, в последние годы, как уже отмечалось, российско-китайские отношения развиваются успешно, взаимное доверие в политике крепнет. Стабильность и добрые взаимоотношения благоприятствуют развитию двухстороннего экономического сотрудничества. 16-го июля 2001 г. руководители двух стран заключили Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. Ими было подписано свыше 200 документов по двустороннему сотрудничеству¹².

Во-вторых, Россия и Китай представляют собой крупнейшую в мире пару держав-соседей. Спецификой двусторонней торговли является ярко выраженная взаимодополняемость: Россия главным образом экспортирует сырье, а Китай — готовую продукцию. Двустороннее сотрудничество имеет благоприятную базу. Россия обладает богатыми природными ресурсами: по имеющимся оценкам, она — 1-я в мире по запасам природного газа (23% мировых), на 2-м месте по запасам угля (19% мировых), 5–7 месте по запасам нефти (4–5% мировых). На Россию приходится 8% мировой добычи природного урана¹³. Россия планирует ускорить развитие экономического и торгового сотрудничества с Китаем, ибо он уже превращается в «мировую мастерскую» и сулит стабильно растущие поставки широкого ассортимента экспортной продукции и услуг, вероятность заключения крупнейших контрактов. Импорт техники из КНР (которая обычно существенно дешевле западных аналогов), в свою очередь, способен внести значительный вклад в начавшуюся модернизацию российской индустрии. Фактически это уже происходит в обрабатывающей промышленности России, предприятия которой все активнее используют производственную кооперацию с китайскими компаниями¹⁴.

В-третьих, в последние годы ведущие руководители РФ и КНР очень внимательно следят за двусторонним сотрудничеством двух государств. Высокое взаимное доверие послужило важной основой поступательного развития российско-китайских отношений.

В своей седьмой статье, написанной в рамках предвыборной кампании (27-го февраля 2012 г.), в которой речь шла о внешней политике РФ, В.В. Путин упомянул и о развитии российско-китайских отношений, отметил, что процветающий и стабильный Китай нужен России, а Китаю, в свою очередь, нужна сильная и успешная Россия. Рост китайской экономики, — подчеркнул он, — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» экономики России. Поэтому надо активнее выстраивать новые кооперационные

связи, сопрягая технологические и производственные возможности, задействуя — разумеется, с умом — китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока¹⁵.

Китайская сторона тоже постоянно стремится углублять деловое сотрудничество с Россией, содействовать развитию двусторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства. В июне 2011 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао совершил успешный государственный визит в Россию. Он объявил, что стороны намерены усиливать развитие отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства в духе равноправия, доверия, взаимной поддержки, совместного процветания и вековой дружбы. Кроме того, была разработана программа развития китайско-российских отношений на ближайшее десятилетие. В июне 2012 г. по ходу визита президента В. Путина в Китай главами двух держав были определены задачи развития китайско-российских отношений и ключевые сферы сотрудничества на последующий период для развития вышеназванной программы.

В-четвертых, вступление России в ВТО играет позитивную роль для развития российско-китайских торгово-экономических отношений. Завершив 18-летние торговые переговоры, Россия официально стала 22-го августа 2012 г. 156-м членом ВТО. Для России вступление в ВТО есть неизбежный путь создания инновационной экономики и осуществления экономической модернизации. Вступление РФ в ВТО улучшит торговую среду в самой России, что поможет не только импорту китайской продукции в РФ, но и экспорту из нее необходимой Китаю продукции. Одновременно улучшаются условия для привлечения китайского капитала в Россию. То, что обе страны теперь являются членами ВТО, означает, что китайско-российская торговля будет развиваться более легитимным и стандартизированным путем.

В-пятых, законодательные органы двух стран поддерживают тесное и эффективное сотрудничество. 6 сентября 2012 г. на переговорах с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) У Банго в Пекине председатель Совета Федерации Федерального собрания России В. Матвиенко, подчеркнув, что российско-китайская дружба глубоко укоренилась в сердцах народов двух стран, выразила готовность Совета Федерации России приложить совместные с ВСНП усилия, развертывая всеобъемлющее и многовекторное сотрудничество с тем, чтобы создать благоприятную правовую среду для развития межгосударственных связей и внести более весомый вклад в подъем на новую ступень российско-китайских отношений¹⁶.

Перспективы российско-китайского экономического сотрудничества

Находящиеся на беспрецедентно высоком уровне российско-китайские отношения, как явствует из вышесказанного, обеспечивают благоприятные шансы для развития торгово-экономического сотрудничества, которое демонстрирует хорошие тенденции развития.

5 июня 2012 г. Китай и Россия подписали Совместное заявление о дальнейшем углублении российско-китайских отношений, всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Теперь Россия и Китай ставят цель довести товарооборот в среднесрочной перспективе, к 2015 г. — до 100 млрд долл., а к 2020 г. — до 200 млрд долл. Сегодняшняя динамика показывает, что такую планку можно выполнить досрочно. Для этого нужны оптимизирование структуры, повышение качества двусторонней торговли за счет увеличения в ней доли продукции с высокой добавленной стоимостью. Сегодня национальные рынки двух стран обладают большой емкостью, спрос на современные товары и услуги тоже растет. Россия и Китай уже накопили опыт производственной кооперации, имеют хорошие базовые позиции в образовании,

науке и технологиях. Все это является объективными условиями успешного двустороннего сотрудничества.

В последние годы в энергетической сфере реализуется много проектов. После длительных многораундовых переговоров стороны подписали Соглашение о строительстве ветки нефтепровода ВСГО "Сковородино—Мохэ". По этому плану за 20 лет будет поставлено 300 млн т. нефти. Проект строительства был завершен в 2010 г., и в начале 2011 г. по нему началась поставка нефти в Китай (в 2011 г. было поставлено 15 млн т). Проект совместного строительства в Тяньцзине нефтеперерабатывающего завода уже реализован. В то же время компании России и Китая активно взаимодействуют в части возможных проектов по геологоразведке (включая технико-экономическое обоснование Венинского месторождения на "Сахалине-3", а также такие проекты, как "Магадан-1" и "Магадан-2").

В энергетике наше сотрудничество носит стратегический характер. Для Китая — это повышение надежности, диверсификация поставок энергоресурсов для внутренних нужд. Для России — открытие новых экспортных маршрутов в динамичный Азиатско-Тихоокеанский регион¹⁷. Обмен технологиями, активами и опытом — наиболее перспективные направления в двустороннем энергетическом сотрудничестве на будущее. Министр энергетики России А. Новак заявил на сей счет следующее: "Потенциал нашего взаимодействия с Китаем фактически по всем направлениям, в том числе по поставкам энергоресурсов, еще очень большой. Однако речь должна идти не только о поставках энергоресурсов, но, главное, об обмене технологиями, об участии российских компаний в проектах на территории Китая и китайских компаний в российских проектах, то есть о взаимном обмене активами и опытом"¹⁸.

Уже много лет ведутся переговоры между компанией "Газпром" и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией о поставке российского газа в Китай. Ныне стороны продолжают вести переговоры о ценах на газ; планируются поставки: по западному направлению с объемом до 30 млрд куб/м и по восточному направлению — до 38 млрд куб/м. Кроме того, после строительства завода по производству сжиженного газа во Владивостоке с объемами до 10 млн т данная продукция будет экспортироваться также в Китай.

В сфере электроэнергетики ОАО "ФСК ЕЭС", ОАО "Интер РАО ЕЭС", ОАО "Холдинг МРСК" и Государственная электросетевая корпорация Китая подписали Соглашение о сотрудничестве в области развития электрических сетей. Генеральный директор ОАО «Холдинг МРСК» Николай Швец охарактеризовал развитие связей с энергетическими компаниями КНР как одно из наиболее перспективных и динамично развивающихся направлений международного сотрудничества. В партнерстве с ГЭК Китая мы видим возможность не только для обмена опытом в области модернизации электросетевой инфраструктуры, но и для создания совместных перспективных разработок во взаимодействии с учреждениями фундаментальной и прикладной науки, трансферта технологий и привлечения в электроэнергетику инвестиционных ресурсов на экономически выгодных условиях¹⁹. Прокладка из России линий высокого напряжения является перспективным направлением. В 2011 г. построена линия электропередач высокого напряжения 500 кВ. С 2012 г. начались поставки электричества в КНР, в 2012 г. поставки в Китай превысили 1,3 млрд кВт/ч с расчетом выхода на проектные мощности в 4,5 млрд кВт/ч". По соглашению за будущие 20 лет Россия сможет поставить в КНР более 60 млрд кВт/ч.²⁰

Россия и Китай — большие быстрорастущие рынки с огромным количеством возможностей для инвестиций в различные отрасли. В июне 2011 г. был создан российский фонд прямых инвестиций. Работая с компаниями Сибири и Дальнего Востока, он станет партнером Китайской инвестиционной корпорации (СIC) в создании совместного инвестиционного фонда, ориентированного на компании, работающие в Сибири и на Дальнем Востоке. В июне 2012 г. Россия и Китай подписали документы о создании Российско-китайского инвестиционного фонда (РКИФ) объемом 2–4 млрд долл. Российские и китайские партнеры

внесут по одному миллиарду, кроме того, будет привлечено около 2 млрд долл. от инвесторов из Китая или других стран. Инвестиционная деятельность РКИФа будет направлена на развитие двусторонних экономических, торговых и инвестиционных связей.

Основная цель РКИФа — обеспечение высокой доходности инвестиций. Это отражает все более крепкие экономические отношения между Россией и Китаем. Генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев заявил: «Наша основная цель теперь — начать инвестиционный процесс и делать сделки, которые будут обеспечивать стабильно высокую доходность при максимальном учете возможных рисков». Он особо отметил, что рынки инвестиций обеих стран — машиностроение, сельское хозяйство, лесная и деревообрабатывающая промышленность, транспорт и логистические услуги²¹. Создание этого инвестиционного фонда полезно для развития инвестиционного сотрудничества между обеими странами в будущем, оно выводит торгово-экономические отношения двух стран на новый уровень инвестиционно-технологического партнерства.

За последние 30 лет КНР значительно усилила свой научный потенциал, что позволяет ей претендовать на равноправное участие с российскими партнерами при реализации проектов в области биотехнологий, новых материалов, нанотехнологий, энергосбережения, альтернативных источников энергии, строительства высокоскоростных железных дорог. Китай весьма интересуется сотрудничеством в сфере нанотехнологий с Россией. Министерство науки и технологий Китая и "ОАО" Роснано подписали Соглашение о стратегическом сотрудничестве по нанотехнологиям для совместных разработок в этой области²².

Позитивные сдвиги сулят результаты визита главы Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Москву, состоявшегося в декабре 2012 г., по ходу которого было подписано два десятка документов о сотрудничестве. Особенно важным представляется то, что Россия обязуется построить к 2017 г. третий и четвертый энергоблоки Тяньваньской АЭС: удачное решение в свете устремленности двух стран-партнеров к структурной перестройке своих экономических связей!

Огромным нереализованным потенциалом обладает двустороннее межбанковское сотрудничество. В последние годы успешно развивается взаимодействие в области аккумуляции денежных средств, страхования, банковских карт. В первом полугодии 2011 г. стороны выразили удовлетворение существенным прогрессом в финансовом секторе. В июне того же года Центральный банк РФ и Народный банк Китая подписали соглашение об использовании национальных валют для внешнеторговых контрактов. Согласно этому соглашению, российские и китайские компании могут использовать в качестве валюты как рубль, так и юань. Выбор валюты полностью зависит от предпочтений участвующих сторон. Ныне Хабаровский филиал Внешторгбанка играет большую роль в межбанковском сотрудничестве на приграничных территориях РФ и КНР. Он уже связывался с четырьмя крупнейшими государственными банками Китая (Банком Китая, Промышленно-торговым банком Китая, Сельскохозяйственным банком КНР и Строительным банком КНР). Они установили корреспондентские отношения, предстоит отстроить «современное здание» финансовой, инвестиционной инфраструктуры двусторонних деловых отношений²³.

Нельзя не упомянуть и о связях в культурно-гуманитарной области. Так, многие китайские и российские вузы установили взаимные контакты, обмениваются преподавателями и студентами. В 2012 г. прошел Год российского туризма в Китае, а 2013 г. определен как Год китайского туризма в России. «Народная дипломатия» между КНР и РФ ширится и углубляется по всем направлениям, что не может не благоприятствовать двусторонним торгово-экономическим связям.

В ближайшие десятилетия экономический рост Китая будет проходить быстрее, чем в других развивающихся странах. Стабильная макроэкономическая ситуация в Китае, как и процесс постепенного восстановления мировой экономики благоприятствуют развитию российско-китайской торговли, побуждает продвигать крупные совместные проекты в гражданском авиастроении, космонавтике, в других высокотехнологичных областях. А также — по линии технопарков, промышленных кластеров, особых экономических зон — и в России, и в Китае.

Контакты и экономические связи между Россией и Китаем выгодны для обеих стран, такое сотрудничество укрепляет дружбу между двумя странами из поколения в поколение.

1. Для Китая хорошо, что Россия в ВТО. URL: http://www.mignews.com/mobile/article.html?id=230812_162248_24431.
2. Объем торговли между Россией и Хэйлунцзяном составил 25% от китайско-российского торгового оборота. URL: <http://finance.ifeng.com/roll/20120206/5537110.shtml>.
3. Росстат.
4. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
5. Приморский край надеется на укрепление сотрудничества с Китаем. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7938438.html> 06/09/2012.
6. Экономическое сотрудничество России и Китая. URL: <http://www.rondon.org/polit-080522104901>.
7. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.
8. Россия открывает прямую дорогу китайским инвестициям. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/970820/>
9. Экономическое сотрудничество России и Китая. URL: <http://www.rondon.org/polit-080522104901>.
10. URL: <http://rcutp.ru/news/0128052012/>
11. См.: Совместное заявление КНР и РФ о дальнейшем углублении китайско-российских отношений всеобъемлющего, равноправного, доверительного стратегического взаимодействия и партнерства // Жэньминь жибао. 2012. 7 июня (кит. яз.).
12. Ян Цзечи: О договоре века // Рос. газ. 2011. 14 июля.
13. Попель О. С. Возобновляемые источники энергии в регионах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Электронный журнал «Энергосовет». 2011. № 5.
14. Экономическое сотрудничество России и Китая. URL: <http://www.rondon.org/polit-080522104901>.
15. Путин В. Россия и меняющийся мир // Моск. новости. 2012. 27 февр.
16. У Банго провел переговоры с председателем Совета Федерации Федерального собрания России. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/0906/c1024-18941149.html>.
17. Путин В. Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества // Жэньминь жибао. 2012. 5 июня (кит. яз.).
18. Наиболее перспективные направления в китайско-российском энергетическом сотрудничестве — обмен технологиями, активами и опытом. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7929484.html>. 30/08/2012.
19. Холдинг МРСК вступил в партнерство с Государственной электросетевой корпорацией Китая. URL: <http://www.energyland.info/news-show-tek-electro-60122>.
20. Широкие перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества // Цзинцзи жибао. 2012. 30 авг. (кит. яз.).
21. Создан Российско-китайский инвестиционный фонд. URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/news/208849/>
22. Чжан Хао. Классический образец научно-технического сотрудничества между великими державами. // Кежигбао. 2011. 27 авг. (кит. яз.).
23. Путин В. Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества // Жэньминь жибао. 2012. 5 июня (кит. яз.).

Актуальные проблемы экономического развития стран АСЕАН

© 2013

В. Мазырин

Современное положение и ближайшие перспективы экономик стран АСЕАН тесно связаны с глобальным финансовым кризисом. Путь к их стабильному и устойчивому росту лежит через углубление интеграции и структурную перестройку, снижение зависимости от центров мирового хозяйства.

Ключевые слова: антикризисные меры, интеграция в ЮВА, структурная перестройка, проблемы внутреннего спроса.

Последствия глобального кризиса в ЮВА

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2012 гг. серьезно затронул экономики стран Юго-Восточной Азии¹. В целом регион смог избежать начального шока, поскольку местные финансовые институты уменьшили в своих портфелях долю высокорискованных финансовых бумаг США. Сильнее проявилось последовавшее резкое снижение спроса на продукцию стран АСЕАН, в основном реализуемую на западных рынках. Многие предприятия частного сектора, не сумев адаптироваться к такому повороту, обанкротились, госпредприятиям и фермерским хозяйствам пришлось снизить или перепрофилировать экспортное производство, что повлекло крупные потери. В ведущих отраслях, включая обрабатывающую промышленность, в 2009 г. наблюдалась отрицательная динамика. В быстро растущих экономиках региона столь сильный спад произошёл впервые за последние два десятилетия. Возникли разрывы в производственно-сбытовых сетях — основе их процветания. Рецессия ударила и по социальной сфере, усилив безработицу, снижение доходов и подорожание жизни².

Глобальный кризис, обнажив пороки мировой хозяйственной системы, показал, что экономика ЮВА продолжает остро зависеть от внешних рынков, оставаясь финансовой и технологической периферией промышленно развитых стран³. Это заставило власти стран региона задуматься о выборе более безопасной и устойчивой модели развития.

Сильней пострадали наиболее развитые экономики с высокой экспортной квотой (табл. 1). Их динамика, существенно замедлившись в 2008 г., в 2009 стала отрицательной. Индонезия, будучи менее открытой и опирающейся на внутреннее потребление⁴, пострадала слабей. Во Вьетнаме темпы прироста сократились лишь на 1 процентный пункт, на Филиппинах — на 3. Из отсталых стран региона наихудшую динамику показала Камбоджа, сильно зависимая от экспорта, тогда как в закрытых экономиках Лаоса и Мьянмы рост сохранился⁵.

Таблица 1.

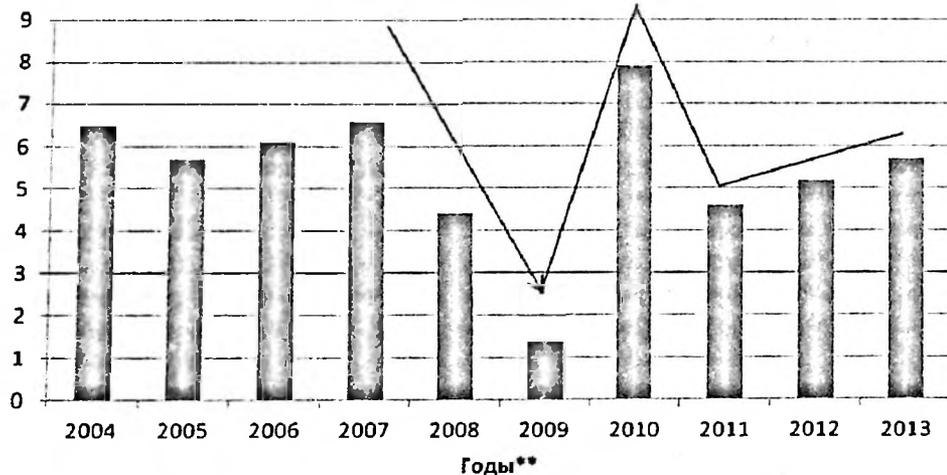
Динамика экономического роста (% к предыдущему году) и экспортная квота (% от ВВП) стран АСЕАН в 2000–2013 гг.

Страна	Экс-порт. квота*	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010 ***	2011 оценка	2012	2013
		прогноз									
АСЕАН **:	...	6,5	5,7	6,1	7,2	4,1	1,5	7,2	5,4	5,4	5,7
Бруней	17,8	0,5	0,4	4,4	0,2	-1,9	-1,7	2,6	2,7	2,2	...
Вьетнам	68,8	7,8	8,4	8,2	8,5	6,3	5,3	6,8	5,7	5,3	6,2
Индонезия	22,2	5,0	5,7	5,5	6,3	6,0	4,6	6,1	6,4	6,3	6,7
Камбоджа	44,4	10,3	13,3	10,8	10,2	6,7	-1,9	6,0	6,7	6,4	...
Лаос	26,4	7,0	6,8	8,7	7,8	7,8	7,6	7,9	8,3	8,4	...
Малайзия	83,8	6,8	5,3	5,8	6,5	4,8	-1,6	7,2	5,2	5,1	5,0
Мьянма	0,1	5,0	4,5	7,0	11,9	3,6	5,1	5,5	5,5	5,5	...
Сингапур	147,6	9,2	7,4	8,6	8,8	1,5	-0,8	14,5	5,3	4,3	4,5
Таиланд	60,8	6,3	4,6	5,1	5,0	2,6	-2,4	7,8	3,5	4,8	5,5
Филиппины	23,1	6,4	5,0	5,3	6,6	4,1	1,1	7,6	4,6	4,9	5,0

Источник: World Development Indicators 2011; World bank East Asia and Pacific economic update 2011. Vol.1; Asian Development Outlook 2010–2012; ASEAN Secretariat; World Economic Outlook, September 2011 Database. IMF, 2012.

Примечания: * экспортная квота дана за 2010 г. (по Брунею, Мьянме, Сингапуру — за 2009 г.); ** средневзвешенный показатель рассчитан по удельному весу ВВП стран, входящих в Ассоциацию (без Мьянмы); *** показатель Брунея за 2010 г. — оценка АЗБР, за 2011 г. данные по нему и Камбодже, Лаосу, Мьянме отсутствуют, за 2012–2013 гг. — прогноз АЗБР кроме этих стран.

Рис. 1. Динамика изменения совокупного ВВП стран АСЕАН, 2004–2013 гг.* (в процентах к предыдущему году)

Составлено по: Asian Development Outlook 2010, 2011. Asian Development Bank; ASEAN Secretariat.

Примечания: * средневзвешенное, рассчитанное по удельному весу ВВП экономик стран АСЕАН (без Мьянмы); ** за 2012–2013 гг. — прогноз АЗБР без учета Брунея, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы

2010 г. был отмечен быстрым восстановлением экономик ЮВА, чему, среди прочего, способствовало переключение международного капитала с промышленно развитых стран на ЮВА, меньше затронутую кризисом. Однако в 2011 г. экономическая динамика в регионе оказалась близкой к 2008 г. (хотя и лучшей, чем в 2009 г.), что де-факто указывает на повторную рецессию, возможность которой признавалась маловероятной⁶. В 2012 г. эксперты прогнозировали повышение роста до 5,2% в среднем по АСЕАН (в отличие от 4,6% в 2011 г.), а в 2013 г. ожидается укрепление этого тренда до 5,7%. Следовательно, вместо быстрого выхода из рецессии в форме латинской буквы V, реальная траектория выглядит даже не как терпимая U, а скорее как W (рис. 1).

Главная причина этого — новый спад в западном мире с середины 2011 г., особенно серьезный в зоне евро, и ухудшение условий внешней торговли ввиду роста цен на нефть. Частично сказалось ужесточение бюджетной и денежной политики в рамках сокращения антикризисных мер и стимулов в странах АСЕАН.

В условиях рецессии на Западе рост экономик стран АСЕАН зависит, прежде всего, от динамики развития и спроса на рынках Восточной и Южной Азии: на партнеров из этих регионов приходится половина мировой торговли ЮВА (табл. 2)⁷. Решающую роль играет экономика КНР, которая продолжала расти на 8–9% даже в период кризиса. В рамках (КАФТА)⁸ члены АСЕАН смогли увеличить производство и рынок сбыта за счет потребностей КНР, но замедление ее экономики в 2011–2012 гг. ухудшает краткосрочные перспективы стран ЮВА. Другой негативный тренд — падение вклада капиталонакопления в экономический рост в семи из десяти НИС Восточной и Южной Азии, дающих 93% общерегионального ВВП. Снижение инвестиций ухудшило прогноз — особенно для открытых экономик ЮВА⁹.

Таблица 2.

Динамика ведущих мировых экономик в 2007–2013 гг.

Страна	Доля во внешней торговле, 2008 ²	2007	2008	2009	2010	2011	2012 ⁴	2013 ⁴
		Темпы роста ВВП, ³ (% к предыдущему году)						
НИС-3 ¹	16,0	5,5	1,9	-0,7	8,0	4,2	3,3	4,4
Япония	14,4	2,4	-1,2	-5,2	4,4	-0,7	1,9	1,5
КНР	13,9	11,6	9,6	8,7	10,4	9,2	8,5	8,7
США	13,1	2,1	0,4	-2,4	3,0	1,7	2,0	2,3
Еврозона ⁵	11,1	2,8	0,6	-4,1	1,9	1,4	-0,6	0,7
Индия	3,6	9,2	6,7	7,2	8,4	6,9	7,0	7,5
Средневзвешен. рост		5,7	2,5	-0,2	5,0	3,2	3,1	3,5

Источник: World Development Indicators 2011. World Bank; Asian Development Outlook 2010-2012. ADB; World Economic Outlook Database 2009–2012. International Monetary Fund.

- Примечания: 1) в эту группу включены Республика Корея, Гонконг и Тайвань;
 2) указан удельный вес основных партнеров АСЕАН (%) в ее внешнем товарообороте; средневзвешенные значения рассчитаны по этому показателю (АТЛАС метод);
 3) средневзвешенные годовые значения рассчитаны ВВ по удельному весу ВВП экономик, по 2011–2013 гг. — оценка автора;
 4) показатели за 2012–2013 гг. — прогноз АзБР дополнен оценками МВФ;
 5) по ЕС учтены показатели 13 стран, вошедших в его состав первыми.

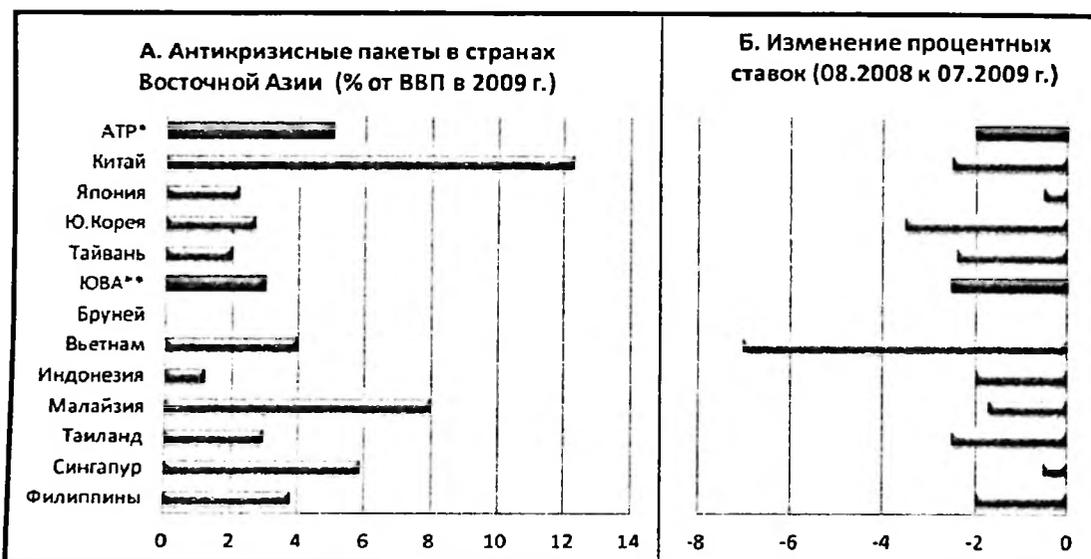
Итак, несмотря на результативные антикризисные меры, основные риски и проблемы в экономиках стран АСЕАН сохраняются. Среди них — вялая хозяйственная динамика и хроническая безработица, недостаточный уровень продовольственной и энергетической безопасности, усиление дисбалансов, волатильность финансов и пр.

Антикризисные меры в странах АСЕАН

Значительное пространство для маневра в бюджетной и денежной сферах с целью обеспечить экономику ЮВА ликвидностью, поддержать рост и защитить от внешних шоков, ранее создали шаги по преодолению азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. По аналогии с этим, в конце 2008 и особенно в 2009 гг. масштабные антикризисные меры были направлены на поддержку внутреннего спроса и оживление хозяйственной конъюнктуры¹⁰.

Объем стимулирующих пакетов соответствовал глубине рецессии и потенциам экономик. Малайзия, Таиланд, Сингапур, Вьетнам, Филиппины предоставили бизнесу более широкие финансовые послабления (снижение кредитных ставок, налоговые льготы, пособия и проч.), чем Индонезия и отсталые страны региона (рис. 2А)¹¹. Масштабы антикризисных программ относительно ВВП оказались в ЮВА обширней, чем в ЕС, а сами они — результативней.

Рис. 2. Сравнение антикризисных мер в странах Восточной Азии*

Составлено по: Yongfu Cao et al. *Regional Framework for Inclusive, Balanced, Sustained Growth // Inclusive, balanced, sustained growth in the Asia Pacific. Singapore, 2010. P.15.*

Примечания: * среднее значение по АТР охватывает весь регион, включая страны ЮВА; ** среднее значение по ЮВА рассчитано без Камбоджи, Лаоса и Мьянмы

Поскольку члены АСЕАН почти не применяли совместных усилий по борьбе с кризисом, в них крепнет стремление углублять экономическую интеграцию и совместную работу, изыскивать нестандартные подходы в сложной ситуации. В частности, признана потребность более тщательной подготовки и планирования программ противодействия глобальным и местным шокам.

Меры монетарной и бюджетной политики, применяемые членами АСЕАН, вызвали как позитивные, так и негативные последствия. Увеличение расходов привело к дефициту госбюджетов и породило инфляционный разогрев экономик (в меньшей степени — у шести «старших» членов). Значительное снижение учетных ставок, расширявшее кредитование бизнеса и потребления, повлекли утечку капитала, усугубили нестабильность валютных курсов стран ЮВА. Призванный предотвратить такой ход событий

жесткий контроль над движением финансов повлек неопределенность, угрозы дестабилизации. После падения учетных ставок в 2008 г. их пришлось поднять к осени 2009 г. до «нормального» уровня (рис. 2Б).

Таблица 3.

**Сравнение масштабов экономики и темпов инфляции
в странах ЮВА в 2002–2012 гг.**

Страна	ВВП 2010, млрд долл.	ВВП на душу в 2010 г., долл.	Рост инфляции (по ИПЦ), % в год*								
			2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012 прог.
АСЕАН:	1857	3106	...	4,1	7,1	4,1	8,8	2,7	4,1	5,5	4,6
Бруней	12,4	29915	-2,3	0,9	0,1	0,3
Вьетнам	107,6	1238	3,8	7,8	7,4	8,3	23,1	6,9	9,2	18,6	9,5
Индонезия	708,0	3023	11,9	6,1	13,1	6,4	10,1	4,8	5,1	5,4	5,5
Камбоджа	11,2	731	3,2	3,9	4,7	6,3	25,0	-0,7
Лаос	7,2	1177	10,2	10,8	7,3	6,8	7,6
Малайзия	238,8	8262	1,8	1,4	3,6	2,0	5,5	-0,6	1,7	3,2	2,4
Мьянма	43,0	715	57,1	4,5	18,9	34,6
Сингапур	223,0	43929	-0,4	1,7	1,0	2,1	6,4	0,6	2,8	5,2	3,0
Таиланд	318,7	4735	0,6	2,8	4,6	2,2	5,5	-0,9	3,3	3,8	3,4
Филиппины	189,3	2014	3,0	6,0	6,3	2,8	9,3	4,2	3,8	4,8	3,7

Источник: *Asian Development Outlook 2011–2012. Asian Development Bank. P.XXII; ASEAN Secretariat 2010; ASEAN Statistical Yearbook 2010. Jakarta, 2011.*

Примечание: * данные по инфляции за 2002–2008 и 2009–2012 гг. приведены из разных источников, поэтому могут быть не полностью сопоставимы.

Во всех странах региона существенно выросла инфляция, достигнув в 2009 г. 9% из-за сильного подорожания сырья и продовольствия на мировом рынке. Борьба с ней была основным вызовом, особенно в СРВ, где она подскочила до 23% со среднегодового уровня в 6–8% (табл. 3). В 2009 г. падение внешнего и внутреннего спроса в условиях рецессии повлекло в регионе снижение инфляции в среднем до 2,7%.

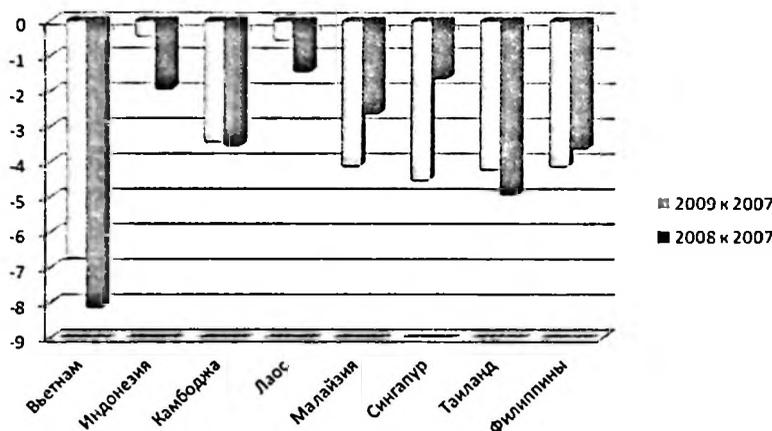
Позитивные прогнозы на 2010–2011 гг. оправдались лишь в первый год — индекс потребительских цен в ЮВА вырос на 5,5% против ожидаемых 4,1%¹². Поэтому удержание инфляции под контролем остается приоритетной задачей. В 2012–2013 гг. в странах АСЕАН ожидается умеренное снижение инфляции (до 4,6 и 4,4%) — при условии отмены мер по поддержке хозяйственной активности и выздоровления развитых экономик. Высокие цены на нефть и продовольствие начали падать в 2012 г., отразив улучшение предложения при вялости мирового спроса. В среднесрочной перспективе возможно повышение инфляции вслед за ростом мировых цен по мере восстановления спроса в глобальной экономике¹³.

В условиях падения мировых цен, вызванного рецессией, отмена стимулирующих мер государства и связанных с ними расходов также грозит негативным эффектом. При этом и сами спасательные программы, принятые для выхода из кризиса, не сулят устойчивого роста. Они не пригодны для решения долгосрочных задач, а некоторые даже контрпродуктивны.

Сокращение стимулирующих пакетов в странах ЮВА не совпадает по времени, последовательности и пропорциям. Экономикам типа вьетнамской, где быстрое оживление привело к росту инфляционного давления и новому спаду, выходить из «особого режима» рано. В Малайзии и Таиланде, где положение устойчиво и инфляция под контролем, потребность «нормализации» макроэкономического управления уже созрела.

Антикризисные программы актуализировали задачу усиления контроля над бюджетным балансом, который в 2007–2009 гг. заметно ухудшился (рис. 3). Эксперты предсказывают сохранение значительного дефицита на ближайшие годы¹⁴, исходя из того, что политики готовы вернуться к масштабным интервенциям из госбюджета, чтобы остановить дестабилизацию экономического положения.

Рис. 3. Изменение баланса госбюджета в странах АСЕАН в 2007–2009 гг. * (процентных пунктов от ВВП)

Составлено по: *Asian Development Outlook 2010. Asian Development Bank. March 2010.*

Примечание: * данные отражают бюджет центральных правительств кроме Мьянмы и Брунея, по которым они отсутствуют (у Брунея за 2009 г.)

При этом, сокращая монетарные и бюджетные стимулы, другие финансовые послабления, члены АСЕАН должны скорее начать структурные реформы для выздоровления своих экономик. В целом нужна существенная перестройка (ученые используют термин «ребалансировка») региональных экономик и мирового хозяйства, отношений между странами, активные совместные усилия по созданию более стабильной глобальной финансовой системы. По мнению многих экспертов, такие реформы могут быть осуществлены в среднесрочной перспективе без потери темпов роста.

Проблемы и направления устойчивого экономического роста

Как показал текущий кризис, одним из условий стабильного развития стран ЮВА является снижение зависимости от основных рынков Запада, которое обозначается политкорректным термином «отцепление». Вторая волна кризиса на Западе в 2011 г. усугубила макроэкономические дисбалансы, вызвала дестабилизацию валютных курсов и обесценение фондовых активов в экономиках АСЕАН. К тому же «развод» не может быть осуществлен в одностороннем порядке.

Вероятно, по окончании кризиса мировое хозяйство не позволит в той же степени, как прежде, использовать внешние факторы в качестве двигателя экономического роста. Однако государства, понуждаемые к отмене экспортноориентированной модели, не спешат перестроиться и отказаться от их доли во всемирной торговле. Им предстоит пережить болезненный процесс переналадки воспроизводственного механизма либо снизить темпы роста¹⁵.

Перестройка мировой экономики выступает определяющим условием экономического благополучия государств ЮВА, их более сбалансированного внутреннего развития. Одним из главных направлений структурных сдвигов в посткризисном устройстве мира, видимо, будет расширение существующих производственных цепочек и создание новых кластеров. Последовательное выздоровление экономик АСЕАН зависит, среди прочего, и от улучшения работы международных торговых и валютных институтов.

Неопределенность ближайших перспектив мирового и регионального хозяйства ставит задачу проведения активной макро- и микроэкономической политики, совершенствования механизмов экономического сотрудничества стран ЮВА. Местным экономикам предстоит стать путем реструктуризации менее уязвимыми от внешних шоков. В частности, требуется повышать конкурентоспособность, снижая издержки бизнеса, улучшая работу финансовых рынков, особенно фондовых, стимулируя инновации.

Рассмотрим возможные направления стратегии развития, сулящей странам-членам АСЕАН адекватную реакцию на эти вызовы.

Расширение внутреннего спроса

Очевидно, что в условиях роста задолженности США и других развитых стран азиатские экономики, включая ЮВА, вынуждены больше опираться на внутренний спрос как источник роста. Так, в 2011 г., когда частное потребление в большинстве из них сильнее двигало экономик, чем годом ранее, этому способствовало стабильное улучшение на рынках труда: безработица в странах региона упала до предкризисного уровня и даже ниже. Потребительским настроениям помогало, хотя и неустойчиво, повышение реальной заработной платы, но в 2012 г. обесценение денег грозит замедлением частного потребления

По оценке экспертов, в увеличении розничного товарооборота страны АСЕАН имеют наилучшие перспективы в Восточной Азии. Ожидается, что Индонезия и Вьетнам сохраняют рост в 2012 г. и ускорят его в следующем. В Таиланде отмечено резкое сокращение розничной торговли после разрушительного наводнения, но он также способен оказаться в группе благополучных стран региона. Открытым экономикам Малайзии и Сингапура достичь этого труднее.

Для повышения потребления актуальны, по нашим предположениям, следующие меры:

(1) Усиление в макроэкономической политике упора на внутреннее производство и потребление за счет большей гибкости обменного курса (что приведет к его укреплению) и снижения микроэкономических стимулов к экспорту.

(2) Экономические реформы, в т.ч. в финансовом секторе, по созданию более привлекательного инвестиционного климата и новых стимулов для потребления. Особенно важны ПИИ: в отличие от притока краткосрочного капитала, порождающего много проблем, они приносят ощутимые выгоды.

(3) Расширение инвестиций в сферы, двигающие экономический рост в долгосрочной перспективе. Повышенную роль играют инвестиции в «моторы роста», которые приносят подъем производительности и эффективности национального хозяйства, в т.ч. в мягкую и твердую инфраструктуру.

(4) Увеличение объема неторговых операций, прежде всего за счет сферы услуг. Увеличение расходов на потребление по социальным программам также стимулирует спрос и помогает активизации сбыта конечной продукции.

Поскольку рост спроса тесно связан с повышением благосостояния масс, последнее служит основой для решения остальных задач. Уже семь из десяти государств ЮВА, включая Вьетнам, достигли среднедушевых доходов (по текущему обменному курсу) свыше 1000 долл. Однако теперь перед многими из них стоит проблема, как избе-

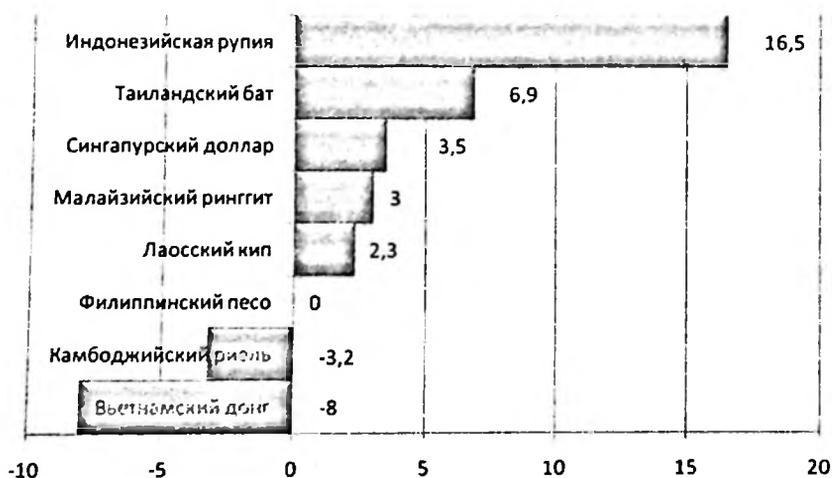
жать известной «ловушки среднего уровня доходов», т.е. как не утратить конкурентоспособности с экономиками, способными производить более дешевые потребительские товары и услуги за счет более низких зарплат и доходов. Выход — в подъеме по производственно-распределительной цепочке (от сборочных операций к производству и сбыту готовой продукции под собственными брендами, а затем и к выпуску инновационных продуктов). Это требует специализации в сегментах экономики, обладающих эффектом масштаба производства при ограниченном использовании новых технологий.

Совершенствование валютно-финансовой политики

По признанию экспертов, для повышения устойчивости развития и преодоления последствий мирового экономического кризиса страны АСЕАН нуждаются в реформировании, углублении и интеграции своих финансовых рынков и, соответственно, совершенствовании валютно-денежной политики. Одним из самых серьезных вызовов остается дестабилизирующее движение высокомобильного капитала, контроль над которым крайне ограничен¹⁶.

Особенно важно в сложившейся обстановке регулирование обменного курса. Его недостаточная гибкость во многих странах ЮВА на практике ограничивает свободу маневра в монетарной сфере. Доминирование американского доллара в формировании денежной политики стран региона начало сокращаться, что меняет структуру внешней торговли, повышая роль других твердых валют, снижая доверие к денежно-финансовой политике США. Попытки сдерживать естественную тенденцию ревальвации национальных валют относительно доллара до и во время кризиса (рис. 4)¹⁷ дорого обошлись большинству стран субрегиона, вызвав перенакопление валютных резервов, рост банковских ставок и инфляционного давления. В 2012 г. доминирующим стал тренд девальвации относительно доллара. Эти меры помогли стимулировать товарный экспорт, однако усилили уязвимость экономик ЮВА, ограничили торговлю услугами. Решение данной дилеммы требует более скоординированных совместных усилий членов АСЕАН.

Рис. 4. Изменение валютного курса с января 2009 по май 2010 гг. в странах АСЕАН * (в процентах)

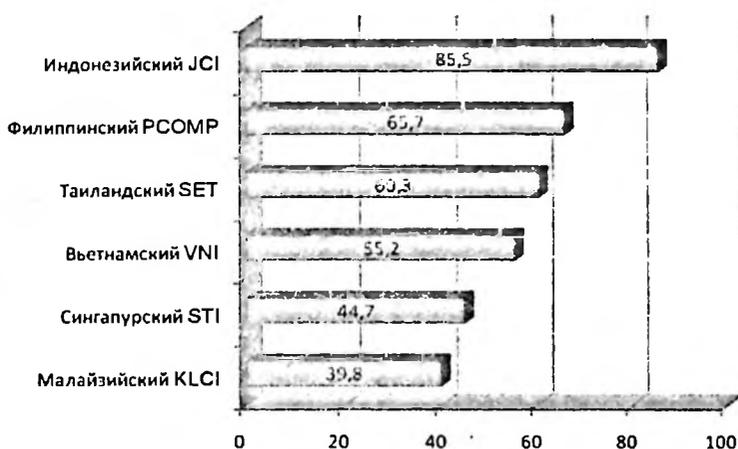
Источник: Madhur Srinivasa. *Global Crisis and ASEAN*. P.34–35; *Statistical Handbook of Vietnam 2011*. Hanoi, 2012. P.38.

Примечание: * рассчитано по обменному курсу национальных валют к доллару США. Негативные значения означают девальвацию валют..

Достижение большей свободы валютной политики возможно не только через либерализацию обменного курса, но и путем расширения странами ЮВА используемой корзины валют. Одна из альтернатив — повышение в их экономике роли юаня, и она все активнее реализуется с 2011 г. путем увеличения внешнеторговых расчетов с КНР в национальной валюте. Но ввиду того, что Китай является основным конкурентом их экономик на внешних рынках, страны АСЕАН не хотят ревальвировать свои валюты, пока курс юаня остается без изменений.

Улучшение экономической ситуации в 2010 г. привело к укреплению валют стран АСЕАН и сдержало их девальвационные устремления. После его частичного оттока на рубеже 2008–2009 гг. иностранный капитал начал возвращаться, что улучшило платежный баланс многих экономик региона. Резко активизировались фондовые площадки, высокорискованные операции, что вызвало рост биржевых индексов (рис. 5).

Рис. 5. Изменение биржевых индексов с января 2009 по май 2010 гг. в странах АСЕАН* (процентов)

Источник: Madhur Srinivasa. *Global Crisis and ASEAN*. P.34–35; *Statistical Handbook of Vietnam 2011*. Hanoi, 2012. P.37.

Примечание: * данные по остальным странам АСЕАН отсутствуют (в частности, из-за того, что они не имеют фондовых площадок).

Перспективным и все более востребованным направлением работы по улучшению финансового положения отдельных государств ЮВА становится активизация их взаимодействия. Для ускорения финансовой интеграции страны АСЕАН должны быстрее преодолевать фундаментальные препятствия: слабость национальных финансовых систем, разницу правил финансового регулирования, помехи на пути либерализации товарных и капитальных рынков. Приоритет отдается усилению регионального диалога и надзора за состоянием финансов, утверждению международных стандартов отчетности и практических норм с условием их воплощения в минимальном объеме, расширению рынка облигаций, формированию таких элементов единой финансовой инфраструктуры, как клиринговые центры, платежные системы, рейтинговые агентства, учебные центры, базы данных и т.п.

Для увеличения отдачи от своих усилий страны АСЕАН расширяют координацию действий и денежно-финансовое сотрудничество. Например, вошли в практику

встречи руководителей центробанков Восточной Азии. В рамках встреч в 2005 г. создан первый Азиатский пул рынков облигаций с начальным объемом размещения в 2 млрд долл.¹⁸. Реализуется инициатива по улучшению их оборота, инфраструктуры рынка, создан механизм страхования кредитов и инвестиций, призванный поддержать выпуск таких облигаций в регионе. Другой пример — встречи министров финансов в формате АСЕАН+3, начавшиеся в ответ на азиатский финансовый кризис. Важным достижением этих встреч стала Чнангмайская инициатива (2000 г.) по формированию коллективного фонда валютных резервов стран региона. Он служит защите валютных курсов участников от спекулятивных атак мирового капитала и нехватки ликвидности, позволяет получать помощь при ухудшении валютно-финансового положения¹⁹. В мае 2009 г. фонд сосредоточил 120 млрд долл., а в 2012 г. удвоился. Эти средства смягчили последствия мирового кризиса, подняли автономию участников²⁰.

Для повышения эффективности управления своим совокупным спросом страны ЮВА, прежде всего наименее развитые, пытаются улучшить работу финансовых рынков, в частности, связанных с получением фиксированных доходов. Расширение доступа частного бизнеса к кредитным ресурсам также призвано стимулировать средние и мелкие предприятия (СМП) к инвестициям в свой бизнес, а экономику в целом — к реструктуризации. Развитие рынков финансов и капитала поднимает эффективность монетарной политики за счет снижения затрат и пополнения ликвидности. Это также помогает оптимизировать бюджетную политику и снижать цену капитала на цели долгосрочных общественных инвестиций.

Углубление региональной экономической интеграции

Глобальный кризис укрепил тенденцию региональной экономической интеграции, впервые проявившуюся после восточноазиатского кризиса 1997–1998 гг. и утвердившуюся в конце 2000-х гг.²¹ Заключая многочисленные соглашения об экономическом сотрудничестве и координации действий, страны АСЕАН стремятся повысить привлекательность и эффективность производственных сетей, расширить рынки конечного спроса в регионе, создать общее хозяйственное пространство. Другой важный мотив: реагирование на вызовы со стороны Китая и Индии на мировой арене²².

Утверждение законодательных и институциональных механизмов координации действий стран-участниц идет при сохранении «метода работы АСЕАН», т.е. принятия решений в духе общего согласия и консультаций²³.

Важным шагом к институциональному укреплению Ассоциации стало принятие Устава АСЕАН, но пока не ясно, насколько поможет институциональная основа формированию единого рынка, налаживанию кооперации. Принятый в декабре 2008 г. устав действительно позволяет партнерам больше работать по правилам и нормам, полагаясь не только на принцип консенсуса. Однако есть мнение, что даже такой свод правил поведения недостаточно эффективен, чтобы связать воедино столь разные интересы. К тому же центральный орган Ассоциации, ее Секретариат, хотя и растет по численности персонала и по способности управлять ее делами, пока что заметно уступает в этом руководящим органам ЕС²⁴.

Серьезные усилия направлены на формирование единого рынка в форме Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА)²⁵. Этот амбициозный, по оценке ряда экспертов, проект планируется завершить в 2015 г., причем 6 более развитых членов Ассоциации обязались выполнить соответствующие обязательства уже в 2012 г. В рамках ЭСА предполагается наладить свободное движение товаров и услуг, квалифицированной рабочей силы и капитала, создать общую производственную базу. Преодолевая помехи внутрорегиональной торговле и инвестициям, Ассоциация намерена увеличить приток прямых

иностранных инвестиций (ПИИ). По предварительным расчетам, потенциальный эффект может превзойти результаты, полученные при создании европейского общего рынка.

Разрешение свободного движения рабочей силы по территории региона и соседних государств должно повысить производительность труда и снизить производственные расходы, улучшить использование ресурсов отдельных стран и ЮВА в целом. Трудовая миграция сулит выравнивание в оплате труда за одинаковую работу в богатых и бедных экономиках.

Образовав единое сообщество, АСЕАН будет представлять собой десятую в мире экономик (в 2010 г. ее ВВП составил 1,8 трлн долл.), займет третье после Китая и Индии место по численности населения (0,6 млрд чел.), пятое место по обороту внешней торговли (после США, Германии, КНР, Японии). Росту конкурентоспособности региона в целом должны помочь стандартизация правил ведения бизнеса, улучшение условий торговли, ускорение оборота капитала и знаний. Наряду с отменой нетарифных барьеров, ограничений «после прохождения границы» это позволит странам ЮВА пойти дальше базовой интеграции, которая была достигнута за предыдущий период. Они не хотят, чтобы их экономическое сообщество свелось к миниформату типа «таможенный союз плюс».

Внутриасеановская торговля давала в 2010–2011 гг. лишь 25% товарооборота стран-участниц, ПИИ в субрегионе занимают 14–16% общего притока долгосрочного капитала²⁶ — все это предстоит изменить. Но только за период 2002–2010, т.е. после создания Зоны свободной торговли стран АСЕАН, товарооборот в ней вырос почти пятикратно — со 113 до 514 млрд долл.²⁷ Ее база расширяется в количественном и качественном отношении по мере снижения бедности и увеличения среднего класса. Взаимная торговля, опуская цены, поднимает внутреннее потребление и помогает преодолевать излишнюю зависимость от развитых стран.

Впрочем, для региона отношения с остальным миром очень важны. в первую очередь с азиатскими партнерами. Члены АСЕАН формируют с ними зоны свободной торговли (ЗСТ), придавая этому процессу асеаноцентричный характер — новые ЗСТ образуются по формуле АСЕАН+1. Соглашения о свободной торговле за истекшие 5 лет подписаны, прежде всего, с такими ведущими странами АТР, как Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, а также с Индией (изучается возможность заключения соглашений с ЕС и Пакистаном). С КНР и РК заключены инвестиционные соглашения.

Торговля с азиатскими партнерами, особенно с Китаем и Индией, крайне важна как способ обеспечения роста экономик ЮВА. КНР уже стала одним из основных покупателей асеановских товаров, пятикратно увеличив за последнее десятилетие импорт полуфабрикатов и первичного сырья. Соглашением о свободной торговле с Индией от 2009 г. предусмотрено снижение импортных пошлин на 90% торгуемых товаров.²⁸

Еще более широкий формат будут иметь объединения АСЕАН+3 (с участием Китая, Японии и РК) — так называемая Восточноазиатская ЗСТ - и АСЕАН+6 (с добавлением к ним Индии, Австралии, Новой Зеландии). По оценкам экспертов в случае успешной консолидации они станут определять развитие АТР. Такой подход в духе открытого регионализма повышает привлекательность ЮВА на мировом рынке²⁹.

Перестройка системы производства и распределения

Создание мировых производственных сетей вызвало крупные изменения в процессе производства и реализации товаров. Поскольку большинство сетей связано с рынком США, острый кризис в западных экономиках потребовал диверсификации сетей, поиска новых рынков в Азии и других частях мира, в т.ч. в России. Странам ЮВА, где

расположены производственные базы этих сетей, важно адекватно провести структурные сдвиги и восстановить сбыт готовой продукции.

Необходимые предпосылки уже имеются. Номенклатура экспортных и импортных товаров, присущих экономикам АСЕАН, заметно изменилась: если в 1960–1970 гг. они поставляли на мировой рынок в основном природные ресурсы, то сегодня — изделия электроники, другую сложную продукцию обрабатывающей промышленности. Машины и транспортные средства составляют сегодня до 1/2 их вывоза, что выше показателей 1990 г. Продукция обрабатывающей промышленности дает почти 3/4 общего экспорта АСЕАН по сравнению с менее чем 2/3 в 1990 г.³⁰ Формирование Экономического сообщества АСЕАН и зон свободной торговли помогает этому процессу, так как снижает транзакционные издержки, двигает конечный мировой спрос в сторону Азии.

Привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) — необходимое условие развития производственных сетей, но Юго-Восточной Азии стало доставаться меньше инвестиций, чем перед азиатским кризисом (тогда 7–8% мирового потока ПИИ, а в 2011 г. только 4%). С учетом того, что непропорционально большая часть ПИИ идет в Сингапур (около 40%), их нужно перераспределять внутри региона³¹. Для этого ряду стран предстоит улучшить инвестиционный климат и сократить льготы внешним инвесторам, негативно влияющие на местных предпринимателей.

Серьезной задачей стран ЮВА остается обеспечение продовольственной безопасности, которая поколеблена как из-за роста мировых цен на продовольствие, так и вследствие недостаточного объема его производства в ряде этих стран. Принятые АСЕАН единый механизм продовольственной безопасности и среднесрочный стратегический план действий должны помочь решению данной проблемы. На их основе ведущие мировые экспортеры риса (Таиланд и Вьетнам) разделили сферы влияния, выработали единую ценовую политику и обеспечили продовольствием своих соседей — Индонезию и Филиппины.

Все большей заботой членов АСЕАН становится также энергетическая безопасность, что вызвано ростом дефицита электроэнергии и истощением углеводородных ресурсов вследствие ускоренного экономического развития. Путь решения этой проблемы — объединение усилий и ресурсов участников. В 2009 г. они ратифицировали договор о создании единой энергосети, подписали соглашение о нефтяной безопасности, призванное наладить помощь нуждающимся при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Во многом устойчивость экономик ЮВА зависит от охвата результатами экономического роста большей части населения и, значит, активизации микроэкономических реформ на уровне средних и мелких предприятий. Второй план по выполнению Интеграционной инициативы АСЕАН (2009 г.) специально акцентировал внимание на данной задаче, считая её решение предпосылкой создания Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА). Планом намечено стимулировать повышение конкурентоспособности этих предприятий как основы расширения бизнесактивности во всех странах ЮВА. Сохранение конкурентоспособности экономик субрегиона — в особенности продукции обрабатывающей промышленности для экспорта, во многом зависит от улучшения работы национальных предприятий, т.е. базового звена.

Серьезные преимущества мелким и средним фирмам должны принести эффективный закон о конкуренции и четкая политика в этом вопросе. Они все более широко востребованы в странах ЮВА, так как многим из них не удалось пока сформировать культуру конкуренции, избавиться от семейственности и фаворитизма, сложившихся при авторитарных режимах и подрывающих конкурентную среду в интересах компаний, которые приближены к власти.

От того, насколько динамично будут расти средние и мелкие предприятия, зависит смогут ли экономики членов Ассоциации переориентироваться на внутренний спрос. Для того, чтобы этот процесс обеспечить, идет выработка и внедрение мер по улучше-

нию доступа средних и мелких предприятий (СМП) к финансам, новым технологиям и рынкам. С этой целью в АСЕАН действует Политика по развитию средних и мелких предприятий на 2004–2014 гг. Большое внимание уделяется в ней государственно-частному партнерству, особенно услугам по подготовке квалифицированной рабочей силы и менеджерских кадров для частного сектора, поддержке торговых операций, кредитованию и т.п.

Таким образом, мировой кризис, при всех его негативных последствиях, помог лучше осознать проблемы и потребности экономического развития стран ЮВА, дал импульс и саму возможность для начала новых инициатив, обеспечивающих условия стабильного хозяйственного роста в зоне АСЕАН.

Очевидно, что совместному решению экономических задач здесь стали уделять больше внимания, лучше осознавая потребность объединения усилий в борьбе с новыми вызовами. Для этого Ассоциации предстоит укреплять свою институциональную зрелость, эффективно и своевременно реагировать на часто меняющуюся обстановку в мире и регионе. Быстрые согласованные действия сдерживаются строгой приверженностью принципу невмешательства во внутренние дела друг друга и традиционным типом принятия решений в духе консенсуса. В противоположном направлении действуют (и, по нашему мнению, стали преобладать) общие хозяйственные интересы и механизмы, в частности, обеспечивающие расширение внутреннего рынка субрегиона, совершенствование работы валютно-финансовой системы, производственно-распределительных цепочек. Сплочению государств ЮВА будут, очевидно, способствовать общие геостратегические интересы перестройки отношений с ведущими региональными и мировыми державами.

1. Нынешний кризис признается именно для ЮВА более слабым, чем азиатский кризис 1997–1998 гг. Предыдущий кризис вследствие массового оттока иностранного капитала подорвал балансовые счета и вызвал общий дефицит ликвидности в регионе, затруднил финансирование внешней торговли. Ощутимое снижение потребительских цен и производства, в свою очередь, усилили спад в экономике АСЕАН.
2. Подробнее см.: *Бойцов В.В.* Мировой экономический кризис и его проявления в странах Юго-Восточной Азии // Тихоокеанское обозрение 2008–2009. М., 2010. С. 94–97.
3. Там же. С. 91–92.
4. Это проявляется в активном внутреннем спросе: объем розничной торговли вырос за 2000–2008 гг. с 88 до 97% ее ВВП (в СРВ до 78%). См.: *Saw Swee-Hock.* The Global Financial Crisis: Impacts and Response in Southeast Asia // *Managing Economic Crisis in Southeast Asia.* Singapore: ISEAS, 2011. P. 18.
5. Asian Development Bank Update 2009; Statistical Yearbook of Vietnam 2010. P. 746–747; Athukorala, Prema-Chandra. The Global Financial Crisis and Asian Economies: Impacts and Trade Policy Responses // ASEAN Economic Bulletin. 2010. Vol. 27, № 1, April. P. 54–57.
6. См.: *Saw Swee-Hock.* The Global Financial Crisis. P. 20.
7. *Ibid.* P. 11. Основной импульс дают «азиатские тигры» и Индия, со стороны Японии для торговли с АСЕАН позитивным было укрепление йены.
8. Зона свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН—Китай.
9. Asian Development Outlook, 2012. Confronting Rising Inequality in Asia. ADB, 2012. P. 6.
10. См.: World Bank. Battling the Forces of Global Recession. A World Bank Economic Update for the East Asia and Pacific Region. April 2009. Washington, 2009. P. 75–76.
11. *Saw Swee-Hock.* Op. cit. P. 13–17; *Plammer M.* Southeast Asia: Achieving sustained growth // Inclusive, balanced, sustained growth in the Asia Pacific/Edit. by P.A. Petri. Singapore, 2010. P. 83. Для развития инфраструктуры были расширены дорожное, ирригационное, жилищное строительство, а также реконструкция объектов связи и соцобеспечения.
12. *Plammer M.* Southeast Asia: Achieving sustained growth // Inclusive, balanced, sustained growth in the Asia Pacific. P. 81; *Madhur Srinivasa.* Global Crisis and ASEAN. P. 34–35; Statistical Handbook of Vietnam 2011. Hanoi, 2012. P. 38.

13. Asian Development Outlook 2012: Confronting Rising Inequality in Asia. ADB. P. 10.
14. См.: *Madhur Srinivasa*. Global Crisis and ASEAN. P. 40.
15. См.: *Былинник С.А.* Дисбалансы в мировой экономике // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. 16 (2010–2011). М.: ИВ РАН, 2011. С. 22.
16. *Бисан М.* Экономический кризис и перспективы восточноазиатского регионализма // Тихоокеанское обозрение 2008–2009. М., 2010. С. 113–114.
17. Так, за март–октябрь 2009 г. курс тайского бата вырос к доллару на 7,7%, малазийского ринггита — на 9,3%. См.: *Plammer M.* Southeast Asia: Achieving sustained growth. P. 85.
18. Это — номинированные в национальных валютах бумаги, обеспеченные резервами ЦБ каждой страны ЮВА. См.: *Plammer M.* Southeast Asia: Achieving sustained growth. P. 86–87.
19. *Бойцов В.В.* Указ. соч. С. 103.
20. ASEAN Economic Community Scorecard: Charting Progress towards Regional Economic Integration. Jakarta, ASEAN Secretariat, 2010. P. 7. 80% средств вносят Китай, Япония (по 32%) и Республика Корея (16%), еще 20% распределены между странами ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд по 4%, Филиппины 3%; остальные — 1%).
21. *Beeson M.* Institutions of the Asian-Pacific: ASEAN, APEC and Beyond. London, 2009. P. 91.
22. Особенно беспокоит страны ЮВА рост мощи, влияния и амбиций Китая в этом регионе.
23. *Narine S.* State Sovereignty, Political legitimacy and regional institutionalism in the Asia-Pacific // Pacific Review. 2004. № 17 (3). P. 423–450.
24. Секретариат АСЕАН насчитывает 270 сотрудников, тогда как в органах управления ЕС их работает 14 тысяч. См.: *Madhur Srinivasa*. Global Crisis and ASEAN. P. 47.
25. К концу 2009 г. вступили в силу 91 из 124 (73%) правовых норм ЭСА, тогда как в 2002 г. была принята лишь половина из них. В 2010 г. ожидалось завершение работы по созданию законодательной базы сообщества. См. ASEAN Economic Community Scorecard. P. 14.
26. В 2010 г. весь внешнеторговый оборот стран АСЕАН превысил 2 трлн долл. (в 2011 г. 2,4 трлн), а приток ПИИ 77 млрд (в 2011 г. — 79). См.: ASEAN Economic Community Score-card. P. 3; <http://www.aseansec.org>; International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics.
27. Intra- and extra-ASEAN trade, 2010. ASEAN Statistics. URL.: <http://www.aseansec.org/>
28. *Madhur Srinivasa*. Op. cit. P. 46.
29. *Zhang X.* The rise of China and community building in East Asia // Asian Perspective. 2006. № 30 (3). P. 129–148; *Jones D.M., Smith M.L.R.* Making process, not progress: ASEAN and the evolving East Asian regional order // International Security. 2007. № 32 (1). P. 148–184.
30. UNCOMTRADE.
31. UNCTAD FDI Statistics.

Геополитическая подоплека российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии

© 2013

В. Балакин

Китай издавна рассматривал пространство Центральной Азии как зону своего исключительного внимания и вряд ли готов смириться ныне с попытками США обустроить здесь свое постоянное присутствие. Представляется обоснованной точка зрения экспертов, считающих вполне реальной возможность постепенного формирования в этом регионе российско-китайского экономического взаимодействия, включая долговременные двусторонние договоренности по комплексному развитию крупных региональных инвестиционных проектов.

Ключевые слова: ШОС, «Набукко», геополитика, российско-китайские отношения, инвестиционные проекты.

В межкризисный период 1998–2008 гг. Центральная Азия стала занимать все более заметное место в градации политических интересов России и Китая. Но если российская политика в регионе до настоящего времени не обрела реальной четкости и гибкости, то китайская демонстрирует очевидную направленность на самое тесное сотрудничество с центрально-азиатскими государствами (прежде всего, в экономической сфере). Для России в Центральной Азии значительную проблему с геополитической, военной и экономической точек зрения представляет не столько нарастающая региональная экспансия КНР, сколько постоянные трения и противоречия между самими центрально-азиатскими государствами, облегчающие Вашингтону возможности разыгрывать стратегические пасьянсы, направленные против национальных интересов и России, и Китая, тогда как их активное участие в процессе геополитических и геоэкономических изменений на азиатском континенте естественным образом подталкивает Москву и Пекин к поиску в Центральной Азии долгосрочного стратегического компромисса, в первую очередь в инвестиционной сфере¹.

Для серьезных инвестиционных проектов здесь налицо реальная основа в виде гигантских запасов практически всех видов сырья, включая энергетические ресурсы (в частности, уголь, газ и нефть). Как с российской, так и с китайской стороны в межкризисный период наблюдались попытки использовать при освоении экономического пространства Центральной Азии частную инициативу, причем масштаб решаемых проблем потребовал задействовать механизмы непосредственного государственного планирования.

КНР уже включилась в процесс фундаментальных глобальных изменений и реально претендует на роль супердержавы. Для России это создает весьма непростую геополитическую ситуацию, когда с одной стороны российской границы наращивает свою

совокупную мощь динамично развивающийся Китай, а по другую ее сторону многонаселенные центральноазиатские государства пытаются закрепиться в российском экономическом пространстве, направляя туда мощные потоки трудовой миграции. К этому добавляется несовершенная с технической точки зрения охрана протяженной российско-казахстанской границы и пока еще не восстановленная мощь российских вооруженных сил, что напрямую влияет на общий уровень региональной безопасности в Центральной Азии. Российско-китайское инвестиционное взаимодействие в регионе сулит России возможность обрести в лице Китая устойчивого регионального союзника, причем для укрепления и расширения этого взаимодействия налицо широкий круг вариантов, опирающихся на общий баланс возможных интересов двух стран, объективно заинтересованных в стабилизации геополитической обстановки в Центральной Азии через синхронизацию дипломатических усилий по предотвращению роста западного влияния на местные политические и экономические элиты.

В двусторонних отношениях с лидерами центральноазиатских государств руководство КНР отказалось от любых идеологических схем, заменив их прагматическими принципами, основанными на экономических интересах. Двусторонние инвестиционные проекты, прежде всего, ориентированы на развитие ресурсного производства, хотя в последнее время Китай начинает предлагать центральноазиатским государствам масштабные капиталовложения в агропромышленную сферу и даже в возрождение советских предприятий, относившихся некогда к военно-промышленному комплексу СССР. В обозримой перспективе Российской Федерации не останется иного выбора, кроме принятия предлагаемых Китаем новых правил геополитической игры — встать на путь углубления инвестиционного взаимодействия с Пекином в расчете на решение проблемы более высокого стратегического уровня, а именно: создать осязаемый российско-китайский противовес растущим притязаниям США и Евросоюза на преимущественное доминирование в экономиках центральноазиатских государств².

При этом возрождение ислама в новых государствах Центральной Азии постепенно радикализирует региональную ситуацию. Отдельные националистические проявления, последовательно сливаясь в мощную волну недовольства старой советской номенклатурой, встречают не столько отпор им, сколько попытки «оседлать» националистический тренд. Китайское руководство вынуждено учитывать рост исламского радикализма в Центральной Азии, поскольку он непосредственно отражается на общей нестабильной ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, где проживает около 1 млн представителей центральноазиатских народов неханьского происхождения³.

У России и Китая сегодня не могут не вызывать озабоченности попытки США разыгрывать «исламскую карту» в Центральной Азии, искусственно нагнетая межэтнические конфликты и подстрекая формирование на протяженных границах РФ и КНР зон геополитической нестабильности. В самих же США звучат признания, что Вашингтон не прочь создать условия для распространения афганского конфликта на всю Центральную Азию, задействуя при этом финансовые и идеологические ресурсы Саудовской Аравии и других ближневосточных монархий. Показательно, что даже в правящих кругах Японии традиционно непростые российско-китайские отношения расцениваются как вполне возможное «синергетическое партнерство», основанное на обоюдном ощущении нарастающей угрозы со стороны Вашингтона⁴. Под вопросом, однако, жизнеспособность такого партнерства на более отдаленную перспективу.

На Западе многие расценивают соперничество между Россией и Китаем как неизбежность в силу заметной противоположности их долгосрочных целей. Так, Россия пытается сохранить свое влияние в Центральной Азии, в то время как Китай нацелен на расширение своего экономического присутствия в регионе. Тем не менее, вряд ли надо рассматривать потенциальное российско-китайское соперничество в качестве фактора, способного перевесить последовательно растущее стратегическое сотрудничество двух держав как на

региональном, так и на глобальном уровне. И нынешняя активность США в центрально-азиатском регионе как раз стимулирует сотрудничество Москвы и Пекина в этой части постсоветского пространства. В реальности американская политика разрушает региональную стабильность и фактически поощряет исламистский сепаратизм. В Пекине, например, прямо обвиняют администрацию США в разжигании сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете, одновременно обращая внимание Москвы на последовательное укрепление связей между уйгурскими экстремистскими организациями и террористическим подпольем на российском Северном Кавказе.

По мнению японских экспертов, российско-китайское инвестиционное взаимодействие в центральноазиатском регионе по сути дела может предоставить уникальный шанс Москве и Пекину создать новые рабочие места и предотвратить дальнейшее расширение там американского влияния. Такое взаимодействие сулит центральноазиатским государствам достойную альтернативу в выборе дальнейшего пути развития, поскольку в условиях новой волны глобального кризиса западная модель хозяйствования уже практически не сможет доминировать в этом регионе. По сути, ни Евросоюз, ни США объективно не смогут конкурировать на центральноазиатском рынке с готовой продукцией из КНР и российскими технологиями, продолжающимися развиваться в рамках хорошо знакомых местным предпринимателям советских стандартов.

Кроме того, как отмечают эксперты, сегодня регион Центральной Азии становится весьма важным для таких держав как Япония, Корея, Индия, Иран. Каждая из них имеет в Центральной Азии собственные исторически сложившиеся интересы, носящие прежде всего экономический характер. Вместе с тем, как ни странно, Япония, Корея и Индия вряд ли испытывают принципиальное несогласие с международно-правовым оформлением (то есть практической легитимизацией) российско-китайского инвестиционного пространства на просторах Центральной Азии. С этой точки зрения, уже функционирующая Шанхайская организация сотрудничества фигурирует как признанный в рамках ООН международный институт, претендующий на роль еще одного международно согласованного экономического кластера на азиатском континенте⁵.

Имеется, однако, у российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии и сфера реальных разногласий: энергетика. Китайское руководство заинтересовано в получении полного доступа к энергетическим ресурсам региона, а РФ — в закреплении за собой контроля за поставками местных энергоносителей. Разница экономических интересов России и Китая в Центральной Азии пока что носит относительно мягкий, на наш взгляд, характер, но в будущем обоим государствам придется каким-то образом искать «соломоново решение» с учетом сходства их долговременных геополитических интересов. Кстати, сама ШОС, по сути, представляет собой не что иное, как сложный компромисс в их непростых взаимоотношениях, которые, вероятно, еще не раз будут подвергаться испытаниям на прочность, как это случилось, например, в августе 2008 г. в период российско-грузинского военного конфликта (во время которого Пекин постарался активизировать свои контакты с Тбилиси).

Нельзя не признать: все более заметное вовлечение стран Центральной Азии в экономическую орбиту Китая связано с тем, что инвестиционный потенциал России в данном регионе явно уступает китайскому. Инвестиционная активность КНР особенно возросла после Азиатского финансового кризиса 1997/98 гг. Объекты особого интереса китайцев — ресурсные активы центральноазиатских государств, а также бывшие советские предприятия из сфер энергетики, цветной металлургии, добычи урана и т.п. В условиях кризиса, начавшегося в 2008 г., Китай остался, по сути, единственным для стран Центральной Азии источником иностранных кредитов и инвестиций.

В 2001–2003 гг. товарооборот КНР с центральноазиатскими государствами более, чем удвоился (с 1,5 до 3,3 млрд долл.)⁶. В действительности, инвестиционное присутствие Китая здесь, как нам представляется, еще больше, поскольку данные региональной

статистики занижались, чтобы не вызывать тревоги у России и промышленно развитых государств Запада. Ведущим торговым партнером КНР в регионе стал Казахстан, на долю которого в 2008 г. приходилось более 80% всех инвестиций. С 1998 по 2008 гг. взаимный товарооборот вырос почти в 40 раз⁷.

По итогам 2008 г. китайские компании добыли в Казахстане в 2,5 раза больше нефти, чем российские. В дальнейшем разница еще более увеличилась: добыча составила порядка 18 млн т со стороны китайских компаний и лишь 6,4 млн т со стороны российских. При этом основная часть казахской нефти добывается, по оценкам зарубежных аналитиков, не китайскими, а западными корпорациями⁸. Относительно прочные позиции в инвестиционной стратегии КНР занимают также Узбекистан и Туркменистан, тогда как роль Таджикистана и Киргизии слабее.

По оценкам Исследовательского бюро при кабинете министров Японии (Найкаку тэсасицу), после нынешнего экономического кризиса роль Центральной Азии как поставщика энергоносителей на мировые рынки будет возрастать, причем от стран Запада можно ожидать активного противодействия попыткам Китая переориентировать центральноазиатские государства на себя как в экономическом, так и в политическом плане. Что касается обострения конкуренции между Россией и Китаем, то оно просматривается, прежде всего, в сфере инвестирования в газовые ресурсы Туркмении, чему способствует ее законодательно оформленный курс на диверсификацию экспортных маршрутов своего углеводородного сырья. Это связано с резким снижением экспортных поставок газа после взрыва на газопроводе «Средняя Азия — Центр» в апреле 2009 г. Туркмении пришлось выдержать давление потребителей, требовавших временного снижения цены на газ. В январе 2010 г. туркменское руководство приняло непростое решение вчетверо снизить его поставки в Россию. Сокращение закупок газа Украиной и снижение доходов бюджета вынудили Туркмению к проработке альтернативных направлений прокачки газа — прежде всего, в Китай. В 2010 г. вступил в эксплуатацию газопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай. Объемы прокачки газа по нему оказались сопоставимы с объемами, ранее закупавшимися Россией (40 млрд кубм в год); еще по 5 млрд кубм получили Казахстан и Узбекистан.

Это ознаменовало коренное изменение геополитической ситуации в Центральной Азии и для России, и для Запада. За счет прямых китайских инвестиционных кредитов было осуществлено строительство не только газопровода, но и крупнейшего регионального газораспределительного центра в Лебапском велаяте Туркмении, обладающем мощной ресурсной базой, газосборными пунктами, компрессорными станциями. На основе долгосрочного инвестиционного кредита китайцы провели капитальный ремонт, а в отдельных случаях модернизацию ранее эксплуатирувавшихся скважин. Первоначальной проектной мощностью этого газопровода Китай ограничиваться не собирается. В апреле 2011 г. между двумя странами было подписано соглашение о строительстве третьей нити газопровода Узбекистан-Китай⁹.

Инвестиционное освоение нефтегазовых ресурсов Туркмении взяли на себя Государственный банк развития Китая и Китайская национальная нефтегазовая корпорация. Работы идут достаточно быстро: к 2014 г. этот проект позволит КНР довести объемы импорта центральноазиатского газа до 65 млрд кубм в год. Строительство газопровода в рамках европейского проекта «Набукко» вряд ли составит конкуренцию. «Набукко» должен наполняться туркменским газом более чем наполовину, но Китай наверняка выиграет конкурентную борьбу, поскольку его газопровод уже действует и постоянно наращивает объемы прокачки. Как считают японские эксперты, России, судя по всему, придется смириться с подобной инвестиционной активностью КНР в центральноазиатской энергетике, поскольку ее инвестиционный потенциал, как уже отмечалось, несопоставим на данном направлении с китайским.

Рост инвестиционного присутствия Китая в Центральной Азии неизбежно влечет за собой усиление китайского политического влияния в регионе. Практически все центральноазиатские государства уже состоят в значительной финансовой зависимости от КНР. Кризис 2008 г. усилил эту зависимость. Например, в Таджикистан общий объем прямых инвестиций Китая превысил к началу 2010 г. 700 млн долл., включая 600 млн под сверхнизкие проценты в энергетику. Что же касается России, то налицо, напротив, постепенное свертывание деятельности ряда ее крупных компаний в Туркмении, Таджикистане и Киргизии¹⁰.

Как полагают эксперты, инвестиционное взаимодействие Москвы и Пекина в регионе будет во многом зависеть от российской внешнеполитической стратегии в целом, а также от места, которое в данной стратегии будет занимать Китай. Переориентация центральноазиатских государств на различные мировые центры идет полным ходом. КНР вряд ли упустит свой шанс максимально пристегнуть эти бывшие советские республики к своей геополитике. В России это осознают и пытаются противопоставить китайской экономической активности собственную версию постсоветской интеграции. В частности, уже функционирующий Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России может рассматриваться в качестве некоей попытки обозначить устойчивый интеграционный тренд для центральноазиатских государств.

Как ни странно, именно активизация местных и зарубежных противников Таможенного союза стимулирует Россию и Китай к использованию механизмов инвестиционного взаимодействия, дабы не допустить в Центральную Азию общего стратегического противника — США. Как российская, так и китайская стороны, судя по всему, не имели бы ничего против расширения инвестиционной активности в центральноазиатском регионе Японии, Республики Корея, стран АСЕАН. Пекин не раз высказывался в пользу формирования единого экономического пространства с участием этих государств. У КНР уже есть удачный опыт подобных геоэкономических мероприятий — например, заработавшая с 1 января 2010 г. зона свободной торговли «АСЕАН+Китай». Для России варианты восточно- и центральноазиатской экономической интеграции также, по оценкам японцев, могли бы представить реальный интерес¹¹.

Упомянутый Таможенный союз многие эксперты квалифицируют как инструмент в руках Москвы для распространения ее политического влияния на постсоветском пространстве. Но они же отмечают и достаточно доброжелательное отношение КНР к этим интеграционным усилиям России. Китайская «лояльность» к ним трактуется как некая стратегема традиционной внешней политики Среднего государства, суть которой — в стремлении чужими руками свести воедино нечто, в перспективе могущее перейти под его же контроль. Исходя из названной матрицы напрашивается вывод, что российско-китайское инвестиционное взаимодействие в центральноазиатском регионе отвечает долгосрочным геополитическим интересам КНР. Ни у Китая, ни у России нет иного выбора, поскольку США прикладывают огромные усилия к тому, чтобы создать зону своего исключительного влияния в «сердце Азии»¹².

Наметившиеся шансы реального укрепления российско-китайского инвестиционного взаимодействия в центральноазиатском регионе вызывают резкое неприятие со стороны некоторых западных политологов, утверждавших, в частности, что Москва якобы была намерена компенсировать в межкризисный период свои трудности вступления в ВТО созданием Таможенного союза. Указывают, что ради поддержания имиджа самостоятельной великой державы РФ отказывалась рассматривать предложения США и Евросоюза по «сдерживанию» Китая. Последнее вызывает особое неприятие у западных политиков, нуждающихся в российском внешнеполитическом потенциале.

В действительности объективная реальность такова — взаимодействие (особенно инвестиционное) в Центральной Азии делает Россию и Китай сильными игроками на международной политической арене. Российско-китайское соразвитие в азиатском ре-

гноне в целом не оставляет Западу возможностей для сохранения отжившей финансовой системы, основанной не столько на реальном производстве, сколько на продаже прав заимствования денежных средств. Современную американскую экономику со всей очевидностью ждут тяжелые испытания. Для нее губительна утрата подлинного контроля над размножающимися в геометрической прогрессии «деривативами» (производными ценными бумагами). Сохранению доллара в роли исключительной валюты благоприятствовало бы недопущение российско-китайского взаимодействия в сфере реальной экономики (что равносильно формированию новой экономической модели, основанной на принципах производственной синергии)¹³.

Между тем, для такой модели уже созрели геополитические условия — и именно в Центральной Азии. На полноправное вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) явно нацелены Иран, Индия и Пакистан, не исключено, что полноправного членства станут активно добиваться Монголия и Беларусь. С учетом негативных дезинтеграционных процессов, развивающихся в Европейском Союзе, перспективы консолидации в ШОС начинают реально беспокоить западных интеграторов-глобалистов. Так, достоянием гласности стало содержание одной из бесед посла КНР в Казахстане Чэн Гопина с его американским коллегой, в рамках которой китайский дипломат подтвердил готовность Китая с осторожностью балансировать между расширяющимся российско-китайским сотрудничеством в Центральной Азии и национальными интересами каждого из государств. Китайский дипломат подчеркнул, что в центральноазиатском регионе объективно присутствует как сотрудничество, так и добросовестная конкуренция в отношениях между КНР и РФ, но отсутствует их политическое противостояние, на которое надеется Запад¹⁴.

1. *Chiyoda Keiko*. Economic Integration in the Central Asia // *Taiwan International Studies Quarterly*. 2009. Vol. 2. Summer. P. 43–61.
2. *Тэранака, Навако*. Тью адзия но тоси кикай то сэйдзи рисуку [*Механизм инвестиций в Центральной Азии и политические риски*] // Канадзава дайгаку. 2011. С. 14.
3. *Andresy A.* Xiangjiang's border trade // *Central Asia Human Development Report*. Paris, 2006. P. 18.
4. *Хонда Исаму*. Синэрутия рирон модэру [*Модель теории синергии*] // Нихон дайгаку кэйдзай гакубу. Токио, 2010. С. 206.
5. *Raballand G.* La déferlante économique chinoise et ses conséquences en Asie centrale // *Monde chinois*. 2007. No. 4. P. 17.
6. *Peyrouse, Sebastien*. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Reapprochment // *Silk Road Paper*. Stockholm, 2007. P. 61.
7. *Swanström N., Zhang Li*. Trade in Central Asia. The New Silk Roads // *Johns Hopkins University Studies Programm*. 2009. P. 406.
8. *Lifan Li*. Sino-Russia-Kazakh Energy Interaction // *Shanghai Academy of Social Sciences*. 2011. P. 10.
9. *Harada Yasushi*. Chinese Investment in Central Asia Infrastructure // *Central Asia Report*. Tokyo, 2011. P. 19.
10. *Исире Тёкуэн*. Тью адзия-э но Тюгоку кайгай тёкусэцу тоси [*Прямые зарубежные инвестиции Китая в Центральную Азию*] // Кэйдзай кагаку кэнкюсё. Токио, 2011. С. 195.
11. *Yon Sean L.* Power Politics in Central Asia // *Strategic Insight*. Tokyo. 2011. P. 30.
12. *Ивасита Акэю*. Дзёкай кёрёку нико то Нихон [*Шанхайская организация сотрудничества и Япония*] // Юраси сого тайва кёкай. Токио, 2011. С. 61.
13. *Faigenbaum E. A.* The Future of Central Asia // *The Nixon Center*. Washington, D.C. US. 2011. P. 2.
14. *Kellner T.* La République populaire de Chine et l'Asie centrale postsoviétique: étude de politique étrangère // *Institut Universitaire de Hautes Études Internationales*. Genève, 2011. P. 462.

Крах экономики «мыльного пузыря» и антикризисные меры правительства и Банка Японии (1980-е – 1990-е гг.)

© 2013

Д. Сенина

Статья содержит анализ причин и результатов финансового кризиса 1990-х гг. в Японии, который повлиял не только на экономику, но на всю социальную жизнь страны, приведя ее к радикальной реформе национальной финансовой системы. Рассматривается денежно-кредитная политика Банка Японии и политические обстоятельства, сопутствовавшие финансовым реформам

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, процентная ставка, кризис, ценные бумаги, страховая компания, кредит, залог.

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. стал причиной серьезных последствий для экономических систем многих стран. Одним из них на данном этапе является дефляция, борьба с которой оказалась задачей не из легких для правительств и экономистов, внимание которых приковано к японскому опыту. Япония в 1990-х гг. пережила серьезный банковский кризис, а затем и экономический застой, называемый «потерянным десятилетием». На смену кризису пришла дефляция, выход из которой сложнее, чем ее предотвращение. Дефляционные явления в экономике во многом связаны с эффективностью действий центральных банков и денежно-кредитной политики, которую они применяют в условиях финансовых коллизий.

1. Причины банковского кризиса в Японии

В 1990-х гг. Япония пережила серьезный кризис банковской системы, хотя причины его носили внутренний характер. Японские ученые называют этот период «потерянным десятилетием» из-за длительного застоя в экономике. До краха «экономики мыльного пузыря» японские банки считались одними из самых надежных в мире (см. табл. 2.1.).

Но, как указывает японский исследователь Кадзуо Уэда, кредитные рейтинги банков — не лучший индикатор кредитных рисков. Они часто славятся тем, что отстают от прогрессирующих рыночных представлений о кредитных рисках. Если точнее оценивать кредиты, то может обнаружиться, что графики их погашения не такие уж и гладкие¹. Кризисные явления в экономике порождают много проблемных должников, которые оказываются не в состоянии вернуть кредитной организации заем в указанные в договоре сроки. Но сами кредитные организации в целях поддержания своих высоких рейтингов, или просто не имея достаточно полной информации о своих клиентах, скрывают подлинное положение дел или сталкиваются с полномасштабным крахом. Как правило, когда в балансе банка уже имеется определенный процент «плохих долгов», его официальные рейтинги все еще высоки.

Таблица 1.1

Мировой рейтинг японских банков по размеру активов, 1981–1988 гг.

Банк	1981	1988
Dai-ichi Kangyo	8	1
Sumitomo	11	2
Fuji	13	3
Mitsubishi	14	4
Sanwa	17	5
Промышленный банк Японии	25	6
Центральный кооперативный банк сельского хозяйства	20	7
Tokai	27	8
Mitsui	24	9

Составлено по: "Multinational banks and their social and labour practices". International Labour Office. Geneva, 1991.

Проблема «мыльного пузыря» возникает в экономике при наличии ряда факторов. Во-первых, инвесторы вкладывают слишком много денег в покупку акций компаний, действующих в одном секторе экономики, и не уделяют достаточно внимания иным отраслям. Во-вторых, инвесторы неадекватно оценивают свое финансовое положение и допускают серьезный перерасход средств. Основанием этому является происходящий в какой-то момент рост текущих котировок. В-третьих, финансовые институты (в частности, банки) выдают слишком много рискованных активов. Эксперты Международного валютного фонда считают, что крах японского «пузыря» случился по причине наличия избыточной ликвидности в экономике, несовершенного финансового законодательства и «нерационального» процветания².

Для банков в Японии строго устанавливались нормы резервов и процентных ставок по всем видам кредитования. Кредиты предоставлялись клиентам только с разрешения чиновника банка, который руководствовался состоянием дел заемщика, сложившейся экономической конъюнктурой, директивами Банка Японии и рекомендациями правительства. Коммерческие банки опирались на поддержку Банка Японии, который в свою очередь осуществлял строгий контроль за целевым использованием денежных ресурсов, получаемых от него коммерческими банками. Это позволяло банкам нарушать принцип «оборачиваемости» (баланс между суммой ссуд и суммой депозитов). Банк Японии рефинансировал слабые банки по льготным ставкам, не афишируя этого. Министерство финансов исполняло функции банковского надзора и гарантировало вклады, организуя слабым японским банкам спасение от разорения силами более благополучных банков. Подобная система называлась «системой конвоирования» ("convoy fleet system"). (Термин заимствован из практики ВМС, где он означает систему специальных мероприятий с целью обеспечения безопасности морских перевозок). Проценты, получаемые по ссудам, были выше, чем доход от вложений в ценные бумаги. Удельный вес ссуд был более высоким в капиталах банков, нежели вложения в ценные бумаги.

В 1985 г. была осуществлена либерализация деятельности банков и отмена регулирования процентных ставок по вкладам, что привело к конкуренции между банками за привлечение как можно большего количества кредитов и снижению процентных ставок. В итоге, к 1991 г. резервы на покрытие убытков всех японских коммерческих банков составляли 3 трлн иен, что было катастрофически мало по сравнению с выданным объемом ссуд — 450 трлн иен³. Депозиты всех японских банков увеличились с 230 602 млрд иен в 1985 г. до 481 654 млрд иен в 1997 г.⁴ (см. табл. 2.2.).

Таблица 1.2

Базовая кредитная ставка основных банков в Японии, 1986–1988 гг.

Действительна с	Краткосрочная ставка процента	Долгосрочная базовая кредитная ставка
24 января 1986	5,0	—
28 февраля 1986	—	6,9
28 марта 1986	—	6,4
31 марта 1986	4,5	—
19 мая 1986	4,125	—
25 ноября 1986	3,75	—
28 ноября 1986	—	6,2
28 января 1987	—	5,8
28 февраля 1987	—	5,5
16 марта 1987	3,375	—
28 марта 1987	—	5,2
28 мая 1987	—	4,9
1 августа 1987	—	5,2
1 октября 1987	—	5,7
28 января 1988	—	5,5
1 августа 1988	—	5,7

Составлено по: http://www.boj.or.jp/en/type/stat/dlong/fin_stat/rate/data/primeold.htm

Главным залогом при выдаче кредитов являлась недвижимость и ценные бумаги. Правительство Японии в законодательном порядке установило высокие налоговые ставки, которое должно платить население при сделках с недвижимостью, чтобы исключить спекуляцию на этом рынке. Налоговая ставка при продаже недвижимости, находившейся во владении менее двух лет, составляла 90% суммы сделки. Налоговая ставка при продаже недвижимости, находившейся во владении от 2 до 5 лет, составляла 75%. Стоимость недвижимости и земли была спекулятивно завышена. В 1991 г. дома и квартиры потеряли примерно 40% своей стоимости, что переводило ссуды в разряд невозвратных. К 1990 г. цены на землю упали по всей стране. Соотношение акции-облигации оставалось положительным до 1993 г. Нехватка ликвидных средств, нерегулярные циклы расчетов и угроза инфляции не дали правительственным облигациям стать безопасной гаванью для инвестиций⁵.

В начале 1990-х гг. стоимость ценных бумаг, под которые активно выдавали кредиты коммерческие банки, снизилась из-за ухудшения состояния экономики Японии. Кредиты выдавались не только самими коммерческими банками, но дочерними финансовыми компаниями. Они выполняли функции кредитных отделов материнских компаний и находились на автономном балансе, но с полной ответственностью материнской компании по их долгам.

После трехкратного роста в конце 1980-х гг., рынки недвижимости и ценных бумаг рухнули в 1989–1990 гг. В то время как цены на недвижимость постоянно снижались в последующие 10 лет, фондовый рынок показывал неустойчивые тенденции повышения в 1995–1996 гг. и 1999–2000 гг., которые заканчивались новыми падениями. Частный долг увеличивался, но это касалось в основном заемного капитала компаний и фирм, а не средств домашних хозяйств. К середине «потерянного десятилетия» стали появляться признаки восстановления экономики благодаря политике стимулирования. Поскольку Банк Японии снизил политическую ставку практически до нуля, объединяя это с пакетами мер фискального стимулирования, ожидалось, что экономика восстановится достаточно быстро от того, что рассматривалось в качестве циклического экономического спада. Так, в 1994 г. рост и инфляция восстановились, безработица сократи-

лась, а фондовый рынок оживился. Промышленное производство также восстановилось при поддержке технической коррекции, относящейся к товарному циклу. Признаки оживления позволили убрать политические стимулы и запустить в апреле 1997 г. налогово-бюджетную консолидацию в ответ на опасения по поводу растущего государственного долга. Но 1997 г. принес новую волну общего кризиса, которую во многом спровоцировал Азиатский кризис⁶.

Министерство финансов Японии потребовало от банков начать процесс списания «плохих долгов», но банки выполнили эту директиву не в полном объеме. В 1991 г. было зарезервировано всего 3 трлн иен в качестве фонда покрытия при сумме выданных кредитов 450 трлн иен. Создание специальных фондов для покрытия невозвращенных долгов снижало налогооблагаемую базу коммерческих банков и требовало специального разрешения налоговых органов. Это сопровождалось длительными бюрократическими процедурами. Многие банки в Японии не создавали подобных фондов. Банки не отражали в своей отчетности «плохие долги», так как это портило общую картину прибыли банка. Например, банки шли на нарушение правил отчетности и скрывали, что проценты по некоторым кредитам не выплачивались в течение года. Они оказывали давление на недобросовестных заемщиков с целью выплаты ими хотя бы 30% от общей суммы процентных платежей по кредиту. Это позволяло им не переводить долг в разряд «плохих» в своей официальной отчетности.

Достоверная информация о «плохих долгах» банков просто отсутствовала. До 1980-х гг. прошлого века основными клиентами коммерческих банков были крупные корпорации. Крупнейшие заемщики имели тесные отношения с кредитными учреждениями. Менеджеры банков следили за финансовым состоянием основных клиентов и контролировали их инвестиционные планы. Европейские и американские банки ранжировали активы по степени риска и создавали резерв под каждый рискованный кредит. Японские банки этой практикой пренебрегали и не видели в ней смысла. Но в 1980-х гг. ситуация меняется, и крупные корпорации переходят к самофинансированию и выпуску акций и облигаций. Они снизили свою зависимость от банков, а основной клиентурой последних стали средние и мелкие предприятия. Банком было сложно оценивать кредитоспособность каждого мелкого заемщика, основным залогом которых при получении ссуд была земля. Падение цен на землю нанесло существенный ущерб кредитным портфелям коммерческих банков.

Первым последствием финансового кризиса в Японии стало появление большого числа некредитоспособных заемщиков, то есть компаний с обесценившимся имуществом и накопленными долгами. С 1991 по 2001 гг. в Японии создавалось меньше компаний, чем уходило с рынка. Число предприятий сократилось за этот период на 400 тыс. Банкротами в первую очередь стали компании, которые были вовлечены в спекуляции с ценными бумагами и землей. Банкротства ризлтеров повлекли за собой и разорение строительных компаний и банков. В частности, несколько крупных банков были объявлены банкротами, в том числе и Банк долгосрочного кредитования.

Вторым последствием стала дефляционная спираль. Ожидание дальнейшего падения цен удерживало инвесторов от вложений, а потребителей от крупных покупок, которые откладывались «на потом». Долги становились дороже для кредиторов и дешевле для заемщиков. Инвестиции в падающую экономику были сопряжены с повышенным риском, а капиталовложения замедлялись. Доходы населения и прибыли предприятий не росли.

Третьим последствием финансового кризиса стало то, что банковская система Японии стала плохо выполнять функцию трансмиссии денег, то есть предложение денег перестало влиять на экономическую активность. При, казалось бы, ничтожных процентных ставках не наблюдается роста экономической активности и потребительского спроса. Продолжительный слабый потребительский спрос и жесткие условия функционирования финансовой отрасли могут привести к росту корпоративных банкротств, что отражается на способности или готовности банков кредитовать частный сектор. Одновре-

менно рост банкротств может отрицательно сказаться на внутреннем спросе и резко увеличить число безработных, что, в свою очередь, плохо отражается на потреблении⁷.

По оценкам экспертов Международного валютного фонда, история Японии наглядно демонстрирует, что борьба с дефляцией после краха экономики «мыльного пузыря» может оказаться гораздо тяжелее, чем ликвидация последствий циклического экономического спада, а вредоносное влияние дефляции на экономический рост может быть долгосрочным⁸.

В 1993 г. происходит банкротство семи нефинансовых компаний, которые активно кредитовавших жилищное строительство. В 1995 г. общая сумма активов всех компаний этого типа составила 13 трлн. иен, а «плохие долги» — 9,6 трлн иен⁹. В 1997 г. происходят банкротства крупного городского банка «Хоккайдо Такусэку», банка «Такугин», компаний по операциям с ценными бумагами «Ниссан сэймэй» и «Тохо сэймэй». Последняя продала свое право ведения страховой деятельности в Японии американской компании «Джи-И Капитал».

Все усилия японских банков по списанию «плохих долгов» не приводили к желаемому результату, так как по мере списания «плохих долгов» большая часть «хороших» плавно переходила в категорию «плохих». Меры, которые предпринимали Банк Японии и Министерство финансов, были малоэффективными. Они не лечили болезнь финансовой системы, а лишь давали временную передышку. Предоставление дополнительных дешевых кредитов банкам, находившимся в сложном положении, только увеличивало объем «плохих долгов». Банк Японии удерживал учетную ставку на низком уровне — 0,5% годовых. Это очень низкий показатель для любой рыночной экономики. Главная цель политики Банка Японии в тот период была борьба с «плохими долгами», а низкая учетная ставка должна была облегчить бремя «плохих должников» (компаний, испытывавших сложности с выплатами кредитов) и привела к увеличению суммы «плохих долгов» в балансах банков. Центральный банк Японии перешел от контроля над процентной ставкой к контролю над денежным предложением. Банк Японии стал увеличивать эмиссию банкнот и количество денег, которыми банки могут пользоваться для ежедневных расчетов с клиентами и между собой. Тем не менее, кредитование реального сектора не увеличилось.

Международные обязательства Банка Японии по Соглашению Плаза от 22 сентября 1985 г. привели к тому, что к 1988 г. курс национальной валюты поднялся с 265 до 138 иен за доллар. Повышение курса иены привело к росту номинальной заработной платы в валютном выражении. Японская промышленность начала терять свою конкурентоспособность и вынуждена была перенести производство автомобилей и электроники в США, страны ЕС и Восточной Азии. Одновременно в Японии накопился избыток сбережений, которые не инвестировались на внутреннем рынке. Защита внутреннего рынка поддерживала высокие внутренние цены и высокие заработные платы в неэффективных отраслях. Движущей силой экономического роста должен был стать внутренний спрос. Приоритетами должны были стать частное жилищное строительство, реформа сельского хозяйства, поощрение иностранных инвестиций и импорта.

Однако, Банк Японии направил избыточные инвестиции на внутренний рынок, снизив учетную ставку с 4% до 2,5% в 1986–1987 гг. В 1987 г. в Японии начался экономический подъем. Летом 1986 г. начался быстрый рост денежного предложения и бум на рынках активов. Банк Японии был обеспокоен таким положением дел, но у него не было веских аргументов для ужесточения денежной политики, так как товарные цены в стране были стабильны.

Токийская фондовая биржа превратилась в международный финансовый центр. В 1985 г. Министерство финансов Японии объявило политику либерализации и интернационализации денежных рынков и рынков капитала. В этот же период Токийская фондовая биржа приняла в свои члены 29 иностранных брокерских компаний¹⁰.

Обесценение ценных бумаг в портфелях японских банков привело также к тому, что они перестали выполнять требования Банка международных расчетов (БМР). По

требованиям БМР, все банки, ведущие международные операции, обязаны поддерживать объем собственного капитала в размере не менее 8% от общего объема своих активов¹¹. Крах «экономки мыльного пузыря» привел к тому, что требование БМР относительно объема собственного капитала стало невыполнимым для японских банков. Несмотря на то, что БМР давал послабления японским банкам, Министерство финансов Японии действовало более жестко и рекомендовало многим из них отказаться от международных операций полностью.

Перед руководством страны остро встал вопрос необходимости реформирования всей финансовой сферы, включая банковскую систему. Это было продиктовано пониманием того, что необходимо решать проблему «плохих долгов» и создавать крепкую базу для дальнейшего развития банковской системы. Сильное государственное регулирование и многочисленные ограничения делали банковскую систему Японии неконкурентоспособной на фоне иностранных участников финансового рынка, которые готовы были предложить японским клиентам более выгодные условия и большое разнообразие финансовых услуг.

В случае подобного конкурентного соревнования японские банки имели бы мало шансов на выигрыш. Это могло привести к окончательному финансовому краху и полной оккупации финансовой системы иностранными конкурентами. Либерализации финансовой системы требовали и обязательства ВТО. В итоге комплекс внутренних и внешних факторов подтолкнул правительство Японии к реализации конкретной программы по реформированию финансовой системы страны.

Надзор за банковской системы не отличался строгостью из-за тесных неформальных отношений между Ассоциацией японских банков и банковским бюро Министерства финансов, которое и ведало надзором. В силу особенностей избирательной системы Японии парламентарии, как правило, занимались делами тех отраслевых ассоциаций и групп, которые обеспечивали им поддержку на выборах. К ним относились сельское хозяйство, мелкий бизнес, строительство. Группировка Министерства финансов в парламенте занималась не делами кредитных учреждений, а состоянием бюджетной и налоговой системы.

В 1971 г. Министерство финансов предприняло попытку ввести систему страхования вкладов. Подобная система потребовала бы от банков прозрачности информации относительно их платежеспособности. Ассоциация банков восприняла эту меру крайне негативно. Политической поддержки инициатива Министерства финансов не получила. В итоге, в 1971 г. была создана полугосударственная Корпорация страхования депозитов (DIC) с маленьким денежным фондом, которая практически бездействовала¹².

Неформальный характер взаимоотношений между банкирами и чиновниками Министерства финансов привел к тому, что последний просто не признавал ситуацию серьезной даже в 1990–1995 гг. и пытался отложить публикацию информации о размерах «плохих долгов», чтобы избежать массового банкротства банков. Власти боялись всеобщей паники, так как в Японии не существовало адекватной системы страхования вкладов и правовой основы реструктуризации банков. До 1997 г. Министерство финансов не пользовалось правом отзыва лицензии заранее, зная ситуацию, и ждало, пока проблемный банк не становился банкротом. Оно также разрешало банкам выплачивать дивиденды в ситуации, когда было ясно, что нужно пополнять резервы для покрытия убытков. И власти, и банки боялись, что приостановка выплаты дивидендов обрушит акции слабых банков. Министерство финансов также не выработало стандартные правила классификации кредитов по степени риска. При этом министерство требовало от банков соблюдать норматив достаточности капитала, и это сдерживало их при списании долгов из прибыли. Это привело к тому, что коммерческие банки скрывали свои убытки, занижали объемы «плохих долгов» и завышали свои капиталы. Точные масштабы проблем в банковском секторе не были известны никому.

В Японии существовала традиция рефинансирования под «прощение долгов» во избежание банкротства заемщика. Эта практика носила характер неформальных стого-

ров, по которым банки не требуют возврата кредитов от корпоративных клиентов, стоящих на грани банкротства. В обмен клиенты обещали восстановить платежеспособность. В нормальных условиях роль банков в подобных сговорах была положительной, так как они проводили реструктурирование компаний и эффективно распределяли инвестиционные ресурсы. В период кризиса же крупные банкротства приняли цепной характер, а долги достигли огромных размеров.

В 1998 г. Министерство финансов решило придать легальный статус процедуре «прощения долгов» и выработало соответствующий законопроект. В его основу легли предложения INSOL (International Association of Restructuring, Insolvency & Bankruptcy Professionals), международной группы специалистов по проблемам банкротства. В так называемые «восемь принципов INSOL» входила защита интересов кредиторов и раскрытие информации о должнике для справедливой оценки плана реорганизации. Но законопроект даже не внесли в парламент. Он вызвал сопротивление у Кэйданрэн (Japan Business Federation) и Ассоциации банков Японии. «Кэйданрэн» в этой ситуации представляла интересы должников и боялась увеличения числа банкротств. Банки не хотели раскрытия информации по кредитным договорам¹³.

Вывод: Коммерческие банки продолжали увеличивать количество «плохих долгов» в своих балансах. Ситуация только ухудшалась, разрастаясь и охватывая все большее количество финансовых институтов. Страна была на грани полномасштабного банковского кризиса, который имел все шансы ухудшить общее состояние экономики и социальной среды. Для решения проблем требовались крупномасштабные системные реформы, которые бы поменяли в корне существовавший уклад ведения дел в финансовом секторе. Требовалась определенная политическая воля для преодоления сопротивления со стороны банковского лобби и консервативных японских банкиров и верхушки японского бизнеса.

2. Антикризисные меры и создание новых органов регулирования и пруденциального надзора в Японии

Уже в начале 1990-х гг. стали ощущаться отрицательные последствия краха экономики «мыльного пузыря», что подтолкнуло чиновников из Министерства финансов Японии частично ослабить регулирование финансового сектора. В 1993 г. был принят Закон о реформе финансовой системы (Financial System Reform Act), согласно которому компаниям из смежных секторов финансового сектора разрешалось создавать компании в смежных областях и заниматься новыми видами деятельности за исключением страхования. Например, банки стали заниматься трастовыми операциями, а фондовые компании открывали дочерние фирмы, которые вели банковские операции. Однако прогресс был несущественным, так как Министерство финансов влияло на участников, подыгрывая одним за счет других¹⁴.

Эти меры зачастую ущемляли интересы дочерних компаний, которые работали в других секторах. Брокерские подразделения банков не имели права торговать акциями, но занимались размещением облигаций. Они не могли составить конкуренцию брокерским компаниям, которые занимались полным спектром операций.

В ноябре 1996 г. премьер-министр Р. Хасимото объявил о планах реформирования финансового рынка. Целью данного шага было желание поставить его на уровень нью-йоркского и лондонского. По приказу премьер-министра Министерство финансов и Министерство юстиции начали разрабатывать программу дерегулирования. Ее реализация планировалась на 1998 г. Для этого было создано 5 специальных консультативных комиссий, которые стали методично составлять планы изменения всей финансовой отрасли страны и законодательства, регламентирующего ее. В итоге, в марте 1998 г. был опубликован «Трехлетний план по дерегулированию» (The Three-Year Deregulation Program). В декабре 1998 г. парламент Японии принимает Закон о финансовой реформе (Fiscal Structural Reform Act).

Программу реформы финансовой отрасли Японии назвали «Большой взрыв» по аналогии с реформой фондового рынка в Англии в 1986 г. Здесь снова проявилась характерная для японцев черта изучения иностранного опыта и внедрения лучших примеров и идей на национальной почве. Однако японский «Большой взрыв» был программой гораздо более крупномасштабной и всеобъемлющей, нежели финансовая реформа в Лондоне.

Слова «свободный», «честный», «глобальный» стали символами, отражавшими дух и цели реформ в Японии. Почему были выбраны именно эти определения?

«Свободный» – потому что финансовая отрасль была крайне зарегулирована. Была необходима большая свобода в операциях с валютой и регистрации новых предприятий в этой отрасли.

«Честный» – потому что требовалась ликвидация административного вмешательства, меры по обеспечению одинакового подхода ко всем участникам рынка.

«Глобальный» – потому что требовался переход на международные правила ведения бизнеса, бухгалтерского учета и отказ от архаичных и неудобных правил бухучета, принятых в Японии. Японские предприятия и менеджеры должны были воспринять западный образ мышления и подходов к бизнесу. Они должны были научиться ставить на первое место интересы своих владельцев.

В 1998 г. был принят Закон о финансовом оздоровлении (Financial Reconstruction Law), который установил деление заемщиков на 4 категории по степени финансового благополучия: здоровые, требующие внимательного отношения (работающие с убытком), требующие особого подхода (имеющие просроченные долги), потенциальные банкроты (обязательства превышают активы), фактические банкроты (абсолютно неплатежеспособные). В марте 1999 г. банки, руководствуясь этими нормативами, объявили сумму еще не списанных «плохих долгов». Она составила 30 трлн иен (260 млрд долл.). На март 2003 г. не списанными оставалось еще больше долгов — 35,3 трлн иен. Общая сумма списаний «плохих долгов» японских банков составила с 1992 г. 717,9 трлн иен¹⁵. Это примерно 13% кумулятивной суммы ВВП Японии за 1992–2002 гг.

Подверглась пересмотру сама институциональная структура субъектов финансовой деятельности. Было разрешено создание финансовых холдингов, которые могли объединять различные виды деятельности и включали бы в себя не только банки, но и страховые компании и компании по операциям с ценными бумагами. Этим холдингам воспрещалось иметь дочерние компании в нефинансовой сфере. Им строго вменялось предоставление подробной финансовой отчетности по всем своим операциям и по операциям всех своих дочерних компаний.

Это было продиктовано стремлением исключить так называемые «особые отношения» между ними, которые уже привели в период экономики «мыльного пузыря» к формированию «плохих долгов». При возможном повторе данной ситуации, «плохие долги» дочерних компаний могли бы снова стать мертвым грузом в кредитных портфелях головных контор финансовых холдингов. Банки получили право на операции с ценными бумагами, управление различными доверительными фондами, на операции по страхованию. А брокерские компании, которые специализировались на операциях с ценными бумагами, получили право на отдельные виды банковской деятельности.

В ходе реформы было отменено регулирование размера комиссионных, которые взимались с клиентов при купле-продаже акций. При регистрации компаний по операциям с ценными бумагами вместо разрешительного принципа был введен регистрационный принцип. Что касается страховых компаний, то была отменена узкая специализация деятельности. То есть, страховые компании получили право заниматься как страхованием жизни, так и страхованием имущества. Вместе с тем, были сняты ограничения на установку ставок страхования и отменен принцип, по которому ставки не изменялись в зависимости от возраста и прочих условий и характеристик страхуемого лица или объекта. То есть была разрешена дифференциация ставок.

1 апреля 1998 г. вступил в силу новый закон об операциях с иностранной валютой (revised Foreign Exchange and Foreign Trade Law). До 1998 г. валютная сфера регули-

ровалась принятым в 1980 г. Законом о контроле за операциями с иностранной валютой (Foreign Exchange and Foreign Trade Law). Согласно ему существовали «уполномоченные банки», которые имели исключительное право на операции с иностранной валютой. Существовала система исключения предварительной заявки на сделки и расчеты в иностранной валюте. По закону от 1998 г., был упразднен институт «уполномоченных банков», разрешено обращение иностранной валюты внутри страны, расчеты в иностранной валюте между японскими юридическими и физическими лицами. Одновременно были сняты ограничения на обменные операции. Было разрешено открытие обменных пунктов по всей стране. Японские резиденты получили право на неограниченный перевод средств за границу, право на открытие счетов в иностранных банках и использование этих счетов для любого вида расчетов.

Правительство Японии приступило к реформе банков, фондового рынка и страховых компаний. Банк Японии и Министерство финансов подверглись критике, так как не смогли предвидеть и предотвратить нараставший банковский кризис, повлекший за собой серьезные экономические и социальные последствия для Японии. Изменение налогово-бюджетной политики оказалось особенно сложной задачей для Японии. Хотя закон, направленный на сокращение дефицита был сформулирован в 1997 г., его мигом убрали с обсуждения в свете резкого экономического спада во второй фазе японского кризиса. Только в 2001 г. была поставлена цель достижения первичного сальдо (исключая фонд социального обеспечения). К этому времени чистый внутренний долг увеличился в пять раз на фоне слабого экономического роста, стагнирующих налоговых поступлений и растущих расходов. Затяжной спад и задержка выработки среднесрочной стратегии проходили на фоне сокращения подоходного налога в конце 1990-х, который был поднят до предкризисного уровня только в 2007 г. Манипуляции с подоходным налогом только внесли свой вклад в рост бюджетного дефицита внутреннего долга¹⁶.

Банки принудили оценить объем своих «плохих долгов» и опубликовать соответствующую статистику. Это грозило массовыми набегами вкладчиков на банки, а в 1998 г. было введено безразмерное гарантирование вкладов из средств полугосударственной Корпорации страхования депозитов (Deposit Insurance Corporation of Japan), которая претерпела реорганизацию, получила заем от Банка Японии. Регулярные взносы в фонд этой Корпорации со стороны коммерческих банков были увеличены. Но она не справилась с проблемой «плохих долгов» только с помощью гарантии вкладов. Корпорация страхования депозитов провела рекапитализацию проблемных банков через покупку привилегированных акций проблемных банков, но с условием, что в случае несоблюдения банком норматива достаточности капитала, Корпорация имеет право взять их под временное управление с последующей продажей в частные руки или получить в них голосующий пакет акций. В случае ликвидации банков, Корпорация передает их бизнес другим владельцам. В 1999–2003 гг. в результате таких мер было ликвидировано 12 коммерческих банков¹⁷.

Первая попытка вливания средств в проблемные банки не оказалась успешной, так как отсутствовал должный контроль и учет. За время реструктуризации старых долгов в балансах банков накопились новые безнадежные долги, которые они погашали за счет государственных средств. Стопроцентная гарантия со стороны государства провоцировала менеджеров принимать рискованные решения и поступать безответственно.

Как указывает Е.Л. Леонтьева, решить проблему «плохих долгов» мешало отсутствие политической воли у японских политиков. Кабинеты Хасимото, Обути и Мори не имели достаточной поддержки в парламенте для преодоления стронительного лобби, которое защищало наиболее злостных должников. Ситуация изменилась с приходом к власти премьер-министра Коидзуми, который получил парламентское большинство¹⁸. Коидзуми решился на принятие нестандартных мер по решению проблемы «плохих долгов», рассматривая ее как приоритетную и наиболее важную с точки зрения социально-экономического развития Японии.

В итоге, в марте 1997 г. кабинет министров учредил новый контролирующий орган — Агентство финансовых услуг (Financial Services Agency). На Агентство были возложены функции лицензирования, инспектирования и разрешения проблем банков, брокерских и страховых компаний. Параллельно была создана Комиссия по финансовому восстановлению (Financial Revitalization Commission) для решения проблем вышеуказанных финансовых институтов и разбора отдельных сложных случаев. Параллельное существование двух структур вызвало некоторую сумятицу, так требовало разграничения полномочий. Персонал двух структур был набран из сотрудников Министерства финансов. В компетенции же самого министерства осталось составление планов и регулирующих правил для финансовых учреждений. В марте 1999 г. Комиссия одобрила планы японских банков по реструктуризации их долгов. Комиссия была временным органом, срок функционирования которого был ограничен 2002 г. Первым и самым важным достижением деятельности комиссии стала реструктуризация японских банков.

Агентство финансовых услуг возглавил главный реформатор в правительстве Коидзуми. Х. Такэнака, который одновременно являлся министром по делам экономики и бюджетной политики.

Главной задачей на первом этапе была ликвидация системы перекрестного владения акциями между банками и компаниями. Она появилась после войны, когда произошел роспуск «дзайбату» (zaibatsu), и акции выплеснулись на рынок. Для защиты от поглощений компании стали покупать акции друг друга. Первая волна распродажи акций произошла в 1996 г., когда компании стремились компенсировать в кризис убытки от падения курсов ценных бумаг. В 1997 г. банки стали распродавать уже крупные пакеты акций, чтобы не допустить падения капитализации. Банк Японии присоединился к реализации этой программы, чтобы изолировать капиталы банков от колебаний фондового рынка. В 2002–2004 гг. Банк Японии скупал акции из портфелей банков напрямую, но не через операции на открытом рынке, а исключительно для целей финансовой стабилизации. Банк Японии пошел на эту нетрадиционную меру, к которой ранее не обращался ни один банк в мире, ни в США, ни в Европе. Данная акция Банка Японии позволила коммерческим банкам решить проблему «плохих долгов». Ее эффект приравнивают к увеличению капиталов банков.

Политика нулевых процентных ставок в отрыве от количественных послаблений, принятая к действию Банком Японии в феврале 1999 г., подверглась критике многих ученых-экономистов в Японии. При условии наличия нулевых процентных ставок, совмещенных с проблемой понижательной спирали дефляции в экономике, процентная ставка резко возрастает в реальном исчислении, что приводит в итоге к более глубокой рецессии и дефляции. В 1999–2000 гг. реальная дефляция основного индекса потребительских цен (за исключением цен на свежие продукты) усилилась, и значение индекса понизилось за этот период с 0% до -1%. Количественные послабления были введены Банком Японии в марте 2001 г.¹⁹ Как считает японский эксперт и сотрудник Института монетарных и экономических исследований при Банке Японии Наохико Баба, политика нулевых процентных ставок и количественных послаблений в первую очередь призваны воздействовать на ожидания по поводу денежно-кредитной политики в будущем, нежели на изменение ее текущих инструментов. Поэтому их часто называют упражнением для управленческих ожиданий или упражнением в формировании ожиданий²⁰.

Переход денежно-кредитной политики Банка Японии на нетрадиционные меры позволил ему в рамках программы количественных послаблений закрыть собственный баланс без особых проблем. Однако в октябре 2003 г. Банк Японии провозгласил курс на постепенный возврат к прежним (докризисным) традиционным мерам денежно-кредитной политики.

В июле 2006 г. Банк Японии окончательно вернулся к традиционной схеме монетарной политики с нормальными балансами текущих счетов и повышенной политической ставкой по сделкам «овернайт». Нетрадиционные меры денежно-кредитной поли-

тики, как правило, трудно разъяснить населению. Они открыты для политического вмешательства и их трудно свернуть²¹.

Разместив в крупных холдингах краткосрочные правительственные бумаги, Банк Японии смог отозвать ликвидные средства без продажи Японских правительственных облигаций (JGBs — Japanese Government Bonds) или выпуска своих собственных ценных бумаг. Когда экономика начала восстанавливаться, а инфляционное давление ослабло, Банк Японии также смог избежать потерь и резкого роста доходов по ценным бумагам, удерживая японские правительственные облигации до срока их погашения. Рынок денег, который в конце 1990-х гг. находился в стагнации, оживился, так как финансовые институты снизили свою зависимость от финансирования со стороны Банка Японии. Денежно-кредитная политика Банка Японии снизила рискованные премии до крайне низкого уровня, особенно на рынке денег. В результате не только уровень, но и дисперсия процентных ставок на рынке денег (между банками) снизилась практически до нуля. Подобное сокращение рискованных премий было существенным на фоне их резкого роста во время кредитного кризиса и кризиса ликвидности 1997–1998 гг., что отрицательно повлияло на японскую экономику в целом²².

Покупки с безотлагательной оплатой ценных и коммерческих бумаг, обеспеченных активами, были вызваны истечением срока их действия, облегчая окончательное удаление вмешательства Банка Японии. Но полностью изменившиеся интервенции в финансовый сектор оказались более сложными. Для восстановления дисциплины рынка и минимизации паники, гарантии были заменены частичным страхованием депозитов, а государственные средства были постепенно выплачены. Почти три четверти государственных средств от 10% ВВП Японии нуждались в очистке от просроченных ссуд. Рекапитализированным банкам вернули потерянные деньги²³.

При расчистке «плохих долгов» и решении глобальной проблемы банковского кризиса в Японии периодически возникали скандалы, которые были связаны с финансовыми махинациями при банкротствах банков, что бросало тень на Агентство финансовых услуг. Финансовая помощь банкам превратилась в принудительную процедуру. Согласно «Плану Такэнака» (The Takenaka Plan), помощь предоставлялась в обмен на привилегированные акции, которые потом конвертировались в обыкновенные обязательства. Это давало государству возможность получить полный контроль над банком. Подобная мера в конечном итоге вынудила японских банкиров окончательно разобраться с «плохими долгами» в своих балансах, а также со злостными неплательщиками.

По японскому законодательству, существовал лимит резервов на списание долгов банками. Если они таковой лимит превышали, то получали право на эквивалентный возврат налога на прибыль в течение пяти лет. Суммы сверх лимита банки зачисляли в капитал как нераспределенную прибыль. Это вылилось в то, что практически половина капиталов ведущих банков состояла из этих налоговых возвратов. Чем больше банки списывали долгов, тем больше становился их капитал. Агентство финансовых услуг эту практику не одобряло, так как банки показывали искусственно раздутый капитал. Такэнака потребовал, чтобы списание плохой задолженности в балансах банков было рассчитано на один год вместо пяти, что привело бы к падению коэффициента достаточности капитала ниже стандарта в 8%. Подобная мера спровоцировала бы сжатие кредита и серьезную дефляцию. Агентство финансовых услуг отказалось от таких маневров, но доверие банкиров к нему было подорвано. Банковское сообщество выступало с острой критикой действий Агентства финансовых услуг и лично Такэнака. Однако его продолжал поддерживать премьер-министр.

После июля-сентября 2002 г., несмотря на дефляцию, экономика Японии начала стабильно восстанавливаться. Темпы годового роста составили 1,8%, 2,3% и 2,6% в 2003, 2004 и 2005 гг. соответственно²⁴. Крупнейшие банковские холдинги решили проблему «плохих долгов» к середине 2004 г. На конец 2004 финансового года объем долгов-невозвращенцев в балансах крупных банков составлял 3,9% от всего объема активов.

В местных банках этот показатель равнялся 5,5%, что считалось крупным достижением финансовых реформ, предпринятых в Японии в конце 1990-х гг.

Вывод: Главной проблемой японского банковского сектора в 1990-х гг. являлись «плохие долги» коммерческих банков. Проблема невозвратных долгов парализовала банковскую систему страны и ухудшила экономическую конъюнктуру. Но решить ее традиционными методами было невозможно, так как требовалась, во-первых, политическая воля и, во-вторых, всеобъемлющая и крупномасштабная перестройка и реформирование всей финансовой отрасли Японии, которая стояла на грани банкротства перед натиском более сильных и устойчивых конкурентов из-за границы. Грамотная политика Банка Японии и создание новых органов пруденциального надзора способствовали уничтожению архаичных и бесполезных элементов банковской системы Японии, которые тянули экономику страны назад. В ходе реформ было снято много характерных только для Японии ограничений и рестрикций. Финансовая отрасль по своим стандартам стала приближаться к западным стандартам, что резко повысило эффективность ее функционирования на международных рынках денег и капиталов.

1. *Naohiko Baba, Motoharu Nakashima, Yosuke Shigemi, Kazuo Ueda.* The Bank of Japan's Monetary Policy and Bank Risk Premiums in the Money Market // *International Journal of Central Banking*. 2006. № 3. С. 118.
2. *Asia and Pacific Global Crisis: The Asian Context. Regional Economic Outlook // World Economic and Financial Surveys.* IMF. 2009. № 5. С. 60.
3. *Randazzo A., Flynn M., Summers A.B.* Avoiding an American "Lost Decade": Lessons from Japan's Bubble and Recession. Reason. 2009. С. 4.
4. *Statistical Handbook of Japan 1998.* Statistics bureau. Management and Coordination Agency. Government of Japan. С. 116.
5. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2003/02/pdf/chp3.pdf>.
6. *Syed M., Kang K., Kiichi Tokuoaka.* "Lost Decade" in Translation: What Japan's Crisis could Portend about Recovery from Great Recession // *IMF Working Paper*. P. 6.
7. *Asia and Pacific Global Crisis: The Asian Context. Regional Economic Outlook // World Economic and Financial Surveys.* IMF. 2009. № 5. P. X.
8. *Ibid.* P. 60.
9. Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М.: Изд-во «Вост. лит.» РАН. 1998. С. 45.
10. *Леонтьева Е.Л.* Дефляционный кризис в Японии // *Эконом. журн. ВШЭ*. 2006. № 3. С. 364.
11. www.bis.org.
12. Япония 2004/2005. Ежегодник. М., 2005. С.131.
13. Там же. С.132.
14. *Кояма С.* «Нихон-но сёкен сидзё» [Японский рынок ценных бумаг]. Токио. 1998. С. 194.
15. www.fsa.go.jp.
16. *Syed M., Kang K., Kiichi Tokuoaka.* Op. cit. P. 14.
17. *Леонтьева Е.Л.* Указ. соч. С. 377.
18. Там же. С. 378.
19. *Yoshitomi Masaru.* Comments on "Japanese monetary policy: 1998–2005 and beyond" by Takatoshi Ito // *BIS Papers*. № 31. P. 138.
20. *Naohiko Baba.* Financial Market Functioning and Monetary Policy: Japan's Experience. *Monetary and Economic Studies // IMES. BOJ*. 2006. Vol. 24, No.S-1. Dec. P. 40.
21. *Asia and Pacific Global Crisis: The Asian Context. Regional Economic Outlook // World Economic and Financial Surveys // IMF*. 2009. № 5. P. 60.
22. *Naohiko Baba, Motoharu Nakashima, Yosuke Shigemi, Kazuo Ueda.* Op. cit. P. 106.
23. *Syed M., Kang K., Kiichi Tokuoaka.* Op. cit. P. 15.
24. *Yoshitomi Masaru.* Comments on "Japanese monetary policy: 1998–2005 and beyond" by Takatoshi Ito // *BIS Papers*. № 31. P. 137.

Российский Дальний Восток

Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX—начало XXI вв.)*

© 2013

С. Мицук

В статье анализируется динамика привлечения иностранной рабочей силы на Дальний Восток России с середины XIX в. до начала XXI в. Приводятся результаты сравнительного анализа количественных и качественных показателей влияния трудовых иммигрантов на социально-экономическое развитие рассматриваемой территории в досоветский, советский и постсоветский периоды. Автор характеризует причины привлечения на российский Дальний Восток иностранных работников из сопредельных азиатских стран и их роль в его освоении.

Ключевые слова: Дальний Восток России, миграционная политика, демографическая экспансия, иностранная рабочая сила, корейская миграция, китайская миграция.

Хозяйственное освоение Дальнего Востока России в XIX в. диктовало увеличение потребности в трудовых ресурсах. Для удовлетворения этой потребности проводились политические, экономические и социальные преобразования в стране в целом и в данном регионе. Трудовая иммиграция из сопредельных азиатских стран на российский Дальний Восток (ДВ) с середины XIX в. также характеризовалась значительными масштабами и оказывала существенное влияние на развитие региона.

Анализ деятельности иностранной рабочей силы в дальневосточном регионе России проводился многими авторами, в том числе с точки зрения истории, экономики, геополитики. В исследованиях встречается периодизация привлечения трудовых мигрантов в регион, однако, в большинстве случаев авторы рассматривают либо трудовую иммиграцию из отдельных стран (Китая, Кореи, Японии), либо оценивают временной период с середины XIX в. до конца XX в. Анализ роли иностранной рабочей силы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России на рубеже XX—XIX вв. подробно представлен в работах многих авторов, однако в них не всегда можно увидеть сравнение привлечения трудовых мигрантов на современном этапе и в более ранние периоды.

Мицук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан. E-mail: svetamic79@mail.ru.

* Работа подготовлена в рамках выполнения совместного проекта фундаментальных исследований 12-С-7-1007 «Факторы и механизмы акселерации социально-экономического развития регионов России» и гранта РГНФ 11-12-79003а/Т.

В рамках проведенного нами исследования дан сравнительный анализ роли иностранных рабочих (китайцев, корейцев, японцев) в развитии Дальнего Востока России с 1860-х гг. по 2010 г. Весь процесс мы рассматриваем в рамках трех периодов — досоветский (1858 г. — конец 1920-х гг.), советский (конец 1920-х гг. — 1991 г.), постсоветский (1991 г. — по настоящее время).

Досоветский период

Подписанием Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1880 г.) договоров Россия закрепила за собой территории Дальнего Востока России (Приамурье и Приморье). Практически с этого момента можно говорить о колонизации русскими Дальнего Востока России. В этот период противостояли два взгляда на национальную принадлежность территорий Дальнего Востока. Китайская сторона высказывала мнение об аннексии исконно китайских земель. С точки зрения российских ученых, ни рассматриваемые земли, ни их население не входили в традиционные пределы Китайской империи. До освоения русскими данные земли не принадлежали ни одной из сторон¹.

Ко времени подписания вышеназванных договоров на территории Приамурья находилось коренное население разного этнического происхождения, в том числе и китайцы. Говорить о полном отсутствии здесь ранее китайцев, на наш взгляд, не совсем корректно. Исходя из свидетельств очевидцев, можно сделать вывод, что китайцы активно использовали данную территорию в качестве источника лесных и земельных ресурсов, охотничьих угодий. Подтверждением этому является наличие разветвленной сети троп, которые впоследствии использовались русскими. А.В. Елисеев отмечал, что «маньчжы еще задолго до прихода русских в бассейн Уссури, протоптали всю тайгу края, добывая жень-шень, соболей, золотой песок и панты. Китаец считает свою русскую часть Маньчжурии, и едва ли... могут поколебать это убеждение, когда оно поддерживается внушениями, идущими из Хунчуна, Цицикара и Нингуты»².

О.В. Залеская приводит данные о проживании 6300 оседлых и 2–3 тыс. бродячих китайцев (не считая «заязских маньчжур»)». Переселение русских из Европейской части России шло медленными темпами (в 1861–1881 гг. в Амурскую и Приморскую область прибыло около 17 тыс. переселенцев).

Первая группа китайцев по контракту (150 чел.) была привезена в середине 1870-х гг.⁴

До 1885 г. на Дальнем Востоке на одного русского приходилось 1,43 иностранных подданных (китайцев, корейцев). Однако в результате более интенсивного притока русских переселенцев это соотношение составило 1 к 0,8⁵.

Таким образом, до середины 1880-х гг. на Дальнем Востоке России сохранялось численное преимущество иностранцев (китайцев, корейцев), что было обусловлено удаленностью заселенных российских регионов и низкой эффективностью политики переселения на дальневосточные территории. Вместе с тем, с малозаселенными российскими территориями граничили северо-восточные территории Китая с большей плотностью населения.

К 1890 г. во всем Южно-Уссурийском крае насчитывалось до 20 тыс. сельского русского населения, из которых до 5 тыс. относились к староселам и казакам, поселившимся в крае до 1881 г.⁶ При этом китайская колонизация северо-восточных окраин Китая шла весьма активно. Развернувшаяся компания по заселению приграничных территорий в первую очередь была обусловлена политическими, геостратегическими, военными мотивами. С 1881 г. началось поселение китайцев между Хунчуном и Нингутой вблизи русской границы. За десять лет Китай создал твердую «операционную и колониционную базу», которой, по мнению А.В. Елисеева, русские «и в пятьдесят лет самой энергичной колонизации края едва ли смогут противопоставить что-нибудь подобное»⁷.

С 1887 по 1895 гг. численность населения Хэйлунцзянской провинции увеличилось с 408 тыс. до 1,5 млн чел. При остром недостатке рабочих рук на русской территории Манчжурия стала поставщиком сюда китайских отходников⁸.

В начале XX в. колонизационная политика Китая была не менее интенсивной, чем раньше. Строительство КВЖД стало подарком китайским крестьянами, позволившим резко ускорить процесс колонизации Маньчжурии⁹.

В 1907 г. в провинции Хэйлунцзян население насчитывало 1,3 млн чел., в 1914 г. оно достигло 2,4 млн чел.¹⁰. При этом активно распахивались ранее не используемые земли.

В своем отчете о поездке на Дальний Восток (1890 г.) А.В. Елисеев отмечал, что несмотря на опасения по увеличению китайского элемента недалеко от русской границы, «еще опаснее прочное положение его в самом Южно-Уссурийском крае, где у него в руках вся мелочная торговля, где ему известны все тропы лучше, чем всякому русскому охотнику, где у него чуть не десяток тысяч земляков, владеющих более чем тысячью фанзами, т.е. огромною сетью наблюдательных постов, значение которых трудно парализовать чем-то иным, помимо организации подобной же русской сети фермерских хозяйств. Немудрено поэтому, что даже переселенец наш ощущает возле себя эту силу, которая страшна не столько грубым проявлением своей мощи, сколько экономическим и культурным влиянием»¹¹.

Китайцы проникали на русскую территорию с целью заработать и вернуться обратно. Как отмечает О.В. Залеская, «китайцы представляли собой поток безработных, авантюристов, охотников за золотом и дарами тайги»¹².

Через 20 лет, к концу 1890-х гг., число постоянно проживающих китайцев в Приморской области насчитывало около 30 тыс.

Вплоть до 1868 г. («мазоновская война») русские власти не проводили оценку китайских мигрантов и не учитывали их присутствие при разработке мероприятий по дальнейшему развитию региона. Имеющиеся данные о числе китайцев и других иностранных подданных были результатом отдельных научных исследований. Начиная с 1876 г. принимается ряд решений о регулировании деятельности китайских подданных на территории Дальнего Востока. Русская администрация оказалась вынужденной заняться проблемой регистрации и учета китайских отходников, которые в стихийном порядке стали прибывать на русские территории. Одним из важных этапов в регламентировании условий проживания и работы китайцев на территории Дальнего Востока стало введение в 1885 г. особых правил. Эти правила применялись русской администрацией в отношении китайских подданных вплоть до начала Первой мировой войны, при отсутствии иммиграционного закона¹³.

Уже в 1912 г. в Петербурге владивостокский адвокат С.Д. Меркулов утверждал, что для российского Дальнего Востока большую опасность представляют дешевый китайский труд и дешевый маньчжурский хлеб¹⁴.

Появление рабочих-китайцев в Забайкалье не было заметно до постройки железной дороги, т.е. до 1886–1887 гг. До этого времени здесь были торговцы-китайцы¹⁵. Китайцы активно привлекались для строительства железной дороги, в золотопромышленности, на лесозаготовках, на кирпичных заводах, рыбной и мукомольной промышленности. Общая численность китайских рабочих в российской золотопромышленности к лету 1900 г. оценивалась в 15 тыс. чел., на строительстве Уссурийской железной дороги — до 13 тыс. чел., в Приморской области было занято порядка 1600 китайцев.

Основной причиной активного привлечения китайских работников в золотодобычу послужил запрет на использование русских в данной отрасли промышленности, который вышел сразу после начала добычи золота в Амурской области (1864 г.). Русское население, согласно данному документу, должно было заниматься земледелием. Часто встречалась практика сдачи золотоносных площадей в аренду китайским предпринимателям¹⁶. В золотопромышленности края в 1895 г. было занято 15 тыс. рабочих, из кото-

рых русские рабочие составляли 52% от общего числа, в 1915 г. — всего занято 27,5 тыс. с долей русских 14%¹⁷.

Велика была роль китайцев в развитии земледелия на Дальнем Востоке. В конце XIX в. в Уссурийском крае число китайцев, занимающихся земледелием, могло достигать 20 тыс. чел. Китайцы оседали на пригодных для обработки землях незаконно. Выселение китайских крестьян проходило в период с 1880-х по 1907–1908 гг., когда увеличился поток переселенцев из европейских регионов России¹⁸.

В это время появились новые формы сотрудничества русских переселенцев и китайцев — использование наемного китайского труда и сдача русскими земледельцами земли китайцам. Это объяснялось более высокой эффективностью китайского огородничества в сравнении с русскими приемами, кроме того, русские крестьяне получали прибыль на разнице между выплачиваемой ими аренды казне или частным лицам в размере 2,5 руб. и суммы, получаемой ими от китайцев за аренду земли (5 руб. 63 коп.)¹⁹.

Сведения о численности китайцев в начале XX в. разнятся. Максимальная численность китайского населения на Дальнем Востоке, рассчитанная на основе средней потребности в продуктах на одного китайца, составила не менее 325 тыс. чел.²⁰

Признавая важность труда мигрантов, российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. Опасения относились в первую очередь к китайцам, так как они преобладали над корейцами и японцами, численность которых в 1910 г. составила 38 тыс. и 4,3 тыс. чел., соответственно²¹.

Корейское переселение в Южно-Уссурийский край началось 60-х гг. XIX в.²² До этого времени корейцев на Дальнем Востоке не было, что объяснялось законами в самой Корее, согласно которым корейцам-эмигрантам грозила смертная казнь²³. Оседание первой группы корейских переселенцев в русских пределах официально зафиксировано 30 декабря 1863 г.

По первой неполной переписи корейского населения в Южно-Уссурийском крае, произведенной Ф.Ф. Буссе, чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, на 1 января 1867 г. корейских переселенцев оказалось 185 семей (999 чел.)²⁴. Русские власти рассматривали корейцев как дешевую рабочую силу, призванную освоить целинные земли и обеспечить продовольствием край. В конце 1860-х гг. отмечалась массовая иммиграция корейцев, к которой русские власти не были готовы. Переселение корейцев на Дальний Восток носило в большей мере не сезонный характер, а постоянный: корейцы переселялись с семьями и стремились получить русское подданство. К началу 1870-х гг. численность корейцев достигла 10–11 тыс. чел.²⁵

В 1886 г. в 18 деревнях Южно-Уссурийского края оседлых корейцев насчитывалось 6663 чел. В связи с массовой русской колонизацией, которая началась фактически только с 1883 г., все чаще на повестку дня вставал «корейский вопрос», или вопрос о целесообразности корейской иммиграции. Корейские иммигранты нанимались главным образом к русским крестьянам в качестве поденщиков на сезонные полевые работы, выполняли неквалифицированный труд на угольных разработках, золотых приисках, строительных работах, рыболовствах, лесоразработках и т.д.

Согласно указанию Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа все корейцы, находившиеся в России, были условно разделены на три категории. К первой были отнесены корейцы, переселившиеся в Россию до заключения русско-корейского договора 1884 г. Им разрешалось остаться в Уссурийском крае, и они должны были быть приняты в русское гражданство. Ко второй категории были отнесены корейцы, переселившиеся в Россию после 1884 г., но желающие принять русское подданство и обязывающиеся исполнять правила, установленные для первой категории. К третьей категории были отнесены корейцы, временно проживающие в Приамурском крае, т.е. не осевшие здесь, а приехавшие на заработки. Они не имели права селиться на государственных землях. Оставаться же в русских пределах они могли только по получении русских билетов на жительство.

В 1900 г. в результате политики Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского и позже его приемника на данном посту Н.И. Гродекова разрешился важный вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, отнеся их к сословию государственных крестьян, наделить их землей по 50 десятин на семью; привлечь ко всякого рода налогам и сборам и принять меры к скорейшей их ассимиляции. Кроме этого, было признано нежелательным дальнейшее переселение корейцев.

В 1901 г. численность корейцев всего составила 28 500 чел., в том числе русско-подданных — 16163 чел.²⁶ Принятие части корейцев Приамурского края в подданство России имело своим следствием «растечение», дисперсию новых иммигрантов из Кореи по всему русскому Дальнему Востоку.

Значительный рост иммиграции корейцев в Россию после ее поражения в русско-японской войне вызывал опасения.

Назначенный в 1905 г. Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергер являлся ярким сторонником заселения Приамурья исключительно русским населением и противником «желтой колонизации». Его губернаторство совпало с началом столыпинской аграрной реформы, за время проведения которой численность русских на Дальнем Востоке росла большими объемами и ускоренным темпом²⁷.

Роль трудовых мигрантов из Японии была наименее существенной в сравнении с Китаем и Кореей. Японцы стали проникать на ДВ значительно позже китайцев и корейцев и в основном концентрировались на Камчатке и Сахалине.

Рабочих-японцев на Дальнем Востоке было сравнительно мало, количество корейских рабочих было сопоставимо с китайскими только до 1908 г., когда были введены особые запреты на приезд корейцев.

Советский период

С конца 1920-х гг. государственные органы РСФСР на Дальнем Востоке постепенно приступили к ограничению роли иммигрантов в развитии хозяйства страны, в том числе и Дальнего Востока. Данное решение было принято в связи с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке. С другой стороны, в 20-е гг. XX в. исчезла необходимость в использовании временной рабочей силы, что привело к снижению ее численности на Дальнем Востоке в сравнении с дореволюционным периодом. В период с 1922–1928 гг. число трудовых иммигрантов в регионе насчитывало около 200 тыс. чел., в том числе корейское население — более 100 тыс. чел., китайское — более 70 тыс. чел., японское — около 30,5 тыс. чел.²⁸ Это в два раза меньше числа иммигрантов в конце до-советского периода.

Одновременно с закрытием границ проводилась работа по очищению территории от «нежелательного» населения (в первую очередь, иностранцев) и привлечению переселенцев с европейской части России в восточные регионы²⁹.

В 1930-е гг. в связи с обострением советско-китайских отношений и сменой экономического и политического курса произошло значительное сокращение численности китайских рабочих. В 1937–1939 гг. китайская община на Дальнем Востоке была почти ликвидирована. Активное использование здесь труда китайцев возобновилось в конце 1980-х гг.³⁰

Многие из оставшихся в СССР китайцев пострадали от репрессий сталинского периода. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г., в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев³¹. Корейцы, проживавшие на территории Дальнего Востока, в 1937 г. были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию (Узбекистан, Кыргызстан). Официальное обоснование выбора обозначенных территорий было связано с высоким мастерством корейцев в рисоводстве. Корейцами, переселившимися с

Дальнего Востока в Казахстан, была организована «Корейская сельскохозяйственная трудовая артель «Казахский рис».

Несмотря на ограничительную политику, с 1945 г. иностранные рабочие из КНДР направлялись в удаленные от границы районы Дальнего Востока (северные территории Хабаровского края, Сахалинскую и Магаданскую область) и были заняты в сельском хозяйстве, лесной и рыбообрабатывающей отраслях³².

В 1974 г. число корейских рабочих в Хабаровском крае достигло более 13 тыс. чел., основная доля которых была занята на лесозаготовительных работах. Местные граждане были недовольны самим фактом участия корейских рабочих в лесозаготовках, а также их причастностью к экономическим, экологическим и уголовным правонарушениям³³.

В целом, несмотря на привлечение иностранных рабочих в отдельные отрасли народного хозяйства Дальнего Востока, основным источником формирования демографического потенциала и трудовых ресурсов региона на данном этапе являлись различные формы внутреннего переселения³⁴.

Постсоветский период

Международная миграция на современном этапе существует в рамках двух потоков — трудовой и постоянной миграции.

Трудовая миграция в настоящее время является необходимым условием функционирования экономики Дальневосточного региона. Округ занимает первое место как по масштабам привлечения иностранных работников (в расчете на 1000 населения), так и по доле ИРС в численности занятых (табл. 1).

Таблица 1

Количественные показатели иностранной рабочей силы (ИРС) по федеральным округам России, 2010 г.

Регион	Численность ИРС, тыс. человек	Доля ФО от численности ИРС РФ, %	Число ИРС на 1000 жителей, человек	Доля ИРС от численности занятых, %
Российская Федерация	1640,8	100	11,5	2,4
Центральный ФО	664,9	40,5	17,3	3,6
Северо-Западный ФО	190,8	11,6	14,0	2,8
Южный ФО	99,7	6,1	7,2	1,6
Северо-Кавказский ФО	9,3	0,6	1,0	0,3
Приволжский ФО	133,5	8,1	4,5	0,9
Уральский ФО	209,3	12,8	17,3	3,4
Сибирский ФО	181,8	11,1	9,4	2,0
Дальневосточный ФО	151,6	9,2	24,0	4,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. — М., 2011. 990 с

Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории в разрезе субъектов ДФО в 2010 г. отражает приоритет южных субъектов округа. В целом на четыре южных субъекта ДФО (Хабаровский и Приморский край, Амурская и Сахалинская автономная области) пришлось 74,5% от общего числа трудовых мигрантов округа.

Большая часть иностранных трудовых мигрантов в рассматриваемых субъектах Дальнего Востока России занята в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и т.п.³⁵.

Основными странами-донорами трудовых мигрантов в округе являются КНР, КНДР, Узбекистан, Украина, среди которых лидирующие позиции занимает КНР. Преобладающее использование китайской рабочей силы (40–67% от общего числа привлеченных иностранных трудовых мигрантов) в 2009–2010 гг. отмечалось в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. В Сахалинской области более 50% трудовых иммигрантов прибывают из стран Ближнего Зарубежья, в числе которых более 38% составляют рабочие из Кыргызстана и Узбекистана. Доля мигрантов из КНДР во всех рассматриваемых субъектах составляет 10–13%.

За период с 2005 по 2010 гг. происходит снижение доли трудовых мигрантов из стран Дальнего Зарубежья. Однако до сих пор основным поставщиком мигрантов на Дальний Восток является Китай. Максимальная доля китайцев в общей численности иностранной рабочей силы зарегистрирована в Еврейской автономной области³⁶ (табл. 2). В отличие от других дальневосточных субъектов в Сахалинской области в 2009 г. основной поток трудовых иммигрантов приходился на страны Ближнего Зарубежья, в том числе 25% гастарбайтеров прибыли из Киргизии (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение трудовых мигрантов из стран Дальнего Зарубежья
в субъектах ДФО, %**

Субъект ДФО	ДЗ, %,		В том числе Китай,		В том числе КНДР	
	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.
Приморский край	89,6	70,0	63,0	49,3	19,1	15,9
Хабаровский край	76,9%	60,9%	38,4%	41,1	21,2	10,5
Амурская область	89,3	81,4	64,3;	67,7	24,9	13,4
Сахалинская область	84,2	47,6	5,5	8,5*	11,7	11,4
ЕАО	98,5	91,2	96,8	88,5,	1,7	2,6

Источник: составлено по данным территориальных органов статистики субъектов ДФО.

* данные 2009 г.

На рубеже XX—XXI вв. активно обсуждается вопрос о необходимости и безопасности привлечения китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток России.

Ряд авторов (Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская, Е. Загребнов) считают, что «китайская иммиграция становится важнейшим фактором экономического подъема восточных районов страны»³⁷, кроме того «понятия «китайской диаспоры» на Дальнем Востоке не существует... За 15 лет существования китайского предпринимательства китайцы в России нашли свою нишу и успешно занимаются бизнесом»³⁸.

Другие исследователи (А.Д. Орлов, З.И. Сидоркина, Е.Л. Мотрич) полагают возможным и необходимым развитие ДВ без привлечения или при ограниченном использовании китайских рабочих.

С мнением З.И. Сидоркиной о необходимости четкого понимания Россией своих задач на Дальнем Востоке можно согласиться. Без этого не возможно взаимовыгодное партнерство в российско-китайских отношениях, будет лишь получение выгоды Китаем в одностороннем порядке³⁹.

Особую значимость вопрос привлечения иностранной рабочей силы приобретает в связи с принятой Стратегией национальной безопасности. В Стратегии подчеркивается, что силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также на

обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов, исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах⁴⁰

Очевидны две основные причины миграции китайцев на север: демографическое давление и безработица на северо-востоке КНР, с одной стороны, и возможность быстро заработать на бизнесе с Россией и в России — с другой. При этом вторая причина является более важной⁴¹.

Приоритет экономических интересов в миграции китайцев в Россию отмечался и ранее. Так, И. Левитов на рубеже XIX—XX вв. указывал, что «единственная забота всякого китайца — это скопить небольшую сумму денег и золота и возвратиться домой; для этого они готовы производить любую работу на каком угодно поприще, не гнушаясь ничем»⁴².

Однако, спустя более ста лет прослеживается стремление китайцев в перспективе закрепиться за пределами своей страны. В.Г. Гельбрас высказывает мнение, что нельзя создавать компактных поселений китайцев. При использовании труда китайцев-гастарбайтеров необходимо включать их небольшими группами в русскоязычные коллективы.

Кроме того, по его мнению, основная проблема Сибири и Дальнего Востока состоит в том, что экономический подъем не является повсеместным. Будучи анклавным явлением, экономическое оживление способствует привлечению гастарбайтеров только в отдельные отрасли хозяйства и в отдельные районы. Их труд пока незначительно влияет на общую экономическую обстановку. Привлечение китайцев к выполнению контрактных работ, как правило, происходит в ограниченных масштабах. Принято считать, что их привлекают главным образом в строительство и в сельское хозяйство. В последние годы ситуация стала меняться. Рынок стал захватывать крупный и средний капитал, действующий при поддержке китайских властей. Большая часть китайцев, работающих на рынках, стали превращаться в наемных работников, агентов или доверенных лиц торгово-промышленных компаний Китая. Формальное отличие таких наемных рабочих от гастарбайтеров в том, что их хозяин находится по другую сторону границы⁴³. Кроме того, подтверждением намерений китайских граждан закрепиться на российской территории может служить увеличение числа китайцев, арендующих и приобретающих жилплощадь в российских регионах.⁴⁴ Не менее острым в настоящее время является вопрос конкуренции местного населения и иностранных рабочих на российском рынке труда. В целом мы согласны с мнением Е.Л. Мотрич о том, что китайские трудовые мигранты практически не конкурируют с резидентами региона. Несмотря на безработицу, местное население не стремится занять те свободные ниши, где требуется выполнять неквалифицированную, грязную и низко оплачиваемую работу⁴⁵.

В то же время конкуренция с местным населением существует преимущественно в тех отраслях, где велика доля недокументированной занятости. К этим сферам относятся строительство и рыночная торговля⁴⁶. В работе А.Г. Ларина⁴⁷ подчеркивается, что нездоровая конкуренция между коренным населением и китайскими мигрантами возникает там, где китайские рабочие-иммигранты работают за низкую заработную плату, что в значительной мере связано с нелегальной формой их трудоустройства.

Вопрос оценки и учета нелегальной миграции является одним из наиболее актуальных в изучении масштабов трудовой миграции и разработки подходов к ее регулированию.

Ввиду невозможности точного учета нелегальных мигрантов данные об их численности на Дальнем Востоке в большинстве случаев имеют экспертный характер. По мнению некоторых экспертов, на одного оформленного мигранта приходится 10 нелегальных.⁴⁸ Другие исследователи считают, что «... в ряде регионов китайцы составляют от четверти до половины реального населения»⁴⁹, «одну треть населения г. Уссурийска составляют китайцы и корейцы китайского происхождения»⁵⁰. Более скромная оценка численности нелегальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке составляет 200 тыс. чел.⁵¹

Широко распространено мнение, что необходимость привлечения трудовых мигрантов обусловлена нехваткой местной рабочей силы. Мы согласны с мнением А.Д. Ор-

лова о том, что «нехватка трудовых ресурсов в той или иной сфере... это вопрос структуры экономики и эффективности системы общественного разделения труда»⁵². Необходимо модернизировать производство, тем самым снижая потребность в трудовых ресурсах и повышая производительность труда. Особенно актуальным данное направление является для Дальнего Востока России, где при устойчивой убыли населения предлагаются инвестиционные проекты по освоению природных ресурсов региона.

Отсутствие системного подхода в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России, в том числе в привлечении трудовых мигрантов, приводит к убыткам. Убытки несут не предприниматели, которые продают ресурсы (металл, лес, рыбу) или используют труд нелегальных мигрантов, а государство⁵³. На современном этапе необходимо концентрировать усилия на установлении двусторонних отношений, реализация которых приведет к позитивным результатам для обеих сторон.

Роль трудовых мигрантов из других стран Дальнего Зарубежья (КНДР, Республики Кореи, Японии) в экономике Дальнего Востока России на данном этапе менее значима, чем прежде. Корейцы заняты преимущественно в лесозаготовительной промышленности.

Постоянная миграция

В числе мигрантов, имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство растет число лиц из стран СНГ при постепенном сокращении выходцев из стран Дальнего Зарубежья. Данная динамика, на наш взгляд, обусловлена не только увеличением числа непосредственно прибывших на Дальний Восток, но и изменением правил учета мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

После распада СССР первый закон, регулирующий условия прибытия иностранных граждан в страну, был принят 15 августа 1996 г. (№ 114-ФЗ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию). Условия проживания иностранных граждан на территории России были регламентированы в Федеральном Законе № 115 от 25 июля 2002 г. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, в рамках которого разъяснялись условия получения разрешения на временное проживание, а также получения вида на жительство. В этом же Законе прописаны основания для выдачи РВП и вида на жительство в рамках установленных Правительством РФ квот, а также введено понятие миграционной карты, использование которой дает возможность вести учет иностранных граждан в России. Законодательная база в отношении учета, контроля и регулирования международной миграции модернизируется и улучшается и в настоящее время.

По данным статистики с 2007 г. отмечается рост числа иностранных граждан, прибывших на ДВ на постоянное место жительства (получивших РВП или вид на жительство) (рис. 1).

В значительной мере данный рост объясняется «легализацией» представителей СНГ, проживавших на территории России на незаконных основаниях. Официальная регистрация данной части иностранных граждан связана с введением упрощенного порядка их трудоустройства, а также усилением ответственности за нарушения порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (Федеральные Законы РФ № 115-ФЗ от 25.07.2002, № 109-ФЗ от 18.07.2006, № 110-ФЗ от 18.07.2006, № 189-ФЗ от 05.10.2006). С 2007 г. ужесточились условия ответственности за нарушение миграционного законодательства как в отношении иностранных граждан, так и граждан РФ, являющихся принимающей стороной, либо нанимающих иностранных граждан на работу. В частности, за нарушение правил въезда, пребывания, миграционного учета, уклонение от выезда, несоответствие заявленной цели въезда в РФ, за осуществление трудовой деятельности в РФ без разрешения на работу иностранным гражданам грозит наложение административного штрафа в размере от 2 до 5 тыс. руб. с админист-

ративным выдворением за пределы РФ или без такового (ст. 18.10 КоАП РФ). Незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина при отсутствии у него разрешения на работу является основанием для привлечения российского работодателя к административной ответственности от 2 до 5 тыс. руб. для граждан, от 25 до 50 тыс. руб. для должностных лиц и от 250 до 800 тыс. руб. (либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток) для юридических лиц (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ).

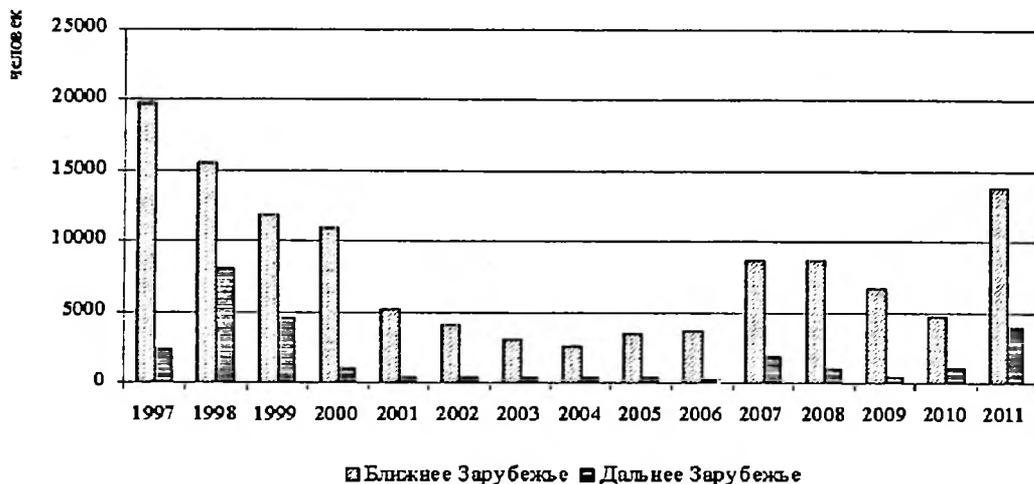

Рис. 1. Динамика прибывших мигрантов на ДВ, человек

Источник: составлено по данным gks.ru

В 2011 г. вновь зарегистрировано увеличение числа иммигрантов на ДВ почти в 3 раза по сравнению с 2010 г. В этот период резкое изменение числа иммигрантов, на наш взгляд, также объясняется изменениями в законодательстве. Изменения касаются статистики долгосрочной миграции, а именно: с 2011 г. в качестве долгосрочных мигрантов стали учитывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (ранее этот срок составлял год и более).

Таким образом, в течение 20 лет после распада СССР в России происходит формирование законодательной базы учета и регулирования миграционных процессов. Наиболее точный и обоснованный учет иностранных граждан, въезжающих на территорию РФ, ведется с 2004 г.

Для Дальнего Востока характерно увеличение числа мигрантов, прибывающих из стран СНГ с целью получения РВП и вида на жительство. В настоящее время масштабы миграционных потоков не сопоставимы с числом мигрантов в западных регионах страны, однако проблемы, возникающие при увеличении иммиграционных потоков, характерны для всех субъектов России. Речь идет о снижении доли мигрантов, знающих русский язык. По данным Центра миграционных исследований, если «пять лет назад группа респондентов, не владеющих русским языком, составляла 3% (речь идет о мигрантах из СНГ), то сейчас она расширилась до 15–20%»⁵⁴. Кроме того, крайне важно уделять внимание квалификации и навыкам мигрантов, привлекать мигрантов в те сферы, развитие которых необходимо в принимающем регионе.

В настоящее время доля иммигрантов из Китая и КНДР в рамках стационарной миграции незначительна. В 2010 г. миграционный баланс ДВ России со странами Даль-

него Зарубежья составил 107 чел., в то же время со странами Ближнего Зарубежья соответствующий показатель составил около 2900 чел.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. максимальная численность граждан России — корейцев отмечается в Сахалинской области (около 30 тыс. чел.), их доля от общей численности населения области составляет 5,4%, что является максимальным показателем среди дальневосточных субъектов. По числу проживающих китайцев среди регионов Дальнего Востока лидирует Хабаровский край, при этом их доля составляет 0,3% от общей численности населения края. На наш взгляд, при анализе национальной структуры населения регионов необходимо учитывать существующую нелегальную миграцию (в большей мере — китайскую). Однако, даже учитывая проживающих здесь нелегальных мигрантов, число китайцев не столь велико, чтобы говорить о демографической экспансии.

В то же время остается открытым вопрос косвенного влияния данного процесса на территорию Дальнего Востока. Необходимо учитывать влияние деятельности мигрантов на экологическое состояние территорий, степень зависимости российских регионов от объема производимой иностранными мигрантами продукции и др. Иными словами, при отсутствии демографической экспансии Дальнего Востока России со стороны зарубежных соседних стран, необходимо уделять внимание оценке его экономической и экологической безопасности.

Современная экономическая ситуация вызывает необходимость привлечения трудовых мигрантов, однако, нужно учитывать особенности подходов к реализации программ развития китайской и российской сторон. Мы придерживаемся точки зрения акад. П.А. Минакира подчеркивающего, что переход к новому этапу экономического развития Дальнего Востока неизбежен. При всей важности и полезности использования открывающихся при этом перспектив следует учитывать, что философия и содержание китайских и российских программ территориального развития разные. Китайские подходы и действия отличаются большей предметностью, конкретностью и системностью. Кроме того, ориентируясь на привлечение иностранной рабочей силы, следует обеспечить бесспорные социальные преимущества на рынке труда для населения самого Дальнего Востока⁵⁵. В то же время необходимо помнить, что нелегальная трудовая иммиграция вносит решающий вклад в культивирование теневого сектора российской экономики, создание неконтролируемого рынка товаров и услуг, а также обслуживающего его теневого денежного обращения.

Выводы

Изучение динамики привлечения иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке России за период с 1860-х гг. по 2010 гг. позволяет сделать следующие выводы. Особенности привлечения трудовых мигрантов в российские регионы ДВ отражают в большей степени экономический характер миграции и не могут рассматриваться как элемент демографической экспансии. Кроме того, в связи с утерей независимости Кореей в начале XX в. эмиграция корейцев из родной страны принимала ярко выраженный политический характер.

Миграционные процессы в рамках трех рассматриваемых нами этапов (дореволюционный, советский, постсоветский) имеют схожие черты и различия.

1. Нельзя сказать, что на современном этапе фиксируется максимальное число трудовых мигрантов за весь рассматриваемый период освоения Дальнего Востока России. На рубеже первого и второго этапов общее число иностранных работников составляло около 400 тыс. чел., в том числе 350 тыс. чел. — китайских мигрантов, корейцев — около 40 тыс. чел., японцев — 4,5 тыс. чел., к концу 1920-х гг. (советский этап) общая численность иностранных работников в российских регионах составляла около 200 тыс.

человек. В 2010 г. численность иностранцев, легально работающих на ДВ России, составила 151,6 тыс. чел.

На современном этапе происходит восстановление искусственно нарушенного в советский период взаимодействия приграничных регионов России и Китая. Использование труда иностранных работников не является новым явлением для Дальнего Востока, однако, в отличие от досоветского периода, в последние два десятилетия северо-восточные территории Китая интенсивно развиваются. Что особенно заметно на фоне негативных тенденций в социально-экономической сфере российских регионов.

2. В настоящее время, так же, как и в начале XX в., растет озабоченность общественности возрастающей зависимостью отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. С усилением экономики Китая в целом и его роли в социально-экономических процессах на российском Дальнем Востоке остается актуальным вопрос «китайской угрозы».

Первый и третий этап характеризуются более свободными условиями въезда и занятости иностранными рабочими на территории Дальнего Востока. При этом, в первом десятилетии XX в. формируются правительственные и общественные опасения относительно большой численности трудовых мигрантов и их возрастающей роли в развитии экономики региона. В советский период обострение политической ситуации ограничило число привлекаемых иностранных работников в СССР, что стало продолжением реализуемого в предыдущем периоде курса на ограничение использования иностранной рабочей силы. На современном этапе происходит либерализация международных отношений, в том числе и динамики трудовой миграции.

3. Спустя более ста лет проблемы в законодательном регулировании и учете международных миграционных процессов остаются. Недостаточный уровень законодательного регулирования российско-китайских отношений (на первом и третьем этапе) позволяет бизнесу использовать труд нелегальных мигрантов, что оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие российских территорий. Кроме того, нередки случаи нарушения трудовыми мигрантами экологических норм эксплуатации природных ресурсов (земельных, лесных, водных) Дальнего Востока, что приводит к негативным экологическим последствиям.

4. На первом и втором этапе массово прибывали чернорабочие, которые были заняты в различных отраслях промышленности, торговле и услугах, на третьем этапе при сохранении занятости трудовых мигрантов в рабочих специальностях (в строительстве, сельском хозяйстве) формируется еще один класс — коммерсанты (китайские), которые успешно организуют бизнес на территории российских регионов, привлекая для его развития как трудовые, так и финансовые ресурсы из Китая.

В то же время необходимо отметить, что на протяжении всех рассматриваемых этапов трудовые мигранты, в большинстве случаев, характеризовались трудолюбием, исполнительностью, целеустремленностью и организованностью. Данные качества позволили им удержаться и закрепиться на российском Дальнем Востоке. На наш взгляд, именно целеустремленность и системность в использовании возможностей российского Дальнего Востока со стороны иностранных работников-китайцев (в настоящее время не только работников, но и бизнесменов) создает определенный негативный оттенок российско-китайских отношений.

5. В перспективе, на наш взгляд, необходимо формирование обоснованной стратегии миграционной политики на Дальнем Востоке России, реализация которой позволит российской стороне выступать достойным партнером Китая в развитии двусторонних отношений.

В заключение приведем мнение П.А. Бадмаева⁵⁶, который еще в XIX в. подчеркивал необходимость укрепления положения российского Дальнего Востока, в первую очередь путем развития нашей территории. Он говорил, что Россия «не должна давать

случая заставить себя врасплох, чтобы не поплатиться за оплошность весьма дорогой ценой... Не одно снабжение наших восточных окраин вооруженными силами является теперь потребностью минуты. Мы должны начать энергичное применение торговой политики, взять в свои руки как можно больше рынков... на всем монголо-тибето-китайском Востоке, чтобы таким путем достигнуть торгово-экономического сближения с Китаем со сравнительно меньшими денежными затратами».

1. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и практика межгосударственных отношений. М.: Моск. обществ. науч. фонд; ООО «Изд. центр науч. и учеб. программ», 1999. С. 52.
2. *Елисеев А.В.* Отчет о поездке на Дальний Восток. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 2 мая 1890 г. С. 12–13.
3. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 14.
4. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. С. 24.
5. *Елисеев А.В.* Указ. соч. С. 8.
6. Там же. С. 15.
7. Там же. С. 9.
8. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 14.
9. *Татценко К.В.* Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
10. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 18.
11. *Елисеев А.В.* Указ. соч. С. 11.
12. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 15.
13. Там же. С. 16–17.
14. *Татценко К.В.* Указ. соч. С. 32.
15. *Левитов И.* Желтая раса. СПб., 1900. 49 с.
16. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 18.
17. *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. С. 93.
18. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с. В результате принятия нового порядка организации переселения, установленного законом от 1 июня 1882 г., общая численность русского населения Приморской области увеличилась с 8385 чел. в 1882 г. до 66 320 чел. в 1902 г.
19. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 19.
20. Там же. С. 20.
21. *Ларин А.Г.* Указ. соч.
22. *Лапцова Ю.Н.* Китайские и корейские рабочие в Забайкальской области (1860–1917 гг.): автореф. дис.... канд. истор. наук. Улан-Уде, 2009. 23 с.; *Ким Г.* История иммиграции корейцев. Кн. 1. Вторая половина XIX в. — 1945 г. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 424 с. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/kkk4.shtml (дата обращения — 20.03.2012).
23. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. С. 21.
24. *Ким Г.* История иммиграции корейцев...
25. *Аносов А.В.* Указ. соч. С. 22.
26. *Ким Г.* Указ. соч.
27. Там же.
28. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток, 2008. 163 с.
29. *Друзья А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 64–65.
30. *Дацышён В.Г.* Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. мате-

- риалов междуна­род. ис­след. семинара / под. ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.
31. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток, 2008. 163 с.
 32. *Друзьяка А.В.* Указ. соч. С. 68.
 33. *Крушианова Л.А.* Иностранная рабочая сила в лесной промышленности СССР в 1967–1970-е гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых ученых: сб. материалов / науч. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 105–112.
 34. *Друзьяка А.В.* Указ. соч. С. 70.
 35. Миграция населения Приморского края. Стат. бюл. с аналит. запиской / Приморскстат. 2011. 84 с.; Труд и занятость в Сахалинской области (2005–2009 гг.). Стат. сб. Южно-Сахалинск. 126 с.; Труд и занятость в Хабаровском крае: Стат. сб. / Хабаровскстат: Хабаровск, 2011. 156 с.; Амурский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2011. 546 с.
 36. *Мищук С.Н., Хавинсон М.Ю., Кулаков М.П.* Иностранная рабочая сила на рынке труда Еврейской автономной области: анализ и прогноз // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 110–116.
 37. *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая сталинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии. URL: http://www.archipelag.ru/tu_mir/ostrov-rus/far-east/hope/?version=forprint (дата обращения — 30.04.2012).
 38. *Загребнов Е.* Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // ДемоскопWeekly. № 315–316. 1–20 янв. 2008 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php>.
 39. *Сидоркина З.И.* Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 30. Препр.
 40. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml> (дата обращения 30.04.2009).
 41. *Гун Лян Хуа.* Глобализация — доминирующий фактор международной трудовой миграции. М.: МАКС Пресс, 2008. 88 с.
 42. *Левитов И.* Указ. соч.
 43. *Гельбрас В.Г.* Китайская миграция: мифы и реальность // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. материалов междуна­род. ис­след. семинара / под. ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 25–34.
 44. *Сидоркина З.И.* Указ. соч. С. 24.
 45. *Мотрич Е.Л.* Миграция как фактор развития Дальнего Востока. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php (дата обращения — 12.04.2012).
 46. *Тарасова Е.В.* Миграционные процессы в Алтайском крае и задачи региональной политики // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материал II Всерос. науч. конф. (15 нояб. 2007 г.). М.: Науч. эксперт, 2008. С. 296.
 47. *Ларин А.Г.* Указ. соч. 512 с.
 48. *Сидоркина З.И.* Указ. соч. С. 23.
 49. *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России. URL: <http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/china.htm> (дата обращения — 20.02.2012).
 50. *Рождественский А.* Будет ли Дальний Восток китайским? КНР продолжает мирную «экспансию на Север». URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213967580> (дата обращения — 30.05.2012).
 51. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 150.
 52. *Орлов А.Д.* Гиппериммиграция: миф о «нехватке рабочих рук» и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы II Всерос. науч. конф. (15 нояб. 2007 г.). М.: Науч. эксперт, 2008. С. 197.
 53. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 422.
 54. Моя твоя не понимаю. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2010/12/03/796657.html>.
 55. *Минакир П.А.* Россия — Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3(19). С. 7–19.
 56. *Бадмаев П.А.* К вопросу о политико-экономическом влиянии. Изд. 3-е. М.: Изд- ЛКИ, 2011. 106 с. С. 73–74. (Из наследия мировой политики).

Глобализация, современный мир, китайская модель развития (Диалог Юй Кэпина и Фрэнсиса Фукуямы)

Глобализация, современный мир, китайская модель развития — эти вопросы постоянно являются «горячими» темами для обсуждения политического и научного сообщества как в Китае, так и за рубежом. Два известных ученых — китайский политолог, профессор Юй Кэпин и американский философ, профессор Фрэнсис Фукуяма — обсуждали упомянутые выше вопросы в ходе прямого диалога. В научном мире их точки зрения, безусловно, обладают определенной «репрезентативностью» и позволяют глубже уяснить эти проблемы благодаря новым подходам к их рассмотрению. Приводим основное содержание диалога, состоявшегося между ними, текст которого содержится в указанной ниже книге Юй Кэпина, увидевшей свет в марте 2012 г.

Юй Кэпин. Внимать общественным интересам: демократическое управление и политические реформы в Китае. Пекин: Бюро переводов ЦК КПК. Март 2012. С. 257–268.

Юй Кэпин. Цзиньэй миньи: Чжунго дэ миньчжу чжилли юй чжэнчжи гайзэ. Пекин: Чжунъян бяньизюй чубаньшэ, 2012.*

К российским читателям

Искренне рад предоставленной мне возможности опубликовать в журнале «Проблемы Дальнего Востока» диалог между мною и американским ученым Фрэнсисом Фукуямой, поделиться с российскими учеными нашими взглядами на некоторые серьезные проблемы современного мира. Профессор Фукуяма приобрел мировую известность после выхода в свет его книги «Конец истории». С его точки зрения, в результате длительного противостояния после Второй мировой войны двух огромных лагерей — социализма и капитализма — и двух видов систем, распада Советского Союза и мировой социалистической системы, а также провозглашения в Китае политики реформ и открытости и перехода к рыночной экономике наступил «конец истории» увенчавшийся окончательной победой капитализма. Идеи Ф. Фукуямы вызвали массовые отклики китайских читателей, найдя среди них как сторонников, так и противников. Профессор Фукуяма — видный американский ученый. Многие его взгляды на современный мир отражают западное мировоззрение и отличаются особой репрезентативностью. Поэтому в 2011 г. я специально пригласил господина Фукуяму в Пекинский университет принять участие в «Политико-философском диалоге высокого уровня». Мне казалось важным, чтобы китайские и западные ученые смогли высказать свои взгляды и обменяться мнениями о вопросах глобализации, мировой архитектоники, «китайской модели» и других важных современных проблемах. Тогда же мы с профессором Фукуямой дали совместное интервью китайским СМИ, изложив наше понимание этих проблем.

Данная публикация представляет собой запись происходившего между нами диалога. Хочу поблагодарить г-жу О. Мингунову, эксперта Бюро переводов ЦК КПК, которая перевела этот материал на русский язык, и выразить глубокую надежду на проведение диалогов с российскими учеными в целях совместного обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес.

23 октября 2012 г.
Университет Дуйсбург, Германия

Юй Кэпин

Юй Кэпин родился в 1959 г. В 1988 г. окончил факультет международной политики Пекинского университета по специальности политология, одним из первых в КНР получил степень доктора политологии. Заместитель директора Бюро переводов

* Публикуется с разрешения автора

ЦК КПК, возглавляет Центр сравнительных политических и экономических исследований при Бюро переводов, Центр исследований китайских институциональных инноваций при Пекинском университете, директор института политического развития при университете Цинхуа, советник по институциональным инновациям в ООН, приглашенный профессор Гарвардского университета Дьюка, Ноттингемского университета (Великобритания), Берлинского университета, Университета Дунхуа (Тайвань), почетный доктор Университета Дуйсбург (Германия) и пр. Основные области исследований: современная китайская политика, политическая философия, сравнительная политология, глобализация, управление и эффективное управление, гражданское общество, правительственные инновации и др.

Какое влияние оказывает глобализация на национальный суверенитет?

Юй Кэпин: Господин Фукуяма, глобализация оказывает серьезное воздействие на национальные государства. Этот вопрос привлекает внимание многих ученых из Европы, США и Китая. Некоторые из них полагают даже, что одним из негативных последствий глобализации становится возрастание опасности столкновений национальных государств. Другие утверждают, что ее возможным результатом может стать их исчезновение. С такой точкой зрения особенно легко соглашаются в Европе, поскольку Европейский Союз не имеет границ в традиционном понимании, создал единую валюту и даже вооруженные сил. Но в Китае перспектива исчезновения национальных государств по-прежнему воспринимается с огромным трудом. Это можно объяснить тем, что китайская интеллигенция в массе своей придерживается традиционной концепции государства с четкими территориальными границами и постоянно крепнущим сознанием его суверенности. В этом смысле ничего не изменилось. Мне хотелось бы услышать точку зрения господина Фукуямы: каково же, по Вашему мнению, в конечном счете, влияние глобализации на национальный суверенитет?

Ф.Фукуяма: Я считаю, что глобализация предполагает взаимную зависимость. Она демонстрирует, что торговля и информационный обмен между людьми перешагнули естественные национальные границы. Факты свидетельствуют, что сейчас, когда глобализация охватила почти весь мир, люди могут оказываться под влиянием решений, принимаемых теми, кто находится от них на расстоянии многих тысяч километров. Думаю, проблема состоит в том, что взаимозависимость в сфере экономических интересов стала гораздо более значимой, чем то взаимное влияние, которое определялось взаимодействием в политической сфере. Я опасюсь, что последствия этого могут стать угрозой демократическим структурам, потому что через глобализационные механизмы одна страна может оказывать давление на другую, более того, может поставить под угрозу жизнь населения той или иной страны. Приведу пример. Во время войны в Ираке многие осуждали США за ведение боевых действий, а ведь действия американских войск в этой стране оказали колоссальное влияние на ситуацию на Ближнем Востоке и в других регионах. Вместе с тем, хотя никому не нравились инициативы действовавшего тогда президента США, и никто не поддерживал его, не было возможности противостоять ему при помощи демократической процедуры референдума. Это пример того, что нынешние политические рамки еще слишком узки для того, чтобы решать такого рода вопросы.

Однако теперь вопрос возник у меня, и я хотел бы просить Вас ответить на него. Китай — одна из тех стран, которые находятся в крупном выигрыше от процесса глобализации. Ведь если бы не было международной торговли и экспорта, рост Китая по многим параметрам был бы невозможен. По-моему, вплоть до настоящего времени китайское правительство применяет оборонительную стратегию в области международных отношений, например, сохранение суверенитета, позволяет оберегать лишь собственное

«я» и т.п. Вместе с тем, в настоящее время Китай является уже второй по величине экономикой мира. На мой взгляд, этот новый статус Китая поневоле меняет его подлинную роль в мире. Эти изменения означают, что новая роль Китая не сводится лишь к обеспечению мира товарами массового спроса, а предполагают его собственный вклад в глобальный мировой порядок. Хотелось бы знать, какую, на ваш взгляд, роль будет играть Китай в ближайшем будущем, став важной составной частью глобальной системы?

Юй Кэпин: Экономические достижения Китая сегодня — это продукт политики реформ и открытости, в продвижении которых выдающееся место принадлежит Дэн Сяопину, сумевшему связать воедино реформы внутри страны и ее открытость внешнему миру. Это объясняет, сколь значительной представлялась ему связь успеха реформ с присутствием Китая в мире. Для Дэн Сяопина было очевидно, что развитие национального государства невозможно без участия в международной жизни, без экономической и политической включенности в нее. Поэтому в отношении процесса глобализации китайское правительство постоянно сохраняло активную позицию, все время поддерживало открытость по отношению к внешнему миру. Надо сказать, что правительство КНР приложило особенно большие усилия при решении вопроса о вступлении Китая в ВТО. Я, как и Вы, тоже считаю, что Китай является одной из стран, наиболее выигрывающих от процесса глобализации. После 30 лет политики реформ и открытости Китай стал второй экономикой мира, и чем дальше, тем его международное влияние действительно растет все больше. Как мы должны действовать дальше? Представляется, что здесь есть два момента. С одной стороны, участвуя в процессе глобализации, правительству следует действовать очень активно и в то же время очень осторожно. Я считаю, что Китай только потому смог добиться таких больших результатов и оказаться в выигрыше от процессов глобализации, что в наиболее важных областях сумел сохранить свою самостоятельность. К тому же, он практиковал очень рациональную очередность в реализации политики открытости: мы не стали открывать все области экономики сразу. Это оказался очень успешный опыт для Китая, который можно сохранить и использовать в дальнейшем. Другими словами, во всех важных областях надо сохранять свою независимость. Но с другой стороны, становясь все более сильным, Китай отчетливо осознает, что его влияние в международных делах становится все весомее. Поэтому я думаю, что в будущей международной деятельности Китай еще больше активизирует свою роль. Хочу особенно обратить Ваше внимание на тезисе, сформулированном на пятом пленуме ЦК КПК 17-го созыва о необходимости активно участвовать в «глобальном экономическом управлении». Раньше об этом не говорилось. Эти слова свидетельствуют о том, что в международном сообществе Китай может прибавить активности и одновременно возложить на себя больше международных обязательств и ответственности.

Как определить, что такое капитализм и что такое социализм?

Ф. Фукуяма: Еще один вопрос, который чрезвычайно интересует меня, состоит в следующем. Помимо того, что Китай является членом уже существующих международных объединений, имеется ли у него собственное концептуальное видение относительно глобального управления? Например, Европа и США создали немалое количество международных организаций — ООН, НАТО, ВТО, Всемирная организация интеллектуальной собственности и т.д. А какие собственные идеи есть у Китая в области создания глобальных управленческих структур, помимо участия в деятельности уже созданных международных организаций?

Юй Кэпин: Вопрос действительно очень важный. Я думаю, вопрос, в отношении которого мы, китайцы, должны определиться, состоит в том, какую же глобальную систему мы хотим создать, какая система глобального управления нам нужна? Я уверен, что здесь имеются очень большие и важные перспективы. Несколько лет назад Предсе-

датель Ху Цзиньтао сформулировал цель, которую нам предстоит реализовать — построение «гармоничного мира». Эта концепция гармоничного мира в сочетании с концепцией китайского гармоничного общества в нашем представлении едины. Они опираются на традиционную китайскую философскую мудрость — «мирно ужиться при сохранении различий». Другими словами, в китайском понимании гармоничный мир, о котором идет речь, — это не единообразный мир, а мир, построенный на основе признания многополярности, культурного многообразия, взаимного уважения независимости каждого государства. Китай особо подчеркивает, что новый международный порядок должен быть более демократичным и справедливым, а основным путем достижения национальных и универсальных выгод человечества является международное сотрудничество. Однако подавляющее большинство имеющих на сегодняшний день правил, которыми обязано руководствоваться в своем взаимодействии все международное сообщество, были в свое время установлены развитыми государствами. Сегодня Китай очень надеется, что в будущем в выработке международных правил смогут участвовать и развивающиеся страны.

Господин Фукуяма, выступая в Бюро переводов ЦК КПК, Вы заметили, что в реальности ни одно государство не может представлять собой тот или иной общественный строй в чистом виде. Вы сказали также, что в США немало таких, кто считает позицию президента Обамы относительно некоторых аспектов общественной системы социалистической. Мы тоже выступаем против «чистых» систем. Мы против «чистого» социализма, потому что социализм в чистом виде невозможен. Но в настоящее время в мире все-таки существуют две системы, первая — капитализм, вторая — социализм. В своей книге «Конец истории» Вы тоже признаете это. Поэтому я хотел бы задать, быть может, простой и элементарный, но очень важный вопрос, который китайские ученые неустанно обсуждают уже много лет. Как же все-таки, по Вашему мнению, определить, что такое капитализм и что такое социализм? Если говорить об их отличиях, то в чем основное?

Ф. Фукуяма: Я думаю, что основная особенность классического социализма — в определении, данном Марксом. Это — общественная собственность на средства производства, национализация промышленности и финансового сектора. Но в настоящее время, будь то в Китае или в общемировой экономической системе, нигде не существует общественной собственности как основы. Что касается примеров контроля правительствами экономики своих стран посредством системы централизованного планирования, то в Китае, например, есть и государственная собственность и государственный контроль, но есть также и рыночная экономика. Поэтому «чистоты» в классическом экономическом смысле не существует, как не существует, следовательно, и «чистого» социализма.

Но я думаю, что не существует также и чистой рыночной экономики. Потому что экономика, существующая в воображении либеральных экономистов, по духу близких Хайеку — это экономика, которая требует защиты права собственности, соответствующих законов и обеспечения функционирования других основных принципов рыночной экономики, а это всегда было прерогативой государства. Более того, даже экономисты, являющиеся ярыми приверженцами индустриального капитализма, и те признают необходимость регулирования рыночных процессов, потому что рынок сам по себе не производит общественного продукта. Это снова подтвердил недавний финансовый кризис. Кризис финансового сектора переложил огромные расходы на основную часть общества. И это, я думаю, доказывает что никакой «чистоты» экономических форм в классическом смысле не существует, как не существует и «чистого» капитализма.

Я полагаю, что мы можем прибегнуть к иному способу, чтобы дать определение социализму. Мы можем дать определение социализма не на основе критерия собственности капитала, а на основе того, в какой степени вмешательство государства действительно способно стимулировать справедливость. Это абсолютно другой способ определения, поскольку могут существовать такие коммунистические государства, в которых

было осуществлено обобществление средств производства, но отнюдь не справедливым образом. Но при этом существуют также демократические государства, например, скандинавские страны, где практикуется множество форм перераспределения, в значительной мере отвечающих большей социальной справедливости. Но вместе с тем экономика этих стран по-прежнему опирается на частный сектор и остается рыночной.

Как понимать и оценивать политическое развитие Китая?

Ф. Фукуяма: В связи со сказанным Вами у меня тоже есть вопрос. Китай стремительно превращается в богатую державу, и общество вследствие этого становится всё сложнее. Каким Вы видите дальнейшее развитие китайской политической системы? Распространится ли в ближайшем будущем политика открытости, действующая в отношении экономической системы, также и на политическую систему?

Юй Кэпин: Китайцы моего возраста, которые прошли еще через дореформенный период и период политики реформ и открытости, имеют свой собственный очень богатый опыт. Изменения, произошедшие в результате проведения в жизнь политики реформ и открытости, охватывают далеко не единственную сферу экономики, — они затронули общественную, политическую, культурную и все остальные области жизни. То есть с приходом политики реформ и открытости по мере изменений в экономической сфере по существу постоянно менялась и наша политика. Например, сегодня я могу пригласить господина Фукуяму к нам сюда для беседы, чего раньше невозможно было представить.

Однако в этом вопросе у нас имеются существенные разногласия с нашими западными друзьями. Многие западные ученые считают, что если в период реформ в экономической сфере произошли большие изменения, то в политической сфере, особенно в плане демократизации политики, изменения незначительны, или более того, — их не произошло вовсе. С моей же точки зрения, в политической области у нас есть серьезный прогресс. Почему же возникли такие разногласия? Да потому что у нас очень разные стандарты оценки политической сферы. Я знаю, что, оценивая демократическую политику и политический прогресс, западные ученые обычно опираются на три стандарта: многопартийную конкуренцию, прямые выборы руководства страны и разделение властных полномочий на три ветви. Но Компартия Китая и китайское правительство не копируют политическую систему Запада, т.е. не заимствуют ни один из трех этих стандартов. Именно поэтому западные ученые не видят в китайской политике никаких изменений.

Как же правительство и ученые Китая оценивают китайскую политику, почему утверждают, что она изменилась? Безусловно, у китайского правительства и ученых есть свои стандарты оценки китайской политики, особенно это касается стандартов политического управления. Прежде всего, к примеру, произошли важные изменения в системе отбора государственных служащих. Сейчас при назначении на такие должности мы начали осуществлять конкурсный отбор на основе системы «общественного выдвижения» и «общественного выбора» в отличие от прежних времен, когда указание поступало от вышестоящих органов. Во-вторых, изменилось и само наше правительство. Из директивной инстанции оно превратилось в правительство «обслуживающего типа». Мы предложили модель «правительства услуг», которое должно быть правительством общественного служения народу, в то время как США и другие развитые страны только и могут научить нас, что служба бывает исключительно военной. В-третьих, первоначально у нас не было концепции ответственности правительства, а теперь мы предложили формировать ответственное правительство. Если ошибку допустит правительство или правительственный чиновник, необходимо, чтобы над ними висела угроза отстранения от обязанностей. В-четвертых, — прозрачность. Сейчас мы подчеркиваем необходимость про-

зрачности работы правительства, более того, подготовили соответствующее законодательство. Раньше ничего подобного не было. В-пятых, верховенство закона. Мы предлагаем формирование правительства, опирающегося на принцип верховенства закона. Раньше мы рассматривали верховенство закона как политическую систему или норму западного буржуазного общества, а сейчас сами предлагаем построение государства на принципах верховенства закона и реально делаем это. Если правительство сегодня нарушает закон, народ может подать на него в суд, раньше в нашей истории такого не было. В-шестых, права человека. В этом вопросе у меня самого имеется личный опыт. Когда раньше я говорил о правах человека, то подвергался критике, потому что тогда у нас считалось, что права человека — это категория буржуазной идеологии. Теперь же в нашей Конституции тоже содержится понятие прав человека. Более того, в отношении защиты прав человека государство приняло множество важных инициатив и достигло большого прогресса. В-седьмых, организации гражданского общества. По оценкам наших ученых, в настоящее время в Китае насчитывается более трех миллионов организаций гражданского общества. Хотя наши организации гражданского общества отличаются от западных, но в прошлом подобное было вообще немыслимым.

В заключение хочу добавить следующее. Несмотря на такое количество очевидных достижений, казалось бы, подтверждающих, что политические изменения следуют за изменениями в экономике и адекватны им, тем не менее, в политическом плане мы все же сталкиваемся с серьезными вызовами. Почему это происходит? Потому что в нашем экономическом развитии наступил новый этап, и народ выдвигает новые политические требования. Поэтому я за то, чтобы наши политические реформы совершили новый прорыв.

Я знаю, что господин Фукуяма часто заостряет внимание на значении историко-культурных традиций. Сегодня мы говорим о традиции и истоках ответственного правительства. Но в действительности, традиции — это то, что создается народом.

Сейчас наше внимание приковано к демократии. Как сказал председатель Ху Цзиньтао, «народная демократия — это судьба социализма», «не будет демократии, — не будет модернизации социализма». Но ведь демократии, верховенства закона и других вещей в нашей китайской традиции никогда не было. В прошлом у нас не было выборов, не было разделения властей в современном смысле, имелась правовая система, но не было верховенства закона, не было прозрачного правительства. Можно сказать, что если ничего из перечисленного выше нет, то нет и демократии. Множество людей, стоящих на позициях демократии, включая меня, считают, что такую традицию можно создать. В прошлом у нас ее не было. Но уже сейчас для этого есть политическая и экономическая основа, и мы должны создать условия для демократии, должны развивать элементы демократии.

Какой после «конца истории» будет новая история?

Юй Кэпин: Ваша книга «Конец истории» произвела большое впечатление в Китае и вызвала бурные дебаты. В связи с этим у меня к Вам вопрос. Если в мире случится такой грандиозный катаклизм — наступит конец истории, то ведь после этого обязательно начнется новая история. Как Вы считаете, какой она будет? Или эта история уже началась? Если да, то в чем ее суть и особенности?

Ф. Фукуяма: Конец истории, о котором я писал, подразумевал вопрос о наличии или отсутствии направления у процесса развития человечества. Если оно имеется, то какое? Ответ, который много лет назад дал Маркс, гласил: направление нашего развития — это коммунистическая Утопия. Я же считаю, что пока таким направлением остается демократия и рыночная экономика. Какая новая социальная модель будет в дальнейшем представлять следующий этап развития, еще не ясно. В этих обстоятельствах у многих

людей складывается ощущение, что будущее направление развития возможно олицетворяет Китай, сочетающий всемогущество правительства с рыночной экономикой. Но лично я так не считаю. Полагаю, что модель развития, которую представляет Китай, очень трудна, с точки зрения ее применимости в отношении сравнительно большого количества государств. Поэтому китайскую модель развития отнюдь нельзя считать универсальной.

Моя точка зрения относительно будущего такова: наука и техника создадут абсолютно другой тип социума. Например, все развитые общества мира в последующие 50 лет пройдут через кризис старения, потому что коэффициент рождаемости падает, перспективы продолжительности жизни человечества становятся все более мрачными, обязательства правительств в сфере социальных гарантий будут невыполнимы, поскольку для этого не будет достаточных средств. И это вовсе не проблема, присущая капитализму или социализму, и характерная для Азии или Европы. Это универсальная проблема. Средний возраст населения в мире достигнет 65 лет, и мир, в котором мы будем жить, будет совершенно другим.

А теперь вопрос у меня. Он возник довольно давно в связи с ростом китайской экономики. Еще в 70-е годы XX века заговорили о пределах роста. Теперь этот вопрос актуален и по отношению к Китаю: может ли китайская экономика развиваться без ограничений, поскольку ограничена сама вместимость земного шара, на котором мы живем? Я понимаю, что у всех в Китае есть основания считать, что США не должны критиковать китайское развитие уже по той причине, что сами американцы разбогатели, затратив огромное количество природных ресурсов. И поэтому они не вправе осуждать Китай. Я совершенно не разделяю эту точку зрения. Я не говорю, что Китай не имеет права развиваться. Но по моему мнению, если 1,3 млрд населения Китая и 1 млрд населения Индии будут поддерживать уровень жизни американцев, или еще более высокий уровень, это действительно будет серьезным вызовом всему земному шару. Земля может не выдержать такого уровня экономической активности. Мне хотелось бы знать, волнует ли Вас этот вопрос?

Юй Кэпин: Этот вопрос следует разделить на два аспекта. Во-первых, ученые и политики из развитых западных стран действительно вменяют в вину развивающимся странам, особенно Китаю и Индии, их высокие темпы роста. Однако делать этого не следует. Почему? Да потому, что это несправедливо. Потому что вы уже получили «свой кусок пирога». Теперь очередь таких развивающихся стран как Китай и Индия, они так же должны попользоваться плодами цивилизации. А вот развитые страны считают, что это-де принесет Земле и человечеству кризисы, чреватые исчерпанием природных ресурсов и климатическими изменениями, повредит интересам развитых стран. Они считают, что развивающиеся страны так поступать не должны. Полагаю, что ученые развитых стран не вправе обвинять нас в этом.

Но я должен сказать и о втором аспекте. Наша позиция состоит в необходимости изменения самого способа нашего роста. Мы отдаем себе отчет в том, что если степень нашей развитости будет такой же, как у Америки и других развитых стран, если у китайцев будет такое же количество автомобилей, как у американцев, то сколько же земли потребуется только для автостоянок! В то же время могут возникнуть проблемы с бензином. Уже сегодня Китай импортирует 50% бензина. Кроме того, станет гораздо более серьезной проблема загрязнения окружающей среды. Поэтому мы исходим из ответственного отношения китайцев к самим себе и ко всему человечеству, мы не можем просто идти по пути развитых стран.

Пятый пленум ЦК КПК 17-го созыва пришел к одному важному выводу: Китай обязан изменить способ экономического роста, изменить саму модель развития. Особого внимания требует развитие экологической культуры, развитие энергосберегающей, низкоуглеродистой, зеленой экономики, к сохранению экологии необходимо относиться со всей серьезностью. В отношении сказанного я оптимист, так как этим вопросам уделяет

серьезное внимание не только правительство, но и простые люди. Скажу даже больше, в Китае уже пришли все те концептуальные новации, которые лишь недавно получили распространение в западных странах, как например, низкоуглеродистая экономика и т.п., и многие люди чрезвычайно заинтересованы в них. Поэтому сейчас мы ищем новые пути развития экономики. С одной стороны, они должны позволить нам стать богатыми, дать возможность пользоваться плодами модернизации, а с другой стороны, — оградить нас от тех ошибок, которых не избежали западные страны, и предохранить от возникновения пагубных последствий, о которых Вы только что говорили.

И еще. У нас сейчас разработана очень важная модернизационная стратегия, не похожая на западную. Это стратегия урбанизации. Развитые западные страны шли по пути индустриализации, модернизации и урбанизации. Мы же должны осуществлять двухвекторную политику. С одной стороны, проводить урбанизацию, потому что без нее продвигать модернизацию крайне затруднительно. С другой стороны, создавать единое планирование для города и деревни. Способствуя процессу урбанизации, необходимо продвигать создание сел нового типа. Таким образом, мы надеемся, отстроив села, продвигаться по пути модернизации, отличному от западного.

С каким самым серьезным вызовом сталкивается сегодня китайский путь развития?

Юй Кэпин: Я знаю, что господин Фукуяма не является специалистом по Китаю, но очень внимательно следит за его развитием. Поэтому хочу задать ему последний вопрос, непосредственно связанный с предыдущим. Он касается «китайской модели». Ныне в Китае идут нескончаемые дебаты по поводу китайской модели, и к сегодняшнему дню налицо, пожалуй, три точки зрения. Первая связана с ее безусловным признанием и одобрением. Сторонники этой точки зрения считают, что китайская модель весьма успешна и заслуживает распространения. Вторая, наоборот, сводится к ее категорическому отрицанию. Сторонники этой точки зрения считают, что если китайская модель и существует, то ее влияние крайне негативное, и китайскую модель лучше не использовать. Более того, многие вообще не признают существования особой китайской модели. Третьи считают, что объективно китайская модель существует, и этот способ развития не похож ни на традиционный социализм, ни на способ развития западных стран. Она принесла Китаю огромный успех, хотя одновременно обошлась ему очень дорого, так как повлекла серьезные вызовы. Скопировать ее невозможно. Перспективы китайской модели связаны со стратегией упорядоченного развития, возможностями осуществления всеобъемлющего, скоординированного и устойчивого развития экономики, политики, социальной среды и экологии. Сам я придерживаюсь третьей точки зрения и поэтому хочу спросить господина Фукуяму: как Вы смотрите на китайскую модель? Существует ли китайская модель развития? И если существует, то какие самые серьезные вызовы стоят, по Вашему мнению, перед нею в настоящий момент?

Ф. Фукуяма: Я действительно считаю, что китайская модель существует. Она включает урбанизацию, сильное однопартийное правительство, экспортно-ориентированную стратегию развития, а также относительную способность страны достигать поставленных целей. Я думаю, что скопировать такой синтез другим странам было бы весьма затруднительно. Я считаю, что в настоящее время китайская модель развития противостоит двум вызовам. Первый состоит в том, что продолжать сохранение экспортно-ориентированной модели экономического роста в современных условиях довольно трудно, потому что такой способ развития базируется на кредитной основе американского потребительского рынка, который не может расширяться неограниченно. Я думаю, что в результате финансового кризиса спрос на американском потребительском рынке уже не вернется на прежний уровень. Поэтому я уверен, что Китай поневоле по-

вернется к более сбалансированной модели экономического развития, будет уделять больше внимания повышению внутреннего спроса. Это первый серьезный вызов, перед лицом которого находится Китай. Если вовремя не исправить данный аспект, то темпы экономического роста Китая замедлятся. И это повлияет на стабильность в Китае.

Второй вызов — это вызов политического плана. Действительно, сумеет ли Китай в условиях политической системы, где существует дефицит ответственности по отношению к нижестоящим, постоянно сохранять на высоком уровне качество управления? В настоящее время китайская политическая система ответственности является системой ответственности по отношению к вышестоящим, т.е. системой ответственности перед партией. Поэтому, если чиновники на местах произвольно распоряжаются крестьянской землей, попустительствуют серьезным экологическим загрязнениям, то право наказать их имеет лишь партия, а не представители народного правительства. Поэтому вопрос в том, сможет ли Китай в условиях системы отсутствия ответственности по отношению к нижестоящим сохранить на длительное время эффективное некоррупцированное правительство? На мой взгляд, если обе названные мною проблемы возникнут одновременно, то с одной стороны, в Китае начнется экономический спад, а с другой стороны, Китай будет не в состоянии поддерживать высококачественный уровень управления. Тогда возникнут еще более серьезные проблемы, и Китай окажется перед лицом экономического и политического кризиса.

© 2013

Перевод с китайского О. Мигуновой.

История

Трудная дорога к победе и миру* (К 40-летию подписания парижского Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме)

© 2013

А. Воронин, Е. Глазунов

Почти пять лет длились вьетnamо-американские переговоры о вьетnamском урегулировании. 27 января 1973 г. было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. США были вынуждены прекратить агрессивную войну, признать основные права вьетnamского народа на свободу, независимость, единство страны. Соглашение открыло путь к окончательной победе вьетnamского народа и к воссоединению страны.

Ключевые слова: Вьетнам, агрессия США, парижские переговоры, Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

2 сентября 1945 г., в день окончания Второй мировой войны, на многотысячном митинге в центре Ханоя Хо Ши Мин зачитал Декларацию независимости и провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам. Государство, само название которого в годы колониального господства Франции было стерто с политической карты мира, заявило о своем возрождении и решимости вьетnamского народа «отдать все свои духовные и материальные силы, ... чтобы отстоять свое право на свободу и независимость»¹.

Хо Ши Мин выразил уверенность, что «союзные державы, признавшие на конференциях в Тегеране и Сан-Франциско принципы равноправия наций, не могут не признать права вьетnamского народа на независимость»². Президент ДРВ тринадцать раз обращался к президенту и госсекретарю США по данному вопросу³. Но «возвращение Вьетнама в историю», произошедшее помимо воли великих держав Запада, не вписывалось в их геополитические расчеты по послевоенному устройству мира. Они не захотели признать суверенитет нового субъекта международного права. Сначала Франция, а затем США силой оружия пытались навязать Вьетнаму свое господство. Долгих тридцать лет пришлось вести вьетnamскому народу самоотверженную борьбу против иностранной агрессии за свои законные права.

Исторической вехой на пути к окончательной победе стало подписание 27 января 1973 г. в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьет-

Воронин Анатолий Сергеевич, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: voronin@prosc.ru.

Глазунов Евгений Павлович, кандидат экономических наук, почетный Председатель Общества российско-вьетnamской дружбы. E-mail: ger31@rambler.ru.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-21-09000.

наме, в соответствии с которым США обязались уважать «независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 г. по Вьетнаму» (ст. 1)⁴.

Заключительная Декларация, принятая на Женевском совещании по Индокитаю, на международно-правовом уровне закрепляла победу Демократической Республики Вьетнам в девятилетней вооруженной борьбе против интервенции колониальной Франции. Пять великих держав- участниц конференции совместно с ДРВ заявили, что «в отношении Вьетнама урегулирование политических проблем, осуществленное на основе уважения принципов независимости, территориального единства и целостности, должно предоставить возможность вьетнамскому народу пользоваться основными свободами, гарантированными демократическими институтами, образованными в результате всеобщих свободных выборов при тайном голосовании» (п. 7)⁵.

Однако реализация решений совещания категорически не устраивала Вашингтон, который провозгласил Юго-Восточную Азию зоной своих национальных интересов, а госсекретарь США Д. Даллес развил бурную деятельность по созданию проамериканских режимов, насаждению военных баз США, сколачиванию военно-политического блока СЕАТО в регионе. Вьетнаму в этих планах отводилось центральное место, как опорной базе для реализации концепции «сдерживания». США вознамерились, опираясь на использование военной силы, сломить волю вьетнамского народа, подавить национально-освободительное движение. В одном из своих интервью президент США Л. Джонсон с солдатским простодушием признал: «Соединенные Штаты Америки обосновались в Азии и в районе Тихого океана. Мы ведем войну во Вьетнаме, чтобы еще больше укрепить свои позиции»⁶.

Философия «холодной войны» толкала Вашингтон к эскалации силовых действий в Индокитае. К власти в Сайгоне был приведен откровенный ставленник США Нго Динь Зьем, провозгласивший 26 октября 1955 г. так называемую Республику Вьетнам. Вашингтон и Сайгон проигнорировали все предложения ДРВ об организации всеобщих выборов с целью объединения Вьетнама. Проведение выборов, предусмотренное Женевскими соглашениями, по вине Вашингтона было сорвано. Из США в Сайгон резко увеличились поставки военной техники и вооружений. Американские военные советники в усиленном режиме занимались укреплением боеспособности сайгонской армии. Строились стратегические дороги, создавались военные базы. В стране был развязан жесточайший террор против борцов с оккупацией. Однако эти меры не срабатывали. Массовое движение сопротивления усиливалось. В 1960 г. был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ), возглавивший освободительную борьбу. Руководство ДРВ—НФО ЮВ взяло линию на сочетание военных и политических форм борьбы против агрессии⁷. В этих условиях в целях «укрепления своего присутствия» в ЮВА Вашингтон пошел на прямую агрессию вооруженных сил США в Южном Вьетнаме. В августе 1964 г., под прикрытием вооруженной провокации в Тонкинском заливе, Пентагон развязал «воздушную войну» против Северного Вьетнама. Население Вьетнама находилось под мощным прессингом американской пропаганды («четвертым измерением» агрессии).

К весне 1968 г. США довели численность своих войск в Южном Вьетнаме до 550 тыс. чел.⁸ Численность сайгонской армии составила почти 1 млн. человек. США пытались «интернационализировать» агрессию. В конфликте на стороне США участвовали воинские подразделения Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии. Соучастником агрессии был Таиланд. Япония предоставила свою территорию в качестве военной базы.

Осуществляя агрессию против Вьетнама, США грубо нарушали законы и обычаи ведения войны, использовали варварские методы и средства ее ведения. В течение десятилетия (1961–1971 гг.) американская авиация рассеивала над территорией Южного Вьетнама ядовитые химические вещества, уничтожая посевы, растительность, леса. С

маннакальной педантичностью американские самолеты бомбили Ханой, другие города и населенные пункты ДРВ. В американской прессе бурно обсуждались планы бомбардировок дамб в устье реки Красной, где проживает большая часть населения Северного Вьетнама. В газеты просочилась информация о планах Пентагона по применению тактического ядерного оружия. Вьетнам стал ареной острого военно-политического противостояния. Вьетнамский вопрос выдвинулся в центр мировой политики.

Преступное варварство Пентагона встретило возмущение и осуждение во всем мире. СССР стал незыблемой опорой борьбы вьетнамского народа против агрессии США. Вьетнаму было предоставлено современное оружие, боеприпасы, военное имущество, продовольствие, топливо, машины, оборудование, другие необходимые материалы. Печать в то время отмечала, что примерно 70% всей помощи ДРВ в годы войны предоставлялось Советским Союзом⁹. В СССР подготовку прошли многие офицеры Вьетнамской Народной армии. При помощи советских военных специалистов, командированных в ДРВ, были созданы новые, современные рода войск, способные дать эффективный отпор агрессору. Благодаря поставкам средств ПВО и подготовке в СССР вьетнамского военно-технического персонала за годы войны авиация США потеряла в небе Северного Вьетнама свыше 4 тыс. самолетов¹⁰. В СССР по инициативе общественных организаций проходили многотысячные митинги и собрания в поддержку Вьетнама. Борьба вьетнамского народа против агрессии находилась в центре внимания советских СМИ. Массовый характер приобрел добровольный сбор средств в фонд помощи Вьетнаму.

Серьезное негативное воздействие на ход решения вьетнамской проблемы оказывала позиция маоистского руководства Китая. Еще в январе 1965 г. Мао Цзэдун предупредил, что «китайцы будут воевать лишь в том случае, если США нападут на Китай». Объявив СССР «врагом № 1», китайские власти отказывались действовать единым фронтом против агрессии США. Они оказывали противодействие поставкам во Вьетнам оружия из СССР и других стран Европы. Китайские хунвэйбины пытались «разжечь пламя великой пролетарской культурной революции» на территории ДРВ». Недовольство в Пекине вызывали заявления руководства ДРВ о готовности вести переговоры с представителями США для прекращения войны и восстановления мира. Цель дипломатии КНР состояла в том, чтобы показать, что «ключ» от решения вьетнамского вопроса и других вопросов Юго-Восточной Азии находится в Пекине¹¹.

Советская дипломатия работала в тесном контакте с дипломатией ДРВ. Руководители ДРВ, вьетнамские официальные представители на парижских переговорах постоянно встречались с представителями советского руководства для обмена мнениями об обстановке во Вьетнаме, по проблемам, которые находились в центре внимания на переговорах в Париже, по тактике ведения переговоров. Обсуждались вьетнамские заявки об оказании помощи. Большую работу по содействию вьетнамскому урегулированию вели советские дипломатические миссии в Вашингтоне, Ханое, Париже и других ведущих столицах мира. Они своевременно информировали Москву о текущих изменениях ситуации во вьетнамском вопросе и в позициях заинтересованных сторон. В этом же ключе советские представители выступали с трибуны ООН и других международных организаций.

В эти годы на небывалую высоту поднялось движение народов мира под лозунгом: «Руки прочь от Вьетнама!», а «народная дипломатия» стала эффективной формой морально-политического разоблачения преступного характера политики Вашингтона, мощным орудием принуждения американской администрации прекратить агрессию против свободолюбивого Вьетнама. В статье, опубликованной в 1970 г. в журнале «Хок Тап» («Учеба») министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуи Чинь признавал, что активная поддержка Вьетнама со стороны всех прогрессивных сил стала «важной международной силой нашей дипломатической работы». «[Практически сформирован фронт народов мира в поддержку Вьетнама в его борьбе против американской агрессии, который способствует

развитию такого движения в каждой стране и создает постоянное давление на Соединенные Штаты»¹².

В США на улицы Вашингтона, Нью-Йорка, Сан-Франциско, других городов регулярно выходили сотни тысяч демонстрантов с требованием немедленно прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, начать переговоры о мире, вывести американских солдат из Южного Вьетнама. Особенно активно против войны выступала студенческая молодежь, интеллигенция, женщины. Несмотря на репрессии властей, участники антивоенного движения широко использовали акции гражданского неповиновения. Устраивались походы на Пентагон. Призывники отказывались ехать во Вьетнам. Внутриполитическая обстановка в США все более накалялась. Америка оказалась на пороге гражданской войны.

В этих условиях в ночь с 30 на 31 января 1968 г., когда во Вьетнам пришел национальный праздник — Новый год по лунному календарю, Армия освобождения и партизанские части при активной поддержке населения начали генеральное наступление по всему Южному Вьетнаму от демилитаризованной зоны в районе 17-й параллели до мыса Камау. Армия освобождения атаковала около 60 городов, провинциальных, уездных центров и военных баз. В Сайгоне на несколько часов было захвачено американское посольство. Ракетному обстрелу подверглись дворец президента сайгонского режима, здание генерального штаба, радиостанция, штаб морской пехоты и воздушно-десантных войск. 31 января Армия освобождения овладела древней столицей Вьетнама, городом Хюе. Был освобожден ряд новых районов Южного Вьетнама. Они перешли под контроль НФО ЮВ. За неделю наступления из строя было выведено 50 тыс. солдат противника, в том числе 10 тыс. американцев, уничтожено на земле или сбито около 1500 самолетов и вертолетов¹³.

Наступление стало полной неожиданностью для американских стратегов. Оно вызвало большой резонанс в мире. В Сайгоне среди местных чиновников и в марионеточной армии царил паника. Мировому общественному мнению стал очевидным провал агрессивного курса США. Стратегическая инициатива перешла в руки патриотических сил Вьетнама. Они пользовались все более активной и решительной поддержкой народов мира. Вместо молниеносной военной кампании, о которой мечтали «архитектор» вьетнамской войны министр обороны Р. Макнамарра и генералы Пентагона, США получили «грязную», затяжную, изнуряющую и весьма затратную по материальным и человеческим жертвам войну, почетное для США завершение которой не просматривалось даже в отдаленной перспективе.

Крах силовой политики во Вьетнаме, сыгравший роль детонатора общенационального кризиса, стал предметом тяжелых раздумий президента Л. Джонсона. 31 марта 1968 г. он выступил по национальному телевидению и объявил об одностороннем частичном прекращении бомбардировок Вьетнама к северу от 20-й параллели и о готовности вступить в переговоры с правительством ДРВ. Он также сообщил, что на предстоящих президентских выборах свою кандидатуру выдвигать не будет¹⁴.

3 апреля 1968 г. правительство ДРВ в ответ на обращение Л. Джонсона от 31 марта заявило о готовности назначить своего представителя для контактов с представителями США для обсуждения вопроса о безоговорочном прекращении американских бомбардировок и других актов войны против Демократической Республики Вьетнам, с тем чтобы можно было начать переговоры¹⁵.

Переговоры между делегацией ДРВ и делегацией США начались 13 мая 1968 г. в Париже, в Доме международных конференций на авеню Клебер. Они продолжались почти 4 года, 8 месяцев. Сначала в двухстороннем, а с 25 января 1969 г. — четырехстороннем формате с участием делегаций ДРВ, НФО ЮВ (с июля 1969 г. Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам), США и сайгонского режима. Всего состоялось 202 официальных заседания. Позиция ДРВ и НФО ЮВ по вьетнамско-

му урегулированию была хорошо известна. Еще 8 апреля 1965 г. премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, выступая на сессии Национального собрания ДРВ, сформулировал программу урегулирования вьетнамской проблемы как основу для возможных переговоров с США. Затем эта программа фигурировала во многих документах как «позиция ДРВ из четырех пунктов». Эти предложения сводились к следующему:

1. Правительство США должно вывести свои войска, военнослужащих и вооружение из Южного Вьетнама и прекратить посягательства на территориальную целостность и суверенитет ДРВ.

2. В период ожидания мирного воссоединения Вьетнама необходимо, в соответствии с Женевскими соглашениями, чтобы обе части страны не имели военных союзов с другими государствами, иностранных военных баз и военнослужащих на своей территории.

3. Дела Южного Вьетнама должны быть решены им самим на основе программы Национального фронта освобождения.

4. Мирное объединение страны должно быть осуществлено вьетнамским народом без вмешательства извне¹⁶.

Еще раньше, 22 марта 1965 г., с изложением «пяти пунктов» решения вьетнамского вопроса выступил НФО ЮВ. В заявлении подчеркивалась решимость южновьетнамского народа освободить Южный Вьетнам от американских агрессоров, создать независимый, демократический, мирный и нейтральный Южный Вьетнам и тем самым создать условия для воссоединения страны. В заявлении содержалось требование к США вывести войска, боевую технику и вооружения из Южного Вьетнама, прекратить поддержку марионеточного режима Сайгона¹⁷.

На первой же официальной встрече с американской делегацией руководитель делегации ДРВ Суан Тхюи подчеркнул, что именно Америка под надуманным предлогом начала войну против Вьетнама, который даже теоретически не мог угрожать ее безопасности. И если она хочет мира, то пусть выведет свои вооруженные силы из Южного Вьетнама, прекратит все военные действия против Северного Вьетнама. Если США сделают это, мир во Вьетнаме будет немедленно восстановлен. Глава делегации ДРВ сформулировал и цель американо-северовьетнамских переговоров — «определить с американской стороной безоговорочное прекращение бомбардировок и всех прочих американских военных актов против ДРВ и вслед за тем перейти к другим вопросам, интересующим обе стороны»¹⁸. Дипломатия ДРВ исходила из того, что переговоры по урегулированию могут быть эффективными только после того, как США безоговорочно прекратят бомбардировки ДРВ.

Представитель США посол А. Гарриман в качестве условия полного прекращения бомбардировок Северного Вьетнама потребовал от ДРВ отказа от помощи Южному Вьетнаму, гарантий о ненападении Армии освобождения НФО ЮВ на демилитаризованную зону и города Южного Вьетнама. Он возражал против участия делегации НФО ЮВ в будущих переговорах, предлагал, чтобы представители Фронта были включены в делегацию ДРВ. Несмотря на острые противоречия между подходами вьетнамской и американской делегаций, за пять месяцев двусторонних переговоров удалось достичь договоренности о полном и безусловном прекращении с 1 ноября 1968 г. воздушных бомбардировок и других военных действий против ДРВ, а также о проведении заседаний с участием делегаций ДРВ, США, НФО ЮВ и сайгонской администрации для поиска путей урегулирования вьетнамской проблемы.

31 октября 1968 г., накануне президентских выборов, президент США Л. Джонсон в своем телеобращении информировал страну, что отдал распоряжение прекратить воздушные бомбардировки Северного Вьетнама с моря и суши с 8 часов утра 1 ноября по вашингтонскому времени. В свою очередь 2 ноября с заявлением выступило правительство ДРВ. В нем заявление Л. Джонсона от 31 октября было расценено как «большая

победа вьетнамского народа в обеих частях страны, а также всех прогрессивных сил в мире, в том числе прогрессивного народа Соединенных Штатов». С согласия ЦК НФО ЮВ правительство ДРВ заявило о готовности «принять участие в совещании представителей Демократической Республики Вьетнам, представителей Соединенных Штатов Америки, представителей НФО ЮВ и представителей сайгонской администрации»¹⁹.

Прекращение военных действий США против ДРВ, согласие Вашингтона на политическую роль НФО ЮВ в жизни Юга Вьетнама и готовность вести переговоры с участием делегации НФО ЮВ по вопросам урегулирования ситуации в Южном Вьетнаме явились стратегическим поворотом в решении вьетнамского вопроса на основе уважения законных интересов вьетнамского народа. Это был серьезный успех вьетнамского руководства, демонстрирующий эффективность его политики сочетания военных и дипломатических форм борьбы с наращиванием политического давления на американскую администрацию. Прекращение агрессивных действий против ДРВ давало «мирную передышку» Северному Вьетнаму для восстановления экономического и оборонного потенциала, а также создавало условия для прекращения кровопролития на Юге Вьетнама, для полного вывода войск США из Вьетнама и для политического решения вьетнамской проблемы в целом.

Однако американцы отступали крайне медленно. Не считаясь с реальностью, они пытались перехватить стратегическую инициативу как на поле битвы, так и на дипломатическом фронте. Вследствие этого парижские переговоры продлились еще четыре года, заходя порою в драматический тупик. Одновременно военная агрессия США приобретала все более жестокие и масштабные формы. Ее огонь теперь полыхал уже по всему Индокитаю, создавая все более серьезную угрозу международному миру.

Четырехсторонние переговоры в Париже начались 18 января 1969 г., еще до официального вступления Р. Никсона в должность президента США, столь велико было стремление новой администрации успокоить общественное мнение США, продемонстрировать избирателям «новые подходы» к решению вьетнамского вопроса на условиях «почетного мира». На первой встрече в четырехстороннем формате делегации США и сайгонской администрации пытались представить дело таким образом, будто речь идет о двусторонних переговорах. С одной стороны — представители США и сайгонского режима, а с другой стороны — представители ДРВ и НФО ЮВ. Этот маневр был рассчитан на то, чтобы попытаться уйти от признания НФО ЮВ в качестве равноправного партнера на переговорах о политическом урегулировании в Южном Вьетнаме. Но эта политическая интрига была категорически отвергнута делегациями ДРВ и НФО ЮВ. Так 25 января начались пленарные заседания с участием всех сторон, открывшие новый этап в дипломатической борьбе за решение вьетнамской проблемы.

Основой для справедливого урегулирования стал выдвинутый 8 мая 1969 г. НФО ЮВ и полностью одобренный ДРВ план, известный как «10 пунктов» НФО ЮВ. («Принципы и основное содержание мер по всестороннему урегулированию южновьетнамской проблемы для восстановления мира во Вьетнаме»). В международно-правовом отношении этот план опирался на основные положения Женевского соглашения 1954 г. Он также учитывал ситуацию, сложившуюся в Южном Вьетнаме к 1969 г. В соответствии с этим планом США должны были полностью и без каких-либо условий вывести из Южного Вьетнама свои войска и войска союзников, ликвидировать американские военные базы в Южном Вьетнаме, отказаться от всех актов, наносящих ущерб независимости, суверенитету, территориальной целостности и безопасности Вьетнама. Все внутренние вопросы, касающиеся Южного Вьетнама, должны были решаться самими вьетнамцами без иностранного вмешательства. Представители различных политических сил Южного Вьетнама должны были провести переговоры в целях формирования временного коалиционного правительства.

В документе были сформулированы задачи такого правительства, главные из которых состояли в том, чтобы добиться реализации будущих соглашений относительно вывода войск США и их союзников из Южного Вьетнама. Это правительство, говорилось в Программе, должно добиваться национального согласия, широкого согласия различных слоев населения, национальностей, религиозных общин и деятелей самых различных течений и сил, при условии, что они высказываются за мир, независимость и нейтралитет. Временное правительство должно проводить в жизнь демократические принципы, организовать всеобщие выборы в Южном Вьетнаме для определения его политического строя, образовать учредительное собрание, выработать конституцию и создать коалиционное правительство на широкой основе. Южный Вьетнам будет проводить внешнюю политику мира и нейтралитета. Воссоединение Вьетнама произойдет постепенно, и будет осуществляться мирными средствами — декларировалось в Программе.

В Программе НФО ЮВ были изложены и подходы к вопросу о взаимоотношениях между севером и югом Вьетнама в период до мирного воссоединения страны. В нем отмечалось, что демаркационная линия между двумя зонами по 17-й параллели, как это было установлено Женевскими соглашениями 1954 г., носит лишь временный характер и не может рассматриваться в качестве политической и территориальной разграничительной полосы, на чем особенно настаивали делегации США и сайгонской администрации²⁰. Изложенная делегацией НФО ЮВ Программа урегулирования вьетнамской проблемы находилась в основе всех выступлений представителей ДРВ и ВРП РЮВ в течение последующих 200 четырехсторонних заседаний

Что касается нового хозяина Белого Дома, то Р. Никсон, с учетом своих предвыборных обязательств покончить с участием американских солдат в военных действиях во Вьетнаме, взял курс на т.н. «вьетнамизацию» войны. В наиболее полном виде эта доктрина была изложена им 25 июля 1969 г. во время пребывания на острове Гуам, где была расположена крупнейшая база Военно-воздушных сил США на Тихом океане, с которой осуществлялись бомбардировки Вьетнама. Существование нового курса состояло в том, чтобы попытаться укрепить военно-политические, социально-экономические и внешнеполитические позиции сайгонского режима, сделать его способным самостоятельно одержать победу в войне против ДРВ и ВРП РЮВ. В первую очередь речь шла о реорганизации и перевооружении сайгонской марионеточной армии, чтобы она была в состоянии взять на себя основное бремя военных действий. Это позволило бы, по расчетам американских стратегов, приступить к поэтапному выводу американских солдат из Вьетнама и таким образом сократить потери американской армии, поскольку именно потери в живой силе американской армии вызывали наиболее бурное неприятие со стороны самых широких слоев населения Америки, прежде всего молодежи, отказывавшейся участвовать в «грязной войне». Таким образом, на практике планы «вьетнамизации» свидетельствовали о намерениях новой администрации США силами сайгонской армии и марионеточных властей в Сайгоне максимально затянуть войну, продолжить американскую оккупацию, навечно закрепить раскол Вьетнама.

Руководство ДРВ и НФО ЮВ видело иллюзорность и противоречивость этих расчетов. Так, член политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо, находившийся в Париже в качестве специального советника делегации ДРВ, в ходе закрытых встреч с советником по национальной безопасности и госсекретарем США Г. Киссинджером не без сарказма спрашивал его: «Если вы не можете справиться с ситуацией во Вьетнаме с полумиллионным контингентом, что заставляет вас думать, что вы справитесь с нею, когда его численность начнет сокращаться?»²¹.

Активная дипломатическая линия делегаций ДРВ и НФО ЮВ в Париже постоянно подкреплялась наступательной тактикой во внутривнутриполитической борьбе в Южном Вьетнаме и в организации международной поддержки южновьетнамских патриотов. В этом плане стратегическое значение имело создание в июне 1969 г. Временного револю-

ционного правительства Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ). Формирование правительства усиливало позиции южновьетнамских патриотов за столом переговоров. В течение месяца после своего провозглашения РЮВ была официально признана 24 государствами. А.Н. Косыгин от лица советского правительства сделал 13 июля 1969 г. заявление о признании Советским Союзом ВРП РЮВ.²²

Американские стратеги были вынуждены признать низкую эффективность политики «вьетнамизации». Вооруженные патриотические силы в Южном Вьетнаме освобождали все новые районы, которые переходили под контроль ВРП РЮВ. Делегации ДРВ и ВРП РЮВ в Париже отказывались вести переговоры на условиях США, которые требовали вывода в течение 12 месяцев основных «неюжновьетнамских» войск из Южного Вьетнама. Эвакуация же оставшихся войск США и их союзников должна была завершиться только после вывода войск ДРВ. США соглашались на проведение выборов в Южном Вьетнаме, но под контролем сайгонских властей и сайгонской армии. Такие предложения не могли служить основой для договоренности, так как они, по существу, не учитывали реального положения, сложившегося к тому времени в Южном Вьетнаме, игнорировали политические, военные, дипломатические завоевания ВРП РЮВ. Переговоры зашли в тупик. Между тем в самих США нарастало движение за немедленное прекращение войны во Вьетнаме.

В этих условиях весной 1970 г. в Вашингтоне было принято решение начать бомбардировки Камбоджи, «бросить все, что летает против всего, что движется»²³ с тем, чтобы перерезать коммуникации, по которым южновьетнамским патриотам шла помощь из Северного Вьетнама. Но это не помогло. 18 апреля в Пномпене американскими спецслужбами был совершен государственный переворот. Король Н. Сианук в это время находился в Пекине. К власти был приведен прямой ставленник США генерал Лон Нол. На территорию Камбоджи были введены американские войска и войска сайгонского режима. Однако и этот маневр не дал ожидаемых результатов.

Тогда по указке Пентагона 8 февраля 1971 г. под прикрытием авиации США подразделения сайгонской армии провели в Южном Лаосе операцию под кодовым названием «Ламшон-719». Ее целью было уничтожение тыловых баз и системы коммуникаций, известных как «тропа Хо Ши Мина». Это должно было позволить, как считали в Вашингтоне, изолировать южновьетнамских патриотов от патриотов Лаоса и Камбоджи, от помощи ДРВ и по частям задушить национально-освободительное движение во всех трех странах Индокитая. Однако результат получился обратный. В Индокитае стал образовываться объединенный фронт борьбы народов против агрессии США.

Между тем антивоенное движение в самой Америке продолжало нарастать. 25 апреля 1971 г. в Вашингтоне прошла антивоенная демонстрация с участием 200 000 чел. Было произведено 12 000 арестов. Чтобы успокоить Америку, Р. Никсон был вынужден заявить о выводе из Вьетнама в ближайшее время еще 100 000 американских военнослужащих²⁴. Стратегическое отступление США набирало темпы.

30 марта 1972 г. патриотические вооруженные силы начали «пасхальное наступление», с тем чтобы сорвать планы «вьетнамизации» войны и усилить переговорные позиции ВРП РЮВ и правительства ДРВ на парижских переговорах. По информации из официальных американских кругов, наступающие вьетнамские войска были на 90–95% вооружены оружием советского производства²⁵. Только за три первых месяца операций марионеточные войска потеряли около 180 тыс. чел. и до 30–50% боевой техники. Были разгромлены или понесли значительные потери более половины сайгонских дивизий. В ходе наступления полностью были освобождены восемь южновьетнамских провинций с населением около 5 млн чел. Тем самым был нанесен мощный удар по американской программе «вьетнамизации» войны. За несколько месяцев до президентских выборов в США Р. Никсону, который воспринял действия вьетнамцев, как «прямое стремление подорвать его личную политическую карьеру», пришлось «реамериканизировать» войну.

Администрация США предприняла целый комплекс мер как международного характера, так и в самом Вьетнаме, чтобы уйти от полного поражения, попытаться переломить в свою пользу неблагоприятный ход событий. В феврале 1972 г. Р. Никсон летит в КНР. США и Китай договариваются о нормализации отношений. Одновременно американские дипломаты в Париже всячески демонстрируют «потерю интереса к переговорам». Чтобы вынудить делегации ДРВ и ВРП РЮВ согласиться на подписание мирного соглашения на американских условиях, 8 мая 1972 г. Р. Никсон отдал приказ возобновить массированные бомбардировки Северного Вьетнама, минировать порт Хайфон и другие северовьетнамские порты, через которые из СССР и других стран во Вьетнам поступала помощь. Сразу же после этого он летит в Москву. На переговорах Р. Никсона с советским руководством, состоявшихся вечером 22 мая 1972 г., ему в жесткой форме было указано, что решение вьетнамской проблемы возможно только за столом переговоров и что реальный выход из тупика, в который сами себя загнали американцы, возможен только на справедливых условиях, предлагаемых ДРВ и ВРП РЮВ. Л.И. Брежнев заявил: «Господин президент, у Вас руки в крови!»²⁶. Он потребовал немедленно прекратить операцию по блокированию северовьетнамских портов. Одновременно советское руководство приняло решение оказать Ханю дополнительную военную помощь. Были разработаны меры по дальнейшему расширению военного сотрудничества между СССР и ДРВ.

Оказавшись под мощным политическим давлением и учитывая надвигавшиеся выборы президента США, 13 июля Р. Никсон согласился возобновить четырехсторонние встречи в Париже. Он был также вынужден активизировать процесс вывода американских войск из Южного Вьетнама. 11 августа 1972 г. последнее наземное боевое подразделение американских войск покинуло Южный Вьетнам. Там оставалось еще примерно 24 000 американских военнослужащих. Кроме того, 100 000 военнослужащих дислоцировались на территории Таиланда и на острове Гуам, а также на кораблях 7-го американского флота, постоянно находившегося в зоне Тонкинского залива и Южно-Китайского моря²⁷.

В целом, по оценке руководства ДРВ, военно-политическая ситуация к этому времени принципиально изменилась в благоприятную для ДРВ и ВРП РЮВ сторону. Созрели предпосылки для того, чтобы сделать акцент на максимальное использование политических и дипломатических форм давления на США, добиваясь дальнейшей дезэскалации войны и скорейшего окончательного вывода всех войск США из Южного Вьетнама. 11 сентября 1972 г., впервые после того, как Г. Киссинджер в августе 1969 г. провел три закрытых встречи с Ле Дык Тхо, Ханой дал понять, что согласен на прекращение военных действий, не требуя устранения сайгонской администрации. Была согласована новая схема переговоров по отдельным группам политических и военных вопросов будущего соглашения. Общеполитические вопросы предлагалось обсудить между делегациями ДРВ и США. Положение в Южном Вьетнаме было предложено передать на обсуждение делегаций ВРП РЮВ и сайгонского режима. Вопросы отношений между северной и южной частями Вьетнама должны были быть обсуждены между делегациями ДРВ, ВРП РЮВ и сайгонского режима. Другие вопросы, которые затрагивали интересы всех сторон, выносились на обсуждение четырех делегаций²⁸.

8 октября 1972 г. делегации ДРВ и ВРП РЮВ внесли на обсуждение проект «Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме». Они предложили прекратить войну во всем Вьетнаме и всякое военное участие США в Южном Вьетнаме, вывести из Южного Вьетнама войска США и их союзников, возвратить всех лиц, захваченных в плен и находящихся в заключении. В проекте был снят вопрос об устранении сайгонской администрации. В нем указывалось, что с момента прекращения огня до избрания путем свободных и демократических выборов правительства в Южном Вьетнаме должны функционировать две существующие администрации (Правительство РЮВ и правительство Южного Вьетнама). Эти две администрации должны немедленно присту-

пить к консультациям в целях осуществления права народа Южного Вьетнама на самоопределение, осуществление национального согласия, обеспечения демократических прав и свобод народа и создания правительства национального согласия.

После острейших дискуссий (последнее заседание продолжалось непрерывно 16 часов) 12 октября Киссинджеру и Ле Дык Тхо удалось выработать совместный базовый проект соглашения. Этот факт практически означал переход переговоров в завершающую стадию. В проекте политические вопросы рассматривались отдельно от военных. Он предусматривал прекращение огня, вывод американских войск из Южного Вьетнама, передачу американцам в течение 60 дней всех военнопленных и передавал процесс дальнейшего политического урегулирования в руки самих вьетнамцев. К 20 октября проект был окончательно согласован. 21 октября Р. Никсон направил в Ханой послание, в котором подтвердил, что проект можно считать готовым и что его подписание могло бы состояться 25–26 октября²⁹.

7 ноября 1972 г. на президентских выборах в США Р. Никсон с уверенным отрывом победил кандидата от демократов Д. Макговерна, что было немедленно использовано американской администрацией для усиления военного давления на ДРВ и РЮВ. Американская делегация в Париже ужесточила свои требования, предлагая внести их в уже согласованный текст соглашения. 14 декабря на четырехстороннем совещании американская делегация официально поддержала позицию делегации сайгонского режима. Она требовала, прежде всего, признания временной демаркационной линии между Северным и Южным Вьетнамом, установленной на Женевской конференции по Индокитаю, в качестве государственной границы между ДРВ и «Республикой Вьетнам», организации всеобщих выборов в Южном Вьетнаме под контролем сайгонской армии и ликвидации ВРП РЮВ и НФО ЮВ³⁰. Всего в уже согласованный текст американцы внесли 126 поправок. Делегации ДРВ и ВРП РЮВ отказались обсуждать эти предложения, означавшие отход от уже достигнутых договоренностей. Американцы прервали переговоры.

Наряду с политическими и дипломатическими маневрами администрация США активизировала использование методов дополнительного военного давления. Пытаясь принудить ДРВ принять американско-сайгонский вариант соглашения и тем самым «сохранить лицо» при окончательном выводе своих войск из Вьетнама, вашингтонская администрация отдала приказ провести в ночь с 18 на 19 декабря 1972 г. самые массированные за всю историю войны бомбардировки Северного Вьетнама. Генералы поставили перед летным составом цель: «вбомбить Вьетнам в каменный век». В операции *linebaker*—2 была задействована стратегическая авиация, в том числе 129 стратегических бомбардировщиков Б-52. На Ханой, Хайфон, другие города, населенные пункты, энергетические и транспортные объекты Северного Вьетнама было сброшено 85 тыс. бомб с общим тротиловым эквивалентом свыше мощности атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 г. Были применены самые современные боевые средства — бомбы лазерного и магнитного наведения. Чтобы увеличить количество людских жертв, «ковровые бомбардировки» совершались главным образом в темное время суток. Среди мирного населения Вьетнама было много погибших и раненых. ДРВ был причинен серьезный материальный ущерб.

Но вьетнамское руководство предвидело возможность такого поворота событий. Большая часть гражданского населения была эвакуирована из города. Разветвленная система ПВО и авиация, созданные в ДРВ за годы войны, были готовы нанести сокрушительный удар по авиации противника. За двенадцать дней декабря в небе над Северным Вьетнамом было сбито более 80 американских самолетов, в том числе более 30 стратегических бомбардировщиков Б-52³¹. В отражении налетов авиации США принимали участие советские военные специалисты. Правительство ДРВ выступило с резким осуждением новой эскалации военных действий США, расценив новую военную акцию США как попытку затянуть подписание парижского соглашения. На пресс-конференции в Па-

риже выступил глава делегации ДРВ Суан Тхюи. Решительное осуждение действия американской военщины встретили со стороны СССР. В заявлении ТАСС, опубликованном 20 декабря, содержалось требование о немедленном прекращении разбойничьих акций и быстрейшем подписании соглашения³². С заявлениями, содержащими требование прекратить агрессию в те дни выступили правительства 50 стран, 15 международных организаций, Генеральный секретарь ООН.

Убедившись в невозможности силой навязать ДРВ и РЮВ американо-сайгонский вариант решения вьетнамского вопроса, даже несмотря на усиление военного прессинга, испытывая нарастающий гнев американского и мирового общественного мнения, политически ослабленная утергейтским скандалом американская администрация, перед угрозой импичмента Р. Никсона, вынуждена была согласиться на возобновление переговоров. 8 января 1973 г. Г. Киссинджер вернулся за стол переговоров. Состоялась его последняя закрытая встреча с Ле Дык Тхо*, в ходе которой были сняты оставшиеся разногласия по вопросу о демилитаризованной зоне.

Таким образом, работа над текстом соглашения была полностью завершена. Оставались еще некоторые вопросы, но они носили процедурный, протокольный характер. Соглашение состояло из 9 глав, 23 статей и 7 протоколов к нему. В соответствии с Соглашением США признавали независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама (ст. 1). США обязались прекратить «все свои военные операции против территории Демократической Республики Вьетнам (ст. 2), вывести из Южного Вьетнама войска, военных советников и военный персонал (ст. 5) и демонтировать все военные базы США и других иностранных государств на южновьетнамской территории (ст. 6). В Соглашении признавалось, что в Южном Вьетнаме имеются две зоны, контролируемые двумя властями (ВРП РЮВ и сайгонской администрацией), каждая из которых располагает своими вооруженными силами (ст. 7). Будущее политическое устройство Южного Вьетнама должно определяться южновьетнамским населением путем переговоров между двумя южновьетнамскими сторонами (ст. 9, 10). Объединение Вьетнама должно проходить мирными средствами на основе обсуждений и соглашений между Северным и Южным Вьетнамом и без иностранного вмешательства (ст. 15). В Соглашении предусматривалось обязательство США внести «вклад в залечивание ран войны и послевоенное восстановление ДРВ» (ст. 21)³³.

15 января 1973 г. американская авиация прекратила бомбардировки Северного Вьетнама. 23 января 1973 г. Ле Дык Тхо и Г. Киссинджер парафировали текст Соглашения. 27 января 1973 г. в Доме международных конференций на авеню Клебер все стороны, участвовавшие в парижских переговорах по Вьетнаму, подписали «Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме» и три дополнительных протокола. В тот же день министр иностранных дел ДРВ и государственный секретарь США подписали соглашение и четыре дополнительных протокола: относительно снятия, окончательного обезвреживания и уничтожения мнн в территориальных водах, портах и на водных путях ДРВ; относительно передачи военнопленных, захваченных иностранных гражданских лиц, захваченных и задержанных вьетнамских гражданских лиц; относительно прекращения огня в Южном Вьетнаме и смешанных военных комиссий; относительно международной контрольно-наблюдательной комиссии³⁴. В полночь 27 января по Гринвичу во Вьетнаме наступил долгожданный мир. 28 марта 1973 года, в соответствии со статьей 5 Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, США закончили вывод своих войск из Южного Вьетнама. 29 марта американское командование в Сайгоне провело церемонию спуска флага. Последний американский солдат покинул вьетнамскую землю.

* Всего за время переговоров состоялось 24 закрытых встречи Ле Дык Тхо — Киссинджер

Так закончилась вьетнамская война для Америки. В ней США использовали всю свою военную мощь. На пике войны там находилось около 600 тыс. американских солдат и офицеров. США направили в Индокитай 8,5 тыс. самолетов и вертолетов, почти весь 7-й флот, задействовали примерно 50 тыс. солдат, находившихся на американских военных базах в Юго-Восточной Азии, привлекли 237 тыс. солдат службы тыла. К этому надо добавить миллионную армию сайгонского режима и десятки тысяч военнослужащих из стран-союзников США. В период наиболее широкого участия в войне США, по сообщениям американской и западной прессы, использовали 68% своей пехоты, 60% морской пехоты, 82% тактической и 50% стратегической авиации. За годы войны (1961–1973) США использовали в общей сложности около 6 млн. военнослужащих. Американская авиация сбросила на страны Индокитая, прежде всего, на Вьетнам, около 15 млн т бомб, ракет и снарядов, что в несколько раз превышает количество бомб, сброшенных на Европу в годы Второй мировой войны. Кроме того, американцы сбросили на Южный Вьетнам около 1000 тонн отравляющих веществ. Общие расходы на войну составили более 350 млрд долл. (в ценах того времени). США потеряли убитыми 58 тыс. солдат и офицеров и более 300 тыс. раненых³⁵.

Подписание Соглашения означало международно-правовое закрепление победы вьетнамского народа, результатов его многолетней самоотверженной борьбы. Оно стало политической и международно-правовой базой, гарантирующей основные права вьетнамского народа. В соответствии с Соглашением, Соединенные Штаты взяли на себя обязательство «уважать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама», прекратить агрессивную войну, отказаться от военных обязательств и от вмешательства во внутренние дела Южного Вьетнама. В течение 60 дней после прекращения огня американские войска должны были покинуть Южный Вьетнам.

27 февраля 1973 г., выступая на Международной конференции по Вьетнаму, на которой был принят Акт, одобряющий Соглашение и закрепляющий его политическую и юридическую значимость, глава советской делегации, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, говоря о значении подписанного 27 января документа, заявил: Соглашение — «итог тяжелой и мужественной борьбы вьетнамского народа против агрессии, торжество правого дела, реализма и разума. Оно стало возможным, прежде всего, благодаря героическим усилиям самого вьетнамского народа, с которым не могли не быть солидарны все, кому дороги идеалы свободы и независимости»³⁶.

С подписанием парижского соглашения в январе 1973 г. борьба вьетнамского народа за свою свободу, независимость, за объединение родины вступила в новый, завершающий этап. Соотношение сил на юге страны окончательно сложилось в пользу патристических сил. Правда, сайгонский режим, на руках у которого оставались горы американского оружия³⁷, пытался, особенно в первые месяцы после подписания соглашения, используя военную силу, переломить военно-политическую ситуацию в свою пользу. Но население отказывало ему в своей поддержке. Марionеточные власти все более увязали в коррупционных скандалах. Боевой дух сайгонской армии находился на предельно низком уровне. Все это позволило Вооруженным Силам освобождения весной 1975 г. провести молниеносное генеральное наступление. 30 апреля сайгонский режим пал. А немногим более чем через год, 2 июля 1976 г. единое Национальное собрание страны провозгласило создание Социалистической Республики Вьетнам. Цель, поставленная Хо Ши Мином 2 сентября 1945 г., в день провозглашения Демократической Республики Вьетнам, была достигнута. Вьетнамский народ в вооруженной борьбе против агрессии двух великих держав, сначала Франции, а затем США, отстаивал свое право на свободу и независимость.

Через десять лет после подписания Парижского соглашения по Вьетнаму Ле Дык Тхо, заслуги которого в справедливом урегулировании вьетнамского вопроса были отмечены Нобелевской премией мира³⁸ писал в газете «Известия»: «Великая победа

вьетнамского народа имеет огромное, историческое значение. Она означала начало конца «вьетнамской эры США», вынужденное признание ими своего поражения, неспособности даже силой оружия навязать свой диктат вьетнамскому народу, самоотверженно отстаивающему свою независимость и свободу»³⁹.

В результате победы вьетнамского народа был ликвидирован один из опаснейших очагов локальной войны, существование которого во второй половине 20-го века многие годы отравляло международные отношения. Окончание вьетнамской войны привело к оздоровлению обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Юго-Восточной Азии, где все более уверенно стали набирать силу процессы разрядки напряженности. Ширилось экономическое и иное сотрудничество на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Открылись новые возможности для оздоровления обстановки во всем мире.

Сегодня единый Вьетнам — полноправный и авторитетный член мирового сообщества, активный участник ООН, член АСЕАН и многих международных и региональных организаций. Он проводит независимую, самостоятельную, многовекторную политику на международной арене. Общеизвестны его успехи в социально-экономическом развитии. На высоком уровне находится обороноспособность страны. Но эти достижения стали возможными только благодаря победе вьетнамского народа на этапе национально-освободительной борьбы. Опыт этой борьбы, имеющий всемирно-историческое значение, еще долго будет оставаться востребованным, поскольку в мире не перевелись охотники силой оружия диктовать свои «ценности» народам, имеющим собственные представления о независимости, свободе, демократии. Борьба Вьетнама, борьба военная, политическая, дипломатическая, — это немеркнущий пример того, что даже сравнительно небольшая страна может поставить предел могуществу агрессора и принудить его к миру и уважению международного права.

-
1. *Хо Ши Мин*. Избранные произведения. Ханой, 1973. С. 54.
 2. Там же.
 3. *Нян Зан*. 30.08.2012.
 4. *Международная жизнь*. 1973. № 4. С. 154–160.
 5. *Правда*. 22.07.1954.
 6. *Правда*. 5.11.1966.
 7. *Ле Зуан*. Письма на Юг. М., 1987. С. 17.
 8. *Михеев Ю.Я.* Индокитай: путь к миру (Индокитайские проблемы в свете современного международного права). М., 1977. С. 88.
 9. *Иваньшин С.И., Осотов И.А.* Победа вьетнамского народа. М., 1974. С. 39.
 10. *Пробл. Дальнего Востока*. 1973. № 2. С. 9.
 11. *Пробл. Дальнего Востока*. 1976. № 4. С. 45, 52.
 12. *Хок Тап*. 1970. № 3.
 13. *Афонин С.* Жаркие годы. Киев; М., 2007, 2011. С. 27–28.
 14. *Добрынин А.* Сугубо доверительно. М., 1996. С. 159–161.
 15. *Правда*. 6.04.1968.
 16. *Правда*. 18.04.1965.
 17. *Новое время*. 23.04.1965. С. 36.
 18. *ТАСС*. 14 мая 1968. Л. 2–3-ЗЕ-Д.
 19. *Известия*. 2.11.1968.
 20. *Новое время*. 1969. № 27.
 21. *Kissinger H.* On China. New York, 2011. P. 174.
 22. *Правда*. 1969. 14 июля.
 23. *Независимая газета*. 6.06.2004.
 24. Там же.

25. Советско-американские отношения: Годы разрядки, 1969–1976 гг. М., 2007. Т. 1. С. 108.
26. Там же. С. 434–445.
27. *Luui Yan Loi*. Ngoai giao Vietnam (1945–1995). Hanoi, 2004. Tr. 285–286.
28. Там же. С. 286.
29. Там же. С. 291–292.
30. Там же. С. 302–303.
31. *Воронин А.С., Кобелев Е.В.* СССР. Россия—Вьетнам. Вехи сотрудничества. М., 2011. С. 88.
32. Правда. 1972. 20 дек.
33. Международная жизнь. 1973. № 4. С. 54–60.
34. Там же. С. 154–160.
35. American War and Military Operations. Casualties: Lists and Statistics. URL: www.crs.gov RL.32492.
36. *Громыко А.А.* Во имя торжества ленинской внешней политики: Избр. речи и ст. М., 1978. С. 264.
37. *Ван Тьен Зунг.* Великая победа весной 1975. Ханой, 1978. С. 7–10.
38. Ле Дык Тхо отказался принять Нобелевскую премию, сославшись на то, что положение во Вьетнаме не позволяет этого сделать. В доверительных беседах с советскими представителями он следующим образом разъяснил свою позицию. Принятие мною, одновременно с Г. Киссинджером, премии, означало бы, что вьетнамское руководство « ставит на одну доску агрессора и жертву агрессии». — *Прим. авт.*
39. Известия. 26 01. 1983.

Из истории становления Трудовой партии Кореи (По материалам российских архивов)

© 2013

Ю. Ванин

Автор статьи рассматривает состояние коммунистического движения в Корее после ее освобождения в августе 1945 г., процесс формирования правящей в Северной Корее Трудовой партии. Исследование основано на материалах российских архивов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Корея, Трудовая партия Кореи, компартия Северной Кореи, Ким Ир Сен, Пак Хон Ён, Управление советской гражданской администрации в Корее.

История Трудовой партии Кореи (ТПК), как и любой другой правящей партии — неотъемлемая и важная часть истории страны. В советском (российском) корееведении до недавних пор это была запретная тема. Считалось, что история братской партии — исключительно ее внутреннее дело, вмешательство в которое совершенно недопустимо. В трудах наших ученых, затрагивавших какие-либо аспекты возникновения и деятельности ТПК, надлежало строго следовать официальной концепции, принятой в КНДР. Обращение к другим зарубежным публикациям по этой теме допускалось лишь в «закрытой» информации, предназначенной высшим партийным и государственным инстанциям. Естественно, что при таких условиях в российском корееведении нет сколько-нибудь значительных работ по истории ТПК.

Данная статья не претендует на изложение ранней истории ТПК, анализ существующих по ней точек зрения. У нее более скромная задача: показать отражение этой истории в некоторых материалах ведущих российских архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО). Научная ценность архивных материалов не нуждается в доказательствах, особенно если учесть, какую роль играл Советский Союз во внутривнутриполитических процессах, в том числе в партийном строительстве, в Северной Корее после ее освобождения в августе 1945 г. от японского колониального ига.

* * *

Корейская коммунистическая партия (ККП) была создана в апреле 1925 г. Она сложилась из нескольких возникших ранее коммунистических группировок, которые так и не слились в единую сплоченную партию. Все ее усилия подрывала нескончаемая фракционная борьба. В 1928 г. VI конгресс Коминтерна отверг претензии отдельных фракций представлять партию на конгрессе. С этого времени ККП практически перестала существовать. В последующие годы попытки воссоздать компартию в Корее предпринимались неоднократно, но безуспешно.¹

Первые шаги к созданию новой Компартии Кореи в новых исторических условиях делались под руководством видного деятеля корейского коммунистического движения Пак Хон Ёна [в наших архивных документах и публикациях он обычно именуется Пак Хен Ёном] сразу же после капитуляции Японии в августе 1945 г. В справке, подготовленной в сентябре 1947 г. для секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова заместителем заведующего отделом ЦК ВКП(б) Л. Барановым, сообщалось о Пак Хон Ёне: «Родился в 1901 г. в Корее, в крестьянской семье. Кореец. Образование среднее. Журналист. Член компартии Кореи с 1921 г. Состоял членом ВКП(б) с 1928 года. Один из организаторов компартии и комсомола Кореи. Принадлежит к небольшой группе руководителей подпольного коммунистического движения в Корее, не запутавшихся в беспринципной фракционной борьбе»².

В справке указаны основные этапы деятельности Пак Хон Ёна до 1945 г.: участник Первоапрельского народного восстания 1919 г.; эмигрировав в Китай, создал в 1920 г. в Шанхае группу по изучению социализма; в 1921 г. организовал комсомол Кореи, в том же году вступил в корейскую Компартию, был редактором ее центрального органа «Правда»; в 1922–1924 г. — тюремное заключение; в 1924 г. избран членом Бюро ЦК КСМ Кореи, в 1925 г. — его генеральным секретарем; 1925–1926 г. — вновь тюремное заключение; 1928–1930 г. — учеба в Международной Ленинской школе в Москве; 1931 г. — работа в Восточном секретариате Исполкома Коминтерна, член «тройки» по корейским делам; в 1932 г. направлен в Шанхай для работы по восстановлению Компартии Кореи; 1938 г. — снова тюрьма; 1939–1945 г. — руководитель подпольной группы коммунистов Кореи³.

На роль лидера вновь создаваемой Компартии Кореи претендовал еще один известный в то время политический деятель — Ли Ён. С начала 1920-х гг. он работал в комсомоле, в 1925 г. вступил в Корейскую компартию. В 1929–1933 г. находился в тюрьме, через некоторое время провел еще год в заключении. По выходе из тюрьмы работал служащим в Угольном обществе Сеула.⁴

Движение за создание Компартии Кореи началось в Сеуле — столице, политическом и экономическом центре страны. В начале августа 1945 г., еще до капитуляции Японии, коммунисты объединились в организацию под названием «Сталинская группа». 15 августа, когда Япония капитулировала, «Сталинская группа» переименовала себя в Компартию и избрала ЦК во главе с Пак Хон Ёном и Ли Ёном.

Однако с первых же дней в ЦК обострились разногласия по организационным вопросам, оценке текущего момента и задач коммунистической партии.

В итоге по предложению Пак Хон Ёна ЦК принял 20 августа решение о самороспуске и сформировал Комитет по организации Компартии Кореи, известный как «Сеульская группа». Возглавил комитет Пак Хон Ён, хотя меньшая часть членов ЦК во главе с Ли Ёном не согласилась с позицией Пак Хон Ёна по организационным и тактическим вопросам и оформилась как самостоятельная организация. Ее нередко именовали «группой Чанъан» (по названию здания, где размещалось ее руководство). Ли Ён провозгласил себя Генеральным секретарем ЦК Компартии Кореи. Переговоры об объединении двух групп не дали результата. Тогда Комитет по организации Компартии Кореи в сентябре 1945 г. переименовал себя в Коммунистическую партию и избрал ЦК во главе с Пак Хон Ёном. Так в Южной Корее образовались две группы, каждая из которых именовала себя компартией и имела свой ЦК. Обе придерживались различных политических линий⁵.

Комитет по организации Компартии Кореи принял 20 августа развернутую резолюцию, автором которой, вероятнее всего, был Пак Хон Ён. В ней так характеризовался переживаемый страной период: «Сейчас Корея находится на этапе буржуазно-демократической революции. Наиболее важными задачами этой революции являются достижение полной национальной самостоятельности и совершение аграрной револю-

ции. То есть полное изгнание из страны японского империализма и установление новой власти с решением земельного вопроса»⁶. Далее перечислялись меры, которые «выражают прогрессивную демократию, дающую народу коренные права. В результате их осуществления будет достигнута действительная демократия. Только при этом условии в короткий срок может быть преобразована народная жизнь и создана прогрессивная Корея»⁷.

Резолюция отмечала наличие в Корее революционной ситуации, подъем борьбы рабочих и крестьян, развивавшейся стихийно, без революционного руководства. «В такой важный момент, — говорилось в резолюции, — Корейская компартия должна как можно скорее выступить перед народом как настоящий руководитель рабочего класса и крестьянства. Поэтому все революционные коммунисты должны собрать все свои силы, чтобы создать снова единую Корейскую компартию. Это является первой, самой важной задачей настоящего момента»⁸. В резолюции подчеркивалась необходимость ликвидации сектантства, укрепления связи партии с организованными и неорганизованными массами, усиления борьбы за их завоевание, выдвижение лозунгов, выражающих повседневные потребности трудящихся масс, их политические требования и т.д.

Не обошла вниманием резолюция «попутчиков», которые «без всякой подготовки, без создания низовых организаций создали «Корейскую компартию» и даже, выбрав центральный комитет партии, хотели стать высшими руководителями народного движения, повторяя традиционную вредительскую работу фракционеров. Они действовали, зная, что существует верная группа преданных коммунистов, ведущих издавна подпольную борьбу, никогда не прекращая ее. В результате комдвижение в Корее раскололось. Движение этих фракционеров было направлено прямо против комдвижения, политически и организационно ослабляя его»⁹.

Более резкая характеристика группы Ли Ёна (именно ее имела в виду резолюция) дана в цитированной выше справке Л. Баранова: «Группа Ли Ёна выдвинула довольно путаную, а в некоторых случаях и провокационную программу. Она требовала установления диктатуры пролетариата в Корее, утверждала, что в Корее нужно теперь же осуществить задачи социалистической революции, что компартия должна находиться на нелегальном положении и готовиться для немедленного вооруженного восстания. Под своими псевдореволюционными лозунгами группа Ли Ёна фактически проводила троцкистскую авантюристическую политику»¹⁰.

В Северной Корее процесс выхода коммунистов из подполья и достижения ими организационного и идейно-политического единства проходил не столь бурно и сложно, как в Сеуле, хотя без противоречий, естественно, не обходилось. Почву для них создавала главным образом специфика формирования коммунистической организации в Северной Корее. К коммунистам-подпольщикам, боровшимся против японских колонизаторов в самой Корее, присоединились вернувшиеся на родину партизаны Ким Ир Сена и участники национально-освободительного движения в Китае, а также корейцы, прибывавшие из Советского Союза. Их объединению, налаживанию взаимодействия способствовало пребывание в Северной Корее Советской Армии, работа ее политорганов, помогавших северокаорейским коммунистам преодолевать «болезни роста».

Благоприятные для коммунистов условия, сложившиеся на Севере с приходом Советской Армии, привели к быстрому росту и организационному оформлению их рядов. К 1 января 1946 г. в Северной Корее было 6 провинциальных, 80 уездных комитетов компартии, 1360 низовых парторганизаций¹¹. На первых порах роль партийного центра на Севере выполнял партком провинции Южная Пхёнан, главный город которой — Пхеньян. Возглавлял этот партком вначале старый подпольщик Хён Чхун Хёк. Но 3 сентября 1945 г. он был убит. С ним расправились за то, что он помог советскому военному коменданту в разоружении отряда местных националистов¹². Похороны Хён Чхун Хёка превратились во внушительную демонстрацию населения Пхеньяна. После

его гибели партком провинции Южная Пхёнан возглавил Ким Ён Бом, о котором будет сказано ниже.

Руководителями возникавших в Корее партийных организаций были, как правило, местные коммунисты-подпольщики. Некоторая их часть задолго до освобождения была направлена в страну по линии Коминтерна, Профинтерна и других организаций. Примером может служить известная впоследствии общественный деятель КНДР Пак Чон Э (Пак Ден Ай), жившая в Корее как Вера Цой. Она родилась в 1907 г. в СССР. В 1929 г. окончила Ворошиловское педучилище, затем работала на авиазаводе в Москве, училась в комвузе, член ВКП(б). В 1932 г. была командирована Профинтерном в Корею. Последние несколько лет перед освобождением Кореи находилась в тюрьме. Ее муж, упоминавшийся выше Ким Ён Бом, 1901 г. рождения, также выходец из СССР. В 1925 г. учился 6 месяцев на курсах политработников. С 1925 по 1927 гг. был на партийной работе в Манчжурии. В 1927–1931 г. учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), после чего работал в Манчжурии и Корее. Два года провёл в тюрьме¹³.

19 сентября 1945 г. с советского Дальнего Востока прибыл в Корею морем Ким Ир Сен со своим отрядом¹⁴. Они сразу же активно включились в общественно-политическую жизнь. Однако отнюдь нескоро партизаны выдвинулись на лидирующие позиции в руководстве. Вот как вспоминал об этом сам Ким Ир Сен: «Первое время после освобождения страны мы по возможности воздерживались от назначения ветеранов антияпонской революции на высокие должности. Большинство высоких постов уступили людям, действовавшим внутри страны, или тем, кто занимался революционным движением за границей, а затем вернулся на Родину. Мы поступали так не потому, что испытывали нехватку способных работников из числа тех, кто вместе с нами прошел школу тяжелой вооруженной борьбы. Ради политики единого фронта, объединяющего всех представителей различных слоев населения, нужны были именно такие шаги»¹⁵.

Становление партийных организаций на Севере проходило под воздействием руководимого Пак Хон Ёном ЦК ККП. В справке Л. Баранова сообщалось, что Пак Хон Ён «установил связь с областными (провинциальными. — Ю. В.) партийными организациями Северной Кореи, которые заявили о своем подчинении ЦК КП Кореи во главе с Пак Хен Ёном, отказались признать лиёновский ЦК»¹⁶.

Тем не менее, приверженцы группы Ли Ёна нашлись и на Севере. «Сторонники этой группы в Северной Корее, — докладывал Л. Баранов. — с приходом Советской Армии попытались захватить фабрики и заводы, установить рабочий контроль на предприятиях, создавать народные комитеты исключительно из коммунистов и установить в Северной Корее «диктатуру пролетариата». В ряде уездов они создали вооруженные отряды, которые арестовывали и наказывали всех тех, кто в той или иной мере выступал против них или противился их мероприятиям, издавали и распространяли в Корее политически вредные и клеветнические листовки.

Группа Ли Ёна не имела поддержки трудящихся и оказалась изолированной. Сторонники Пак Хен Ена, наоборот, приобрели большую популярность и политическое влияние среди корейского народа»¹⁷.

В начале октября 1945 г. Ли Ён с группой единомышленников прибыл в Пхеньян, надеясь все же найти здесь поддержку. Но после ряда совещаний с руководящими партийными работниками Северной Кореи они были вынуждены признать ошибочность своих взглядов, однако сделали это лишь формально. Вернувшись в Сеул, Ли Ён и его группа возобновили борьбу против ЦК Компартии Кореи и Пак Хон Ёна. Только после того, как Ли Ён лишился опоры в ЦК и местных организациях, он распустил свою фракционную группу и вошел членом в состав ЦК Компартии Кореи, возглавляемый Пак Хен Ёном. Но и в последующем он не прекратил фракционной деятельности¹⁸.

Сложное положение в разделенной на две зоны (советскую и американскую) стране и в самом коммунистическом движении требовало серьезных мер по обеспечению единства действий партийных организаций, повышению эффективности их работы. Этими вопросами занялось совещание секретарей провинциальных парткомов и других руководящих работников, проведенное в Пхеньяне 1 октября 1945 г. Совещание высказалось за создание Организационного бюро по руководству партийными организациями Северной Кореи с подчинением его Центральному комитету Компартии Кореи во главе с Пак Хон Ёном¹⁹.

10–13 октября 1945 г. в Пхеньяне состоялась партийная конференция, которая утвердила решение совещания от 1 октября. На конференции было образовано Северокорейское Оргбюро Коммунистической партии Кореи²⁰ в составе 17 чел. Ответственным (первым) секретарем Оргбюро был избран Ким Ён Бом, вторым секретарём — видный коммунист-подпольщик О Ги Соп (О Ги Сеп, иногда в архивных документах — О Ги Сен), секретарем — Ким Ир Сен. При Оргбюро создали отделы: пропаганды, организационный, промышленный, крестьянский, технический (секретариат), а также контрольную комиссию.

Руководство напряженной, все более усложнявшейся работой Оргбюро, видимо, оказалось не по плечу Ким Ён Бому. В середине декабря 1945 г., всего через два месяца после избрания, он уступил пост первого секретаря Оргбюро Ким Ир Сену, а сам стал вторым секретарем. Секретарем по кадрам был избран Му Джон (Му Ден) — один из деятелей Корейском компартии, прибывших из Китая²¹. В архивных документах, относящихся к рассматриваемому периоду, содержатся высокие оценки Ким Ир Сена и его деятельности. В справке Л. Баранова о нем сказано: «Ким Ир Сен характеризуется талантливым организатором, энергичным и политически подготовленным руководителем. Пользуется огромным авторитетом и популярностью в стране. Его называют вождем корейского народа»²². Доклад о политическом положении Северной Кореи, подготовленный Управлением советской гражданской администрации в июне 1946 г., отмечал: «Приход Ким Ир Сена к руководству компартией способствовал коренному улучшению работы партийных органов и партии в целом»²³.

Ввиду значительных организационных трудностей в работе ЦК компартии в Сеуле, Северокорейское Оргбюро с согласия ЦК взяло на себя разработку устава партии, введение единого партийного билета, ряд других вопросов. При выдаче партийных билетов из партии было исключено более 5 тыс. чел., что способствовало очищению и укреплению ее рядов²⁴. Повышался авторитет партии, о чем, в частности, свидетельствовал рост ее численности на Севере. Если 15 декабря 1945 г. в ней было там всего 6 тыс. членов, то в апреле 1946 г. их было уже 43 тыс., в июле — более 100 тыс., а к августу 1946 г. — 160 тыс. человек²⁵.

При создании Северокорейского Оргбюро мыслилось, что это будет руководящий орган лишь части Компартии Кореи, центр которой находился в Сеуле. Однако довольно скоро выяснилось, что фактическим центром партии является именно ее Северокорейское Оргбюро. В нем и вокруг него сплотились наиболее опытные и активные партийные работники, решавшие не только местные, но и общекорейские вопросы. Советское военное командование обеспечивало благоприятные условия для деятельности Оргбюро и всех партийных организаций, оказывало им разностороннюю помощь. В Южной Корее, напротив, военные власти США и их корейские союзники усиливали давление на Компартию, загоняя ее в подполье, все более затрудняли ее связи с Севером. В результате партийная организация Северной Кореи очень быстро превратилась в самостоятельную партию, а Оргбюро — в ее Центральный Комитет. Какие-либо документы, официально оформлявшие это превращение, пока неизвестны. Но неслучайно в архивных материалах, относящихся к концу 1945 — началу 1956 гг., как правило, уже упоминается Комму-

нистическая партия Северной Кореи. Можно считать, что с этого времени в Корее вновь существовали две компартии, теперь уже Северной и Южной Кореи.

Компартия играла огромную роль во всех сферах общественно-политической жизни Северной Кореи. Она возглавила борьбу за выполнение решений о Корее Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.), неизменно поддерживала предложения СССР по сохранению национального единства Кореи. Большое внимание уделялось укреплению и развитию органов народной власти — народных комитетов, деятельности прообраза народного правительства — Временного народного комитета Северной Кореи, созданного в феврале 1946 г. (с февраля 1947 г. — Народного комитета) под председательством Ким Ир Сена. Компартия выступила инициатором и организатором важнейших демократических преобразований в Северной Корее: аграрной реформы (март 1946 г.), Закона о труде (июнь 1946 г.), Закона о равноправии женщин (июль 1946 г.), национализации промышленности, средств связи и банков (август 1946 г.).

Под влиянием Компартии находились многочисленные демократические организации, возникшие в Северной Корее после освобождения. Созданные по ее инициативе 15 отраслевых профсоюзов в начале 1946 г. вошли в Объединенный профсоюз Северной Кореи. В октябре 1946 г. был образован Демократический союз молодежи, в который вошел ранее созданный комсомол; в ноябре 1945 г. был организован Женский демократический союз. Под руководством коммунистов в деревнях создавались крестьянские союзы. В феврале 1946 г. они объединились в Крестьянский союз Северной Кореи. Председателем его ЦК стал старый коммунист-подпольщик Кан Дин Ген, проведший 19 лет в японской тюрьме. Компартия также направляла деятельность таких общественных организаций, как Общество культурной связи с СССР, Общество помощи борцам с японским империализмом, Общество работников здравоохранения и др.²⁶

Помимо Компартии, в Северной Корее после освобождения возникли еще несколько партий. В ноябре 1945 г. образовалась Корейская демократическая партия, выражавшая интересы помещиков, средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, состоятельного крестьянства. Возглавлял ее Чо Ман Сик — известный с колониальных времен христианский деятель, при уходе японцев ставший председателем народного комитета провинции Южная Пхёнан. Партия при нем во многом противостояла Компартии, ориентируясь на правые партии Юга. В связи с категорическим неприятием им решений Московского совещания министров иностранных дел по Корее Чо Ман Сик был отстранен от всех постов в конце 1945 г.; часть его сторонников ушла на Юг. Новое руководство Демократической партии возглавил Чхве Ён Гон (Цой Ён Ген) — соратник Ким Ир Сена по партизанской борьбе. Демократическая партия стала значительно более лояльной к Компартии.

В феврале 1946 г. на Севере появилась Партия молодых друзей Чхондогё — партия приверженцев национальной религии Чхондогё (Учение небесного пути). Эта религиозно-политическая организация в основном опиралась на крестьянство и потому была крупной по численности. Ее лидер Ким Даль Хён по принципиально важным вопросам, как правило, сотрудничал с руководством Компартии.

Ближе других к Компартии была Новая народная партия, созданная в феврале 1946 г. на основе Лиги независимости Кореи. Лига эта была образована в 1940 г. в Китае и объединяла левые группы корейской эмиграции. Возглавлял ее Ким Ду Бон (Ким Ту Бон) — крупный ученый-лингвист, участник революционного движения в Корее, одно время даже примыкавший к коммунистам. В декабре 1945 г. руководство и большая группа членов Лиги независимости возвратилась в Корею. Часть из них перебралась на Юг, часть во главе с Ким Ду Боном осталась на Севере и включилась в местную политическую жизнь. Сформированная ими Новая народная партия включала в себя представителей разных слоев населения, преимущественно — интеллигенцию.

Как и Компартия, она одобряла решения Московского совещания министров иностранных дел по Корее, активно участвовала в работе Временного народного комитета Северной Кореи и местных органов власти, поддерживала проводимые на Севере демократические преобразования.

Происходивший в Северной Корее процесс партийного строительства неизбежно ставил вопрос о налаживании взаимоприемлемых отношений между партиями, объединении их усилий в решении стоявших перед страной задач. Работа в этом направлении началась с конца 1945 г. и завершилась созданием в июле 1946 г. Единого демократического национального фронта (ЕДНФ)²⁷. В него вошли Коммунистическая партия Северной Кореи, Корейская демократическая партия, Новая народная партия Кореи, Партия молодых друзей Чхондогё, а также Крестьянский союз, Союз демократической молодежи, Объединенный профсоюз, Женский союз. Руководил работой ЕДНФ его Центральный комитет, в котором поочередно и ежемесячно председательствовали лидеры входивших в ЕДНФ партий.

Создание ЕДНФ, его деятельность и участие в ней партий и общественных организаций, взаимоотношения между ними входили в сферу первостепенных интересов Советского военного командования. В этом нет ничего странного и недопустимого. Северная Корея являлась зоной военно-политической ответственности Советского Союза; в ней до конца 1948 г. находились советские войска, работало Управление советской гражданской администрации, которое держало в поле зрения все аспекты политической жизни Северной Кореи и старалось соответствующим образом влиять на них.

В докладе об итогах работы Управления советской гражданской администрации в Северной Корее за три года (август 1945 — ноябрь 1948 г.), подписанном начальником Управления, генерал-майором Н.Г. Лебедевым, по этому поводу говорилось: «Командование Советских войск и Управление Советской Гражданской Администрации в процессе всей своей деятельности в Северной Корее принимали все меры к тому, чтобы добиваться согласованности в работе всех политических партий и общественных организаций Северной Кореи, добиться с их стороны политической поддержки мероприятий органов народной власти. С этой целью по инициативе Советского Командования в июле 1946 г. был создан Единый Национально-Демократический фронт Северной Кореи, который объединил имеющиеся в Северной Корее политические партии и общественные организации.

В лице ЕДНФ была найдена та удачная политическая и организационная форма, посредством которой обеспечивалась руководящая роль рабочего класса в лице Трудовой партии Северной Кореи (о ее возникновении см. ниже. — Ю.В.), согласовывалась и вырабатывалась единая политическая линия по всем жизненным вопросам строительства демократического государства, преодолевалась слабость отдельных партий и общественных организаций. Через ЕДНФ (так в тексте. — Ю.В.) наилучшим образом осуществлялась организующая и направляющая роль Командования Советских войск и Управления Советской Гражданской Администрации в Северной Корее»²⁸.

Показывая несомненные достижения Компартии на разных участках демократического переустройства общества, развития экономики и культуры Северной Кореи, архивные материалы отмечают и серьезные недостатки в ее деятельности. Так, допускались перегибы при осуществлении аграрной реформы, когда «раскулачивали» мелких помещиков, отбирали у зажиточных крестьян их собственность и т.д.²⁹ При проведении хлебозакупок нарушался принцип добровольности, иногда применялось насилие в отношении крестьян, что вызывало протестные действия с их стороны³⁰. Первичные партийные организации недостаточно были укреплены подготовленными кадрами, нередко занимались администрированием; провинциальные комитеты слабо руководили ими, нарушали порядок приема новых членов, что давало возможность проникнуть в партию чуждым элементам³¹.

«Фракционная деятельность и беспринципные склоки, имевшие место в корейской компартии в прошлом, — указывалось в докладе о политическом положении в Северной Корее в июне 1946 г., — еще оказывают некоторое влияние на работу и отношения между отдельными руководящими работниками в настоящее время.

Ненормально сложились отношения между членами Оргбюро ЦК Компартии Му Деном, прибывшим с группой коммунистов из китайской компартии, Ким Ен Бомом и О Ги Сеп — местными коммунистами-подпольщиками, которые сидели в тюрьме до освобождения Кореи.

Му Ден в личных карьерных целях иногда к решению вопросов подходит необъективно, на руководящие посты стремится выдвинуть своих близких друзей, с которыми работал раньше.

О Ги-Сеп также хочет занять особое положение в партии, как имеющий, по его мнению, большие заслуги в партии, чем другие.

Такое положение создает ненормальную обстановку в Оргбюро»³².

«Основные недостатки в работе компартии, — говорилось в том же докладе, — сводятся к попыткам монопольного руководства народными комитетами и многими общественными организациями, что вызывает недовольство среди лидеров других демократических партий и может отрицательно влиять на дальнейшее укрепление единого фронта»³³. ЦК Компартии, местные партийные организации прилагали усилия к преодолению имеющихся недостатков, но им не хватало опыта, квалифицированных кадров. Большую помощь им оказывали работники политорганов Советской Армии.

Присутствие в Северной Корее Советской Армии, ее помощь и поддержка вовсе не означали, что деятельность Компартии и ее политических союзников проходила гладко и беспрепятственно. Те, кто пострадал от аграрной реформы и национализации, лишился прежнего благополучия и социального статуса, отчаянно сопротивлялись. Архивные материалы содержат немало свидетельств о подрывных акциях подпольных групп, нападениях на руководителей парторганизаций и членов народных комитетов, распространении антикоммунистических и антисоветских пропагандистских материалов, враждебных слухов. Противники создававшегося на Севере общественно-политического строя получали поддержку и подкрепление людьми и средствами из Южной Кореи. Справиться со всем этим без помощи Советской Армии корейским коммунистам было бы крайне тяжело.

«В Северной Корее, куда вступила Советская Армия, — говорил Ким Ир Сен в октябре 1945 г., — создались благоприятные условия для развития революции. После своего прихода в Северную Корею Советская Армия, уважающая свободу и независимость слабых и малых наций, оказывает активную поддержку и помощь нашему народу в борьбе за подавление заговоров прояпонских элементов, национальных предателей и других реакционеров, за построение суверенного и независимого демократического государства»³⁴.

Вскоре после оформления в Северной Корее самостоятельной Коммунистической партии встал вопрос о слиянии с ней близкой по задачам и характеру Новой народной партии и создания на этой основе Трудовой партии Северной Кореи. Вопрос этот (возможно, впервые) встал во время тайной поездки в Москву и встречи с И.В. Сталиным Ким Ир Сена и Пак Хон Ёна в июле 1946 г. Об этой поездке сообщила в книге «Колониальная Корея» Ф.И. Шабшина, муж которой, А.И. Куликов (Шабшин) являлся переводчиком на встрече И.В. Сталина с корейскими политиками. Официальные документы на сей счет пока неизвестны, но есть подтверждение, что такая встреча действительно состоялась.

Автору данной статьи удалось обнаружить в РГАСПИ материал под названием «Беседа тов. И.В. Сталина с правит. делегацией Кор. Нар-Дем. Респ. во главе с председ. Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сеном, состоявшаяся 5 марта 1949 года в 20 часов

00 минут». В этой стенографической записи беседы есть такой фрагмент: «Тов. Сталин напомнил, что в прошлый раз в Москву приезжали двое, и спрашивает, обращаясь к Пак Хен Ену, он ли был вторым.

Пак Хен Ен подтвердил это.

Тов. Сталин говорит, что Ким Ир Сен и Пак Хен Ен оба поправились и что их трудно узнать уже теперь»³⁵. Без сомнения, Сталин вспоминал тогда о встрече в июле 1946 г.

Излагая рассказ об этой встрече А.И. Куликова, который опирался на свои записи о ней. Ф.И. Шабшина, в частности, писала: «Больше всего поразила его (А.И. Куликова. — Ю.В.) и нас, кому он доверительно поведал о беседе, та ее часть, где речь шла о создании Трудовой партии Кореи. Вопрос был поставлен Сталиным так: нельзя ли, чтобы Компартия объявила себя социал-демократической и трудовой и ставила перед собой ближайшие задачи. Корейские руководители, видимо, не подготовленные к обсуждению такого вопроса, ответили: это возможно, но нужно посоветоваться с народом (имелись в виду в первую очередь коммунисты). И Сталин бросил (это было, как ясно сейчас, чисто по-сталински): народ что, народ землю пашет, решать нужно нам»³⁶.

Беседа со Сталиным, высказанное им предложение, наверняка, стали серьезным стимулом к превращению Компартии Северной Кореи в Трудовую партию. По возвращении корейских руководителей началась практическая реализация предложения И.В. Сталина. 28 июля 1946 г. состоялось совместное заседание ЦК Новой народной партии и Оргбюро ЦК Компартии, на котором были обсуждены условия объединения. Заседание приняло совместную декларацию об объединении двух партий в единую Трудовую партию Северной Кореи и решение о созыве объединительного съезда Трудовой партии. Накануне этого заседания прошел пленум Оргбюро ЦК Компартии, который заслушал доклад Ким Ир Сена о задачах и целях объединения в Трудовую партию.

Объединенный съезд Трудовой партии Кореи проходил в Пхеньяне 28–30 августа 1946 г. Съезд обсудил и принял программу и устав Трудовой партии, а также обращение к членам партии и ко всему корейскому народу. Были избраны ЦК Трудовой партии Северной Кореи в составе 43 чел. (29 от Компартии и 14 от Новой народной партии), Бюро ЦК из 13 чел. и Политический совет — 5 чел. (Ким Ир Сен, Ким Ду Бон, Чу Ен Хва, Чхве Чан Ик и Хе Гай). Как указано в справке Л. Баранова, которая изложена выше, «по тактическим соображениям председателем ЦК Трудовой партии был избран лидер Новой народной партии Ким Ду Бон, его заместителем секретарь Оргбюро ЦК Компартии Ким Ир Сен. (Во Временном Народном Комитете Ким Ир Сен занимает пост председателя, а Ким Ду Бон — заместителя)». Трудовая партия Северной Кореи, говорилось далее в справке, «является самой массовой политической партией. На 1 января 1947 г. она насчитывала в своих рядах 562 тыс. членов. По своему составу Трудовая партия является партией рабочих и крестьян, которые составляют 85 проц. численности ее членов»³⁷.

В Южной Корее также шел процесс консолидации политических сил левого фланга, но проходил он гораздо труднее и медленнее из-за противодействия американских военных властей, полиции и правозэкстремистских корейских группировок. С Компартией там объединились Народная партия, возникшая в ноябре 1945 г и включавшая в себя рабочих, крестьян, интеллигенцию, служащих, городскую мелкую буржуазию, и Новая народная партия, созданная, как и на Севере, на базе Лиги независимости Кореи. Объединительный съезд трех партий намечался на 10 октября 1946 г., но его удалось провести лишь в конце ноября. Съезд провозгласил создание единой Трудовой партии Южной Кореи, принял соответствующие документы. Председателем ЦК был избран глава Народной партии Хо Хон, известный адвокат, в колониальное время защищавший на судебных процессах коммунистов; его заместителями стали лидеры остальных партий — Пак Хон Ён и Ли Ги Сек. В феврале 1946 г. три названные выше партии и 29 ле-

вых общественно-политических организаций сформировали Единый демократический национальный фронт Южной Кореи, который возглавил тот же Хо Хон³⁸.

Таким образом, к концу 1946 г. в Корее сложились две Трудовые партии: северо-корейская (ТПСК) и южнокорейская (ТПЮК). Судьбы у них были прямо противоположные. ТПСК росла численно, увеличивала свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества Северной Кореи. На 1 июля 1948 г. в ней значилось 738 913 членов³⁹. Партия практически стала правящей, под ее руководством продолжался процесс демократизации, развитие национальной экономики и культуры, закладывались основы перехода к строительству социализма. В августе 1948 г. правые силы Юга при поддержке США создали сепаратную Республику Кореи. В ответ на это были проведены выборы в Верховное Народное Собрание (ВНС) и на Севере, и на Юге (нелегально), и 9 сентября 1948 г. провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Председателем Президиума ВНС был избран Ким Ду Бон, главой правительства — Ким Ир Сен. КНДР считалась государством всего корейского народа, столицей ее по конституции объявлялся Сеул⁴⁰. Высшие органы государственной власти КНДР формировались из северян и южан на паритетной основе. Пак Хон Ён стал вице-премьером правительства, министром иностранных дел КНДР. Советский Союз первым признал КНДР 12 октября 1948 г. и установил с ней дипломатические отношения. За ним последовали и другие страны.

Трудовой партии Южной Кореи приходилось действовать в условиях ужесточившегося военно-полицейского режима. Она несла ощутимые потери в результате судебных расправ, полицейских налетов, террористических акций молодежных организаций при правых партиях. Спасаясь от преследований, Пак Хон Ён и некоторые другие видные деятели ТПЮК вынуждены были укрываться севернее 38-й параллели, разделившей страну, и оттуда (в частности, из г. Хэджу) руководить партией. Несмотря на все трудности и потери, подпольные организации ТПЮК активно участвовали во всеобщей забастовке осени 1946 г. и в других массовых социальных конфликтах, потрясавших Южную Корею и в ряде мест переросших в партизанскую борьбу. ТПЮК была среди тех политических сил, которые пытались в 1948 г., к сожалению, безуспешно, предотвратить появление сепаратного государства на Юге.

В 1949 г. значительно увеличилось количество и масштаб происходивших и ранее вооруженных конфликтов между Севером и Югом на 38-й параллели, устраиваемых по большей части южнокорейскими властями. Складывавшаяся на Корейском полуострове предгрозовая обстановка требовала укрепления и централизации политических сил, способных противостоять назревавшим военным угрозам. Самым важным шагом на этом направлении стало произошедшее в июне 1949 г. слияние Трудовых партий Севера и Юга в единую Трудовую партию Кореи (ТПК). Так завершился процесс формирования этой партии, Председателем (Генеральным Секретарем) которой стал и 45 лет (до 1994 г.) оставался Ким Ир Сен. Тогда же, в июне 1949 г., Демократические Национальные фронты Севера и Юга объединились в Единый Демократический Отечественный Фронт (ЕДОФ).

Прошедшие после ее основания десятилетия были для Трудовой партии Кореи, как и для всей страны, временем нелегких испытаний, которые она достойно выдержала. В настоящее время она по-прежнему является главным центром общественно-политической жизни КНДР. Ее лидирующее положение законодательно закреплено в Конституции КНДР. «КНДР, — гласит ее статья 11, — осуществляет всю свою деятельность под руководством Трудовой партии Кореи»⁴¹.

1. Начальный этап коммунистического движения в Корее освещен в изданной Институтом востоковедения РАН «для служебного пользования» работе Ф. И. Шабшиной «История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.)» (М., 1988).

2. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29 Л. 68.
3. Там же.
4. ЦАМО. Фонд 32. Описание 11306. Дело 682. Л. 274.
5. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 22.
6. РГАСПИ. Фонд № 17. Описание № 128. Ед. хр. 47 Л. 11.
7. Там же. Л. 12.
8. Там же. Л. 14.
9. Там же. Л. 13.
10. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 22.
11. Там же. Л. 21.
12. ЦАМО. Фонд 32. Описание 11306. Дело 692. Л. 29.
13. Там же. Л. 30. ЦАМО. Фонд 32. Описание 11306. Дело 682. Л. 272–273. РГАСПИ. Фонд № 17. Описание № 128. Ед. хр. 47. Л. 19.
14. Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 6. Пхеньян, 1995, с. 173. Т. 8. Пхеньян, 1998. С. 553.
15. Там же. Т. 6. С. 339.
16. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 23.
17. Там же. Л. 22–23.
18. Там же. Л. 23.
19. Там же. Л. 24.
20. В КНДР руководящий партийный орган, избранный в октябре 1945 г., называют «Центральный организационный комитет Коммунистической партии Северной Кореи».
21. АВП РФ. Фонд: Упр. сов. гр-ской Адм. в Сев. Корее. Описание № 2. Дело № 2. Папка № 1. Л. 6.
22. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 63.
23. АВП РФ. Фонд: Упр. сов. гр-ской Адм. в Сев. Корее. Описание № 2. Дело № 7. Папка № 2. Л. 6.
24. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 24.
25. Там же. Л. 24–25.
26. Там же. Л. 25.
27. В архивных материалах встречаются разночтения в названии фронта и времени его создания.
28. АВП РФ. Фонд: Упр. сов. гр-ской Адм. в Сев. Корее. Описание № 4. Дело № 46. Папка № 14. Л. 14–15.
29. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 33.
30. АВП РФ. Фонд: Упр. сов. гр-ской Адм. в Сев. Корее. Описание № 4. Дело № 1. Папка № 5. Л. 227.
31. Там же. Л. 28.
32. АВП РФ. Фонд: Упр. сов. гр-ской Адм. в Сев. Корее. Описание № 2. Дело № 7. Папка № 2. Л. 6. Имена даны в современной транскрипции.
33. Там же.
34. Ким Ир Сен. Сочинения. Т. 1. Пхеньян, 1980. С. 319.
35. РГАСПИ. Фонд 84. Оп. 1. Дело № 36. Л. 10–11.
36. *Шабшина Ф.И.* В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 219–220.
37. РГАСПИ. Фонд 575. Описание 1. Дело 29. Л. 26–27.
38. Там же. Л. 27–32.
39. АВП РФ. 1 ДВО. Реф-ра по Корее. Описание № 4а. Пор. № 6. Инв. № 720. Папка № 17. Л. 10.
40. Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики. М., 1952. С. 78.
41. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Корея. Пхеньян. 87 чучхе (1998). С. 4.

Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг.

© 2013

М. Кротова

Совместное советско-китайское управление КВЖД в 1924–1935 гг. дало возможность расширить советское экономическое и политическое влияние в Северной Маньчжурии. Основными проводниками советского влияния на КВЖД были партийные ячейки, профсоюз железнодорожников, комсомольские и пионерские организации, железнодорожные клубы и школы, просоветская пресса. Однако, обладая значительными финансовыми и административными ресурсами, советское руководство КВЖД не было самостоятельным, в значительной степени зависело от Москвы и внешнеполитической ситуации.

Ключевые слова: КВЖД, Маньчжурия, Китай, советско-китайское управление, советское влияние в Северной Маньчжурии.

Маньчжурия в 1920-х гг. являлась важным объектом геополитической игры между Китаем, СССР, Японией и США. Поэтому вопрос о статусе КВЖД стал важной составляющей борьбы за влияние в Северном Китае. Новые хозяева КВЖД — СССР и Китай — пытались утвердиться здесь разными способами. Для СССР приход на КВЖД был возможностью усилить свое экономическое и политическое влияние в Северной Маньчжурии.

Согласно соглашению СССР и Китайской республики от 31 мая 1924 г., дополненного соглашением 20 сентября 1924 г. с автономным провинциальным правительством Трех восточных провинций Китайской Республики, КВЖД являлась предприятием исключительно коммерческого характера¹. Соглашение 1924 г., таким образом, ограничивало советскую власть в ОРВП (Особом районе Восточных провинций — так называлась полоса отчуждения КВЖД с 1920 г.) и определяло методы работы в Северной Маньчжурии. Советская администрация не могла широко использовать здесь репрессивный аппарат, и советский режим на КВЖД отличался достаточной сдержанностью. Кроме того, нерешительность советского руководства определяли неясные перспективы положения СССР в Северной Маньчжурии.

Главным политическим значением соглашения считалось, что китайский народ получит «наглядный исторический урок», возможность на деле сравнить политику Советского Союза с теми методами, которыми пользовалась Российская империя. Провозглашалось, что дорога окончила свое «бесхозяйное» состояние и была возвращена «своему законному владельцу — СССР», который совместно с Китаем на совершенно новых принципах будет управлять ею, «попутно сметая те отбросы, которые накопились на дороге за прошлые годы»².

События 3 октября 1924 г. — появление советской администрации на КВЖД — в Харбине назвали «октябрьским переворотом». Управляющий КВЖД инженер Б.В.

Остроумов и ряд высших чиновников КВЖД были уволены. Было сформировано новое Правление КВЖД, состоявшее из китайских и советских чиновников. Управляющим КВЖД был назначен А.Н. Иванов.

Формально советская часть Правления КВЖД и управляющий дорогой были независимы в определении политики КВЖД, сами решали свои внутренние дела совместно с китайской стороной. Но на деле все члены Правления и высшие чиновники на КВЖД назначались Правительством СССР и руководствовались директивами советского руководства — решениями Политбюро ЦК ВКП(б) и НКПС. Товарищ председателя правления КВЖД М.М. Лашевич, известный революционный деятель, «сосланный в ссылку» в Харбин, жаловался в разговоре с коллегой на то, что ему невыносима политика «мелких уступок и постоянного маневрирования, рекомендуемая из Москвы», которая, по его мнению, неизбежно должна была привести к потере КВЖД³.

По советско-китайскому соглашению на КВЖД могли работать только граждане СССР и Китая. Поэтому все служащие и рабочие были поставлены перед выбором: принять советское или китайское гражданство, в противном случае они должны были быть уволены. Большая часть старослужащих приняла в 1924–1925 гг. советское гражданство, около двух тысяч русских эмигрантов, работавших на КВЖД, взяли китайское подданство. На 1 января 1929 г. на КВЖД работало 13 299 советских граждан, 2877 китайских подданных русской национальности и 11 663 китайцев⁴. Однако «чисто-советских», командированных из Москвы, было немного. Тов. председателя правления КВЖД М.М. Лашевич в 1928 г. называл цифру 20–30 «приглашенных служащих из СССР» в год, необходимых квалифицированных специалистов, «к которым мы призывали, которых мы знаем»⁵.

Железная дорога была центром политической, экономической и культурной жизни в Маньчжурии. Редкая общественная организация обходилась без помощи КВЖД: учебные заведения, научные общества, благотворительные заведения, клубы и проч. состояли в списках дороги по отделу субсидий, которые составляли более 1 млн руб. С приходом советской администрации Правление КВЖД отказалось от субсидий православной церкви (церковный отдел, на который тратилось по отдельным сметам около 100 тыс. руб., был ликвидирован). Также были лишены субсидий эмигрантские газеты (например, «Русский голос»), и появились просоветские газеты — «Трибуна», «Молва», «Эхо». Школы КВЖД продолжали финансироваться, но программы их изменились, а учителя, не взявшие советское гражданство, были уволены⁶. КВЖД поддерживало субсидиями также Харбинский политехнический институт и Юридический факультет, Общество изучения Маньчжурского края и другие организации.

С приходом советской администрации на КВЖД было объявлено о прекращении взаимоотношений между КВЖД и Русско-Азиатским банком. Финансовым центром советского представительства в Северной Маньчжурии стал Дальневосточный банк в Харбине (Дальбанк), открытый еще в 1923 г. Правление банка находилось сначала в Чите, затем с 1924 г. — в Хабаровске. Банк финансировал импортно-экспортные операции между СССР и Китаем. Другой не менее важной статьей в работе Дальбанка была финансовая поддержка транзитного экспорта маньчжурских хлебных продуктов — бобов, пшеницы, гаоляна, проса, чумизы — в Японию, Западную Европу, а также сырья — шерсти, овчины, кожи, меха — из Халхи и Барги в Америку и китайские порты. Таким образом, Дальбанк способствовал усилению грузооборота КВЖД. К тому же Дальбанк предоставлял кредиты местной торговле и промышленности. Особое положение среди местной клиентуры Дальбанка занимала КВЖД, она помещала крупные оборотные средства на текущие счета в банке.

КВЖД традиционно была «кормилицей» всех русских в Маньчжурии, а для Москвы она стала важным источником поступления валютных средств. Начиная с 1922 г. прибыль от эксплуатации дороги начала расти, и в 1926 г. чистый ее доход составлял

16 млн руб.⁷ Надо сказать, что экономический фон этого периода был исключительно благоприятен для КВЖД, т.к. в эти годы особенно рос экспорт хлебных грузов — бобов и пшеницы, от которого зависела доходность дороги. Товарищ председателя правления КВЖД В.Г. Чиркин в своем заявлении от 6 сентября 1929 г. утверждал, что, «получив в 1924 г. дорогу с задолженностью в 13 млн руб.... советская администрация за 5 лет управления подняла доходность дороги с 37 млн руб. в 1924 г. до 65 млн руб. в 1928 г., погасила за эти годы всю задолженность дороги и выдала разными путями китайским властям 48,5 млн руб., не считая 20 млн руб. потери на курсе. В то же время на одни только новые работы по улучшению дороги израсходовано за это время свыше 36 млн руб.»⁸. О впечатляющих успехах совместного советско-китайского управления КВЖД писал А.И. Погребецкий, сравнивая чистый доход от деятельности КВЖД за период 1920—1924 гг. — 42,2 млн золотых руб. и за период 1925—1929 гг. — 115,5 млн золотых руб. Причем, указывал он, за 1925—1929 гг. только на авансирование правительств СССР и Китая было потрачено 25,6 млн руб.⁹

Хотя, по замечанию многих сторонних наблюдателей, получение прибыли вовсе не было главной целью советской стороны. Гораздо важнее для советского присутствия на КВЖД было усиление своего политического влияния в Северной Маньчжурии. Об этом ясно выразился Сталин в разговоре с Г. Беседовским 23 октября 1927 г.: «Какие доводы за продолжение нашего пребывания на КВЖД? Это — доход от КВЖД и сохранение там базы своего влияния в Северной Маньчжурии, благодаря советским служащим на КВЖД»¹⁰. Причем, с точки зрения Сталина, ценность советского присутствия в Маньчжурии состояла именно в том, что, в случае подъема революционной волны, СССР через советскую Северную Маньчжурию смог бы установить контакт с революционным Пекином. Этот разговор прояснял позицию Сталина, который не собирался «держаться за КВЖД» и был готов продать ее кому-нибудь, лучше японцам, при первом удобном случае, «чтобы сохранить лицо и заострить антагонизмы между отдельными капиталистическими державами на Дальнем Востоке»¹¹.

Чистая прибыль от доходов КВЖД распределялась на основании п. 13 ст. 1. советско-мукденского соглашения между обоими правительствами. Так, например, весной 1928 г. на заседании Правления КВЖД было принято решение авансировать из имеющейся у Правления свободной наличности правительствам Китая и СССР по 8,5 млн иен каждому¹². В своем письме Сталину от 30 апреля 1930 г. товарищ председателя правления КВЖД А.И. Емшанов докладывал: «Указание о переводе Госбанку одного миллиона американских долларов нами выполнено в срок. Кроме этого миллиона, во исполнение распоряжения т. Рудзутака поставлено 2 млн 150 тыс. американских долларов и 1 млн американских долларов по распоряжению т. Пятакова, а всего в течение марта и апреля нами поставлено 4,15 млн американских долларов. Делу помогли прежний опыт и сохранившиеся связи с местным деловым миром, иначе при новом и еще малоопытном в таких делах штате Управления дороги перевод указанных средств был бы невозможен»¹³. Замечание о связях с деловым миром было не случайно — руководящих работников КВЖД и конкретно Емшанова обвиняли в слишком тесных личных отношениях с местными деловыми кругами и «буржуазном разложении». В 1926 г., когда его только назначили Управляющим дорогой, Емшанов попросил Правление дороги ассигновать 15 тыс. руб. на представительские расходы. Имелся в виду устройство обедов коммерческими агентствами КВЖД для фирм, с которыми они работают, банкетов по случаю открытия новых агентств и предприятий, подарков, рекламы КВЖД в китайских и иностранных газетах и т.п. — все для «врастания в коммерческий быт Китая»¹⁴. Сам же он утверждал, что только подчеркнута деловой подход, без идеологического подтекста, поможет советской власти утвердиться на КВЖД. Этой линии придерживалось большинство советских руководителей на КВЖД в 1920-е гг. К примеру, начальник коммерческой части КВЖД А.А. Неопиханов входил наряду с местными предпринимателями (Кабалкиным, Соски-

ным. Скидельским, Ковальским, Лопато и др.) в Харбинский биржевой комитет. Помощник Управляющего КВЖД А.А. Эйсымонт был избран в 1927 г. командором «Яхт-клуба». Правитель дел КВЖД Н.О. Яцунский состоял старшиной Железнодорожного собрания. Экономическое бюро КВЖД имело тесные связи, в т.ч. и личные, в деловом мире Харбина. Вообще наличие огромных средств, сосредоточенных в руках советского руководства КВЖД, определяло политику СССР в Северной Маньчжурии.

Советская администрация дороги всячески подчеркивала различие между прежней, «грабительской и эксплуататорской» политикой царской России и новым периодом расцвета КВЖД с приходом сюда советского руководства. Считалось, что именно совместное управление для КВЖД явилось тем «переломом, который позволил больному организму дороги в кратчайший срок окрепнуть и достичь небывалых результатов»¹⁵. К небывалым результатам причислялись не столько повышение доходности дороги, сколько социально ориентированная политика нового руководства — введение 8-часового рабочего дня, охрана труда, улучшение материального положения низших категорий железнодорожных служащих, их жилищных условий, постройки новых зданий и школ, забота о здравоохранении и образовании, развитии кооперативов и т.д. Всячески подчеркивалось, что КВЖД тратила огромные средства — до 3,5 млн руб. на содержание школ, больниц, курортов, библиотек и прочего. Однако следует отметить, что то, что ставилось в упрек прежней «строумовской» администрации — высокие оклады высших чинов дороги, великолепные особняки, роскошные машины, громадный штат канцелярий — сохранилось и даже упрочилось при советско-китайском управлении. Историк В. Молодцов в своем исследовании приводит данные о выросших при новом режиме управления дорогой расходах на содержание Правления и администрации КВЖД, которые возросли до 18,85 млн руб. золотом, или в три с лишним раза¹⁶.

Социальной политикой на КВЖД в основном занимался Дорком — дорожный комитет профессионального союза железнодорожников КВЖД. Дорком — фактический хозяин КВЖД — играл в тот период огромную роль в Маньчжурии. Профсоюз железнодорожников (Дорпрофсоюз) был создан в 1921 г. и объединял более 10 тыс. чел.¹⁷ Практически все граждане СССР, работавшие на КВЖД, состояли в профсоюзе. В полосе отчуждения было создано 6 учкомов (участковых комитетов) и 30 месткомов (месткомы создавались там, где число членов профсоюза было меньше 50). Месткомы имелись в каждой службе КВЖД, которые фактически руководили всеми делами службы и ее личным составом. Без санкции месткома ни один начальник службы КВЖД не мог совершить какой-либо серьезный служебный шаг. Руководители Дорпрофсоюза — 45 чел. ответственных работников и 17 чел. технического персонала — были освобождены от работы и обеспечены бесплатными квартирами. Например, месячный оклад председателя Доркома составлял в 1930 г. 308 руб. 42 коп., секретаря месткома — 65 руб. в месяц, а на содержание всего штата из 62 профработников ежемесячно отпускалось 8 487 руб. 14 коп.¹⁸ Среди членов Доркома, как, впрочем, и среди «командированных из Москвы» вообще, было значительное число агентов советской военной разведки и сотрудников ОГПУ, а представительства КВЖД в различных городах Маньчжурии и Китая были удобной «крышей» для деятельности спецслужб¹⁹.

Основной задачей Дорпрофсоюза было «приближение местного профдвижения к советскому», но на КВЖД работа профсоюза имела ряд особенностей. КВЖД с 1924 г. находилась в паритетном управлении СССР и Китая и не могла считаться советским предприятием. Согласно советско-китайским соглашениям КВЖД являлась предприятием исключительно коммерческим и любая открытая пропаганда запрещалась, ВКП(б) и комсомол здесь находились на нелегальном положении, а все основные инициативы исходили от профсоюза, который имел реальную власть и значительный бюджет. Основой бюджета были взносы членов профсоюза, составлявшие 0,5% в месяц при месячной зарплате до 100 руб. и 7 руб. в год при зарплате выше 100 руб. в месяц. Зарплаты работников КВЖД коле-

бались в огромном диапазоне: от 10–12 руб. в месяц до 1 тыс. руб. и более. В 1927 г. общая сумма месячной заработной платы всех членов Дорпрофсожа составляла 965 712 руб., а годовой доход от членских взносов составил 212 650 руб. 30 коп.²⁰

В условиях безработицы в полосе отчуждения КВЖД важным рычагом воздействия у профсоюза было обеспечение работой на железной дороге, гарантировавшей постоянный заработок, многочисленные льготы, бесплатное жилье, пособия, бесплатное обучение для детей и т.д. Обеспечение работой было вопросом выживания в переполненном беженцами Северо-Восточном Китае, а железная дорога была главным работодателем. Но без разрешения Доркома начальники отделов и служб КВЖД не могли принять человека на работу. А в протоколах заседаний Доркома часто встречались формулировки «определить» или «устроить» на производство, «дать какую-либо должность на КВЖД». Так, за второй квартал 1925 г. было определено на работу 525 безработных членов профсоюза, 125 чел. были перемещены на высшие должности. В числе безработных членов профсоюза остались «или совершенно неквалифицированные работники из вновь прибывших, или же совершенно нетрудоспособные»²¹. Безработные члены профсоюза получали пособия из фонда безработных, который составлял более 10 тыс. руб.²² Из этого же фонда выдавались пособия на лечение, обучение в школах и вузах, выезд в СССР, похороны. Размер пособий колебался от 5 до 25 долл.

Дорком руководил также комсомольскими ячейками на КВЖД (Отмолком — от делами молодежи), женотделами, пионерскими организациями. Кроме общего руководства, Дорком оказывал значительную материальную помощь этим организациям. Влияние Доркома было ограничено только советской частью работников КВЖД, у китайских работников и служащих был свой профсоюз, существовали и различные эмигрантские организации. К тому же Дорпрофсож постоянно испытывал давление со стороны китайских властей, недовольных «красной активностью» в Китае. С декабря 1924 г. начались полицейские преследования — были закрыты учкомы на станциях КВЖД, арестованы профработники, изъята коммунистическая литература и плакаты из библиотек и красных уголков, в 1925 г. была закрыта советская газета «Трибуна».

Так как открыто профсоюзам нельзя было вести политическую работу, Дорком много времени уделял организации культурной жизни советских граждан — устройству праздников, лекций, театральных постановок, спортивных состязаний и т.п. Культотдел Дорпрофсожа руководил работой 24 клубов в Харбине и на станциях, количество членов которых достигало 9 тыс. чел. Из отчета по культработе за 1-ое полугодие 1927 г. (январь-июнь) можно представить объем и содержание этой работы: «проведено спектаклей — 404, концертов — 58, вечеров воспоминаний — 45, живых журналов — 12, лекций — 59, докладов — 183, бесед — 265, киносеансов — 670, детских киносеансов — 37, детских утренников — 51, вечеров самодеятельности — 11, громких чтений — 98»²³. Всего на «культрасходы» — клубную работу, физкультуру, библиотеки, пункты по ликвидации неграмотности, молодежь, детские развлечения и др. в 1927 г. было потрачено 18201,12 руб., а в 1928 г. предполагалось потратить 38412, 96 руб.²⁴ Дорком также был главным организатором всех советских праздников, рассылая учкомам и месткомам указания и программы праздников: митинги, доклады, спектакли, концертные отделения и т.д. Часто программы праздников встречали недовольство и сопротивление главного полицейского управления, задачей которого было охрана спокойствия в ОРВП и недопущение распространения коммунистической пропаганды. Поэтому запрещались всякие собрания, уличные манифестации, сборища и митинги без разрешения полиции, распространение коммунистических печатных изданий, постановка спектаклей или демонстрация кинофильмов пропагандистского направления, даже ношение пионерских галстуков. Частая смена руководства из-за арестов и высылки руководителей Дорпрофсожа, непоследовательность в проведении своей линии подрывали влияние этого некогда могущественного советского органа в Маньчжурии.

Северо-Маньчжурская компартия образовалась еще в 1917 г. и в 1920-е гг. состояла из 124 коммунистических ячеек с девятью райкоммами: три в Харбине — при учпрофсоже транспортников, Новгородский и Пристанский (существовали ячейки при Дальбанке, Тогпредстве СССР, на частных предприятиях) и шесть на линии — в Пограничной, Ханьдаохэцзы, Имяньпо, Бухэду, Хайларе, Маньчжури²⁵. Во главе стоял Губком ВКП(б), после советско-китайского конфликта 1929 г. губком был переименован в Северо-Маньчжурский комитет (СМК). В 1929 г. в Северной Маньчжурии насчитывалось 3840 членов партии²⁶. Так как партия существовала фактически на нелегальном положении, принадлежность к партии не афишировалась, хотя русские служащие китайской полиции составляли списки коммунистов, правда, сетуя на то, что «расшифровать их действительный удельный вес и занимаемое каждым положение в их служебной иерархии представляется крайне затруднительным. Тем более, что по разным причинам среди личного состава... часто происходит т.н. «чистка», и люди меняются, почему от времени до времени приходится изменять списки и дополнять их»²⁷.

Все высшие чины советской администрации на КВЖД были, разумеется, опытными коммунистами с большим партийным стажем. В Правлении и Управлении КВЖД существовала транспортная партийная ячейка, объединявшая около 50 чел. Они получали высокие оклады (например, Управляющий КВЖД — 25 тыс. руб. в год, члены Правления КВЖД — по 10 тыс. руб. в год), и, кроме обязательных 3% взносов из заработной платы, обязаны были отдавать в партийную кассу излишки, согласно партийной норме. Таким образом, советская администрация отдавала ежемесячно в губком партии до 12 тыс. золотых руб.²⁸

Проверка работы Северо-Маньчжурской партийной организации показала, что работа практически не велась, члены партии были поверхностно знакомы с социалистическим строительством в СССР, воспитательной и общественной работы не было, партийная печать не читалась. Многие коммунисты стали «засасываться в окружающей обстановке» и больше заботились о «личном быте, чем о своей работе»²⁹. Нередки были доносы, которые коммунисты писали друг на друга в Москву. Например, о предоставлении ответственным партийным работникам «здоровенных особняков, на ремонт и обстановку коих затрачиваются десятки тысяч рублей», наем за счет дороги домашней прислуги, выплата всякого рода представительских, закрепление за коммунистами персональных машин, в «коих их намалеванные жены-барыни разъезжают по модисткам, магазинам и т.п.»³⁰.

Проблема кадров была едва ли не основной в работе Северо-Маньчжурской партийной организации. Как «низовые работники» — секретари ячеек, так и члены Северо-Маньчжурского комитета были «мало подготовлены» к своей работе, плохо понимали стоявшие перед ними задачи, часто заменялись новыми кадрами. Местная партийная организация просила Москву присылать в Харбин «твердых и стойких партийцев, которые бы внесли здесь новый дух и исправили бы начинающую гнить обстановку»³¹. В среде коммунистов нередкими были дразги, ссоры, интриги, выяснения отношений, доносы «об искривлении линии партии» и т.п. Причем жертвами доносов подчас становились люди, не желавшие связывать себя круговой порукой. Беседовский писал о негласном девизе, существовавшем среди советской верхушки КВЖД: «Кто с нами не пьянствует и не развратничает, тот хочет доносить о нашем пьянстве и разврате»³². В результате постоянных «чисток» партийных ячеек «этически неустойчивые», «неблагонадежные» коммунисты отсылались в СССР. Моральный облик коммунистической «элиты» в Харбине и на станциях не прибавлял им уважения со стороны «новых советских» и часто становился объектом насмешек в эмигрантской печати. Цензуры фактически не было, и многое тайное быстро становилось явным.

Легальная работа партийной организации осуществлялась через клубы, кружки, массовые кампании, связанные с революционными праздниками. Основное внимание клубы уделяли спорту и политехнизации. Проверяющие указывали на «аполитичность»

работы коммунистов в Северной Маньчжурии, преобладание «культурничества». С другой стороны, важной задачей считалась нелегальная, т.н. «спецработа», которой руководил завог SMK ВКП(б). В докладной записке, члена президиума ДККК Гасина от 15 июля 1931 г. сообщалось, что в Северо-Маньчжурской партийной организации «имеются подготовленные кадры людей для крупной диверсионной работы. Намечен твердый мобплан, который в ближайшее время будет увязан с заинтересованными ведомствами. Готовятся кадры спортсменов, подрывников и обучаются люди для хождения под водой; подготавливается база для хранения спецматериалов. Кроме того, намечается некоторую часть безработных комсомольцев и коммунистов перебросить на лесную концессию, где в противовес белогвардейцев будет создан свой боевой опорный пункт»³³.

На КВЖД действовала комсомольская организация под управлением Северо-Маньчжурского комитета Коммунистического союза молодежи (SMK КСМ), состоявшая из ячеек, которые, в свою очередь, делились на «десятки». На территории Китая комсомольские организации возникли в 1920 г. и вынуждены были существовать в нелегальных условиях, соблюдая строгую конспирацию. Вместо комсомола официально они назывались отряды молодежи при профсоюзах — «Отмол». На 1 июня 1925 г. всего в Северо-Маньчжурской комсомольской организации состояло 1578 чел.³⁴ В 1931 г. комсомольская организация состояла из 42 ячеек: в Харбине — 23, на восточной линии — 8, на западной — 9, на юге — 2 комсомольские ячейки. Количество членов после конфликта 1929 г. несколько снизилось до 1249 чел. По социальному составу — рабочих было 551 чел., детей рабочих — 279, служащих — 272 чел., детей служащих — 147. Среди студенчества была одна ячейка из 32 чел.³⁵ Комсомольских билетов и каких-либо других документов членам организации не выдавалось, поэтому комсомольцы, прибывавшие в СССР из Маньчжурии, должны были заявить о своем членстве в ВЛКСМ и оформить необходимые документы³⁶.

SMK посылал в ячейки информационные сводки и инструкции, которые по прочтении уничтожались. «Десятка» в составе от 4 до 20 чел., должна была собираться 1 раз в неделю для обсуждения информационных писем, чтения советских газет и журналов (выписывались «Комсомольская правда», местная «Молва» и журнал «Молодой большевик»), проработки материалов партийных съездов и конференций. Здесь же решались вопросы приема и исключения из организации, вынесения выговоров и предупреждений. Собрания «десяток» проходили под видом вечеринок с чаем и играми, причем SMK КСМ предупреждал в своих информационных письмах избегать «превращения их в гулянки с пьянством и т.д.»³⁷. Китайская полиция внимательно следила за подозрительными сборищами, не допуская какой-либо «пропаганды» со стороны «отмольцев». Постоянные проверки и придирки полиции вызывали недовольство советской молодежи, жаловавшейся в SMK на бездействие: «нас жмут», «нет возможности работать», «мы разваливаемся»³⁸.

Самыми заметными действиями «отмольцев» была работа «комсомольской боевой дружины» в Харбине. Боевая дружина была создана в марте 1925 г. «в целях боевой, нелегальной работы в подпольной обстановке, для организации разведки и контрразведки по отношению к белогвардейским организациям молодежи и для защиты от нападений и провокаций последних»³⁹. Первоначально в нее входило 225 «физически развитых комсомольцев», потом часть из них была призвана в Красную Армию, и к 1927 г. осталось 185 чел., разбитых на десятки⁴⁰. Основной задачей боевой дружины была охрана массовых митингов, партийных, комсомольских, профсоюзных собраний (как правило, нелегальных), предупреждения о приходе полиции. Члены дружины распространяли листовки в общественных местах, собирали сведения о белогвардейских организациях Харбина.

Главным же в деятельности боевой дружины стали массовые драки и «индивидуальные задания по избитию». В отчете боевой дружины за сентябрь–ноябрь 1925 г. говорилось: « В отчетное время были следующие драки и индивидуальные избития: 1) избиты 2 члена организации «Оплот монархии», работающие в пароходстве «Утун» на

Биржевой улице; 2) частичные схватки с «Черным кольцом». В одной из драк попался один из главарей. Истекая кровью, он лежал без сознания полчаса и был отвезен в больницу, где пролежал несколько дней; 3) 14 ноября 1925 г. был побит бывший семеновский шофер, приехавший из Мукдена, увезен на «амбулансе»; (скорая помощь. — *Прим. ред.*); 4) попытка избития редактора провокационной газеты «Копейка» Чиликина. План: подкараулить у кабаке «Седьмое небо»; один из подвыпивших нищих должен был подойти к Чиликину и попросить грубо милостыню, вызвать его на резкость, начать драку и при поддержке засады избить. Сорвалось. (Избили другого). Слежка за Чиликиным продолжается⁴¹. В отчете за следующий «квартал» с гордостью сообщалось: «Избито основательно около 40 чел. 12 раз выезжал «амбуланс» в связи с этим. С нашей стороны — гораздо меньше — 10–15 чел. с легкими избитиями»⁴².

После нескольких арестов «боевиков» китайской полицией и осуждения их за бандитизм, а особенно после убийства 11 января 1926 г. члена эмигрантской монархической организации «Черное кольцо» Гомонилова (42), тактику пришлось изменить. Численность боевой дружины была сокращена, было решено «превратить боевую дружину в запасную (мобилизационную) часть в повседневной будничной работе»⁴³. Хотя, конечно, драки на этом не прекратились. Бюро Далькрайкома в октябре 1927 г. указало на недостатки в работе Северо-Маньчжурской комсомольской организации и определило основные приоритеты работы комсомола в Маньчжурии: «ознакомление комсомольской массы с ходом социалистического строительства, изучение Китая, проблем китайской революции», «борьба с неизжитыми еще шовинистическими настроениями (пренебрежительное отношение к китайцам, антисемитизм)», необходимость «разъяснения национальной политики партии и советской власти», «усиление спорта», «совершенствование техники конспирации, борьба с беспечностью и несоблюдением правил нелегальной работы»⁴⁴.

Во время советско-китайского конфликта 1929 г. деятельность «отмольцев» и боевой дружины активизировалась. Кроме агитации среди оставшихся работать (отмольцы выпускали подпольную газету «Харбинская правда», арестованную полицией), боевая дружина организовала ряд крушений поездов и «другие акты вредительства», осуществила серию терактов против железнодорожных служащих и «белогвардейцев». Особенно громкими делами были покушение на агента политического розыска Шишкина в августе 1929 г. и убийство надзирателя Харбинского уголовно-розыскного отделения Гиацинтова 9 октября 1929 г.

Комсомольцы руководили и пионерской организацией, в 1926 г. в полосе отчуждения насчитывалось 3000 пионеров⁴⁵. В 1931 г. после конфликта количество пионеров сократилось до 1189⁴⁶. Обычно пионерами становились дети железнодорожников, состоявших в партии или в советских профсоюзах. На пионерских сборах разучивались революционные и советские песни, готовились к праздничным концертам. Пионеры противопоставлялись «буржуазным детским организациям», а именно скаутам, которых в Харбине было много. И хотя комсомольские и пионерские организации существовали вне стен школы, активная пропаганда велась как в «красных», так и в «белых» школах. Харбинский губком комсомола на заседании от 5 декабря 1925 г. ставил вопрос «О работе в белых школах», предлагая отмольцам «начать индивидуальную пропаганду и сплочение сочувствующих нам элементов, распространение советских газет и литературы»⁴⁷.

В целом советское влияние в Северной Маньчжурии, несмотря на стабильное материальное положение на КВЖД, было невелико. Как выразился советский публицист Е. Полевой, побывавший в Харбине в 1929 г., «перед советскими работниками Харбина стояла тяжелая задача: объединить вокруг себя советское население ОРВП, подчинить его своему влиянию... Задача эта так и осталась неразрешенной в полной мере, т.к. все попытки установить прочную и постоянную связь советских руководителей дороги с

массой советских служащих и рабочих неизменно истолковывалась как активная коммунистическая пропаганда»⁴⁸.

Пиком обострения советско-китайских отношений в Маньчжурии был конфликт на КВЖД 1929 г. Исследователь Г.В. Мелихов усматривал в числе причин конфликта стремление советской стороны «единолично хозяйничать на дороге, вести себя в Маньчжурии как в своей вотчине, нарушая договорные права Китая по Соглашению от 31 мая, продолжать коммунистическую пропаганду и агитацию»⁴⁹. О ходе конфликта хорошо известно, он достаточно освещен в исторической литературе, поэтому хотелось бы остановиться на ряде отдельных моментов.

С самого начала конфликта Дорпрофсоюз призывал своих членов увольняться с дороги, чтобы парализовать работу КВЖД. В июле-августе 1929 г. с дороги уволилось около 40% советских граждан. Часть уволившихся совграждан уехали или были депортированы в СССР, другие — на юг Китая. Часть осталась в Харбине, где проводила агитацию среди оставшихся служащих дороги, призывала к бойкоту, всеобщей забастовке, различного рода вредительству для того, чтобы затруднить работу железной дороги. Эмигранты писали о том, что совподданные «побуждаются к уходу с КВЖД угрозами, что родные тех из них, кои известны местной советской головке, будут немедленно уничтожены в Совроссии, если терроризируемый не подаст в отставку»⁵⁰. Угрожали также лишением советского гражданства, увольнением со службы после возвращения советской власти на дорогу. Советские служащие, оставшиеся работать на дороге, были объявлены «врагами советской власти», против них была развернута кампания, они получали анонимные письма с угрозами расправы.

Конфликт, как известно, закончился подписанием Хабаровского протокола 22 декабря, по которому на КВЖД было восстановлено статус-кво. Однако и та, и другая стороны сделали свои выводы. Провал забастовки показал, что только 35–40% (около 4 тыс. чел.) советских граждан, работавших на КВЖД, были действительно лояльны советской власти, остальные 6–7 тыс. чел. остались глухи к агитации и продолжали работать. После советско-китайского конфликта началась чистка служащих дороги — массовые увольнения «конфликтчиков». Были уволены все эмигранты, принятые на работу во время конфликта, а также советские граждане, оставшиеся работать на КВЖД. Практически все уволенные с КВЖД советские граждане подлежали исключению из партии, комсомола, профсоюза, некоторых лишили советского гражданства. Многие советские граждане, разочарованные методами советской стороны — шантажом, обманом, дезинформацией — решили обменять советские паспорта на эмигрантские. На их место Москва прислала новые кадры, часто неквалифицированные. По воспоминаниям эмигрантов, в них не было «и следа блеска и барственности прежних сановников КВЖД. Это была простая, деловая советская публика»⁵¹. Был сменен полностью высший состав Управления дороги и Правления КВЖД, партийная, профсоюзная и комсомольская верхушка. Всех депортировали в Москву под видом командировки. Новым управляющим 17 декабря 1929 г. был назначен Ю.В. Рудый.

После конфликта 1929 г. в связи с экономическим кризисом, падением курса местного доллара, сокращением экспортной торговли доходы КВЖД резко упали. На 1930 г. предполагался доход в 67 млн руб., но отчетная цифра оказалась близкой к 49 млн руб.⁵² И в дальнейшем конъюнктура мировых рынков заставляла пересматривать цифры доходов дороги в сторону уменьшения. Начался режим строгой экономии средств КВЖД. Управляющий дорогой Рудый объявил: «Надо думать не только о каждой запасной части, но и о каждом гвозде — наша задача — где можно, сэкономить даже лишний гвоздь»⁵³. Были снижены зарплаты служащим, особенно высокооплачиваемым, значительно сокращены льготы и пособия, изменен порядок отвода квартир, прекращено строительство новых школ, клубов и т.д. Также было решено сократить штаты КВЖД с целью уменьшения расходов и «очистки от чуждого элемента». Оставшихся на дороге

советских граждан предупреждали, что они находятся «на боевом посту». Перед новым аппаратом КВЖД партия поставила следующие задачи: восстановление доходности дороги, сокращение до минимума всех расходов, извлечение максимальных валютных выгод для СССР, создание благоприятных условий для советских товаров в Китае, установление нормального взаимодействия с китайскими служащими дороги⁵⁴.

Японская агрессия и оккупация Маньчжурии полностью изменили ситуацию на КВЖД. Японцы с 1932 г. ко всем начальникам служб КВЖД и к Управляющему приставили маньчжурских помощников, которые контролировали деятельность советских представителей. После образования в марте 1932 г. государства Маньчжоу-го усилилось давление на советских граждан в Маньчжурии — обыски, аресты, обвинения во вредительстве, попытках взорвать мосты, рельсы, обвинения в крушении поездов. Все это происходило параллельно с кампанией в японской прессе с сообщениями о «красном терроре», «необходимости навести порядок в Маньчжурии», чтобы оправдать усиление военных сил Японии в Маньчжурии. Управляющий дорогой Рудый вынужден был признать, что «дорога поставлена в такие условия, что она лишена возможности спокойно и нормально работать»⁵⁵. Железная дорога терпела огромные убытки. Так, с января по апрель 1933 г. убытки КВЖД только на Восточной линии составили 300 тыс. руб.⁵⁶

В конечном итоге положение на КВЖД советским руководством было признано как «крайне ненормальное», подчеркивалось, что вопрос о КВЖД требует «политического разрешения». Продажа КВЖД была признана единственным способом ликвидировать «постоянный источник недоразумений и конфликтов в прошлом, настоящем и будущем». 23 марта 1935 г. в Токио было подписано Соглашение между СССР и Маньчжоу-го об уступке Маньчжоу-го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД). Дорогу продали за 140 млн иен, из которых 46,7 млн иен должны были быть выплачены наличными, а оставшиеся 93,3 млн иен — товарами. Нарком иностранных дел Литвинов в интервью корреспондентам японских газет подчеркнул, что продажа КВЖД — «одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке» и «разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем»⁵⁷.

Уход СССР с КВЖД был предопределен внешнеполитической обстановкой. Поражение сил КПК и установление власти Гоминьдана в 1927 г. привели к ослаблению интереса СССР к Маньчжурии как к потенциальному плацдарму «советизации» Китая. Захват Японией Маньчжурии и угроза советско-японской войны ускорили продажу КВЖД. Период максимального влияния советской власти на КВЖД — 1926–1928 гг. — совпадал с максимальными доходами от КВЖД, а неудачи были связаны с внешнеполитическими провалами в отношениях с китайскими властями и японцами, с потерей доходов в связи с затянувшимся экономическим кризисом в регионе. После советско-китайского конфликта 1929 г. КВЖД стала тяжким бременем, от которого советское правительство постаралось избавиться путем продажи дороги. «Уступка Маньчжоу-го прав СССР в отношении КВЖД» в марте 1935 г. стала заключительной точкой в истории советского присутствия на КВЖД.

1. Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 459. Подробнее о соглашении и о ситуации с КВЖД в начале 1920-х гг. см.: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005.
2. *Семенов Б.* Китайско-восточная железная дорога (РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 753. Л. 23).
3. См. об этом: *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997. С. 242.
4. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 52. Л. 36.
5. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 397. Стенограммы заседаний Правления КВЖД за 1928 год. Л. 17. Причем Лашевич объяснял, что каждому приезжающему из СССР требуется не менее 400 рублей для того, чтобы добраться из Москвы до Харбина: виза 230 руб., билет около 120 руб., путевые расходы и т.д., поэтому просил увеличить подъемные деньги для командированных.

6. В отчете Доркома КВЖД за 1925 год говорилось: «Увольнение 85 учителей, перешедших в китайское подданство, значительно очистило школы от белобандитов, воспитывавших детей в духе царской муштры». (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 24. Л. 229). Своей задачей Дорком считал осуществление лозунга «Детей советских граждан должны обучать учителя — советские граждане» (Там же. Л. 265).
7. См. об этом: Краткий обзор работы КВЖД и края. Харбин, 1929. С. 104.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 12. М., 1967. С. 492.
9. *Погребецкий А.И.* Пять лет совместного управления Китайской Восточной железной дороги представителями правительств СССР и Китая (1925–1929 гг.) // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 10. С. 33.
10. *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997. С. 251.
11. Там же.
12. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 397. Стенограммы заседаний Правления КВЖД за 1928 год. Л. 24. Курсы в 1928 г. приблизительно равнялся золотому рублю.
13. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 50. Л. 1об.
14. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 358. ЛЛ.2–3.
15. Китайская Восточная железная дорога. К событиям 1929 года. Хабаровск, 1929. С. 31.
16. *Молодцов В.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006. С. 327.
17. Число членов профсоюза постоянно росло: на 1 января 1924 г. — 6482 чел., на 1 января 1925 г. — 8253 чел.; на 1 января 1926 г. — 9215 чел.; на 1 января 1927 г. — 10259 чел.; на 1 января 1928 г. — 11201 чел. (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 34. Л. 29). На 1 июля 1929 года Дорпрофсоюз объединял 12460 членов профсоюза, и только после советско-китайского конфликта 1929 года число членов профсоюза резко упало до 3538 человек, в связи с тем, что часть членов профсоюза были депортированы или выехали в СССР, часть уволены администрацией или самоувольнились. (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 42. Л. 2об.).
18. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 42. Л. 31.
19. См. об этом: *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М., 2010; *Балакиш П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958. Т. 1. С. 136–137.
20. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 34. Л. 6.
21. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 24. Протоколы заседаний Дорпрофсоюза. 1925 год. Л. 13.
22. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 34. Л. 6об.
23. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37. Л. 154.
24. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 34. Л. 23об.
25. *Шшикин П.П.* Большевизм в Китае. Ч.1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурского комитета партии. Шанхай, 1930. С. 10.
26. Там же. С. 53. После советско-китайского конфликта 1929 года число коммунистов резко сократилось, и на 1 мая 1931 г. партийная организация насчитывала 556 чел., из них кандидатов 65 чел. /РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 118.
27. ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 280.
28. *Шшикин П.П.* Указ. соч. С. 126.
29. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 4.
30. Там же. Л. 81 об.
31. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 83.
32. *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 250.
33. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 119.
34. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 376. Протоколы заседаний харбинского губкома РЛКСМ (КВЖД). 1925 год. Л. 72.
35. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 122.
36. В 1935 г., после продажи КВЖД, в СССР вернулись и маньчжурские «отмольцы». Фактически всех заново принимали в члены ВЛКСМ. Каждый должен был прислать в ЦК ВЛКСМ заявление, автобиографию и фотокарточку. В РГАСПИ хранятся списки «прибывших в порядке репатриации с КВЖД и ожидающих оформления комсомольских документов» от 20 окт. 1935 г. — всего 805 чел. (РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 1116. Л. 69–91).

37. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 730. Л. 61об.
38. Там же. Л. 62.
39. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 39.
40. Там же.
41. РГАСПИ.Ф.М-1. Оп. 23.Д.376. Л. 79.
42. РГАСПИ.Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 3.
43. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 40. Здесь были указаны главные недостатки Боевой дружины: «у некоторых романтизм преобладает над классовым самосознанием, для них драка — цель. Для некоторых безразлично кого бить, лишь бы драка была. В этом причина частных драк в среде самих комсомольцев».
44. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 730. Протоколы заседаний СМК КСМ. Л. 65–67.
45. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 575.Л.57.
46. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 123.
47. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 376. Л. 65об.
48. *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.; Л., 1930. С. 80.
49. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 162.
50. ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 289.
51. *Жемчужная З.* Пути изгнания. Урал. Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин. Воспоминания. Нью-Йорк. 1987. С. 201.
52. *Погребецкий А.И.* Депрессия рынка и мероприятия КВЖД в области экономики и рационализации. //Вестн. 1930. № 11–12. С. 55.
53. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 484. Л. 79.
54. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 50. Л. 140.
55. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 521. Письма Управляющего дорогой в Правление КВЖД за 1932 год. Л. 58.
56. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 484. Стенограммы совещаний под председательством Управляющего дорогой. 1931–1933. Л. 27.
57. ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 178–179.

Культура

Новый Нобелевский лауреат — писатель Мо Янь

© 2013

С. Торопцев

Китайский писатель Мо Янь стал лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2012 г. с формулировкой за «галлюцинаторный реализм», в котором он «соединяет сказку, историю и современность». Одно время произведения Мо Яня запрещались в Китае, но сейчас он — один из самых популярных авторов в стране, издающийся большими тиражами. Его романы переведены на многие языки мира, включая русский.

Ключевые слова: Мо Янь, Китай, литература, Нобелевская премия.

Мо Янь (псевдоним, настоящее имя — Гуань Мое) родился 17 февраля 1955 г. в уезде Гаоми провинции Шаньдун в семье крестьян¹. По тем временам это могло бы стать его социальным капиталом, но семья была богатой, и это впоследствии создало ему идеологические сложности: во время «культурной революции» он был вынужден бросить школу и много лет «перевоспитывался» физическим трудом на сельских полях.

Тем не менее в 1976 году ему удалось поступить на службу в Народно-освободительную армию Китая (НОАК) и даже стать командиром отделения.

В 1986 году Мо Янь окончил Институт искусств НОАК, в 1991 году завершил учебу в аспирантуре Пекинского педагогического университета и получил степень магистра в области литературы и искусства. Он почетный доктор литературы Открытого университета Гонконга (2005), приглашенный профессор Университета науки и технологий г. Циндао (с ноября 2011 г.).

Свои первые произведения «Ливень весенней ночью», «Солдат» и др. Мо Янь начал публиковать с 1981 года в Хэбэйском литературном журнале «Лянь чжи».

Известность к писателю пришла в конце 1980-х годов, после того, как по его роману «Семья красного гаоляна» тогда еще молодой режиссер Чжан Имоу снял свой знаменитый фильм «Красный гаолян», получивший первый приз Берлинского МКФ. В своих многочисленных интервью в тот период режиссер особо подчеркивал яркую литературную основу, способствовавшую успеху фильма: «Мо Янь создает некий мир, подобно Маркесу... Это свободное раскрытие жизненных сил безумная жизненная позиция, это ничем не сдерживаемое бытие окрашено в цвета идеала и редко встречается у китайцев, даже у современных»². В 2000 году еженедельник Asiaweek включил этот роман Мо Яня в перечень 100 лучших китайских романов XX в.³

Мо Янь написал 11 романов. Самые известные из них — романы «Большая грудь, широкий зад», «Сандаловая казнь», «41 орудие», «Утомленный кармой», «Страна

вина», сборник эссе «Говори, Мо Янь!» в трех томах. Китайские литературоведы относят Мо Яня к направлению «понска корней»⁴, достаточно популярному в 1980-е годы. Его иногда называют "китайским Фолкнером", "китайским Маркесом", "китайским Кафкой".

Последний роман Мо Яня «Лягушка», посвященный проблеме снижения рождаемости в Китае, опубликован в 2009 г., в 2011 г. получил премию имени Мао Дуня. Мо Янь — автор девяти киносценариев, в том числе фильмов «Красный гаолян» (1987), «Счастье на час» (2000), «Девушка Нуань» (2003), снятых по его произведениям.

Произведения Мо Яня переведены на более чем десяток языков, включая английский, французский, немецкий, норвежский, шведский. На русском языке издан рассказ «Тетушкин чудо-нож»⁵. До последнего времени романы появлялись только в отрывках. Петербургское издательство «Амфора» весьма удачно выпустило роман «Страна вина» как раз к моменту награждения писателя Нобелевской премией. В романе анализируется психология человека, который запутался в сложностях бытия, где-то глубоко есть в нем и мифологический пласт. Это роман «о том, как жизнь влияет на литературу, а еще больше — литература на жизнь, а еще больше — литература на литературу, и из всех этих отражений образуется дурная бесконечность — такая же абсурдная, как нынешний Китай, сформированный маоистскими романтическими революционными лозунгами, фольклорной магией, верой в капитализм и силу литературы. Теоретически можно сказать, что роман — сатирический, но это сатира не совсем в том смысле, что романы Гоголя и Пелевина; жизнь представлена как поток абсурдных событий»⁶.

В начале 1990-х в Китае он был запрещен за избыточно, по мнению цензоров, натуралистичное изображение коррупции и пьянства в провинции, чревоугодничества, пристрастие к алкоголю. Запрещались и другие произведения. «Только рынок помог ему выйти, — замечает в интервью «Радио Свобода» (17.10.2012 г.) Игорь Егоров, переводчик «Страны вина». — А так у него было все запрещено довольно долго, и это связывалось еще с событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. То есть все было не просто. А сейчас, как бы они ни относились к его творчеству, его мыслям, они не могут не признавать его гениальность, его первостатейность»⁷.

Сам писатель воспринимает цензуру не столько как неизбежное зло, сколько как стимул к творчеству. В интервью на Лондонской книжной ярмарке редактору английской газеты «Grafta» Джону Фриману на его вопрос «Является ли обход цензуры вопросом ловкости и до какой степени возможности, открытые магическим реализмом, равно как и более традиционные средства описания, позволяют писателю выражать свои глубочайшие замыслы, не вызывая полемики?» — он ответил: «Да, верно. Многие подходы в литературе имеют политический смысл, например, в нашей реальной жизни могут быть острые и шепетильные моменты, которых лучше было бы не касаться. На этом стыке писатель может дать волю собственному воображению, чтобы отделить эти моменты от реального мира, или же он может преувеличить ситуацию, удостоверяя ее рельефность, живость и достоверность по сравнению с нашим реальным миром. В общем, я считаю, что ограничения или цензура хорошо способствуют созданию литературы»⁸.

Творчество писателя отмечено множеством высоких китайских и международных наград, в числе которых премия литературного журнала «Дацзя» («Мастер», 1997), премия «Динцзюнь» (2003), премия Мао Дуня (2011) и др. В 2006 г. Мо Янь вошел в список двадцати «Самых богатых китайских писателей» с 3,45 миллиона юаней гонораров от издания книг. Он номинант Нейштадтской литературной премии (Neustadt Prize for Literature, США, 1998). Во Франции получил орден Рыцаря Почетного легиона.

Мо Янь — отнюдь не из самых популярных авторов китайской современности. Подавляющее большинство из тех, кто в интернете или на страницах печатной прессы хвалит Мо Яня, говорит о заслуженности награды и ее символичности для развития китайской литературы, не читали его произведений. Основная масса людей в Китае читает так называемую сетевую литературу в интернете.

Ведь при всей несомненности литературных достоинств произведения Мо Яня рассказывают о вещах, далеких от современного читателя: о жизни в китайской деревне, о китайской новейшей истории до и после 1949 г. Причем все это сдобрено соусом фантазмагии, отсылками к фольклору и, конечно, читается непросто. Кстати, именно это привлекло в Мо Яне режиссера Чжан Имоу, который сумел понять и вытянуть эту его «магическую» жилку и за это же поплатился (сейчас он снимает гораздо более прямолинейные фильмы, а экранизации романов Мо Яня, сделанные другими режиссерами, воспроизвели лишь фабулу, не погрузившись в этно-психологическую глубину).

Ни читательской популярности, ни адекватной киноинтерпретации не дождался один из ярких романов Мо Яня «Утомленный кармой» (2006). По сюжету душа казненного на заре народной власти богатого землевладельца попадает в ад, а затем колесом реинкарнаций возвращается на землю. Сначала в виде животных — осла, собаки, свиньи, обезьяны, а затем — человека. И через впечатления различных живых существ рассказывается новейшая история китайской деревни со всеми ее перипетиями в виде Большого скачка, массовой коллективизации и «культурной революции».

Жюри Нобелевского комитета сравнило литературные миры Мо Яня с созданиями Фолкнера и Маркеса и отметило, что прозаик ориентируется в своих произведениях на древнюю китайскую литературу и фольклорную традицию.

Формулировка Нобелевского комитета («в галлюцинаторном реализме соединяет сказки, историю и современность») вызвала удивление и недоумение людей, знакомых с литературоведческой терминологией, и кое-кто даже назвал Мо Яня «отцом галлюцинаторного реализма».

В своем официальном твиттере Нобелевский комитет советует читателям особо обратить внимание на роман «Чесночные баллады» (точнее — «Песнь о райском чесноке»): реальная история о крестьянах, получивших заказ от местных властей вырастить чеснок, удачно сбывших его и разбогатевших. Роман был написан в 1988 г. какое-то время запрещался, издан в 2005 г. и полностью разошелся.

Хорошо отзывается о творчестве китайского автора нобелевский лауреат Кэндзабуро Оэ, который заявил, что, если бы ему представилась возможность, то именно Мо Яню он вручил бы Нобеля. О Мо Яне лестно отзывался Джон Апдайк.

В своей Нобелевской речи 8 декабря 2012 г. Мо Янь сказал: «Мои произведения — это китайская литература, но это и часть мировой литературы. В них изображена жизнь китайского народа, китайская специфика его культуры и нравов. В то же время моя проза — в широком смысле — описывает человека. Можно прямо сказать, что она стоит на точке зрения человека и показывает человека, и поэтому, я думаю, она не локальна, освобождена от расовых и клановых ограничений»¹⁰. Стоит отметить, что обилие диалектизмов, особенно в ранней прозе, сильно затрудняет чтение прозы Мо Яня даже в Китае, где разнообразие диалектов таково, что лингвисты дискутируют, не есть ли это самостоятельные языки. И уж тем более для иностранных переводчиков.

Официальный Китай на сей раз приветствует решение Нобелевского комитета. В прессе звучат такие комментарии коллег Мо Яня по цеху: присуждение премии по литературе китайскому автору символизирует начало признания китайской литературы со стороны мирового сообщества. Передовые полосы главных газет и интернет-порталов говорят о наконец-то объективном подходе Нобелевского комитета к выбору лауреата. А некоторые комментаторы полагают, что эта премия означает признание миром больше, чем только литературы, но и в целом мощи и значения современного Китая.

И мировая пресса склонна увязывать присуждение премии Мо Яню с политикой, предполагая, что это — некая компенсация правительству Китая за предыдущие премии диссиденту Лю Сяобо и эмигранту Гао Синцзяню, не признанные в КНР.

Как бы то ни было, будем надеяться, что присуждение Мо Яню Нобелевской премии по литературе воздействует на российских издателей, которые с большой опа-

ской относятся к китайской литературе, считая ее «недоходной». Игорь Егоров, переводчик «Страны вина», характеризует эту позицию так: «...преобладающее стереотипное представление о китайской литературе как о чем-то неинтересном, шаблонном и скучном. Оно досталось нам в наследство от времен «культурной революции», когда литература и искусство действительно использовались как инструмент политической пропаганды, и читать тогдашние агитки было невозможно. Но теперь, спустя 30 лет после начала реформ в Китае, страна неузнаваемо переменялась. Совсем иной стала и китайская литература. В ней присутствуют самые разные жанры, а главное, появились произведения, достойные занять место в литературе мировой. Произведения китайских авторов который год подряд получают премии MAN¹¹, азиатского Букера, что далеко не случайно. Обладатели этой премии — Мо Янь, Су Тун и Би Фэйной — одни из лучших современных китайских писателей»¹². Мо Янь значился в «лонг-листе» этой премии в 2007 г. за роман «Утомленный кармой».

1. Сайт «Мо Янь» // Интернет-энциклопедия «Байкэ байду». URL: <http://baike.baidu.com/view/51704.htm>
2. Лунь Чжан Имоу (О Чжан Имоу). Пекин, 1994. С. 293–294.
3. Мо Янь – 2012. URL: <http://women-az.ru/viewtopic.php?f=45&p=44247&sid=256fd86c3089a6a6f62f17c65b021bd7>
4. Подробнее о течении «поиска корней» см.: Хузиятова Н.К. Сюньгэнь вэньсюэ // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Ин-т Дальнего Востока. М., 2008. [Т. 3]. С. 426–428.
5. *Мо Янь. Тетушкин чудо-нож* / Пер. Д. Маяцкого // Современная китайская проза. Багровое облако: антология. М.; СПб, 2007. С. 335–351.
6. *Данилкин Л.* Мо Янь. «Страна вина»: рец. // Афиша. 2012. 30 дек. URL: <http://www.afisha.ru/book/2174/>
7. Радио Свобода. 2012. 17 окт.
8. *Мо Янь.* Интервью // Granta. 2012. 11 окт. URL: <http://nobbit.ru/content/view/712/33>
9. В пресс-релизе Комитета читаем: «The Nobel Prize in Literature 2012 was awarded to Mo Yan "who with merges folk tales, history and the contemporary"». По-китайски это звучит ближе к Маркесу: *моуань сяньшичжун*, то-есть «магический реализм».
10. Сайт «Мо Янь» // Интернет-энциклопедия «Байкэ байду». URL: <http://baike.baidu.com/view/51704.htm>
11. The Man Asian Literary Prize, вручается в Гонконге.
12. Почему россияне почти не читают китайских авторов. URL: <http://www.online812.ru/2012/09/05/009/>

Образование

«Дебаты» как средство формирования личностно-значимых качеств студентов высшей школы КНР

© 2013

Сун Лэй

В статье обоснована актуальность использования в учебном процессе ролевой игры «Дебаты» в высшей школе КНР.

Ключевые слова: образовательная технология, личностный потенциал, критическое мышление, мотивация к обучению.

Современное руководство КНР придает особое значение развитию у молодого поколения китайских граждан ораторского мастерства, навыков логического мышления, умения принимать неординарные решения, аргументированно отстаивать свою позицию. Реализуемая руководством КНР стратегия создания экономики, основанной на знании и новых технологиях, предполагает наличие большого числа обладающих межпредметными знаниями, нестандартно мыслящих людей, которые способны разрабатывать и внедрять в производство инновационные проекты. Для этого требуется научить обучающихся самим добывать недостающие знания и применять их в условиях постоянной трансформации исходных условий задач. В современной образовательной среде Китая накапливаются пассионарные силы, которые способны инициировать преобразования как внутри, так и вовне образовательной системы.

Сейчас в большинстве китайских школ и университетов активно внедряется такая форма внеклассной образовательной деятельности, как ролевая игра «Дебаты». К созданию организационных основ и разработке содержательной стороны игры привлекаются не только учащаяся молодежь, но и весь управленческий и преподавательский контингент учебного заведения. В 1980-е гг., когда эта игра только начала распространяться в КНР, ее организаторы столкнулись с многими трудностями объективного и субъективного характера. Китайская школа является достаточно консервативным социальным институтом.

В традиционном Китае коллективное сознание и традиционные стереотипы занимают доминирующие позиции в межличностном и групповом поведении и психологии. Так, в учебном заведении не принято спорить с преподавателем. Одна из спорящих сторон должна проиграть, а значит, «потерять лицо». Конечно же, это не может быть

учитель, который во все времена был в Китае неоспоримым авторитетом для учащихся! Но и ученик тоже не хочет опозориться и потерять лицо перед своими школьными друзьями и соратниками. Как он должен поступить? — Высказать ту точку зрения, которая является общепринятой. Так формировался конформизм в поведении и шаблонность мышления традиционного китайца. В массовых мероприятиях китайцы привыкли не демонстрировать свою индивидуальность, а сливаться с толпой, как это метко выражено в китайской фразеологеме, «в едином порыве с единым помыслом». Именно эти черты традиционного характера необходимо преодолеть, чтобы молодые китайцы смогли стать проводниками инновационной политики государства.

«Дебаты», на наш взгляд, являются одним из эффективных методов преодоления указанных недостатков. Участие студентов в этом виде интерактивной деятельности способствует формированию следующих личностно-значимых позиций студентов:

1. Участие студентов в «Дебатах» готовит студентов к жизни в демократическом обществе. Если у граждан отсутствуют навыки ведения дебатов, это ограничивает реализацию их конституционных прав. Факты свидетельствуют: если человек не использует свое право на свободу, то он его потеряет. У молодого гражданина, владеющего навыками дебатов, возрастает многократно возможность эффективно участвовать в управлении обществом. В книге профессора Тайбэйского педагогического университета Чжан Чжэн-наня "Игра Дебаты" (Тайвань), выражена созвучная точка зрения: "Для того чтобы способствовать распространению демократии, необходимо гарантировать каждому гражданину возможность использовать его право говорить. Игра «Дебаты» помогает студентам отточить навыки ведения дискуссии, повысить качество выступлений, а также учит учащихся говорить логично, конкретно, и тем самым способствует ускорению развития демократического общества»¹.

2. «Дебаты» формируют у учащейся молодежи качества, присущие общественным лидерам. Американский историк Артур Шлезингер (Arthur M. Schlesinger), анализируя основные характеристики института президентства в США, отмечает, что президенту, чтобы успешно руководить страной, необходимы два качества: во-первых, умение направлять электорат в ту или другую сторону; во-вторых, умение объяснять избирателям правильность указанного президентом пути². А. Шлезингер справедливо отмечает, что эти умения не являются природным даром, но могут быть развиты в процессе социализации. Он также утверждает, что в ходе предвыборной борьбы, которая по сути является политическими дебатами, появляется много образованных администраторов и руководителей разного уровня, которые найдут применение не только в политике, но и других сферах человеческой деятельности.

3. Игры «Дебаты» предоставляют учащимся возможность регулярно упражняться в обосновании своих позиций во всех сферах обыденной жизни. «Умение аргументировать, то есть отстаивать всегда и везде свою точку зрения, является лучшим способом тренировки в дебатах», — такие наставления адресует своим воспитанникам тьютор студенческой команды клуба «Дебаты» Хэбэйского университета профессор Ли Цзяньцян (КНР)³.

4. «Дебаты» способствуют созданию у студентов устойчивой мотивации к обучению. Участвующие в дебатах студенты, как правило, преследуют две цели: временную — получить поощрение за участие или победу в соревновании; долговременную — углублять знания и развивать свои способности. Временная цель в сочетании с долговременной формирует активную обучающую среду и стимулирует развитие положительных личных качеств, помогает учащимся исправлять неверные установки и учит самостоятельно проверять качество усвоения знаний и умений.

5. «Дебаты» позволяют студентам более основательно разбираться в социокультурных и политических вопросах. К сожалению, констатирует профессор Ли Цзяньцян, учащиеся, как и обычные люди, плохо ориентируются в проблемах современного

мира⁴. Участвуя в дебатах, студенты учатся не только технике аргументации, но и исследованию той проблемы, которая обсуждается во время «Дебатов». Студенты, участники клуба «Дебатов», в процессе подготовки к выступлению на «Дебатах» анализируют большой спектр сопутствующих теме аспектов. Цель организации наставниками-тьюторами специального курса по «Дебатам» — привить студентам навыки всестороннего анализа проблем, умение добывать новейшие знания об окружающем мире, способность быстро и адекватно реагировать на возникающие трудности, готовность принимать самостоятельные решения. Только в этом случае можно утверждать, что игра «Дебаты» становится полноценной образовательной технологией.

6. «Дебаты» способствуют развитию критического мышления. Критическое мышление как неотъемлемая часть научного мышления играет важную роль в образовании. Существует много толкований термина "критическое мышление". В данной статье мы исходим из определения, данного Дж. Кэрфиссом, ученым американского Научно-исследовательского института высшего образования: "Критическое мышление является свойством человека, который способен разносторонне изучить проблему, интегрировать всю сопутствующую информацию, выработать решение, сформулировать гипотезу, и доказать ее достоверность⁵". Участвуя в дебатах, студенты одновременно участвуют в тренинге критического мышления. Результаты исследования, проводившегося в США в 1940–1970 гг., показали, что у учащихся, которые принимали участие в состязаниях клуба «Дебаты», результат экзамена по логике был выше, чем у тех, которые не участвовали в дебатах⁶.

7. «Дебаты» являются действенным способом интеграции знаний. Американский исследователь А.К. Бэрд отмечал, что решение любой обсуждаемой проблемы в процессе дебатов увязано на многие области знаний. Он рекомендовал тем педагогам, которые нацелены на формирование у учащихся интегрированной картины мира, изучать опыт деятельности клубов «Дебаты» и перенимать у их участников межпредметных технологий и применения межпредметных знаний⁷.

Действительно, игры «Дебаты» представляют собой уникальный способ интеграции знания. Если студент юридического факультета участвует в игре «Дебаты» по теме «Должна ли эвтаназия быть разрешена законом», то ему необходимо узнать мнения специалистов из других научных сфер: медицины, философии, социологии, психологии, этики и религии, и только после этого на базе интегрированного восприятия проблемы представить собственное суждение. Конечно, студенты могут изучать каждую научную дисциплину по отдельности, но участие в «Дебатах» обязывает состязающиеся стороны рассматривать проблему углубленно, обобщать разносторонние данные, связанные с данной темой. Исследования зарубежных ученых свидетельствуют, что участие в играх учит студентов более тщательно проводить исследования, добиваться весомых результатов, приобретать ценный опыт оптимизации работы⁸.

8. «Дебаты» развивают навыки более полного сбора информации. Очевидно, что умение собрать в кратчайшие сроки разнообразную информацию на интересующую тему является одним из обязательных условий как успешного выступления в состязаниях, так и в любом виде профессиональной деятельности.

9. «Дебаты» способствуют улучшению качества педагогического руководства учебно-познавательной и учебно-организационной деятельностью учащихся (quality instruction). Организаторы и тьюторы команды планируют процесс исследования проблемы с позиций каждой из двух противоборствующих сторон, помогают сторонам нападения и защиты сформулировать аргументы и контраргументы, проводят пробные дебаты между студентами, анализируют, и вместе с командами совершенствуют позиции сторон.

Китайские ученые выражают тревогу, что в процессе превращения высшего образования в массовое трудно организовать индивидуальное обучение студентов. Опыт

работы тьютором-консультантом клуба «Дебаты» учит преподавателей налаживать более эффективное сотрудничество с учащимися. При традиционном формате обучения индивидуальное обучение в вузе сводится, как правило, к преподавательским консультациям перед экзаменами, написанием курсовых и дипломных работ, то есть носит временный характер, а тьютор и руководитель команды постоянно взаимодействует с каждым членом команды на протяжении всей четырехлетней студенческой жизни.

10. «Дебаты» расширяют кругозор учащихся. Подготовка к игре, с одной стороны, требует большого времени для предварительной работы, но с другой, дает студентам расширенный объем информации. Полученные в процессе подготовки знания помогают лучше сдавать экзамены, писать курсовые работы, поступить в магистратуру. Навыки, полученные в процессе подготовки к участию в «Дебатах», применимы во многих научных областях, а также в повседневной жизни. Участие в играх способствует формированию активной гражданской позиции, позволяющей молодым людям влиять на решение важных проблем современного мира.

11. «Дебаты» вырабатывают у учащихся бойцовые качества, учат не бояться трудностей. Участие в них приучает студентов планомерно и систематизировано осуществлять значительно большую исследовательскую работу, чем это делает среднестатистический студент. К тому же, участник клуба «Дебаты» умеет преподнести свою работу в выгодном свете, свободно выступить перед аудиторией и мастерски защитить результат своего исследования, используя разнообразные ораторские приемы. Пассивное посещение лекций не дает таких результатов. Подготовка и участие в «Дебатах» повышает общую эрудицию студентов, максимально развивает их работоспособность, помогает раскрывать заложенный природой потенциал. Как свидетельствует зарубежный опыт, большинство игроков клуба продолжают обучение на послевузовской ступени и получают научные степени. По данным обследования американских ученых, проведенного в 1984 г., 90% игроков американского общенационального турнира «Дебаты», продолжили обучение на послевузовской ступени⁹. Это еще раз доказывает, что участие в конкурсах «Дебаты» развивает индивидуальные способности, усиливает интерес к знаниям, способствует формированию научного мировоззрения человека. Американский педагог Дон Р. Свансон провел в 1970 г. опрос деканов 98 юридических институтов и сделал следующие выводы: 69,9% респондентов рекомендуют студентам-юристам прослушать курс лекций по «Дебатам»; 70,3% респондентов советуют студентам участвовать в межвузовских дебатах; 84,2% респондентов считают, что студентам-юристам необходима тренировка ораторского мастерства; 81,9% респондентов считают, что студенты должны на практике использовать навыки исследования; 89,6% респондентов считают, что необходим постоянный тренинг применения логического мышления; 75,85% респондентов считают, что необходима тренировка навыков опровержения аргументов оппонента¹⁰.

12. «Дебаты» воспитывают у участников быстроту и точность реакции. В процессе игры участник не может зачитывать написанные заготовки ответов. Такое выступление было бы скучным и невыразительным. Тем более, что вопросы, задаваемые оппонентами, могут быть абсолютно неожиданными. Участники дебатов, основываясь на проработанном материале, должны уметь четко отвечать на разнообразные в том числе и достаточно провокационные и парадоксальные вопросы противников, и моментально приводить убедительные, яркие контраргументы, развенчивая позицию противника, даже в том случае, когда их собственные взгляды не совпадают с высказанными¹¹.

13. «Дебаты» не только формируют способность критического высказывания, но и критического восприятия чужих высказанных мыслей, другими словами, формируют навыки критического слушания (*critical listening*). Авторы книги «Ты слушаешь», исследователи из США Ральф Г. Николас и Леонард А. Стивенс провели эксперимент по исследованию восприятия человеком информации на слух. Ученые пришли к выводу, что

среднестатистический человек запоминает только 25% услышанной информации¹². Сможет ли игрок клуба «Дебатов» успешно участвовать в конкурсе, если не способен воспринять 75% полезной информации? Безусловно, нет. Из этого следует, что участнику дебатов необходимо научиться концентрировать внимание, слушать, запоминать и анализировать аргументы оппонента. Умение слушать критически характерно для высокообразованного человека, каким и должен стать участник клуба.

14. «Дебаты» развивают способность писать эссе и публично выступать. Принято считать дебаты устным видом полемики. Как в таком случае игра «Дебаты» развивает способность писать? Как уже упоминалось, перед дебатами участник должен предварительно проработать найденную информацию, обобщить ее и подготовить текст выступления на заданную тему. Игрок под номером один, начинающий состязание команд, как правило, в своем выступлении использует письменный текст. В его выступлении в очень лаконичной форме должны быть озвучены все аргументы, подтверждающие верность представленной гипотезы, поэтому озвученный им текст много раз исправлялся и редактировался руководителем и всеми членами команды. Первоначальное представление темы «Дебатов» обуславливает структуру всего первого раунда. Выступления других участников состязания должны быть выстроены в одном ключе, тщательно написаны, исправлены, отрецензированы. Участник должен аргументировано отстаивать свою позицию, убедить слушателей, победить соперников, привлечь на свою сторону судей. Именно поэтому способность выразительно и ярко писать формируется в процессе подготовки к играм у каждого участника команды. Полученные навыки помогают слушателям готовиться к экзаменам, разрабатывать структуру курсовой работы или диссертации, формулировать свои мысли научным языком, правильно выстраивать стратегию защиты диссертации. После окончания ВУЗа молодой специалист, умеющий четко излагать свои мысли в письменной форме, ценится работодателями больше, чем выпускник, не приобретший таких навыков.

15. «Дебаты» воспитывают способность здраво и логично рассуждать, развивают абстрактную логику. Каждый участник игры должен научиться рассматривать предмет обсуждения как со стороны утверждения, так и отрицания. Участие в коллективных «мозговых штурмах» в процессе обсуждения темы конкурса позволяет уйти от личной субъективности и ошибок в восприятии поставленной проблемы. «примерить» на себя взгляды оппонентов. Например, на одном из конкурсов, прошедших в посольстве КНР в Москве, две команды из китайских студентов МГУ должны были выступать с позиций об обоснованности и необоснованности использования терроризма в борьбе наций за право на самоопределение. Безусловно, команда, которой по жребию выпало быть «защитниками» терроризма, отнюдь не состояла из сторонников экстремистских сил, но приводимые ими доводы помогали лучше увидеть истоки современного терроризма, а значит, и способствовали поиску справедливых решений этой глобальной «язвы» человечества.

Очевидно, что участие в конкурсах «Дебатов» в ВУЗах способствует развитию структуры языка, вербальных и невербальных индикаторов разговорной речи. Следовательно, дебаты тренируют разностороннее мышление (multi-valued orientation). В процессе обсуждения и разбора конкретного факта/явления утверждающей стороной или отстаивания позиции отрицающей стороны участник узнает, что существует множество подходов на разных уровнях, относящихся к теме обсуждения, но и при таком обилии подходов, методов и информации не может быть абсолютной «истины». В процессе подготовки к дебатам участник приобретает привычку анализировать и обдумывать проблему спора со всех сторон, не делать поспешных выводов. Эту точку зрения подтверждают и исследования американских ученых¹³.

16. «Дебаты» требуют от участника уверенной защиты своей позиции от нападок оппонентов. Тревога, уступка, уход от проблем есть проявление неспортивного по-

ведения. Каждому игроку необходима уверенность в себе и смелость, умение держать себя в руках, организовать свою мыслительную деятельность, опровергать мнение оппонентов, способность концентрировать внимание на конкретной теме.

17. «Дебаты» помогают овладеть ораторским искусством. Как бы хорошо ни были заранее подготовлены члены команд, всегда надо помнить, что происходит импровизированное речевое соревнование (*extemporaneous speech contest*). Импровизированное выступление требует от участника способности думать самостоятельно, принимать собственные решения, выступать перед различной публикой, в частности, перед жюри отборочного турнира, членами бизнес-клуба, слушателями и зрителями. Участник дебатов должен уметь быстро адаптироваться к специфике среды, в которой проводится конкурс. Конкурс «Дебатов» — удобная и эффективная форма проведения занятий для преподавателей-лингвистов и философов. Это бесспорное утверждение продемонстрировано на примерах из практики организации турниров в США¹⁴.

18. «Дебаты» способствуют развитию коммуникативных навыков общения и поведения. Они дают участникам возможность общения в дружеской неофициальной обстановке со студентами из разных ВУЗов и разных стран. Студенты учатся этикету, сдержанности и уверенности в себе. Участие в соревнованиях приучает их встречать победу и поражение в позитивном психологическом состоянии. Невзирая на результат соревнований, они должны с уважением реагировать на решение судей, которыми, как правило, являются педагоги вузов. Встречи и общение с профессорами разных ВУЗов в публичной обстановке полезны для социализации студентов.

19. «Дебаты» развивают у студентов актерские навыки. Участники конкурсов в процессе соревнования выступают в разных ролях, поэтому при подготовке они изучают основы актерского мастерства.

20. «Дебаты» помогают режиссировать любой процесс, в том числе и учебный. Для организации конкурса, также как и для организации любого другого живого процесса, необходимо централизованная подготовка и эффективное использование всех необходимых ресурсов для расширения объема знаний и кругозора участников. Отличие состоит в том, что режиссуре подвергается не только подготовительный этап, но и сам процесс дебатов.

Подождивая, подчеркнем следующее.

«Дебаты» — это способ столкновения различных мнений. Самая сложная задача для студента — отстаивание собственной позиции. И одновременно, это — самая сложная выполняемая им форма деятельности. Для того чтобы успешно отстаивать свою позицию, студент должен комплексно изучить проблему (пользоваться библиотекой и архивом), структурировать, анализировать и интегрировать материалы, и, наконец, обобщить рассуждение по теме.

«Дебаты» — это комплексная учебная тренировка. Она совершенствует навыки письма, мышления, чтения, выступления и слушания, проведения научного исследования.

Это разновидность образовательной технологии инновационного типа. Игра «Дебаты» как форма обучения выходит за рамки традиционного обучения в классе. Участие в открытых состязаниях дает учащимся возможность повысить мобильность и конкурентоспособность, усилить мотивацию к освоению новых знаний и компетенций, ускорить процесс их обучения.

«Дебаты» как метод обучения помогают режиссировать как урок, так и более длительный этап обучения, способствуют лучшему усвоению учебного материала и расширению кругозора.

Несомненно, что развитие креативности и индивидуальности в обществе, где крепки корни конфуцианского коллективного сознания, задача — многоуровневая и недостижимая в короткий период времени. Чтобы добиться поставленных целей, необходимо не только преобразовать традиционную китайскую школу с ее косными методами

пассивного обучения, но и изменить ментальность подрастающего поколения в нужном для развития страны направлении.

1. *Zhang Zhengnan*. Bianlun Youxi. [Игра Дебаты Taipei: Youshi, 1980. P. 9]. (на кит. яз.)
2. *Schlesinger A. M.* The Cycles of American History. Boston: Houghton Mifflin, 1986. P. 293.
3. *Li Jianqiang*. Bianlun yu Lunbian [Дебаты и аргументация]. Baoding: Hebei Daxue, 1996. P. 20. (на кит. яз.)
4. Там же. С. 22.
5. *Kurfiss J.G.* Critical Thinking: Theory, Research, Practice, and Possibilities. Washington DC: Association for the Study of Higher Education, 1988. P. 2.
6. *Colbert K.R.* The Effects of CEDA and NDT Debate Training on Critical Thinking Ability // Journal of the American Forensic Association. 1987. Vol. 21. P. 197.
7. *Baird A.C.* General Education in the Course in Argumentation // The Grovel. 1956. Vol. 38. P. 59.
8. *Freeley A.J., Steinberg D.L.* Argumentation and Debate: Critical Thinking for Reasoned Decision Making. Belmont: CA: Wadsworth, 2000. P. 24; *Yu Zixiang. Wen Weichun.* Pipansi Kaobian [Критическое мышление и дебаты]. Taipei: Yejiang, 1988. P. 18. (на кит. яз.)
9. *Keele L.M., Matton R.J.* A Survey of Participants in the National Debate Tournament 1947–1980 // Journal of American Forensic Association. 1984. Vol. 20. P. 194–205.
10. *Swanson D.R.* Debate as Preparation for Law: Law Dean's Reactions // Presented at the Western Speech Communication Association Convention. 1970. P. 13–21.
11. *Li Jianqiang*. Bianlun yu Lunbian [Дебаты и аргументация]. Baoding: Hebei Daxue, 1996. P. 23. (на кит. яз.)
12. *Nicholas R.G., Stevens L.A.* Are you listening? New York: McGraw-Hill, 1957. P. 141.
13. *Wood R. V.* Strategic debate. Lincolnwood IL: National Textbook Company, 1995. P. 421; *Pearce W. B.* Attitudes toward forensics // Journal of the American Forensic Association. 1974. Vol. 10.
14. *Semlak W. D., Shields D.* The effect of debate training on students participation in Bicentennial Youth Debates // Journal of American Forensic Association. 1977. Vol. 13. P. 134–139.

В Обществе российско-китайской дружбы

Обществу российско-китайской дружбы — 55 лет

Стал историей 2012 год, вписавший новые яркие страницы в летопись российско-китайских межгосударственных отношений и общественных связей.

С 5 по 6 июня 2012 г. с государственным визитом Китайскую Народную Республику посетил Президент РФ В.В. Путин.

В подписанном в Пекине Совместном заявлении о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия руководители наших стран подтвердили, что эти отношения относятся к числу важнейших внешнеполитических приоритетов двух государств, отвечают коренным национальным интересам России и Китая, способствуют их развитию и процветанию, укрепляют мир, безопасность и стабильность в региональном и глобальном масштабах. Большое внимание в совместном заявлении было уделено двустороннему сотрудничеству в гуманитарной сфере, осуществлению молодежных обменов, развитию культурных связей, содействующих расширению социальной базы двусторонних отношений.

О большом значении гуманитарного сотрудничества, важности передачи эстафеты дружбы от старшего к молодому поколению говорил также вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в дни своего официального визита в РФ в период с 26 по 30 апреля 2012 г. Свое пребывание в нашей стране вице-премьер Ли Кэцян начал со встречи с представителями обществ китайско-российской и российско-китайской дружбы. Во время встречи, прошедшей в исключительно теплой обстановке, Ли Кэцян подчеркнул важную роль, которую играют общества дружбы в развитии китайско-российских отношений и поблагодарил участников встречи за их личный вклад в дело взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между народами Китая и России. Поздравив Общество российско-китайской дружбы с предстоящим 55-летним юбилеем, Ли Кэцян пожелал обществу дальнейших больших успехов в деятельности на благо народов России и Китая, подчеркнув при этом важность привлечения молодежи к участию во всестороннем развитии российско-китайских отношений. О значении дружбы и сотрудничества между народами Китая и России вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян говорил также во время встреч с российскими ветеранами и в выступлении перед студентами МГУ.

Внимание руководителей России и Китая к дальнейшему развитию двусторонних межгосударственных отношений и общественных связей, проявившееся в ходе высокоточных встреч и бесед, а также в подписанных в 2012 г. двусторонних документах, имело

особое значение для Общества российско-китайской дружбы, отметившего 29 октября 2012 г. свой 55-летний юбилей.

Подготовка к празднованию юбилея велась практически в течение всего года в центре и на местах с участием нашего китайского партнера — Общества китайско-российской дружбы.

29 октября 2012 г., в день 55-летия со дня создания Общества, в Культурно-информационном центре Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы состоялась презентация книги автора этих строк «Россия — Китай. Народная дипломатия». Книга повествует об истории великой дружбы народов России и Китая, нашедшей отражение в истории создания и деятельности Общества советско-китайской (ныне российско-китайской) дружбы и Общества китайско-советской (ныне китайско-российской) дружбы — первых обществ дружбы с народами зарубежных стран, созданных в СССР и КНР. Книга рассказывает также о большом вкладе обществ дружбы в становление, восстановление и развитие российско-китайских отношений и их важной роли как активных каналов народной дипломатии в деле расширения социальной основы дальнейшего развития отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем и передачи этих отношений из поколения в поколение.

На презентации присутствовали и выступали Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, почетный Председатель общества академик С.Л. Тихвинский, Полномочный министр Посольства КНР в РФ Чжао Юнчэнь, советник Посольства Нью Инли, члены Центрального правления и активисты ОРКД, представители китайских и российских СМИ. Все выступавшие дали высокую оценку книге, рассказывающей о более чем 60-летней истории российско-китайских общественных связей и ее российских и китайских участниках. Был отмечен большой личный вклад автора в деятельность Общества российско-китайской дружбы и его успешные контакты с китайскими партнерами.

Вечером того же дня Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй устроил в Посольстве торжественный прием по случаю 55-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы и выхода в свет книги «Россия — Китай. Народная дипломатия». В своем теплом выступлении посол назвал Общество российско-китайской дружбы опорной силой и в ведущим отрядом народной дипломатии в отношениях между Китаем и Россией, приведя в качестве подтверждения своих слов книгу «Россия — Китай. Народная дипломатия». Посол Ли Хуэй поздравил автора книги с ее изданием и пожелал, чтобы Общество российско-китайской дружбы и дальше активно содействовало великому делу дружбы между народами Китая и России и ее передаче из поколения в поколение.

Торжества по случаю юбилея Общества российско-китайской дружбы состоялись сначала на китайской земле. 2 ноября 2012 г. в прекрасном актовом зале Китайского народного общества дружбы с заграницей было проведено торжественное собрание, посвященное 55-й годовщине со дня создания Общества российско-китайской дружбы и презентация книги «Россия — Китай. Народная дипломатия». Для участия в юбилейных торжествах в Китай была приглашена делегация Общества российско-китайской дружбы во главе с председателем, директором ИДВ РАН академиком М.Л. Титаренко.

В торжественном собрании, проходившем под председательством Чэнь Хаосун, участвовали руководители и активисты Общества китайско-российской дружбы, а также представители китайских деловых кругов — участники двустороннего делового сотрудничества.

Гостями собрания были сотрудники Посольства РФ в Китае во главе с Послом С.С. Разовым, представители китайских и российских СМИ, аккредитованных в Китае.

Перед участниками собрания с подробным сообщением об истории создания и 55-летней деятельности Общества российско-китайской дружбы выступил на китайском языке Председатель общества, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко. Он под-

черкнул, что успехами в своей деятельности общество во многом обязано многолетнему, плодотворному сотрудничеству со своими китайскими партнерами — Китайским народным Обществом дружбы с заграницей и Обществом китайско-российской дружбы. Председатель ОРКД М.Л. Титаренко выразил большую благодарность Чэнь Хаосу за организацию собрания и подчеркнул, что празднование 55-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы в Китае является наглядным подтверждением готовности китайских коллег к дальнейшему развитию китайско-российских общественных связей.

На собрании выступила также автор книги «Россия — Китай. Народная дипломатия». Сообщив о том, что героями книги являются многие сидящие в зале руководители и активисты Общества китайско-российской дружбы, она выразила большую благодарность Председателю Чэнь Хаосу и всем его коллегам за активное участие в совместной работе, за постоянное внимание и поддержку, оказываемые российским партнерам.

Высокую оценку деятельности Общества российско-китайской дружбы дал в своем выступлении Председатель ОКРД Чэнь Хаосу. «Общество российско-китайской дружбы, — сказал Чэнь Хаосу, — является боевым товарищем и партнером ОКРД. Наше плодотворное сотрудничество является одним из значимых факторов развития китайско-российских отношений». Председатель Чэнь Хаосу поблагодарил Г.В. Куликову за большое внимание, которое уделено в ее книге деятельности Общества китайско-российской дружбы. Он выразил уверенность, что сотрудничество обществ дружбы будет и дальше успешно развиваться в интересах народов Китая и России.

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР С.С. Разов в своем выступлении на китайском языке подчеркнул большое значение деятельности Общества российско-китайской дружбы как важного субъекта народной дипломатии для мобилизации общественного мнения в России в пользу развития сотрудничества с Китаем и укрепления общей атмосферы дружбы, добрососедства и взаимопонимания между народами двух стран.

На собрании выступили также герои книги — члены правления Общества китайско-российской дружбы: Лю Шу, Гао Ман, Ван Фэнсян, Лион Сяо и другие активисты Общества, все они говорили о том, что книга «Россия — Китай. Народная дипломатия» является свидетельством больших чувств уважения и дружбы автора к Китаю, китайскому народу, его истории и культуре, а также подтверждением большого личного вклада автора в развитие двусторонних китайско-российских отношений.

Помимо торжественного собрания в Пекине, китайские партнеры организовали встречу делегации ОРКД в Министерстве гражданской администрации, ее участие в заседании Круглого стола в Хайкоу на тему: «Научно-техническое и культурное сотрудничество между Китаем и Россией», посещение Саньяского филиала Хайнаньского университета и Южно-Китайского педагогического университета, ознакомление с работой экспериментального хозяйства по выращиванию нони-культур. Все эти встречи и беседы явились подтверждением заинтересованности китайской стороны в развитии делового сотрудничества с российскими партнерами.

Центральным мероприятием, посвященным 55-й годовщине со дня создания Общества российско-китайской дружбы — достойного наследника и продолжателя лучших традиций Общества советско-китайской дружбы, первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран, стало торжественное собрание, состоявшееся 30 ноября 2012 г. в Москве в Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации. В собрании участвовали представители МИД РФ, Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, Российско-китайского Центра торгово-экономического сотрудничества, Международной ассоциации содействия культуре, Международной федерации мира и согласия, члены Центрального правления и активисты Общества российско-китайской дружбы.

Участниками собрания были также руководители и представители региональных отделений общества из Владивостока, Благовещенска, Биробиджана, Читы, Хабаровска, Иркутска, Новосибирска, Екатеринбурга, Барнаула, Петрозаводска, Курска, Самары, Орла и Калуги.

Для участия в юбилейных торжествах в Москву была приглашена делегация Общества китайско-российской дружбы во главе с Председателем Чэнь Хаосу, председатель Гонконгского центра китайско-российских обменов Хуан Сяодун и группа бывших китайских воспитанников Ивановского интернационального детского дома.

Гостями торжественного собрания были также сотрудники Посольства КНР во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом Ли Хуэем, представители Центра китайско-русских культурных обменов, китайских землячеств и предпринимателей, работающих в Москве, представители российских и китайских СМИ.

Собрание открыл Председатель ОРКД директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко. Он горячо приветствовал всех участников собрания и предоставил слово Почетному председателю общества академику С.Л. Тихвинскому, стоявшему у истоков создания и много лет возглавлявшему Общество советско-китайской дружбы, ныне российско-китайской дружбы.

С.Л. Тихвинский подчеркнул, что 55-летняя история Общества российско-китайской дружбы — это история самоотверженного служения тысяч и тысяч энтузиастов идеалам дружбы двух великих народов, вдохновляемых уверенностью в исторической необходимости добрососедства, дружбы и сотрудничества между великими государствами и народами для судеб наших стран.

О деятельности Общества российско-китайской дружбы перед участниками торжественного собрания рассказал его Председатель академик М.Л. Титаренко. «Отмечая 55-летнюю годовщину со дня создания ОРКД, мы с большим удовлетворением отмечаем, что на протяжении 55 лет активисты общества как зеницу ока бережно хранили дружбу между нашими странами и народами... За эти годы коренные изменения произошли и в мире, и в наших странах, но всегда, несмотря на трудный период, который был в межгосударственных отношениях, мы делали все, чтобы сохранить у общественности нашей страны добрые чувства к китайскому народу, уважение к его многовековой истории и культуре... В период почти 20-летнего лихолетья Общество советско-китайской дружбы провело более 300 различных мероприятий, посвященных знаменательным событиям китайской истории, освободительной борьбе китайского народа под руководством КПК, славным страницам истории наших двусторонних отношений. Мы проводили собрания и вечера, издавали книги о выдающихся китайских философах, деятелях культуры, посвящали мероприятия выдающимся государственным деятелям и революционерам.

И сегодня, когда российско-китайские отношения переживают наилучший период своей истории, когда они поднялись до уровня всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, мы можем с полным основанием говорить о том, что в их становлении, восстановлении и развитии есть немалый вклад Общества российско-китайской дружбы», — сказал М.Л. Титаренко.

Докладчик рассказал об истории создания и деятельности общества, у истоков которого стояли и многие годы участвовали в его деятельности видные государственные и общественные деятели нашей страны, деятели науки и культуры, участники разгрома японских агрессоров и оказания помощи китайскому народу в строительстве новой жизни после провозглашения КНР.

«В свою очередь, — сказал М.Л. Титаренко, мы хорошо помним и высоко ценим то, что когда не стало Советского Союза и Общество советско-китайской дружбы, ставшее в 1992 г. Обществом российско-китайской дружбы, осталось без помощи государства, мы получили дружескую поддержку со стороны Китайского народного общества дружбы с границей и Общества китайско-российской дружбы. Опираясь на коллектив ученых Института Дальнего Востока РАН, а также на многочисленных энтузиастов по всей России,

преданных делу дружбы и сотрудничества с Китаем, китайским народом, наше общество не только не прекратило своей деятельности, но и стало активно ее наращивать».

Подписанный в Москве 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве закрепил концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды» между нашими странами, призвал народы России и Китая быть «добрыми соседями, хорошими друзьями и надежными партнерами», а молодое поколение — продолжать традиции дружбы, заложенные старшим поколением.

После подписания договора главным направлением деятельности Общества стало распространение в нашей стране объективной информации о Китае, его больших успехах в модернизации страны, его истории и культуре; богатых традициях дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами; о значении российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства для подъема и успешного развития России.

На решение этих важных задач была направлена деятельность Центрального правления и региональных отделений общества, активно действующих в Санкт-Петербурге, Приморском, Хабаровском и Алтайском краях; Республике Саха (Якутия), в Карелии, Еврейской автономной области, Читинской, Иркутской, Новосибирской и Амурской областях; Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Рязани, Калуге, Иваново и других городах нашей страны. Эту работу мы проводили в тесном сотрудничестве с нашими китайскими партнерами: с Китайским народным обществом дружбы с заграницей и Обществом китайско-российской дружбы при самом активном, более чем двадцатилетнем, участии Председателя Общества китайско-российской дружбы, известного государственного и общественного деятеля, нашего большого друга Чэнь Хаосу.

Общество российско-китайской дружбы всегда было и продолжает оставаться инициатором ежегодного проведения собраний и вечеров, посвященных годовщинам КНР, важным событиям китайской истории и российско-китайских отношений.

Докладчик напомнил о том, как широко и торжественно и в Китае, и в России по инициативе и при активном участии обществ дружбы отмечалось 60-летие со дня провозглашения КНР и установления китайско-российских дипломатических отношений, а также 60-летие со дня создания Общества китайско-российской дружбы; о торжественном собрании, проведенном по инициативе Общества российско-китайской дружбы в Москве с участием более тысячи москвичей и гостей столицы, для участия в котором в Москву были приглашены более 30 ветеранов китайско-российской дружбы, в том числе дети и родственники первого поколения руководителей КНР: Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Ху Яобана, Ли Фучуня и Чэнь Юня.

С большим удовлетворением М.Л. Титаренко рассказал о том, какое большое внимание в Китае было уделено делегации Общества российско-китайской дружбы, единственной официальной делегации из России, удостоенной чести участвовать в юбилейных мероприятиях в Китае, а также о том, какую высокую оценку дал Председатель ВК НПКСК Цзя Цинлинь деятельности организаций дружбы, назвав их важной движущей силой, содействующей развитию китайско-российских отношений.

По инициативе общества в 2011 г. широко и торжественно отмечалась 10-я годовщина со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, а летом 2012 г. с участием делегации Общества китайско-российской дружбы во главе с Председателем Чэнь Хаосу проводился Круглый стол на тему: «Народная дипломатия и ее роль в развитии российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного партнерства и стратегического взаимодействия».

«Сегодня, — сказал председатель ОРКД, — общество считает своей задачей активно разъяснять российской общественности, что для подъема России и ее модернизации необходимо развивать устойчивые добрососедские отношения с Китаем, укреплять дружественные связи, углублять взаимопонимание и доверие, активно содействовать политике соразвития, придавать нашим связям характер подлинно всенародных, в которых

участвуют не только политики и официальные лица, но и широкие круги граждан наших стран; всемерно способствовать тому, чтобы ветер китайских реформ, как призывает Президент В.В. Путин, наполнял паруса курса на модернизацию России».

В течение последних лет Обществом был проведен ряд мероприятий, посвященных юбилейным и памятным датам из жизни выдающихся китайских государственных и общественных деятелей: Сунь Ятсена, Сун Цинлин, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Ху Яобана, Дэн Сяопина, Ян Шанкуня, Чэнь И, Ли Лисаня. Для участия в этих мероприятиях в Москву приглашались их родные и близкие. Были организованы презентации изданных на русском языке книг: «Мой отец — Мао Цзэдун», «Мой отец — Лю Шаоци», «Мой отец — Чжу Дэ» и «Мой дядя — Чжоу Эньлай» с приглашением на презентации дочери Мао Цзэдуна — Ли Минь, дочери Лю Шаоци — Лю Айцин, племянники Чжоу Эньлая — Чжоу Пиндэ. Председатель М.Л. Титаренко выразил в своем выступлении большую благодарность Ли Доли — бывшему китайскому воспитаннику Ивановского интернационального детского дома, активному инициатору и спонсору издания этих книг на русском языке.

Свои мероприятия ОРКД посвящало также выдающимся деятелям китайской культуры, литературы и искусства: всемирно известному мастеру пекинской оперы Мэй Ланьфану; китайским писателям Ба Цзиню, Лао Шэ, Ван Мэну, Фэн Цицаю; композитору Не Эру, известным поэтам древнего Китая Ли Бо и Ду Фу, китайским русистам-переводчикам и пропагандистам русской и советской литературы и искусства Цао Цзиньхуа, Гэ Баоцюаню, Гао Ману.

Только в последние два года по инициативе Общества российско-китайской дружбы в нашей стране были отмечены такие знаменательные даты китайской истории, как 100-летие Синьхайской революции, 90-летие «Движения 4 мая» и 90-летие КПК. На заседании Круглого стола в июле 2012 г., посвященного 90-летию КПК, многие российские участники подчеркнули, что успехи Китая в социально-экономическом развитии и росте авторитета страны на международной арене неотделимы от роли КПК — старейшей и самой большой по численности членов правящей Коммунистической партии — признанного авангарда китайского народа.

«Свидетельством этого, — сказал М.Л. Титаренко, — является успешно завершивший свою работу в Пекине XVIII Всекитайский съезд КПК, избравший новое руководство партии во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпинном и подтвердивший решимость китайского народа бороться за новые победы социализма с китайской спецификой, за углубление реформ и открытости и полное построение в стране среднезажиточного общества.

Мы — россияне поздравляем наших китайских друзей с успешным завершением работы XVIII съезда и желаем китайскому народу под руководством КПК новых успехов и побед в реализации поставленных задач».

Остановился докладчик и на издательской деятельности, осуществляемой как ИДВ РАН, так и Обществом российско-китайской дружбы, назвав при этом энциклопедию «Духовная культура Китая», удостоенную Государственной премии РФ, книгу «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире», а также вышедшие в 2012 г. при активном участии ОРКД книги очерков «Китай глазами российских друзей», «Россия — Китай. Народная дипломатия», а также «В тылах Квантунской армии» и «Порт-Артур — воинский мемориал России».

Как известно, руководители России и Китая называют гуманитарное сотрудничество, наряду с сотрудничеством в политическом и торгово-экономических областях, важной составляющей российско-китайского стратегического взаимодействия и партнерства.

В выступлении перед участниками собрания председатель ОРКД М.Л. Титаренко остановился на участии ОРКД в таких крупномасштабных гуманитарных акциях, как празднование 65-летия нашей великой Победы, активное участие в Национальных Годах и Годах языков, в проведении Фестивалей и Недель культуры, а также о большом внимании, которое в последнее время общество уделяет работе с молодежью.

Подводя итоги деятельности Общества российско-китайской дружбы, председатель М.Л. Титаренко сообщил, что только по линии Центрального правления в Москве в течение последних лет ежегодно проводится около 20 различного рода мероприятий, направленных на то, чтобы общественность нашей страны лучше знала Китай, его историю и культуру, лучше понимала, какое важное значение имеет развитие всестороннего сотрудничества с Китаем для подъема и дальнейшего развития нашей страны.

Свое выступление академик М.Л. Титаренко закончил выражением большой благодарности Обществу китайско-российской дружбы и его председателю Чэнь Хаосу, МИДу РФ, Посольству РФ в Пекине и Посольству КНР в Москве за большое внимание и поддержку деятельности Общества российско-китайской дружбы.

Особая благодарность от имени Центрального правления Общества российско-китайской дружбы была выражена всем руководителям региональных отделений общества, всем его многочисленным активистам, отдающим пыл своей души и свой безвозмездный труд делу укрепления и развития дружбы и сотрудничества между великими народами России и Китая.

От имени региональных отделений на торжественном собрании выступили З.П. Ройтман — руководитель Хабаровской региональной общественной организации «Союз обществ дружбы с зарубежными странами»; ответственный секретарь Новосибирского областного отделения ОРКД Ю.И. Филонова; заместитель председателя Приморского краевого ОРКД Ю.Н. Осипов и А.В. Старцев — председатель Алтайского краевого отделения ОРКД. Они дополнили доклад председателя М.Л. Титаренко интересными сообщениями о своей деятельности, направленной на развитие обменов и сотрудничества с приграничными провинциями и городами Китая; о целенаправленной работе с молодым поколением; расширении межвузовских связей; большой работе по популяризации китайского языка и китайской культуры; проведению различных фестивалей дружбы и конкурсов и т.д.

На торжественном собрании директор I Департамента Азии МИД РФ А.Б. Кулик огласил приветствие Центральному правлению Общества российско-китайской дружбы от министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, и приветственное послание Председателю ОРКД, директору ИДВ РАН М.Л. Титаренко от первого заместителя Министра иностранных дел РФ А.И. Денисова.

«В течение более полувека ОРКД играло существенную роль в укреплении взаимных общественных контактов. В трудные для двустороннего диалога 60–70-е годы прошлого столетия именно народная дипломатия внесла важный вклад в сохранение традиционно добрых чувств россиян и китайцев друг к другу, что способствовало постепенной нормализации, а затем и расцвету межгосударственного сотрудничества.

Сейчас, когда российско-китайские отношения вышли на беспрецедентно высокий уровень всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, ОРКД также активизировало свою работу, регулярно проводя разноплановые значимые мероприятия по неправительственной линии. Уверен, что и в дальнейшем ваша деятельность будет служить благородному делу укрепления общественной основы двусторонних связей, упрочения дружбы, добрососедства и сотрудничества между Россией и КНР.

Желаю вам на этом пути новых свершений и успехов», — написал в своем послании министр иностранных дел РФ С.В. Лавров.

«Дипломаты-китаисты МИД России, — говорилось в послании А.И. Денисова, высоко оценивают многолетнюю деятельность ОРКД по всемерному укреплению контактов с КНР по неправительственной линии. Показательно, что даже в самые непростые для двусторонних отношений времена Общество оставалось оплотом дружбы россиян и китайцев, объединяя в своих рядах людей, твердо убежденных в отсутствии разумной альтернативы добрососедству между двумя великими державами... В новых, благоприятных для российско-китайских отношений условиях Общество остается важным субъектом народной дипломатии, инициатором и организатором крупных значимых мероприятий, мобилизует общественное мнение в пользу развития сотрудничества с Китаем.

Уверен, что его дальнейшая деятельность будет способствовать укреплению атмосферы дружбы, добрососедства и взаимопонимания между двумя странами».

В адрес собрания поступило также приветственное послание заместителя руководителя Федерального агентства по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества), которое огласил Г.Л. Мурадов, зачитавший приветственное послание руководителя Россотрудничества К.И. Косачева.

«С момента своего создания в 1957 году Общество российско-китайской дружбы практическими делами способствовало укреплению и развитию российско-китайских общественных и культурно-гуманитарных связей, пробуждало в китайском обществе интерес к расширению взаимовыгодного и разностороннего сотрудничества между нашими государствами... Подвижническое, заинтересованное отношение к делу, высокий профессионализм членов Общества, его Председателя — директора Института Дальнего Востока академика М.Л. Титаренко и его первого заместителя Г.В. Куликовой, много лет отдавшей работе в Союзе советских обществ дружбы, направлены на утверждение в международной жизни принципов народной дипломатии, способствуют росту авторитета России в Китае, укреплению дружественных отношений между народами наших государств», — написал в своем послании К.И. Косачев.

Г.Л. Мурадов объявил о том, что Россотрудничество приняло решение «За укрепление дружбы и взаимопонимания между народами, а также вклад в формирование позитивного имиджа Российской Федерации в Китайской Народной Республике наградить медалью «За укрепление мира, дружбы и сотрудничества» председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы М.Л. Титаренко. Почетным знаком Россотрудничества «За дружбу и сотрудничество» заместителя председателя ЦП ОРКД Г.В. Куликову.

Участникам собрания было оглашено приветственное послание Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Китае С.С. Разова. «Сегодня, когда российско-китайские отношения стоят на трех «столпах»: политическом взаимодействии, экономическом партнерстве, гуманитарных обменах и неправительственных связях, играющих важную роль в укреплении социальной основы российско-китайских отношений и формирования общественного консенсуса в их поддержку, — написал С.С. Разов, — особое значение приобретает деятельность Общества российско-китайской дружбы, вносящего свою большую и важную лепту в дело углубления взаимопонимания и налаживания прямых контактов между рядовыми гражданами России и Китая».

Высокая оценка деятельности Общества российско-китайской дружбы была дана также в приветственных телеграммах, поступивших в адрес Общества российско-китайской дружбы по случаю его 55-летнего юбилея от губернатора Хабаровского края В.И. Шпорта, председателя Приморского отделения В.Л. Ларина, председателя Иркутского отделения Д.А. Авдеева, председателя Правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества М.Ф. Мудрак и председателя правления Санкт-Петербургского Общества российско-китайской дружбы А.Г. Сторожука, а также от других общественных организаций и частных лиц из России и Китая.

Тепло встретили участники собрания выступление Председателя Общества китайско-российской дружбы, почетного доктора ИДВ РАН, большого друга нашей страны Чэнь Хаосу. Чэнь Хаосу назвал Общество российско-китайской дружбы одним из активных участников народной дипломатии, надежным мостом, соединяющим различные круги российской и китайской общественности. Он подчеркнул, что на протяжении всех 55 лет своего существования в «любую погоду» межгосударственных отношений, ОРКД, независимо от своего, подчас непростого положения, всегда было и продолжает оставаться приверженцем идеалов дружбы, борцом за укрепление взаимопонимания и взаимного уважения наших народов друг к другу. По словам Чэнь Хаосу, свидетельством высокой оценки деятельности Общества российско-китайской дружбы стала встреча ви-

це-премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна с представителями Общества российско-китайской дружбы во время официального визита в Россию в конце апреля 2012 г., а также мероприятия, проведенные в Китае в октябре 2012 г. Свое выступление Председатель Чэнь Хаосу закончил выражением уверенности в том, что организации дружбы будут еще активнее сотрудничать, уделяя при этом первостепенное внимание дальнейшему сотрудничеству в гуманитарной сфере, а также межрегиональному сотрудничеству.

Завершением торжественного собрания, посвященного 55-летию ОРКД, стало выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Ли Хуэя. «За 55 лет своего существования Общество российско-китайской дружбы, несмотря на изменение международной обстановки, всегда питало искренние чувства дружбы к Китаю и китайскому народу, активно участвовало в развитии дружественных обменов между различными кругами общественности, играло незаменимую роль в деле распространения среди россиян знаний о Китае, активно участвовало в углублении традиционной дружбы, добрососедства и сотрудничества между нашими странами», — сказал Посол Ли Хуэй.

Посол подчеркнул, что в настоящее время, когда двусторонние связи между Китаем и Россией вышли на беспрецедентно высокий уровень, необходимо еще более активно опираться как на официальную, так и народную дипломатию, в целях обеспечения преемственности и продвижения всеобъемлющего партнерства между нашими странами. Посол Ли Хуэй пожелал новых дальнейших больших успехов Обществу российско-китайской дружбы, его руководителям и активистам в их благородной деятельности.

Председатель Общества российско-китайской дружбы академик М.Л. Титаренко поблагодарил всех выступавших за добрые слова и пожелания в адрес Общества российско-китайской дружбы по случаю его 55-летнего юбилея и объявил о том, что Центральное правление Общества российско-китайской дружбы приняло решение наградить ряд руководителей региональных отделений ОРКД своей высшей наградой — Почетным знаком «За заслуги в развитии российско-китайских отношений», а также Почетной грамотой ОРКД «За вклад в развитие дружбы и сотрудничества между народами России и Китая».

Почетными грамотами были удостоены также участвующие в собрании директор I Департамента Азии МИД РФ А.Б. Кулик, Председатель ОКРД Чэнь Хаосу, заместитель ответственного секретаря ОКРД Чэнь Лэй, Председатель Гонконгского Центра китайско-российских обменов Хуан Сяодун и член правления ОКРД Лион Сяо.

Закрывая торжественное собрание председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко привел слова Президента РФ В. В. Путина, опубликованные в газете «Московские новости» в канун государственного визита в Китай. «России нужен процветающий и стабильный Китай и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия...».

Активисты Общества российско-китайской дружбы, отдающие пыл своей души и свой труд делу укрепления дружбы и сотрудничества между великими народами России и Китая, глубоко убеждены в том, что только в соразвитии мы можем успешно решать вопросы будущего наших стран и народов, что позволит нашим двум странам оставаться «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами» и проводить в жизнь концепцию «навсегда друзья и никогда враги».

Во имя этих великих целей в течение 55 лет работало Общество российско-китайской дружбы, во имя этих целей мы будем трудиться и в будущем.

Научная жизнь

«Новое китаеведение» для растущего Китая

3–4 ноября 2012 г. в Пекине в Народном университете Китая состоялась Третья всемирная конференция по китаеведению, посвященная теме «Китаеведение и современный мир». Организаторами мероприятия выступили государственная Канцелярия по международному распространению китайского языка (*Ханьбань*) и Народный университет. Ключевыми вопросами стали обновление китаеведения, его адаптация к быстрому изменению роли Китая в мире, расширение участия Китая в развитии мирового китаеведения.

Первая всемирная конференция по китаеведению под девизом «Диалог цивилизаций и гармоничный мир» прошла в Народном университете весной 2007 г., тогда в центре внимания была роль китаеведения в формировании гармоничных отношений между разными цивилизациями. Эта тема была продолжена осенью 2009 г. на второй конференции «Китаеведение и контакты между культурами», поставившей акцент на поиске общего в культурных традициях Китая и Запада.

Третья конференция была посвящена связи прошлого и настоящего в изучении Китая, поиску путей будущего развития китаеведения. Организаторы форума стремились подчеркнуть преемственность традиционной синологии и современных исследований Китая (*China Studies*), а также способствовать расширению контактов между китайскими академическими кругами и зарубежным китаеведением. Было сказано и о том, что в мире происходят большие изменения, появилась новая важная тема «китайского пути» — и китаеведение должно реагировать на эти тенденции.

На конференции прозвучали идеи создания «нового китаеведения» (*синь ханьсюэ*) и «большого китаеведения» (*да ханьсюэ*). Предполагается, что «новое китаеведение» будет лучше приспособляться к переменам, у него будет больше способности к диалогу и более четкое осознание своей ответственности. «Большое китаеведение» должно выйти за пределы традиционной сферы исследований и охватить новые темы. Выступавший на церемонии открытия конференции заместитель министра образования КНР Хао Пин подчеркнул, что китаеведение призвано внести еще больший вклад в понимание современного Китая и современного мира. Он также отметил, что китаеведение стало важным каналом для углубления контактов и взаимопонимания между Китаем и мировой культурой.

По традиции этого научного форума большой конференц-зал был украшен парными надписями с цитатами из классического наследия Китая и Древней Греции, что символизирует единство духовных поисков человечества. Дополнением к фразе из древнекитайского текста «Чжоу и» «двигаться вместе со временем» (*юй ши се син*) служили слова Платона «добиваться проникновения на основании ситуации» (в китайском пере-

воде — *инь ши эр тун*). Ректор Народного университета Чэнь Юйлу в своем выступлении обратил внимание на эти цитаты, заметив, что овладение двумя *ши* — «временем» и «ситуацией» — является древней темой, которая обрела значительную важность в наши дни. Китаеведение должно соединить знания о древности и о современности, поэтому следует «изучать древность», чтобы обрести прочные устои в настоящем, «смотреть в прошлое» для познания будущего. Эти формулировки восходят к главе «Син ши» из древнего памятника «Гуань-цзы»: «Сомневающиеся в современности изучают древность, не знающие будущего смотрят в прошлое».

Главным докладчиком в первый день работы конференции стал заместитель председателя ПК ВСНП 10-го созыва Сюй Цзялу. Он подчеркнул, что развитие Китаеведения надо оценивать в глобальном контексте осмысления крупных проблем, стоящих перед «пробуждающимся» человечеством. По мнению докладчика, люди начинают осознавать, что идея всемогущества денег и техники уже исчерпала себя, требуется новое постижение отношений человека, общества и природы, а для этого нужно обратиться к наследию традиционной культуры. Китайская традиция основана на трех подходах — это конфуцианская гуманность-*жэнь* как сердцевина этики, даосское *дао* как центр космологии и буддистское понятие о причине и пустоте как основа взгляда на мироздание. Эти подходы призывают людей следовать законам природы и общества, быть уважительными и благодарными. Похожие идеи есть и в других традициях, только люди о них позабыли, и потому настало время заново оценить мудрость древних.

В контексте программы «возвращения к истокам» Сюй Цзялу отметил, что Китаеведение должно быть обращено к современности, к внешнему миру и к будущему. Во внутреннем китайском контексте речь идет о решении современных проблем и передаче людям, в особенности молодежи, знаний о китайской традиции. Внешнему миру Китаеведение нужно для изучения богатого опыта стабильной и древней китайской культуры, который может быть использован при создании новой этики человечества. Вместе с тем, Китаеведению также нужен внешний мир для того, чтобы подняться на новую высоту, внести свой вклад в обогащение мудрости Китая и всего мира.

Докладчик призвал расширять контакты с мировым Китаеведением, сочетая политику «выхода вовне» с «приглашением вовнутрь», чтобы китайские ученые, в особенности молодые, могли в течение длительного времени работать за границей, а иностранные — в Китае. Эти обмены призваны помочь развитию диалога цивилизаций на основе опыта овладения другой культурой и постижением специфики ее менталитета. Помимо этого, следует расширять практику совместной китайско-иностранной подготовки Китаеведческих кадров для Китая и для всего мира, совместного исследования проблем и создания совместных исследовательских структур. Нужно больше рассказывать иностранцам о китайской культуре для того, чтобы избавить ее от ореола «таинственности», основанного на непонимании иного.

Сходные рассуждения о миссии Китаеведения в современном мире прозвучали в выступлении бывшего ректора Народного университета Цзи Баочэна. Он заметил, что идеи сциентизма, поклонения рынку и потреблению бросают вызов исторической судьбе человечества, при этом почитание техники и пренебрежение к морали в последние два-три десятилетия проявилось и в Китае. В данной ситуации нужно обсуждать не только проблемы взаимодействия, взаимной учебы и совместного расцвета разных цивилизаций, но и вопрос о том, для чего все это нужно. Обсуждение проблем Китаеведения должно стать частью усилий представителей гуманитарных и общественных наук по решению проблем, стоящих перед всем человечеством.

Директор Института высших гуманитарных исследований при Пекинском университете Ду Вэймин напомнил об увидевшей свет в 1974 г. в журнале *Foreign Affairs* пророческой публикации американского япониста Эдвина Рейшауэра. В той статье была оспорена трактовка японского «экономического чуда» как последствия вестернизации

страны, в ней было указано на связь успеха Японии с традиционной культурной практикой коллективизма, трудолюбия, бережливости, ответственности элиты, взаимопомощи и меритократии. Однако эти ценности относились не только к Японии, но и ко всему «китайскому миру», что позволило Рейшауэру предсказать будущий экономический рост Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура. Столь же провидчески он указал, что Китай также станет процветающим, если освободится от оков плановой экономики.

Чтобы охарактеризовать специфику конфуцианской цивилизации, Ду Вэймин обратился к китайскому образу *лун*, подчеркнув, что никогда не переводит это слово как «дракон». Ученый отметил, что *лун* — это символ конфуцианского холизма, поскольку объединяет в единое целое черты многих знакомых людям животных-прототипов. Сходным образом конфуцианство делает акцент на гармонии, оно толерантно и способно уважать множественность, охватывая и соединяя различное. *Лун* символизирует всеобщее холистическое понимание гуманизма в китайской традиции, опирающееся на центральное понятие гуманности-*жэнь*.

Выступивший с откликом на этот доклад известный исследователь старшего поколения Тан Ицзе признал важность тезиса о толерантности китайской культуры. При этом он призвал более серьезно подумать над тем, каким образом Китаю следует сочетать изучение собственной исторически сформировавшейся культуры и культуры человечества. Выступающий подчеркнул важность проблемы творчества в китайской культуре, указав на примеры Конфуция и сунского неоконфуцианства, возникшего благодаря контакту с индийской культурой. По мнению ученого, ныне Китай впитывает западную культуру, благодаря этому может возникнуть новая эпоха для реализации творческого потенциала.

Руководитель Центра американских исследований Народного университета Ши Иньхун назвал свой доклад «Универсализм, партикуляризм и национализм: смысл современного Китая в современном мире». Он охарактеризовал универсализм и партикуляризм как противоположности в мировоззрении и образе мышления, отметив, что для перехода к партикуляризму требуется преодолеть заблуждение, согласно которому «всеобщее превыше всего». По мнению докладчика, большим достижением современной китайской мысли стало создание оптимальной формы партикуляризма, появившейся благодаря Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину. Китай убедительно показал всему миру, что западный вариант модернизации не является единственным. Будущее каждого народа должно опираться на его собственную историю и практику, никто не может определять его извне. При этом отторжение универсализма может быть направлено и против собственной культурной традиции — докладчик отметил, что Мао Цзэдун не только решительно отверг революционный универсализм Коминтерна, но также отказался от традиционного конфуцианского мировоззрения с его универсализмом этических норм.

В заключительной части выступления Ши Иньхун коснулся проблемы современного китайского патриотизма и национализма. В официальной форме он носит утонченный, спокойный и осторожный характер, в достаточной мере учитывает китайскую специфику. Однако его неофициальные проявления характеризуются упрощенным или слишком резким подходом к внешнему миру, частой критикой властей за «слабую политику». Докладчик подчеркнул, что вопрос о том, как рациональным образом ориентировать и направлять массы и общественное мнение, является сложным, но в условиях Китая игнорировать его нельзя.

Британский публицист, профессор Лондонской школы экономики и политических наук Мартин Жак призвал «понимать Китай, чтобы понимать мир». Раньше предпосылкой для понимания мира было постижение Запада, и Китай был вынужден принять это, прагматически сосредоточившись на учебе у Запада и адаптации к западному миру. Теперь уверенность Китая в своей уникальной природе растет, а весь мир движется к «синоцентрической эре», хотя принять ее наступление будет очень трудно для тех, кто

воспитан на универсализме западного опыта. Западу трудно думать о том, что он больше не центр мира, он плохо подготовлен к встрече с новым и сих пор пытается осмыслить Китай в своих понятиях. Однако задача XXI в. — это понимание Китая в его понятиях. Такова часть глубокой смены парадигмы, когда в глобальный дискурс возвращаются цивилизации, которые несколько столетий назад были вытеснены на обочину.

Докладчик напомнил, что американский синолог Люсьен Пай охарактеризовал Китай как «цивилизацию, которая притворяется национальным государством». По мнению Мартина Жака, национальное государство было постколониальной «смирительной рубашкой», которую приходилось надевать на себя освободившимся странам. Теперь же превращение Китая-цивилизации в глобальную державу приведет к глубокому изменению мирового порядка, при этом Китай подаст пример другим странам, что вызовет расширение процесса переосмысления собственной идентичности. Хотя, подобно США, Китаю присуще чувство универсализма, он имеет иной характер и ему не присуще миссионерское желание распространять свою силу по всему миру. Глобальное могущество Китая, в отличие от западных держав, будет основано не на политике, а на экономике и культуре. Китайское государство тесно связано с задачами поддержания развития цивилизации, поэтому понимание его роли будет отличаться от западного.

Профессор Чжан Лунси (Городской университет Гонконга) поднял тему соотношения иностранной синологии и китайского научного знания. Он упрекнул западных исследователей за невнимание к работам китайских исследователей древней культуры Китая. По мнению докладчика, отчасти это связано с негативными суждениями миссионеров, заявивших о неспособности китайцев принять христианское вероучение. Другой причиной стали события второй половины XX в.: тогда западные исследователи считали, что все научные исследования в Китае находятся под контролем властей и являются не более чем политической пропагандой. Однако в наши дни в китайских академических кругах высказываются различные взгляды, которые более не могут игнорировать зарубежные исследователи китайской культуры и истории.

По словам докладчика, общению двух научных традиций мешает психологическая или эпистемологическая предвзятость, которая была охарактеризована как «надменность общественных наук» Запада. С этой позиции источником теории может быть только Запад, тогда как научная традиция на Востоке — сплошная экзотика. Эта позиция является последствием длительного господства Запада, когда западные идеи и концепции повсеместно проникали в другие страны. Синология, понимаемая как изучение Китая с точки зрения западной общественно-научной теории, никак не связана с тем, что делают местные ученые в Китае. Чжан Лунси отметил, что предложенный западными исследователями метод «превращения в китайцев» для переживания истории изнутри решению проблемы не помогает, поскольку ограниченный опыт индивида все равно не охватывает весь исторический процесс. Точка зрения не гарантирует более качественное знание, поэтому неверно думать, что китайцы лучше знают проблему благодаря получаемому изнутри опыту, либо что иностранцы способны лучше понять вопрос извне с опорой на критическую рефлексию и более совершенные методы исследования. Докладчик призвал к объединению научных усилий китайцев и иностранцев, а также к интеграции «внутреннего» и «внешнего» знания о Китае.

На конференции работали секционные заседания — тенденции и перспективы «новой синологии», китайский путь и мировой экономический порядок, культурные различия и направление международной политики, традиционная этика и будущее человечества, переводы китайской классики и их современный смысл. Помимо этого, прошел тематический семинар «Институты Конфуция и контакты многообразных культур мира», а также встреча китайских и зарубежных лауреатов литературных премий.

В ряде докладов были затронуты проблемы российского китаеведения. Ли Минбинь (Пекинский университет) рассказал о двух редких китайских текстах, которые были

обнаружены в 1960-е гг. Б.Л. Рифтиным — «Ши тоу цзи» в Институте востоковедения в Ленинграде и «Гу ван янь» в Библиотеке Ленина в Москве. Чжан Бин (Издательство Пекинского университета) посвятила свое выступление характеристике роли Б.Л. Рифтина в развитии традиций российского китаеведения во второй половине XX в. Фань Вэньгуй (Пекинский педагогический университет) представил доклад об истории создания первых в европейской синологии очерков истории китайской литературы, в котором обратил внимание на сходство структуры книги В.П. Васильева (1880) и более ранней публикации немецкого исследователя Вильгельма Шотта (1854).

Янь Годун (Нанькайский университет) обратился к проблеме образа Китая в произведениях российских писателей XVIII в. мода на восхищение Китаем пришла в Россию с Запада, однако, в отличие от западных авторов, российские писатели не высказывали похвал в адрес цинской династии. Специфика российского образа Китая состояла в том, что идеализация культурной традиции соседней страны смешивалась с настороженными оценками политики императора Цяньлуна. Источником идеального образа Китая для России был Запад, тогда как реалистический взгляд рождался на Востоке в ходе непосредственных политических и экономических контактов с Китаем.

А.В. Лукин (Дипломатическая академия МИД РФ) представил обзор истории отечественного китаеведения с XVII в. до наших дней. Большой интерес у китайских исследователей вызвал доклад А.Д. Дикарева (ИБ РАН), рассказавшего о результатах количественного анализа материалов научной конференции «Общество и государство в Китае» за 1970–2012 гг. А.В. Ломанов (ИДВ РАН) подчеркнул, что новые лозунги наращивания китайского потенциала «мягкой силы» и строительства «могущественного культурного государства» указывают на возрастание важности изучения традиционной культуры при исследовании современного Китая.

Заметным событием в работе конференции стала специальная секция «Программа нового китаеведения Конфуция и будущее китаеведения». На ней было объявлено о широкомасштабных практических планах поддержки изучения Китая за рубежом. С основным докладом о «Программе нового китаеведения Конфуция» (*Кун-цзы синь хань-сюэ цзихуа*) выступила директор *Ханьбань* г-жа Сюй Линь. Она сообщила, что с 2007 г. в разных странах мира было создано 398 Институтов Конфуция и 526 Классов Конфуция, число «зарегистрированных учащихся» (тех, кто обучается более 3 месяцев) превысило 500 тыс. чел. Ныне перспективным направлением работы Институтов Конфуция объявлено сближение с зарубежной университетской средой и повышение уровня подготовки учащихся, выходящей за рамки сложившегося формата овладения азами китайского языка и культуры. Сюй Линь выразила надежду, что в будущем 1% обучающихся в Институтах Конфуция станет получать синологическую подготовку.

Китайская сторона заявила, что намерена через приглашение в Китай и совместную подготовку молодых китаеведов из разных стран вносить свой вклад в повышение уровня мирового китаеведения и воспитание нового поколения исследователей. Инструментом для достижения этой цели должна стать «Программа нового китаеведения Конфуция». По словам Сюй Линь, данная программа призвана «сплотить силы китаеведов всех стран», «оказать китаеведению каждой страны услуги и поддержку», укрепить ряды китаеведов, повысить влияние китаеведения и способствовать настоящему взаимному влиянию культур.

«Программа» охватывает шесть направлений. Первые два связаны с обучением в Китае иностранных докторантов. Речь идет как о пребывании в Китае в течение 1–2 лет для подготовки диссертации с ее последующей защитой и получением диплома в зарубежном университете, так и о прохождении иностранцами полного курса китайской докторантуры с получением степени в Китае. По обоим направлениям кандидаты должны подтвердить знание китайского языка, их возраст не должен превышать 40 лет. Следующие два направления работы нацелены на ознакомление иностранцев с Китаем. Подпро-

грамма «Понимание Китая» предусматривает организацию визитов зарубежных преподавателей, исследователей и пост-докторантов на срок от 2 недель до 10 месяцев. Подпрограмма «Молодые лидеры» нацелена на привлечение в страну на срок от 2 недель до 6 месяцев иностранных студентов-старшекурсников, обучающихся в магистратуре, а также лучших молодых представителей зарубежных политических, деловых и научных кругов. чтобы те могли получить личный опыт постижения китайской культуры и современного китайского общества.

Еще два направления призваны способствовать научной деятельности зарубежного китаеведения. Во-первых, китайская сторона обещает финансовую поддержку проведения международных конференций по китаеведению, при этом научные мероприятия могут проходить не только в Китае, но и в других странах — главное, чтобы они были посвящены изучению Китая в сферах гуманитарных и общественных наук. Во-вторых, речь идет о поддержке издательской деятельности зарубежных китаеведов, предусмотрена оплата расходов на публикацию научных трудов и профильных периодических изданий.

Сюй Линь сообщила, что разработка «Программы» продолжалась около двух лет, образцами служили западные структуры — Программа Фулбрайта, Фонд Эйзенхауэра, Британский совет. В силу этой же аналогии «для облегчения запоминания» новой «Программе» было присвоено имя Конфуция. Китайская сторона провела большую подготовительную работу. Для обеспечения работы по подпрограммам подготовки докторантов уже сформирован пул из 14 ведущих университетов. Они предложили около 100 тем по гуманитарным и общественным наукам, создан и сводный поименный список 800 китайских профессоров, которые могут руководить иностранными докторантами.

«Программа» вызвала заинтересованный отклик со стороны зарубежных участников конференции, которые приняли участие в ее обсуждении. Профессор Яо Синчжун из лондонского Кингс-колледжа выразил надежду, что «Программа» поможет пополнить ряды синологов с познаниями в сферах литературы и философии, число которых в Великобритании заметно сократилось, в том числе из-за перетока кадров в сферу практических исследований. Он подчеркнул, что без понимания китайской истории и философии невозможно добиться серьезных результатов в изучении экономики, внутренней и внешней политики Китая. Другие участники дискуссии заметили, что при реализации «Программы» следует больше следить за качественной стороной работы, избегая стремления к утилитарным целям в ущерб научной составляющей.

© 2013

*А. Ломанов,
доктор исторических наук*

Презентация книги Г. Киссинджера «О Китае»

18 декабря 2012 г. в Москве в информационном агентстве ИТАР-ТАСС состоялась пресс-конференция, посвященная выходу в свет русскоязычного издания книги известного американского политика и политолога Генри Киссинджера «О Китае» в переводе российского китаевода, бывшего дипломата В.Н. Верченко. Помимо автора перевода в церемонии презентации книги приняли участие представители ее издателя — ООО «Издательства Астрель», эксперты-востоковеды Института Дальнего Востока РАН, сотрудники МИД РФ и различных средств массовой информации.

Большой интерес к выпуску русской версии уже ставшей популярной на Западе и в самом Китае книги одного из крупнейших знатоков этой страны на протяжении последних 40 лет вполне объясним. Государственный деятель и дипломат, эксперт в области международной политики и идеолог американо-китайских отношений, Киссинджер занимал должность советника по национальной безопасности американских президентов Р. Никсона и Д. Форда (1969–1975) и пост государственного секретаря США (1973–1977). Один из наиболее авторитетных специалистов по современному Китаю и проблемам Азии, он в 1973 г. был удостоен Нобелевской премии мира «в знак признания заслуг в связи с перемирием во Вьетнаме».

Несмотря на его причастность к проведению политики разрядки с СССР в первой половине 1970-х гг., отношение к Киссинджеру на уровне советского официоза было скорее негативным, хотя и более мягким, чем к его «другу-конкуренту» З. Бжезинскому. Оно остается сложным и неоднозначным и в нынешней России, варьируясь в диапазоне от враждебного до уважительного. Первое обусловлено его рекомендациями о конъюнктурном использовании советско-китайских разногласий во внешнеполитических интересах США и, по мнению некоторых, чуть ли не «причастностью к развалу СССР». Второе связано с признанием аналитической глубины его теоретических трудов, нестандартности и оригинальности предлагавшихся им на практике решений некоторых международных проблем.

Даже отойдя от политической деятельности, Г. Киссинджер не утратил влияния на действия американских внешнеполитических механизмов и институтов. С ним часто консультируются, привлекая в качестве эксперта для консультаций по актуальным вопросам международной жизни. Он автор множества книг и статей по проблемам внешней политики и дипломатии, в настоящее время возглавляет международную консультационную фирму.

Новая книга Киссинджера — не только комплексное исследование китайской внешней политики с древнейших времен до наших дней, но и попытка дать ответ на вопрос, какое влияние оказала на ее формирование древняя и современная история Китая. Это своеобразное эссе с прицелом на дешифровку некоего ментального кода китайской цивилизации, определявшего на протяжении многотысячелетней истории Поднебесной, в том числе и саму эту политику.

Именуя себя «Срединным государством», Китай взирал на народы по периферии собственных границ как на своих вассалов. В то же время для отражения вторжений извне и преодоления внутренних распрей и катаклизмов китайские государственные деятели

ли выработали принципы стратегического мышления, согласно которым приоритет отдавался точности и терпеливости, а военным действиям отводилась подчиненная роль.

Уникальность книги состоит в том, что в своем исследовании автор опирается не только на документы и исторические факты, но и на собственные беседы с высшими руководителями Китая от Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина до лидеров последующих поколений, включая Цзян Цзэминя и его более молодых коллег. Используя свой богатый опыт контактов с четырьмя поколениями китайских руководителей, он раскрывает то, как их отличающиеся друг от друга взгляды влияли на судьбу современного Китая.

В своей книге Киссинджер освещает «внутреннюю кухню» китайской дипломатии в периоды таких жизненно важных событий, как первые контакты между Китаем и европейскими государствами, формирование и крушение союза с СССР, корейская война, исторический визит Р. Никсона в Пекин и три кризиса (1954, 1958 и 1995 гг.) в Тайваньском проливе.

Занимая особое положение в американо-китайских отношениях, Киссинджер прослеживает эволюцию этих проблемных, но важных взаимоотношений на протяжении последних 60 с лишним лет, которые прошли через отчуждение между двумя странами, стратегическое партнерство и экономическую взаимозависимость и имеют неясное будущее. На завершающих страницах своего труда автор анализирует гипотетические варианты их дальнейшего развития.

Неподдельный интерес к Китаю и всему, что с ним связано, стремительно растет в России на протяжении последних нескольких лет. На общечеловеческом уровне он давно уже вышел за пределы «челночных контактов», прочно захватив такие сферы, как китайская кухня, традиционная медицина с ее акупунктурой, оздоровительные методики с использованием дыхательной гимнастики «цигун» и китайского массажа, отдельные виды единоборств, развлечения и туризм. У молодого поколения заметно усилилась тяга к изучению китайского языка, проникновению в сложный мир иероглифики, а с их помощью — к основам понимания национального менталитета и психологии людей, живущих по соседству с нами в стране, граница с которой у России самая протяженная в мире.

И если по части литературы о прикладных знаниях в области практики китайского бытия ситуация у нас более или менее благополучная, то с погружением в глубины ментального мира китайцев все значительно сложнее. Особенность в том, что, как правило, это тематика специализированных научных работ ограниченной доступности.

Преимущество книги Киссинджера перед другими подобными монографиями очевидно: будучи серьезным исследованием комплексного характера, она относится к научно-популярным изданиям и является одной из тех немногих, где можно почерпнуть, как на основе расшифровки китайских стратагем выстроить прогнозы потенциальных моделей поведения правящих верхов. При этом она принадлежит перу аналитика, изначально не имевшего специальной китаеведческой подготовки и приобретшего необходимые знания в ходе практической деятельности.

Комплексный характер исследования Киссинджера определяется его жанровым многообразием. В нем удачно сочетаются философская основа, исторический фон, документальное повествование, излагаемое в хронологической последовательности, мемуаристика, политическая аналитика, элементы психоанализа. Все эти компоненты делают данную книгу ценным источником информации не только для экспертов-китаеведов, но, прежде всего, для широкого круга политиков и политологов, давая им в руки ключ к пониманию Китая и способов выстраивания отношений с ним, а также для обширной аудитории читателей, интересующихся нашим главным восточным соседом.

Каково бы ни было отношение к автору книги в нашей стране, ее издание в России, безусловно, оправдано. Во-первых, она расширяет кругозор российской читающей

публики, которая, несмотря на распространение в последнее время в ее среде английского языка в основном благодаря компьютерным технологиям и интернету, все еще недостаточно подготовлена в общей массе к тому, чтобы познакомиться с изданием в оригинале. Во-вторых, сама по себе книга является важным вкладом в китаеведение, историю, политологию, экономику, внешнюю политику и, как это ни парадоксально, в нашу национальную безопасность, поскольку приоткрывает механику анализа и принятия внешнеполитических решений в руководящих американских структурах. И, наконец, это увлекательное чтение для всех, кто интересуется проблемами внешней политики и американо-китайских отношений.

В то же время нельзя обойти молчанием ряд существенных недостатков, которых не лишено последнее из произведений Г. Киссинджера. Главный из них — очевидный субъективизм и политическая ангажированность автора, проявляющаяся в однобокой, подчас просто неверной, а порою умышленно искаженной трактовке некоторых фактов и обстоятельств. В их числе приписывание СССР чрезмерной и излишней агрессивности в отличие от США или Китая, представляемого на страницах книги невинной жертвой советского экспансионизма. Именно на таком его восприятии строится, по мнению Киссинджера, основа сближения США с КНР и их совместного подхода к международным делам. СССР выступает в книге как средоточие всего негативного, и это главное искажение исторической правды в серьезной работе американского политолога. Некоторые более мелкие огрехи также выглядят тенденциозными. Например, автор считает, что «Китай выгнал советских специалистов», хотя известно, что в начале 1960-х гг. они были отозваны по инициативе советского руководства. Имеются некоторые хронологические ошибки и другие, менее значительные неточности.

В целом, однако, следует отметить, что выпуск в России русскоязычной версии книги Г. Киссинджера «О Китае» — событие знаменательное и важное не только для наших специалистов по международным отношениям, но и для широкой читающей публики.

© 2013

*А. Давыдов,
к.и.н., заместитель главного редактора ПДВ*

Рецензии

Тихвинский С.Л. Избранные произведения: М.: Наука. 2012. Кн. 6. Дополнительная. 376 с.

Завершая рецензию на «Избранные произведения» академика С.Л. Тихвинского в 5 книгах, изданные в 2006 г., заместитель директора Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Карнеев пожелал патриарху «отечественного китаеведения, чтобы данный пятитомник, который является очень полезным и своевременным изданием, со временем пополнился его новыми работами»¹.

Сергей Леонидович успешно выполнил этот общественный наказ. В 2008 г. вышел в свет его фундаментальный труд «Восприятие в Китае образа России»². В последующие годы в научной периодике, прежде всего в журналах «Новая и новейшая история», «Международная жизнь», «Проблемы Дальнего Востока», был опубликован ряд его новых статей. Эти работы вместе с соображениями академика о подготовке десятитомной академической истории Китая и воспоминаниями о примечательных эпизодах в его богатой событиями служебной деятельности и повседневной жизни составили основу дополнительной, шестой книги «Избранных произведений» С.Л. Тихвинского.

Монография «Восприятие в Китае образа России» уже была обстоятельно представлена и рассмотрена в обзорной статье д.ф.н. В.Г. Булова и академика М.Л. Титаренко³. Тем не менее, эта работа настолько многогранна, что, пожалуй, каждый читатель найдет в ней особенно важное или интересное именно для него.

На мой взгляд, одно из главных достоинств книги в ненавязчивом, можно сказать, органичном напоминании того, что такое научная этика (думаю, данное понятие не должны дополнять какие-либо эпитеты и определения — оно самодостаточно). Сергей Леонидович выстраивает свой труд в постоянной опоре на работы коллег и учеников, обильное цитирование которых дает, используя модное ныне китайское выражение, взаимный выигрыш: цитируемые ученые получают возможность представить, пусть опосредованно, свои идеи и

изыскания более широкому кругу читателей, а автор — сам академик Тихвинский — убедительно демонстрирует достоинства научных разработок многих видных представителей своей научной школы, лишняя раз показывая, что такая школа — это, образно говоря, пирамида, а не одиночный столб. Вполне естественно, что среди наиболее часто упоминаемых — фамилии коллег Сергея Леонидовича по фундаментальному проекту документальной серии по истории «Русско-китайских отношений XVII—XX веков» и «Советско-китайских отношений 1917–1950 гг.», нередко выступавших с интересными самостоятельными публикациями. В их числе Ирина Тимофеевна Мороз, академик Владимир Степанович Мясников, Ранса Анатольевна Мировицкая, Аида Семеновна Ипатова, Наталья Юрьевна Новгородская. Академик Тихвинский обращается и к работам других известных китаеведов — Алексея Анатольевича Бокшанина, Александра Николаевича Хохлова, Алексея Дмитриевича Воскресенского, широко цитирует мемуары советских и российских дипломатов М.С. Капицы, Н.Т. Федоренко, Б.Н. Верещагина, В.Н. Федотова.

В целом можно отметить, что в книге академика Тихвинского дана обстоятельная панорама всей истории двусторонних отношений между Россией и Китаем. При этом Сергей Леонидович не следует за политической конъюнктурой и не меняет устоявшейся собственной точки зрения по ряду принципиальных вопросов. Так, Нерчинский договор 1689 г., который китайские исследователи подчас характеризуют как единственный равноправный договор цинского Китая с царской Россией, академик Тихвинский квалифицирует как навязанный России под угрозой войны (С. 20). Маньчжурская делегация на переговорах в Нерчинске доложила императору Канси об итогах переговоров следующим образом: «Земли, лежащие на северо-востоке на пространстве не-

скольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав Ваших владений» (С. 19)⁴. Соответственно, по мнению группы российских ученых, российско-китайские соглашения и договоры по проблемам территориального размежевания и установления линии границы между двумя странами, заключенные во второй половине XIX в., являются по своей сути восстановлением исторической справедливости⁵.

С.Л. Тихвинский полагает, что Китай, заключив с Россией сначала Тяньцзиньский (от 13 июля 1858 г.), а затем Пекинский (от 14 ноября 1860 г.) договоры, «фактически аннулировал Нерчинский договор, оставивший за цинским Китаем ничем не ограниченные обширные, малозаселенные местными племенами таежные пространства к северовостоку от р. Горбица» (С. 42). Академик особо подчеркивает, что договор 1860 г. «не был навязан силой оружия, а его статьи о сухопутной торговле, пограничной и консульской службах основывались на принципах взаимности и равенства сторон» (там же). При этом Сергей Леонидович отнюдь не встает на позиции защиты любых действий царской России по отношению к Китаю. Так, печально знаменитое изгнание маньчжуров и китайцев из 64 зазейских поселений в 1900 г. он совершенно справедливо характеризует как «возмутительный акт вандализма» (С. 51).

О принципиальной позиции С.Л. Тихвинского по данной проблеме, подтвержденной в рецензируемом издании, приходится вновь напоминать в связи с тем, что, к глубокому сожалению, в Китае продолжают публиковать работы, способные возбуждать у населения ирредентистские настроения. Так, в дни работы XVIII съезда КПК в книжном магазине «Синьхуа» на центральной улице Пекина Ванфузин на самом видном месте — у касс — была выставлена солидная стопка книг «Неравноправные договоры Китая в новое время»⁶. На ее обложке фигурировал целый ряд дополнительных пояснений, призванных привлечь внимание потенциального читателя, в том числе: «Вспомним 300 неравноправных договоров за 107 лет, глубоко повлиявших на Китай» (речь идет о периоде 1842–1949 гг.), «Не забывать прошлое, рассматривать историю как учителя», «Чтение, наиболее подходящее для учащихся и рядовых граждан» и, наконец, дважды повторенные для донесения главного посыла книги иероглифы «widi» — «не древность». Всего на одной странице комментария по китайско-российским отношениям (договоры в

хронологическом порядке и их суть в понимании авторов приводятся отдельно) читателю сообщают, будто всего за 6 лет — с 1858 г. по 1864 г. царская Россия отобрала у Китая 1,5 млн кв. км, будто в конце XIX в. вынашивались и реализовывались на практике планы превращения китайского Дунбэя в «Желтороссию», будто после Октябрьской революции власти Пекина упустили самое лучшее время для решения вопроса о границе с Россией и т.д.⁷

Тем не менее, смею надеяться, что в конечном счете здравый смысл возобладает, и завет Дэн Сяопина «закрыть прошлое, открыть будущее» будет исполнен в Китае в полном соответствии с его буквой и духом. Замечу попутно, что речь идет не только об отношениях Китая с Россией, но и со всем остальным миром — ведь в упомянутой выше книге даже договоры с Данией о строительстве в Китае телеграфа и сооружении водопровода на острове Гуланьюй в Сямэни также причислены к неравноправным...

Как бы то ни было, работа С.Л. Тихвинского призвана объединять, а не разъединять народы России и Китая, и в этом ее непреходящая ценность. Академик прекрасно показывает, как на различных этапах в Китае неизменно находились активные поборники сближения двух государств. Одно из этих имен имеет для меня особый смысл. Это журналист Цзоу Таофэн, бывший широко известным в 1930-е гг. (С. 99–101). Дело в том, что в период моей учебы в МГУ во второй половине 1960-х гг. в значительной мере именно по очеркам Цзоу Таофэна я и мои коллеги по учебной группе изучали китайский язык. Ксероксов тогда еще не было, и наш преподаватель В.С. Манухин переписывал статьи журналиста от руки сразу на несколько экземпляров тонкой папиросной бумаги под копирку...

Тема образа России в Китае, конечно же, не исчерпывается трудом академика Тихвинского и привлекает все новых исследователей. Например, 20 декабря 2012 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ состоялась защита диссертации Н.В. Тен «Образ России в современном Китае (1991–2010)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Весьма интересны, каждый по-своему, и остальные материалы 6-й дополнительной книги «Избранных произведений» С.Л. Тихвинского. Статья, посвященная справочно-информационному бюллетеню, издававшемуся в Шанхае в 1895–1905 гг. англичанином У. Месни, не просто вводит в научный оборот неизвестный ранее источник по истории Цинской

империи тех лет, но и подтверждает лишний раз, что для серьезного ученого мелочей не бывает: редкостная удача может подстергать его в любом из книжных развалов, как это и случилось в данном случае с Сергеем Леонидовичем (справочник был приобретен в букинистическом магазине в Дунъянь шичан — месте легендарном, но более, увы, не существующем).

Статья о нормализации российско-японских отношений особенно ценна как свидетельство очевидца о предыстории появления на свет знаменитой советско-японской Декларации от 19 октября 1956 г.

А ряд материалов проникнут уже думой о будущем — о подготовке к изданию 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», которая близка к завершению.

Немало увлекательного найдет читатель и в «ненаучном» разделе сборника трудов С.Л. Тихвинского, описывающего различные происшествия, участником которых ему довелось стать в служебных командировках или на отдыхе. Мне было приятно встретить здесь упоминание об Иване Харитоновиче Овдиенко, работавшем в 1939 г. управляющим Генеральным консульством СССР в Урумчи. В 1960-е гг. И.Х. Овдиенко возглавлял в МГУ кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран, которую мне довелось окончить.

Из множества эпизодов, описанных академиком Тихвинским, наибольший интерес у меня вызвали два. Первый — когда после описания одного из блюд предстоящей трапезы в Гуанчжоу, а именно, «битвы дракона с тигром», где роль дракона выполняет удав, а ти-

гра — кошка, попутчица Сергея Леонидовича по поездке, корреспондент газеты «Правда», пригрозила подать на него жалобу в ЦК КПСС (С. 348–349). А второй — когда японско-парикмахер, прошедший сибирские лагеря для японских военнопленных, приветствовал намеревавшегося постричься С.Л. Тихвинского «отборным лагерным матом» (С. 360).

С.Л. Тихвинский весьма скупой пишет о себе. Многие примечательные эпизоды его академической жизни не вошли в книгу, хотя и здесь есть что вспомнить. По свидетельству академика О.Т. Богомолова, бывшего в первой половине 1990-х гг. депутатом Государственной думы, после одного из докладов тогдашнего премьер-министра В.С. Черномырдина он посоветовал, что прогнозы правительства об экономической динамике не сбываются, тогда как прогнозы Института народнохозяйственного прогнозирования во главе с Ю.В. Яременко раз за разом оказываются верными. О.Т. Богомолов в шутку предложил поменять две соответствующие команды местами. Шутка не понравилась В.С. Черномырдину, по настоянию которого Президиум РАН создал комиссию по проверке деятельности возглавлявшегося академиком Богомоловым Института международных экономических и политических исследований. По мысли заказчика, проверка была призвана подвести дело к ликвидации Института. Однако возглавившему комиссию С.Л. Тихвинскому удалось подготовить позитивное заключение о деятельности ИМЭПИ и спасти его от разгона.

Пожелаем же Сергею Леонидовичу всего самого доброго.

В.Я. Портяков, доктор экономических наук

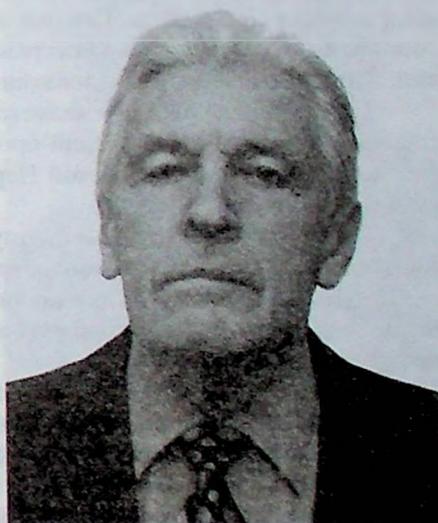
© 2013

1. Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 172.
2. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. 246 с.
3. Буров В.Г., Титаренко М.Л. Восприятие в Китае образа России (к выходу новой книги академика С.Л. Тихвинского) // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 109–114.
4. Цитируется по: Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука. ГРВЛ. 1972. Т. 2. С. 686.
5. Как подчеркивает академик В.С. Мясников, «Россия возвратила территории, утраченные ею в XVII в.» Мясников В.С. Квадратура китайского круга: Избр. ст. М., 2006. Кн. 1. С. 537.
6. Чжунго цзиньдай бу пиндэн тяюэ. Пекин, Вайцзяо чубаньшэ, 2012. 167 с.
7. Там же. С. 162.

Юбилей ученого

Леониду Моисеевичу Гудошникову — 85 лет

6 декабря 2012 г. видному ученому-китаеведу, заслуженному деятелю науки России, профессору Гудошникову Леониду Моисеевичу исполнилось 85 лет. Леонид Моисеевич является крупнейшим российским специалистом по проблемам политической системы и права современного Китая, основателем нового направления в изучении Китая — правового китаеведения. Окончив в 1950 г. юридический факультет Института внешней торговли МВТ СССР, Л.М. Гудошников поступает в аспирантуру этого института и вскоре успешно защищает кандидатскую диссертацию по проблемам организации судебного дела в Китайской Народной Республике. После этого он приступает к работе в академическом Институте государства и права, где им были написаны три монографии, множество научных статей по тематике высших и местных органов государственной власти Китая.

Уже на следующем этапе своей научной карьеры (в 1971 г. он становится доктором юридических наук) Леонид Моисеевич стремится в своей деятельности охватить не только вопросы юриспруденции, но и развития, трансформации политической системы, формационных изменений в китайском обществе. Большое подспорье ему оказал и неоценимый опыт, приобретенный за годы работы в Московском государственном институте международных отношений в качестве преподавателя. За пять лет, что были отданы воспитанию и обучению будущих дипломатов, Л.М. Гудошников принял участие в написании двух монографий, им было опубликовано множество статей, подготовлено большое количество учебных и методических пособий. Постепенно приходит понимание и все большая уверенность в правоте той мысли, что политико-юридические исследования неизбежно включают в себя более углубленное изучение правовых инструментов политики, всей организации политической системы КНР. Именно всесторонняя и масштабная научная работа над общими проблемами государства и права приводят Л.М. Гудошникову в 1974 г. в Институт Дальнего Востока, где он возглавляет сначала сектор, а потом и отдел.

Можно сказать, что некоторые теории, ставшие известными многим советским и российским ученым из учебников, по сути дела создавались и применялись на практике

Л.М. Гудошниковым и его коллегами — правоведами, историками, политологами. Именно методы современного институционализма, компаративистики, системности стали базовыми при изучении вопросов политико-правовой системы КНР, а затем и Тайваня.

При непосредственном участии Леонида Моисеевича и под его руководством подготовлено множество монографий и сборников — в частности, «Политический механизм Китайской Народной Республики», «Китай после “культурной революции” (политическая система, внутривластная ситуация)», «Политическая структура КНР (1949–1982)», «Основные законы и постановления Китайской Народной Республики (1971–1981 гг.)», «Китайская Народная Республика. Законодательные акты», «Современное право в КНР», «Государственный строй Китайской Народной Республики», «Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти)», «Правовые аспекты модернизации КНР (экономика и научно-технический прогресс)», «Политическая система Тайваня», «Многопартийность на Тайване», «Эволюция властных структур Китая», «Как управляется Китай» (2 издания), «Политическая система и право КНР в процессе реформ», справочник «Сянган».

Кроме того, он является автором или соавтором ряда учебников, аналитических и справочных материалов. Некоторые монографии, брошюры и научные статьи Л.М. Гудошникова переведены на иностранные языки и изданы в Польше, США, Индии, Италии, Китае, Германии, Чехословакии и других странах.

Леонид Моисеевич является одним из основателей, авторов и составителей справочно-аналитических серий брошюр под названием «Современный Тайвань», «Новое законодательство Китайской Народной Республики», издаваемых Институтом Дальнего Востока.

Всего им подготовлено и опубликовано около 350 научных работ, в т.ч. монографии, брошюры, статьи, научные доклады, рецензии и т.д.

Научные конференции по внутренней политике и праву современного Китая, которые начали проводиться под руководством Леонида Моисеевича в 1970-х гг., ежегодно проходят до сих пор.

За долгие годы плодотворной научной деятельности под руководством Леонида Моисеевича получили подготовку много аспирантов и соискателей, защитивших диссертации на соискание кандидатской и докторской ученых степеней, которые успешно трудятся в академических институтах и практических организациях.

В течение многих лет Леонид Моисеевич был членом Ученого совета ИДВ РАН и МГИМО и редколлегии ежегодных изданий ИДВ «КНР: политика, экономика, культура». Он является членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». Несколько лет (1986–1990 гг.) Леонид Моисеевич достойно представлял китаеведение России за рубежом в качестве вице-президента Европейской ассоциации китаеведения.

Л.М. Гудошников — редкий, а потому особенно ценный представитель настоящей отечественной интеллигенции. Его отличают прекрасные человеческие качества — порядочность, скромность, принципиальность, доброжелательность, за что он заслуженно пользуется глубоким уважением коллег.

Долгие годы жизни Вам, уважаемый Леонид Моисеевич! Творческих успехов, благодарных учеников и верных товарищей и коллег!

*Дирекция, общественные организации и сотрудники Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Виктору Николаевичу Усову — 70 лет

Известный российский китаевед-историк В.Н. Усов родился 5 января 1943 г. в Москве. С 1956 г. учился в школе-интернате № 14 (ныне лицей № 1535), где впервые по инициативе Н.С. Хрущева стали изучать китайский язык. В дальнейшем это и определило его профессиональный выбор. В 1961 г. В. Усов поступил на историческое отделение Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ. В феврале 1966 г. выехал на стажировку в Китай, где через три месяца оказался в кипящем котле «культурной революции».

В 1967 г. окончил институт по специальности историк-востоковед, референт-переводчик и пришел работать в Институт Дальнего Востока АН СССР, где прошел путь от стажера-исследователя, заочного аспиранта до главного научного сотрудника и руководителя Центра. В 1974, 1986, 1989 гг. проходил языковые и научные стажировки в КНР. Стажировался в Сингапурском государственном университете. В 1974 г. защитил кандидатскую, а в 1998 г. — докторскую диссертации, которые были посвящены анализу сложного пути развития Китая в 1960-е гг.

В.Н. Усов — один из ведущих российских специалистов в области новейшей истории Китая, КПК и КНР. Им опубликовано 12 монографий, в том числе: «КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.)». (М., 1998, Ч. 1-2.) — одна из первых в российском китаеведении работ, посвященных исследованию этого периода, выполнена на базе уникального, ранее неизвестного документального материала; «Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века». (1-е изд. М., 2002., 2-е испр. и расширенное — М., 2011) переведена на китайский язык и издана в Пекине в 2007 г., «Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века». (М., 2007) явилась продолжением этой серии. Эта работа — первое в России исследование о деятельности советской внешней разведки в лице сотрудников Коминтерна, ГРУ и ОГПУ на широком историческом фоне Китая того времени; «КНР от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.)». М., 2003 г. — на основе зарубежных и прежде всего китайских материалов и документов, часть из которых впервые введена в научный оборот, анализируется процесс борьбы с последствиями «культурной революции», политические и идеологические изменения в КНР и поиск пути развития Китая после смерти Мао Цзэдуна; «Китайский Берия Кан Шэи» (М., 2004); «Дэн Сяопин и его время». (М., 2009) — наиболее полное оригинальное исследование биографии выдающего политического деятеля Китая.

В.Н. Усовым опубликовано около трехсот научных статей в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Новое время», «Азия и Африка сегодня», а также в КНР и на

Тайване, в научных и популярных периодических изданиях Франции, Болгарии, Польши, Сингапура, Чехословакии, посвященные различным периодам истории Китая. Перу В. Н. Усова принадлежат и переводы на русский язык китайской историко-мемуарной литературы, в том числе воспоминаний маршала Пэн Дэхуая. Он также является автором первого в России учебного пособия «История КНР» (В 2-х т. М., 2006).

Его диапазон научных исследований весьма широк и разнообразен. Это и изучение зарубежной, китайской историографии, выявление новых архивных документов, материалов в области новейшей истории Китая и их анализ. Свою научную деятельность В.Н. Усов успешно сочетает с участием в коллективных работах по истории КПК и КНР, подготовленных в ИДВ РАН. Он один из основных авторов и ответственный редактор 4-го тома 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». (М., 2009), основной автор и ответственный редактор тома «История КНР. 1949–1976» 10-томной истории Китая, издаваемой под общей редакцией академика С.Л. Тихвинского. В настоящее время В. Н. Усов признанный специалист по проблемам новейшей истории Китая. Его имя хорошо известно не только в КНР. Он неоднократно участвовал в работе международных конференций в России, КНР, Польше, Венгрии.

Неутомимый труженик и популяризатор китайской культуры и языка В.Н. Усов организовал и возглавил курсы китайского языка при ИДВ РАН и Институте практического востоковедения, которые успешно работают уже несколько лет. Он — организатор цикла лекций по российско-китайским отношениям, внешней политике России на Дальнем Востоке, член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», член правления Международной ассоциации по изучению Ицзина.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала, друзья и коллеги поздравляют юбиляра и желают Виктору Николаевичу крепкого здоровья и творческого долголетия, любви и заботы родных и близких друзей.

Contents

POLITICS

Ya. Berger. Results of the XVIII Congress of CPC: Continuity and Renovation

S. Uyanaev. Russia — India — China: the 12th Tripartite Scientific Conference

P. Moziyas. Maritime Activities in China: Economic and Geopolitical Issues

I. Gordeeva. Territorial Dispute over Senkaku (Diaoyu) Islands

ECONOMY

Diao Xiuhua. The Situation and Prospects of Economic Cooperation between Russia and China

V. Mazyrin. Current Problems of Economic Development of the ASEAN Countries

V. Balakin. Geopolitical Background of the Russian-Chinese Investment Cooperation in Central Asia

D. Senina. The Collapse of "Bubble" Economy and Anti-crisis Measures of the Government and Bank of Japan (1980's – 1990's)

THE RUSSIAN FAR EAST

S. Mishchuk. The Impact of Foreign Labour on Socio-Economic Development of the Russian Far East (mid XIX — early XXI)

THEORY AND METHODOLOGY

Yu Keping, F. Fukuyama. Globalization, Modern World and Chinese Model of Development

HISTORY

A. Voronin, E. Glazunov. The Difficult Road to Victory and Peace. (On the 40th Anniversary of the Signing of the Paris Agreement on Ending the War and Restoring Peace in Vietnam)

Yu. Vanin. Early History of the Korean Workers' Party (Based on the Russian Archives)

M. Krotova. Soviet Presence on the Chinese Eastern Railroad (CER) (1924–1935)

CULTURE

S. Toroptsev. Chinese Writer Mo Yan – 2012 Nobel Prize Winner

EDUCATION

Sun Lei. "Debate" as a Tool for Personal Trait of Chinese High School Students

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

G. Kulikova. The 55th Anniversary of The Russian-Chinese Friendship Society

SCIENTIFIC EVENTS

A. Lomanov. "New Sinology" for Growing China

A. Davydov. The Book "On China" by H. Kissinger Published in Russia

BOOK REVIEW

V. Portyakov. Selected Works by S. Tikhvinsky. Volume 6. Additional

SCHOLAR JUBILEE

Leonid Moiseevich Gudoshnikov — 85 years

Viktor Nikolayevich Usov – 70 years

Summary

Ya. Berger. Results of the XVIII Congress of CPC: Continuity and Renovation

The initial steps of the new CPC leadership are aimed at strengthening its authority and preparation for reforms designated to solve complicated social and economic problems. The hardships and challenges hindering the development, and the necessity to change its paradigm are considered. There is a need for mitigation of social injustice that requires not only changes in the distribution of income, but also the transformation of social structure of the society. Considerable attention is paid to the importance and prospects of political reform. The discussion of foreign policy emphasizes that its formation has been influenced by mixed assessments of challenges and threats to long-term goals of China.

Key words: Chinese Communist Party, Congress, national recovery, development, social differentiation, party leadership, corruption, constitution, foreign policy.

S. Uyanaev. Russia — India — China: the 12th Tripartite Scientific Conference

The article provides a brief background of tripartite conferences of political scientists of Russia, India and China, notes the importance of these forums. Detailed consideration was given to the main issues that were on the addenda of regular, 12th meeting of scholars, that was held late in 2012 in New Delhi. A few conclusions about the prospects of Russian – Indian – Chinese cooperation in the RIC format were also made.

Key words: tripartite interaction, conference, the foreign policy coordination, RIC, BRICS, sectoral cooperation, education, protection of the environment.

P. Mozas. Maritime Activities in China: Economic and Geopolitical Issues

The interaction of economic and political factors behind the strengthening of maritime activities in China is under consideration. Trends in the main sectors of the maritime economy of the PRC (port facilities, shipping, shipbuilding, fisheries and aquaculture, offshore oil and gas) have been examined. The dynamics of maritime territorial disputes, which involve China, was analyzed. It is shown that the maritime sector is one of the important areas of conflict of interest in the circuit of Sino-US rivalry.

Key words: maritime activities, the disputed islands, geopolitical rivalry.

I. Gordeeva. Territorial Dispute over Senkaku (Diaoyu) Islands

The article deals with the territorial dispute between Japan and China over Senkaku (Diaoyu) Islands, which led to a serious deterioration in relations between the two countries. The key positions of the parties on the issue, based on official documents, as well as the view of the United States are discussed.

Key words: the Senkaku (Diaoyu) Islands, Japan, China, Taiwan, USA.

Diao Xiuhua. The Situation and Prospects of Economic Cooperation between Russia and China

The author analyzes the situation of Sino-Russian economic cooperation and its existing problems. Special attention is paid to factors conducive to its development.

Key words: Russia, China, economic cooperation, cross-border trade, the favorable factors of interaction, the structure of trade.

V. Mazyrin. Current Problems of Economic Development of ACEAN Countries

Current situation and prospects for the ACEAN countries economies are closely linked to the global financial crisis. The path to a stable and sustainable growth lays through greater integration and restructuring, reducing dependence on the world economy centers.

Key words: anti-crisis measures, integration in Southeast Asia, restructuring, the problems of domestic demand.

V. Balakin. Geopolitical Background of the Russian-Chinese Investment Cooperation in Central Asia

China has long considered the region of Central Asia as a sphere of its exceptional interest and could hardly accept today the US efforts to arrange their permanent presence there. So it seems reasonable for experts to consider gradual development there of Russian-Chinese economic cooperation, including long-term comprehensive development of large regional investment projects, as very real possibility.

Key words: SCO, "Nabucco", geopolitics, Russian-Chinese relations, investment projects.

D. Senina. The Collapse of "Bubble" Economy and Anti-crisis Measures of the Government and Bank of Japan (1980's–1990's)

The article analyzes the causes and effects in Japan of the financial crisis of 1980–1990s, which affected not only the economy, but the entire social life of the country, bringing it to a radical reform of domestic financial system. Monetary policy of the Bank of Japan and political circumstances surrounding the financial reform are discussed.

Key words: monetary policy, interest rate, crisis, securities, insurance company, credit, mortgage, Japan.

S. Mishchuk. The Impact of Foreign Labour on Socio-Economic Development of the Russian Far East (mid XIX – early XXI)

The article analyzes the dynamics of attracting foreign labour in the Russian Far East during the period mid XIX – early XXI. The results of comparative analysis of the quantitative and qualitative impact of immigrants on social and economic development of the territory in pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods are given. The author describes the reasons for bringing the labour from neighboring Asian countries to the Russian Far East and their role in its development.

Key words: Russian Far East, migration policy, demographic expansion, foreign labour, Korean migration, Chinese migration.

A. Voronin, E. Glazunov. The Difficult Road to Victory and Peace (On the 40th Anniversary of the Signing of Paris Agreement on Ending the War and Restoring Peace in Vietnam)

Nearly five years lasted the Vietnam — US negotiations on the Vietnamese settlement. On January 27, 1973 the Agreement on Ending the War and Restoring Peace in Vietnam was signed. USA had to stop a war of aggression, recognize the fundamental rights of the Vietnamese people for freedom, independence and unity of the country. The agreement paved the way for the final victory of the Vietnamese people and for the reunification of the country.

Key words: Vietnam, US aggression, the Paris negotiations, the Agreement on Ending the War and Restoring Peace in Vietnam.

Yu. Vanin. Early History of the Korean Worker's Party (Based on the Russian Archives)

The author looks at the situation in Korean communist movement after the liberation of Korea in August 1945, along with the process of formation of the ruling North Korean Worker's Party. The study is based on materials from Russian archives, originally brought up to the academic limelight.

Key words: Korea, Korean Worker's Party, the communist Party of North Korea, Kim Il-sung, Pak Hon-yong, Office of Soviet civil administration in Korea.

M. Krotova. Soviet Presence on the Chinese Eastern Railroad (CER) (1924–1935)

The joint Soviet-Chinese management of CER in 1924–1935 provided possibility to expand the Soviet economic and political influence in Northern Manchuria. The main agents of Soviet influence on the CER were party cells, trade union cells, Young Communist League and Pioneer organizations, railroad clubs and schools, pro-Soviet press. However with significant financial and administrative resources, the Soviet managers of CER were largely dependent on Moscow leadership and international situation.

Key words: CER, Manchuria, China, the Soviet-Chinese management, Soviet influence in Northern Manchuria.

S. Toroptsev. Chinese Writer Mo Yan — 2012 Nobel Prize Winner

Chinese writer Mo Yan, whose “hallucinatory realism merges folk tales, history and the contemporary”, was awarded the Nobel Prize in Literature for 2012. Some time in the past the work by Mo Yan were banned in China, but now he is one of the most popular writers in the country, whose books circulated in large editions. His novels have been translated into many languages, including Russian.

Key words: Mo Yan, China, literature, Nobel Prize.

Sun Lei. “Debate” as a Tool for Personal Trait of Chinese High School Students

The article proves the relevance of usage “debates” as a role play in Chinese higher education.

Key words: educational technology, personal potential, critical thinking, motivation to learn.

Евгений Александрович Серебряков 06.10.1928–04.01.2013

4 января 2013 г. скончался один из крупнейших исследователей китайской литературы, доктор филологических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Евгений Александрович Серебряков.

Е.А. Серебряков родился в Ленинграде 6 октября 1928 г. В 1950 г. с отличием окончил отделение китайской филологии Восточного факультета ЛГУ, где ему посчастливилось учиться у академика В.М. Алексеева. Зимой 1946–1947 гг. в СССР приехал китайский писатель Мао Дунь, которого В.М. Алексеев пригласил на встречу с преподавателями и студентами кафедры. Эта встреча, вызвавшая огромный интерес, не прошла даром — десять лет спустя Е.А. Серебряков переведет повесть Мао Дуня «Колебания».

В 1951 г. Е.А. Серебряков начал преподавание в университете. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную великому поэту Ду Фу (712–770); в 1973 г. стал доктором филологических наук, в 1974 г. — профессором. В 1960 г. он был назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой китайской филологии ЛГУ, а в 1961 г. был избран на эту должность по конкурсу. Под руководством Е.А. Серебрякова кафедра расширилась и помимо китайского отделения стала включать отделения корейской филологии и Юго-Восточной Азии, где изучаются вьетнамский, бирманский, индонезийский, кхмерский, тайский и другие языки. Кафедра стала кузницей научных кадров советского и российского Китаеведения, в чем несомненно заслуга Е.А. Серебрякова, создавшего благоприятный психологический климат и атмосферу подлинного научного энтузиазма.

Перу Е.А. Серебрякова принадлежат 136 научных работ и переводов, включая пять монографий. Его публикации внесли значительный вклад в изучение литературоведческих проблем соответствующих периодов китайской литературы.

Основной сферой его научных интересов была китайская классическая поэзия. Большую часть научных изысканий, в том числе докторскую диссертацию, Евгений Александрович посвятил поэзии эпохи Сун (X—XIII в.). Его монография «Лу Ю (1125–1210). Жизнь и творчество» (1973) впервые в мировой науке обстоятельно и всесторонне охарактеризовала одного из классиков китайской поэзии, оставившего огромное литературное наследие.

Важным направлением научной деятельности Е.А. Серебрякова стало изучение средневековых путевых дневников поэтов династии Сун — Лу Ю (1968), Оуян Сю (1973) и Фань Чэнда (2004).

Серьезное внимание Е. А. Серебряков уделял роли русской литературы в духовной жизни и художественном процессе Китая и литературным связям двух стран («Гоголь в Китае» (1988), «Чехов в Китае» (2005) и др.).

В СПбГУ Е.А. Серебряков читал курс по истории литературы Китая, а также спецкурсы «Поэтика китайского классического стиха», «Теория и практика перевода китайской классической поэзии на русский язык», «Влияние мифологии древнего Китая на классическую литературу», «Тематическое и художественное своеобразие поэзии эпох Тан и Сун». В энциклопедии «Духовная культура Китая», удостоенной Государственной премии РФ, ему принадлежит статья «Классическая китайская поэзия», а также 10 статей об отдельных поэтах (Т. 3, 2008).

Евгений Александрович являлся руководителем оргкомитета традиционной международной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока».

Е.А. Серебряков награжден тремя государственными орденами — «Знак Почета» (1976), «Трудового Красного Знамени» (1986) и Дружбы (1999). В 2007 г. Союз китайских писателей удостоил его почетного диплома «За выдающиеся достижения в переводе, изучении и распространении китайской литературы».

Возглавляя на протяжении 37 лет кафедру китайской филологии Восточного факультета СПбГУ, Евгений Александрович вырастил многие поколения петербургских китаистов, до последних дней осуществлял руководство аспирантами.

Ученики и коллеги Е.А. Серебрякова сохраняют светлую память о нем как замечательном наставнике, мудром, тактичном, скромном и добром человеке.

*Дирекция Института Дальнего Востока РАН
Редакция и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.12.2012 г. Подписано к печати 23.01.2013 г. Формат бумаги 70x100 1/6
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 543 экз. Зак. 905

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2013 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений и ключевыми словами на русском и английском языках (около 600 знаков).
3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде в формате Microsoft Office Word или в формате RTF.
4. К статье должны быть приложены сведения о месте работы, должности и ученой степени автора, номер телефона и/или адрес электронной почты.
5. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
6. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
7. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернет
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.
Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.